

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

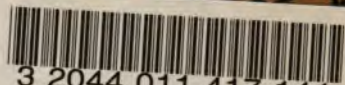
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 011 417 144

OTTO HARRASSOWITZ
LIBRARY AGENT
LEIPZIG

Slav 1255.30

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

FRANCIS BROWN HAYES

(Class of 1839)

This fund is \$10,000 and its income is to be used
"For the purchase of books for the Library"

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА

Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

Томъ I.

MÜNCHEN 1904

VERLAG DR. J. MARCHLEWSKI & CO.

Д. И. Завалишинъ
въ дѣтствѣ.

Д. И. Завалишинъ
на морской службѣ.

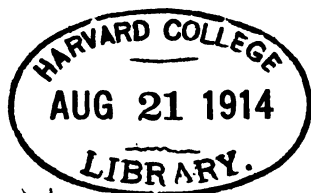
ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА

Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

MÜNCHEN 1904
VERLAG DR. J. MARCHLEWSKI & CO.

Slav 1255,30

Hayes fund
(2 vol.)

Vom Manuskript gedruckt.
Alle Rechte vorbehalten.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

У меня были написаны записки, объясняющія причины, которыя побудили меня принять участіе въ политическомъ движеніи, приведшемъ къ событіямъ 14-го декабря 1825 г., и содержащія правдивую исторію и тайныхъ обществъ, и «скаемата» въ Сибири, гдѣ содержались главные участники ихъ, и гдѣ все происходившее такъ много способствовало къ разъясненію тѣхъ идей и побужденій, которыя привели къ образованію тайныхъ обществъ и тѣхъ дѣйствій ихъ, которыя и до сихъ поръ не имѣютъ правильнаго объясненія. Я тѣмъ болѣе считалъ себя обязаннымъ написать эти записки, что по особеннымъ обстоятельствамъ, въ запискахъ, впрочемъ, объясненнымъ, я имѣлъ возможность и лучше и полнѣе знать все. Но я вынужденъ былъ въслѣдствіи сжечь эти записки по случаю настоящихъ покушеній противъ моей личности, окончившихся насильственнымъ перемѣщеніемъ меня въ Москву. Я сжегъ ихъ, впрочемъ, не потому, чтобы боялся ответственности за содержаніе ихъ. Напротивъ, я былъ вполне увѣренъ, что ничто не въ состояніи было бы принести такой несомнѣнной пользы всѣмъ сторонамъ и партіямъ, какъ полное опубликованіе ихъ, но я счелъ себя обязаннымъ

сжечь ихъ потому, что не зная, въ какія руки онѣ попадутся. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онѣ попались въ руки людей пристрастныхъ, которые бы сдѣлали изъ нихъ только одностороннее употребленіе, огласивъ по выбору одно и, въ то же время, скрывъ другое, что объясняло и оправдывало первое, то это могло бы и дать ложное представленіе о событіяхъ, и повредить лицамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были еще живы, — и тогда стало бы сдѣлано было бы изъ моихъ записокъ вредное употребленіе, чего, конечно, я допустить не могъ. По прибытіи же моемъ въ Москву, вслѣдствіе вопросовъ, естественно предлагавшихся мнѣ и по моему положенію, и по участию въ событіяхъ, изложенныхъ мною въ запискахъ, всѣ, кто узнавалъ объ истребленіи ихъ, а между тѣмъ слышалъ отъ меня содержащіяся въ нихъ объясненія многихъ вещей, которыя и до сихъ поръ остаются необъяснимыми, очень сожалѣли (въ томъ числѣ и покойный митрополитъ), что обстоятельства не дозволили мнѣ сохранить эти записки, и считали необходимымъ для правды исторіи возобновить ихъ, пока содержаніе не изгладилось изъ моей памяти. Это и понуждаетъ теперь меня начать снова писать ихъ, и именно въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были написаны, ничего не измѣнить въ нихъ, а развѣ только дополнить ихъ кой-гдѣ новыми примѣчаніями. Но такъ какъ я, конечно, не могу знать, на сколько буду имѣть время и возможность возобновить всѣ записки въ полнотѣ, то и считаю теперь болѣе нужнымъ, начать со второй части, въ которой объясняется преимущественно ходъ вещей, приведшій къ событіямъ 14-го декабря 1825 года.

Автору удалось возобновить и первую часть свѣтъ. Въ предлагаемомъ изданіи она печатается въ томъ видѣ, какъ она найдена была въ бумагахъ автора. Ниже слѣдуютъ краткія біогр. свѣдѣнія объ авторѣ, взятые изъ статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, а въ приложеніи ко второму тому помѣщенъ списокъ статей автора, написанныхъ имъ послѣ освобожденія.

Завалишинъ (Дмитр. Ирнарх., 1804—1892) — извѣстный декабристъ, учился въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, путемъ самообразованія пріобрѣлъ обширныя познанія по различнымъ отраслямъ науки; уже 17 лѣтъ отъ роду состоялъ въ Морскомъ корпусѣ преподавателемъ астрономіи, высшей математики, механики, высшей теоріи морского искусства, морской тактики и пр. Въ 1822 г. З. отправился съ Лазаревымъ въ кругосвѣтное плаваніе и изъ Англій написалъ государю письмо, въ которомъ смѣло указывалъ на извращеніе въ практикѣ Веронскаго конгресса идей священнаго союза. Письмо это произвело на государя сильное впечатлѣніе, и З. повелѣно было немедленно вернуться изъ Америки черезъ Сибирь въ Спб.; но когда онъ прибылъ въ столицу, послѣдняя постигнута была наводненіемъ, вслѣдствіе чего личное свиданіе государя съ З. не состоялось, и письмо его было передано на обсужденіе особаго комитета, образованнаго подъ предсѣдат. Аракчеева изъ Шишкова, гр. Мордвинова и гр. Нессельроде. Въ этотъ же комитетъ поступилъ и составленный З. проектъ для преобразованія русско-американскихъ колоній, къ которымъ, по мысли З., должна была быть присоединена и часть Калифорніи, — а также просьба З. о разрѣшеніи ему, хотя бы и негласномъ, учредить «Орденъ Возстановленія», уставъ

котораго онъ представилъ. По послѣднему вопросу З. было передано, что Государь находитъ идею этого общества увлекательной, но неудобноисполнимой; въ то же время ему дано было понять, что формально ему не запрещается учреждать этотъ орденъ. «Орд. Возст.» и былъ имъ тайно учрежденъ, но съ измѣненіемъ его устава въ республиканскомъ духѣ. Это было международное общество полумистическаго характера, облеченное всѣми атрибутами масонства и задавшееся цѣлью личнымъ примѣромъ своихъ членовъ содѣйствовать поднятію нравственности и бороться со зломъ всѣми законными средствами. Въ 1824 г. Рыльевъ привлекъ З. къ участию въ «Сѣв. тайномъ обществѣ», которое послало его для изслѣдованій въ Казанскую губ.; тамъ онъ, вслѣдъ за событіями 14 декабря, и былъ арестованъ.

Вмѣстѣ съ другими участниками возстанія 14-го декабря Завалишинъ былъ сосланъ въ Сибирь. Подробное описаніе жизни и дѣятельности его въ Сибири находится въ «Запискахъ Декабриста».

По возвращеніи въ Россію въ 1863 г., Завалишинъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и продолжалъ свою литературную дѣятельность, начатую еще въ Сибири, состоя сотрудиномъ нѣсколькихъ газетъ и журналовъ, и въ то же время много работалъ по вопросамъ воспитанія и образованія, будучи членомъ-учредителемъ общества «Воспитательницъ и Учительницъ» и принимая живое участіе въ устройствѣ и развитіи всякихъ школъ, ученыхъ обществъ и другихъ образовательныхъ учреждений.

Завалишинъ скончался на 89-томъ году жизни, 5-го февраля 1892 года.

I.

Я родился 13 Юня*) въ Астрахани, именно въ то время, когда отецъ мой былъ въ самомъ апогеѣ своего значенія и довѣрія. Онъ былъ не только главнымъ военнымъ начальникомъ въ Астрахани и инспекторомъ всей кавказской инспекціи отъ Каспійскаго моря до Чернаго и, по особому довѣрію Государя, покровителемъ всѣхъ торговыхъ людей и организаторомъ быта и управленія калмыковъ. Ему не было еще и 30 лѣтъ, когда онъ былъ уже генераломъ, шефомъ полка, называвшагося по его имени и пр., а въ эпоху моего рожденія имѣлъ уже и орденъ Анны 1-й степени, что все было тогда большою рѣдкостью. Уваженіе, которымъ пользовался покойный отецъ, не относилось впрочемъ нисколько къ его чину и мѣсту, которое

*) Я не могъ отыскать официальныхъ документовъ относительно года своего рожденія, но, основываясь на томъ, какъ всегда повторялось въ семействѣ, это было въ 1804 году. По письму матери къ бабушкѣ, я родился въ Духовъ день, 13 Юня 1804 г.

Впослѣдствіи, послѣ написанія этихъ записокъ, въ написанныхъ фамильныхъ бумагахъ я отыскалъ записку священника, что я родился въ 1804 г. Это вполне согласно и съ свидѣніемъ, переданнымъ мнѣ бабушкою моею, матушкою отца моего, Екатериною Федоровною, при проѣздѣ моемъ въ Казани въ 1824 году, что я родился съ Троицына на Духовъ день, а Троицынъ день былъ 12 Юня въ 1804 году.

онъ занималъ. Всѣмъ было извѣстно, что заслуги его всегда были выше наградъ, что всѣ чины получилъ онъ въ боевой службѣ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ и уваженіемъ Суворова, въ полку котораго онъ служилъ и временно даже командовалъ.*) Мать моя, Марья Никитична, уроженная Черняева,**) была, по общему свидѣтельству, женщина рѣдкихъ качествъ, какъ свидѣтельствовавъ о томъ и главнокомандующій Кавказскимъ краемъ, К. Циціановъ, который, убѣждая отца моего взять на себя устройство и управление Грузіи, писалъ, что при этомъ онъ возлагаетъ большія надежды и на «извѣстныя рѣдкія качества» его супруги, которую считаетъ, болѣе нежели кого-нибудь, способною ввести цивилизацію въ полудикое общество Тифлиса и направить развитіе по правильному пути.

Мать моя воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, считавшемся тогда лучшимъ заведеніемъ для воспитанія дѣвицъ, въ которомъ воспитывалась дочь Суворова и вообще дочери аристократовъ.

Все это, конечно, было отчасти причиною, что крестины мои сопровождались, какъ говорятъ, особенно торжественностію. Меня крестили въ знаменной залѣ, подъ знаменами, въ присутствіи архіерея, значительныхъ лицъ въ городѣ и депутацій отъ разныхъ народовъ: персіанъ, индѣйцевъ, киргизовъ, калмыковъ и пр.***) Воспріемниками были за-

*) Затѣмъ былъ шефомъ Таврическаго Гренадерскаго полка, потомъ шефомъ полка своего имени.

***) Родная сестра Григорія Никитича, отца извѣстнаго Михаила Григорьевича.

***) Все это подтвердилъ мнѣ при свиданіи со мною генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Броневскій, который, какъ онъ говорилъ, былъ въ тотъ день ординарцемъ у отца.

очно кн. Тенишевъ съ Марьею Сергѣевною Власовой, другомъ семейства матери, и гражданскій губернаторъ Всеволожскій съ княжною Тенишевой.

Мнѣ всегда твердили въ семействѣ о какихъ-то предвѣщаніяхъ, относящихся къ какой-то блестящей будто-бы будущности. Одно изъ предсказаній было сдѣлано какимъ-то френологомъ.*) Можетъ быть, это и имѣло въ послѣдствіи нѣкоторое вліяніе на мое мистическое направленіе, только вотъ что странно: сколько помню себя, я былъ всегда вполне равнодушенъ къ тому блеску и величію, въ какомъ видѣ представляли себѣ ихъ говорившіе мнѣ о всѣхъ знаменіяхъ и предсказаніяхъ, и, хотя и я вѣрилъ въ свое предназначеніе къ чему-то, но отыскивалъ его въ чемъ-то другомъ, а не во внѣшнихъ видахъ и дѣйствіяхъ. Говорятъ, что я былъ всегда серьезнымъ, никогда самъ по себѣ не игралъ и даже не имѣлъ игрушекъ, но въ то же время былъ всегда пріятливъ и ласковъ со всѣми другими дѣтьми и всегда игралъ съ ними, когда надобно было ихъ занять. Я никогда не помню, чтобы я былъ на рукахъ кормилицы или няньки. Изъ всѣхъ дѣтей своихъ мать моя только одного меня сама кормила грудью, и еще до трехъ лѣтъ я поступилъ уже на руки дядьки. Это былъ простой, честный человекъ, который, по отправленіи меня въ корпусъ, поступилъ на службу и дослужился до офицерскаго чина. Говорятъ, что я съ трехлѣтняго возраста началъ уже просить, чтобы меня учили грамотѣ, но такъ какъ всѣ говорили, что еще рано, то я выучился ей самъ безъ всякой посторонней помощи, по

*) Еще въ 1863 году сестра писала мнѣ, что очевидно, что провидѣніе неисповѣдимыми судьбами ведетъ меня къ какой-то особенной цѣли.

календарю или мѣсяцеслову, спрашивая то того, то другого и разлагая самъ слова на слоги и буквы. Какъ-бы то ни было, но извѣстно, что, когда мнѣ было четыре года, я пришелъ къ отцу въ день его именинъ и сдѣлалъ ему сюрпризъ, начавъ читать ему книгу.

Изъ первыхъ моихъ воспоминаній, относящихся еще къ Астрахани, сохранилось то, что я выходилъ лѣтомъ нерѣдко на балконъ ночью и смотрѣлъ на небо, какъ-бы стараясь отгадать что-то, любилъ, говорить, слушать звонъ приближающагося къ городу почтоваго колокольчика, а болѣе всего любилъ смотрѣть рисунки въ книгахъ и по долгу стоялъ даже предъ географическими картами, развѣшанными по стѣнамъ въ кабинетѣ отца. Сохранились еще въ воспоминаніи наша виноградная аллея, знаменная зала, праздники въ индѣйской пагодѣ и въ мечети кружащихся дервишей, садъ и прудъ съ лебедями на немъ —, при губерискомъ домѣ — гражданскаго губернатора —, куда мы часто ходили къ дѣтямъ его. Въ послѣднее время гражданскимъ губернаторомъ тамъ былъ Кожевниковъ, сынъ котораго, какъ участникъ 14-го декабря, сидѣлъ со мною въ крѣпости рядомъ, и это было первое свиданіе послѣ Астрахани. Помню также случай, что къ намъ въ домъ ворвался сумасшедшій, перепугавшій сидѣвшую въ гостиной за вышиваньемъ на пальцахъ матушку и пр.

Вслѣдствіе отставки отца, мы отправились въ Могилевскую губернію въ деревню отца моей матери, бригадира Черняева. Въ Астрахани мы потеряли сестру Надежду и брата Александра. Насъ дѣтей осталось четверо: старшій братъ Николай, за нимъ сестра Екатерина, потомъ я, и самый младшій, Ипполитъ,,

Въ Воронежѣ осталось въ памяти одно приключеніе, очень позабавившее насъ дѣтей. Едва только пріѣхавшій къ отцу съ визитомъ губернаторъ усѣлся въ кресло, какъ провалился. Помню еще то странное обстоятельство, что въ отведенной намъ квартирѣ мнѣ почему-то показалось, что съ боку должна быть зеленая комната. Я пошелъ туда, и оказалось, что дѣйствительно на стѣнахъ были зеленые обои.

Едва ли кому пришлось испытать столько семейныхъ несчастій разомъ, какъ нашему семейству, что не могло не усилить еще серьезности моего настроенія. Неожиданныя событія, о которыхъ рассказано въ обзорѣннй жизни моего отца, прервавшія его блестящую карьеру такимъ несправедливымъ образомъ, отозвались гибельно на семействѣ моей матери. Съ дѣдомъ, жившимъ въ своемъ имѣннй, Могилевской губерніи, въ Оршанскомъ уѣздѣ, сдѣлался ударъ, прекратившій его жизнь въ самый день нашего пріѣзда. Бабушка помѣшалась отъ горя и умерла черезъ шесть недѣль, за ней умеръ любимый братъ матери, Александръ. Батюшка впалъ въ сильную болѣзнь. Матушка получила начало чахотки. Когда дѣло разъяснилось, и батюшка получилъ приглашеніе снова вступить въ службу и, по выздоровленнй, отправился въ Петербургъ, чахотка у матушки усилилась до того уже, что, по возвращеннй отца, онъ не засталъ ея въ живыхъ. Она умерла въ цвѣтѣ лѣтъ на 34 г.

Воспоминанія мои, относящіяся къ этой эпохѣ, — къ пребываннй въ Могилевской деревнѣ, къ дорогѣ въ Тверь чрезъ неразоренные еще тогда, до 1812 г., Смоленскъ и Москву, — очень живы и до сихъ поръ. Въ Москвѣ мы остановились у княгини Федосьи Петровны Волконской, крестной мате-

ри сестры. Мужъ ея, кн. Волконскій, служилъ на Кавказѣ подъ начальствомъ моего отца.*)

Болѣзнь и смерть матери, домъ Марьи Сергѣевны Власовой, куда насъ перевели жить и въ которомъ и скончалась мать, почтенная личность хозяйки и ея мужа, жидовское мѣстечко Шкловъ, католическіе кресты на перекресткахъ, осмотръ Смоленска и Москвы — все это необыкновенно ясно оживаетъ иногда и до сихъ поръ еще въ моей памяти.

Брата Николая отецъ отвезъ въ Морской корпусъ, въ находящійся при немъ пансіонъ Ульриха, когда самъ поѣхалъ въ Петербургъ, такъ что въ Тверь переѣхали только я, сестра и меньшій братъ. Съ нами воспитывался вмѣстѣ и сынъ экономки, польки, Гонорины Ивановны Симашко, немолодой, рябой, некрасивой, но доброй и честной женщины. Ко мнѣ былъ приставленъ въ качествѣ дядьки отставной чиновникъ, Гурій Ивановичъ Калининъ, также очень честный и усердный человекъ. У насъ были учителя, считавшіеся лучшими въ городѣ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: для закона Божія извѣстный проповѣдникъ и протоіерей, Петръ Ивановичъ Олимпіевъ, проповѣди котораго любили слушать Великая Княгиня Екатерина Павловна и самъ Государь, останавливавшійся въ Твери при всякомъ проѣздѣ своемъ. Русскій языкъ преподавалъ сынъ его, Александръ Петровичъ, считавшійся впоследствии лучшимъ учителемъ въ Петербургѣ и умершій статскимъ совѣтникомъ и директоромъ гимназіи. Французскій языкъ и математику преподавалъ очень ученый человекъ, Николай Ивановичъ Бекау, рисованіе — академикъ Федоровъ.

*) См. письмо кн. Циціанова къ отцу о кн. Волконскомъ.

Для обученія черченію ѣздилъ я въ чертежную главнаго управленія путей сообщенія и пр.

Замѣчу здѣсь, какъ нѣкоторыя особенности моего ученія, что я не любилъ ни нѣмецкаго, ни польскаго языка, хотя слышалъ ихъ постоянно около себя, — первый въ чертежнѣ, а второй въ разговорѣ экономки съ сыномъ. Въ русскомъ языкѣ насъ занимали преимущественно риторикою и сочиненіями, задавая даже сочинять стихи и высокопарныя оды по случаю тогдашнихъ великихъ событій.*) Я шелъ всегда далеко впереди учителей и помню, что никогда не находилъ удовлетворительными ихъ объясненія, а старался отыскивать свое. Такъ напримѣръ при объясненіяхъ по космографіи я никогда не хотѣлъ вѣрить, чтобы число планетъ было только то, какое сообщали мнѣ, а всегда утверждалъ, что, если справедливо объясненіе Лапласа, то все пространство должно быть наполнено безчисленнымъ множествомъ мелкихъ планетъ, какъ и училъ тому потомъ, бывши уже самъ преподавателемъ астрономіи. Конечно, болѣе всего я обязанъ былъ своимъ развитіемъ самому батюшкѣ, который постоянно занимался со мною, и его библиотекѣ, гдѣ не было для меня запрещенія ни на какую книгу. Кромѣ своихъ собственныхъ книгъ, батюшка пользовался книгами Великой Княгини, которая присылала ему всѣ замѣчательныя русскія и иностранныя сочиненія.

До второй женитьбы отца у насъ рѣдко бывали гости для обычнаго свѣтскаго препровожденія времени. Посѣщавшія батюшку лица всегда почти вели какую-нибудь замѣчательную бесѣду и, при

*) Въ семействѣ сохранилось преданіе объ одѣ, написанной мною на вступленіе русскихъ въ Парижъ, но сама ода не сохранилась.

этомъ, хотя-бы это были и иностранные принцы,*) отецъ никогда не удалялъ меня изъ кабинета, и на меня всё такъ полагались, что при мнѣ говорили и разсуждали совершенно откровенно. Это и было причиною, что я зналъ русскую исторію не такъ, какъ преподавали ее въ учебникахъ, и какъ не знали и записные ученые. А такъ какъ это время совпадало съ либеральнымъ направлениемъ первой половины царствованія Александра I-го, то всё сужденія и о русской и о иностранной политикѣ были очень свободны. Хотя батюшка отдавалъ почти всегда во дворцѣ, но по вечерамъ не любилъ никуда ѣздить и всегда занимался съ дѣтьми и преимущественно со мною. Онъ самъ объяснялъ мнѣ и географію, и исторію, и даже военное искусство. Онъ говорилъ мнѣ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мое рожденіе, и видимо ожидалъ отъ меня чего-то необыкновеннаго въ будущемъ, но понятія наши объ этомъ будущемъ совершенно расходились, и я какъ то равнодушно слушалъ его, когда онъ говорилъ мнѣ о немъ въ смыслѣ внѣшняго величія и значенія. Это особенно выразилось при слѣдующемъ случаѣ. Разъ я помню отецъ надѣлъ на меня свои ордена и сказалъ, благословивъ и поцѣловавъ меня: «Я надѣюсь, что ты будешь имѣть все это и даже еще больше.» — Онъ полагалъ вѣроятно, что торжественность этой сцены тронетъ меня, но я сталъ, потушивши глаза, и чувствовалъ, что мнѣ было какъ-то неловко. Отецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Неужели ты этого ничего не желаешь?» — Я отвѣчалъ, что не могу еще съ точностію дать себѣ

*) Множество нѣмецкихъ принцевъ гостило въ Твери, а выгнанное Наполеономъ Ольденбургское семейство и постоянно тамъ жило.

отчетъ, чего я желаю, но что къ этому дѣйствительно не имѣю никакого особеннаго желанія. Вслѣдствіе подобнаго же направленія я не любилъ никогда и никакихъ украшеній, не носилъ ни колець, ни цѣпочекъ и пр., не любилъ даже щегольства въ одеждѣ и, когда имѣлъ и большія средства, то заботился только о томъ, чтобы у меня было достаточно бѣлья, и не любилъ никакихъ вычуровъ въ мундирѣ, эполетахъ и пр., и самая простая изъ тѣхъ формъ, какія я имѣлъ право носить, была всегда моя любимая.

Относительно внѣшнихъ привычекъ воспитаніе мое было самое строгое. Мнѣ ни въ чемъ не прислуживали и кромѣ того, что мнѣ чистили сапоги и платье, да приносили воды, остальное все я долженъ былъ дѣлать самъ, почему и навсегда привычился обходиться безъ прислуги. Въ положенный часъ я долженъ былъ идти гулять, какая-бы ни была погода, и никогда не зналъ галошъ. Я ничего не боялся и даже въ потьмахъ ходилъ, куда ни посылали. Въ гости я не любилъ ѣздить, хотя отецъ и бралъ меня съ собою нерѣдко на обѣды къ важнымъ лицамъ. Впрочемъ, вездѣ знали, что для меня было пріятнѣе всего, если мнѣ покажутъ какія-нибудь книги или новые инструменты. Я былъ неутомимъ въ разспросахъ и мнѣ всегда все охотно объясняли. Мнѣ хотѣлось очень учиться по англійски, но въ Твери некому было учить этому языку, и вотъ я воспользовался посѣщеніемъ американскаго путешественника, Левиса, и съ его словъ составилъ себѣ маленькій лексиконъ, причемъ не обошлось разумѣется безъ *qui-pro-quo*. Надобно сказать, что самъ батюшка, хотъ и выучился было по англійски, когда находился съ войскомъ въ Англии, но, оставя языкъ безъ употребленія, совершенно

забылъ его. По своей должности Генераль-инспектора путей сообщенія, отцу часто приходилось разъѣзжать, какъ для составленія новыхъ проектовъ, такъ и для наблюденія за движеніемъ. Въ эти поѣздки онъ нерѣдко бралъ и меня съ собою, что не мало способствовало всесторонности моего развитія, какъ и то также, что при первомъ формированіи корпуса путей сообщенія, въ него вошло множество иностранцевъ разныхъ націй, которые почти ежедневно бывали у отца и всегда охотно удовлетворяли моей любознательности. Деволанъ, Карбенъе, Базенъ, Дестремъ и др. были французы. Бетанкуръ, Эспехо, Сабиръ (по происхожденію) испанцы. Трузсонъ, Де-Витте и др. — нѣмцы. Были голландцы, датчане, итальянцы и др. Изъ значительныхъ русскихъ были только генералы Саблуковъ и Леонтьевъ. Впрочемъ, служившіе собственно при батюшкѣ были почти всѣ русскіе.

Мы, собственно, росли, можно сказать, въ одиночествѣ, т. е. внѣ круга ровесниковъ. Хотя насъ и возили на праздники, устраиваемые Великою Княгинею, но, кромѣ этого, мы рѣдко выѣзжали къ какимъ-нибудь дѣтямъ, да и къ намъ привозили ихъ рѣдко, такъ какъ у насъ принимать было некому, а, чтобы намъ выѣзжать куда-либо, надобно было беспокоить Татьяну Александрову Шишкину, супругу дворянскаго предводителя, Сергѣя Александровича Шишкина.

Мы нанимали большой домъ купчихи Рыбаковой, нарочно для насъ отдѣланный. Въ немъ была огромная стеклянная галерея или терраса, съ которой я сматривалъ ночью на небо, какъ и въ Астрахани. Въ Твери было тогда очень богатое купечество, и сама Великая Княгиня посѣщала ихъ собранія. Купечество высоко уважало и цѣнило батюшку за

его справедливость и безпристрастіе. Поэтому, по неотступнымъ приглашеніямъ насъ посылали иногда къ городскому головѣ, но намъ всегда строго напоминалось, чтобы мы не смѣли ничего брать домой, даже и конфектъ.

Такъ шла наша жизнь до 1812 г.

Еще въ 1811 году случилось событіе, которое привлекло общее вниманіе и принято было всѣми за предвозвѣстника 1812 года.

Разъ я пошелъ съ дядькою въ церковь Жень Мироносицъ ко всенощной. Это было въ августѣ, и слѣдовательно, когда шли въ церковь, то было еще очень свѣтло. Но вотъ къ концу всенощной, но ранѣе еще того времени, какъ народъ обыкновенно расходится, сдѣлалось на паперти у дверей церкви необычное движеніе. Люди что-то выходили и опять входили, и, входя, какъ-то тяжело вздыхали и начинали усердно молиться. Пришло, наконецъ, время выходить изъ церкви, но первые выходившіе остановились и толпа сгустилась такъ, что нельзя было протискаться чрезъ нее. И вотъ стоявшіе позади, потерявъ терпѣніе, стали громко спрашивать: «Да что тамъ такое? Отчего нейдутъ?» Въ отвѣтъ слышалось: «Звѣзда.» — Мало по-малу толпа однако разсѣялась, такъ что и мы могли выдти чуть не позади всѣхъ, и прямо протявъ себя увидѣли знаменитую комету 1811 года.

На другой день еще до захожденія солнца люди стали выходить на улицу и смотрѣть на то мѣсто, гдѣ вчера видѣли восхожденіе «звѣзды». Въ сумерки наша площадь была почти вся уже запружена народомъ, такъ что не только экипажамъ проѣзжать, но и пѣшкомъ проталкиваться было очень трудно. На мѣстѣ вчерашняго появленія звѣзды было однако-же черное облако. При всемъ томъ народъ не

уходилъ, а упорствовалъ въ ожиданіи. Въ другихъ частяхъ неба было ясно и появились уже небольшія звѣзды. Но вотъ едва пробило 9 часовъ, какъ облако какъ-бы осѣло подѣ горизонтъ, и вчерашняя звѣзда появилась еще въ болѣе грозномъ видѣ.

Какъ-бы по сигналу всѣ сняли шапки и прекрестились. Послышались тяжелые, гдѣ подавленные, гдѣ громкіе вздохи. Долго стояли въ молчаніи, но вотъ одна женщина впала въ истерику, другія зарыдали, начался говоръ, затѣмъ громкія восклицанія: «Вѣрно прогнѣвался Господь на Россію.» — Согрѣшили не путемъ, ну вотъ и дождались» и т. п. Начались сравненія: кто говорилъ, что хвостъ кометы — это пучекъ розогъ, кто уподоблялъ метлѣ, чтобы вымести всю неправду изъ Россіи и т. п.

Съ тѣхъ поръ народъ постоянно толпился на улицахъ каждый вечеръ, а звѣзда становилась все грознѣе и грознѣе. Начались толки о преставленіи свѣта, о томъ, что Наполеонъ есть предреченный Антихристъ, указанный прямо въ Апокалипсисѣ подѣ именемъ Апполіона. Съ этимъ совпадали и грозныя политическія вѣсти: туча все сильнѣе и сильнѣе надвигалась съ Запада. Все это коснулось органическихъ основъ общественныхъ. Дѣло шло не о временныхъ уже выгодахъ, а о самомъ существованіи вѣры, отечества, общества. Слухи одни — страннѣе другихъ разносились повсюду, — стали рассказывать о видѣніяхъ, знаменіяхъ, но болѣе всего наводила страхъ какая-то предполагаемая измѣна, это слово было у всѣхъ на языкѣ. Довѣріе къ высшимъ лицамъ, къ правительству, совершенно потерялось.

Все это производило необычайное впечатлѣніе на меня и возводило изъ тѣснаго круга обывденной

жизни къ міровымъ событіямъ. Во все это я жадно вслушивался, спрашивалъ у всѣхъ, даже сталъ читать газеты, усиливаясь постигнуть ходъ событий. Была, впрочемъ, и другая причина, заставлявшая меня читать газеты. Батюшка былъ часто въ отлучкѣ. Мнѣ отдавали получаемыя имъ газеты, и это было мое дѣло распечатывать ихъ и раскладывать въ порядкѣ на особенномъ столѣ. Поэтому, домашніе наши всегда обращались ко мнѣ съ вопросами, что пишутъ новаго въ газетахъ. И вотъ я рассказывалъ имъ, а иногда и читалъ вслухъ.

Наконецъ, Наполеонъ вторгся въ Россію. Батюшка хотѣлъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, но Государь просилъ его остаться при его настоящей должности, требовавшей въ это время дѣйствительно самага надежнаго и распорядительнаго и неутомимаго дѣятеля, такъ какъ отъ распоряженій правильной доставки продовольствія зависѣло самое существованіе арміи. Какъ исполнилъ это отецъ свидѣтельствуетъ особенная награда, полученная имъ, но эта дѣятельность положила и начало той болѣзни, которая свела его потомъ въ могилу. Выпроваждая караванъ съ хлѣбомъ, засѣвший было во льду, батюшка стоялъ самъ на береговой окраинѣ льда, который проломился, причемъ отецъ, упавъ въ воду, сильно простудилъ ноги, что и причинило впослѣдствіи антоновъ огонь въ ногѣ.

Между тѣмъ, чтобы спокойнѣе предаться служебной дѣятельности, батюшка пожелалъ поставить на всякій случай свое семейство въ положеніе полной безопасности и съ возможнымъ ручательствомъ за будущее. Удаленіе изъ Петербурга всѣхъ учебныхъ заведеній и драгоцѣнностей въ Финляндію и флота изъ Кронштадта въ Англію показывало, какъ мало правительство надѣялось отстоять что-либо отъ

нападеній Наполеона. Когда обнаружился его планъ наступленія на Москву и Петербургъ, — тогда казалось несомнѣннымъ, что онъ захочетъ соединить раздѣленные свои арміи установленіемъ сообщенія между ними и что та или другая пойдетъ на соединеніе чрезъ Тверь, овладѣть которою важно было и по огромному количеству съѣстныхъ припасовъ въ ней. Вспомнивъ дружбу Семена Романовича Воронцова, бывшаго нашего посланника въ Англіи, поселившагося по отставкѣ въ ней, гдѣ была и дочь его за лордомъ Пемброкомъ, батюшка вздумалъ послать насъ въ Англію чрезъ Архангельскъ, единственный путь, который былъ безопасенъ. Путь этотъ лежалъ чрезъ Вологду и Великій Устюгъ, куда, поэтому, предварительно насъ и отправили.

Поѣздъ нашъ былъ огромный. Онъ состоялъ изъ 4-хъ мѣстной кареты, гдѣ были помѣщены дѣти съ экономкою, коляски, двухъ бричекъ и телѣгъ, съ вещами. Надо было забрать весь домашній скарбъ, потому что приходилось проѣзжать такими мѣстами, что надобно было имѣть все свое. Насъ сопровождали по открытому предписанію, кромѣ постоянного курьера, всегда еще или исправникъ или засѣдатель по своему уѣзду. Въ губернскихъ родахъ насъ привозили прямо къ губернатору, или онъ пріѣзжалъ къ намъ: подорожная дана была на мое имя. — Мы ѣхали, разумѣется, очень медленно. Кромѣ того, что останавливались два раза для обѣда, который готовили свои повара, и на ночлегъ, мы должны были еще останавливаться нерѣдко и въ деревняхъ на нѣсколько дней, для стирки бѣлья. Я очень хорошо помню еще, что я всегда настаивалъ оставаться въ каждомъ городѣ настолько, чтобы можно было осмотрѣть все, что заслуживало быть осмотрѣннымъ, о чемъ разспрашивалъ

всегда по приѣздѣ въ городъ. Въ Угличѣ мы пробыли для осмотра два дня.

Замѣчательно, что въ самыхъ захолустьяхъ, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ мерещились уже вездѣ французы. Разъ мы остановились для стирки бѣлья въ одной деревнѣ Вологодской уже губерніи. Едва только вымыли бѣлье и развѣсили его, какъ на колокольнѣ раздался набатъ и крикъ: «Французы.» Какъ сумасшедшій, вбѣжалъ засѣдатель, схватилъ меня на руки и, приказавъ нести и другихъ дѣтей, посадилъ въ незаложенную еще карету. Мигомъ запрягли какихъ-то лошадей, и мы поскакали. Затѣмъ скомкали кое-какъ сырое бѣлье, и его, и невымытую посуду, и все побросали въ повозки и также увезли, перебивъ при этомъ много посуды и переломавъ вещей. Вся суета оказалась потомъ напрасною, а что подало къ ней поводъ, — не могли никакъ дознаться.

Дорога была утомительная и трудная, особенно въ Грязовецкомъ уѣздѣ по бревенчатой мостовой, и наши люди, помню, все говорили, что, когда поймаютъ Бонапарта, то осудятъ его «проклятаго» на то, чтобы катать безпрестанно — взадъ и впередъ по этой мостовой. Вездѣ мы видѣли страшное отчаяніе. Церкви были полны народомъ, молились на колѣняхъ, плача и рыдая. Рѣдко проходило, чтобы женщины не падали въ обморокъ или въ истерику. Въ которомъ домѣ имѣлась Библия славянская, туда бѣгали справляться о предсказаніяхъ, вездѣ толковали о томъ, что будетъ съ Россіей, что сдѣлаетъ съ ней Бонапартъ.

Наконецъ, добрались мы до Вологды, гдѣ назначено было намъ остановиться для отдыха въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Въ Вологдѣ намъ наняли очень хорошую квартиру у собор-

наго діакона, но мы развѣ утро проводили только дома, а то постоянно бывали или у губернатора, или у начальника инженернаго округа. Живо помню сцены у Спаса Обыденнаго,*) какъ бывало не только церковь, но и вся площадь была полна народомъ, какъ губернаторъ выходилъ и читалъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, какъ вся площадь оглашалась рыданіями колѣнопреклоненнаго народа. Отдохнувъ недѣлю, мы отправились чрезъ Тотму въ Великій Устюгъ, откуда должны были уже отправиться по зимнему пути въ Архангельскъ. Но чрезъ три дня по прибытіи въ Устюгъ курьеръ привезъ намъ приказаніе возвратиться въ Вологду вслѣдствіе выхода французовъ изъ Москвы.***) Несмотря на краткость пребыванія, я все осмотрѣлъ въ Великомъ Устюгѣ и очень помню богатство нарядовъ купчихъ. Особенно въ изобиліи выказывался вездѣ жемчугъ. Но меня особенно поражали кликуши, которыхъ было очень много въ городѣ. Когда мы возвращались, наконецъ, зимнимъ уже путемъ изъ Вологды, однажды случилось такъ, что мы пріѣхали — только два часа спустя послѣ пріѣзда отца, пересѣкшаго въ развѣздахъ своихъ нашъ путь. Въ Тверь мы пріѣхали на прежнюю нашу квартиру,***)

*) Въ память того, что первоначальная деревянная церковь была построена ex voto въ одинъ день по случаю опустошительной болѣзни.

**) Когда получено было это извѣстіе, то рассказы объ измѣнѣ приняли другой видъ. Пресерьезно увѣряли, что Бонапартъ то тамъ, то тутъ былъ будто-бы пойманъ казаками, но Бонапартъ подкупалъ генераловъ, обманывая ихъ боченками съ пуговицами, прикрытыми червонцами и отзываясь, поэтому, будто-бы такъ о русскихъ, что у нихъ стѣны крѣпки, да столбы слабы.

***) Мы пріѣхали ночью, а чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ и отецъ, также ночью, и мы, проснувшись поутру, нашли каждый у себя подъ подушкой гостинцы.

и все пошло по прежнему, только я независимо отъ учебныхъ занятій сталъ постоянно читать газеты и слѣдилъ за всѣми движеніями по географическимъ и даже топографическимъ картамъ, которыхъ особенно было много въ чертежной Главнаго управленія путей сообщенія, куда я постоянно ѣздилъ послѣ обѣда заниматься черченіемъ и рисованьемъ.

Такъ жили мы однообразно и въ домашней жизни по-прежнему, съ тою только разницею, что почти никуда не выѣзжали. Батюшка постоянно былъ въ разъѣздахъ, а двора въ Твери уже не было. Великая Княгиня Екатерина Павловна, по смерти своего мужа, Принца Ольденбургскаго, уѣхала изъ Твери, откуда удалились и приближенные его.*) Мѣсто Принца заступилъ генераль Деволантъ, при которомъ права нашего отца были еще болѣе расширены, и онъ облеченъ былъ еще большимъ довѣріемъ, что по представленію ему во многихъ случаяхъ самостоятельныхъ и окончательныхъ рѣшеній, еще болѣе усилило его служебную дѣятельность.

Но вотъ въ 1814 г. стали носиться и доходить и до насъ дѣтей (черезъ прислугу) слухи, что батюшка намѣренъ жениться во второй разъ и притомъ собственно для того, чтобы имѣть мать для своихъ дѣтей. Скоро намѣреніе отца настолько стало извѣстно, что изъ его знакомыхъ нашлось много охотниковъ прискивать ему невѣсту. Отцу было только 44 года, онъ снова занялъ высокое положеніе, получалъ большое жалованье въ сравненіи съ

*) На нихъ были сочинены слѣдующіе стихи :

«Скончался Принцъ, —

«Свалился Гинцъ.

«Что сдѣлался Бедряга?»

«Опять по-прежнему бродяга.»

другими и снова былъ на пути къ высшему званію министра.

Особенно хлопотали женить его на баронессѣ Корфъ, семейство которой очень уважало батюшку и къ которымъ по приглашенію ихъ стали часто возить и насъ дѣтей. Но кажется батюшка находилъ, что молодая, красивая дочь Корфа, едва ли не слишкомъ пристрастна къ свѣтской жизни и врядъ-ли будетъ внимательно заниматься нами.

Наконецъ, мы получили отъ самаго отца свѣдѣніе, что выборъ его остановился на Надеждѣ Львовнѣ Толстой. Батюшка извѣстилъ насъ о томъ письменно, такъ какъ дѣло устроилось и свадьба была въ Казани, куда батюшка ѣздилъ по дѣламъ службы. Обстоятельства были такія, что батюшка и самъ могъ думать, и другіе должны были вѣрить, что онъ дѣйствительно женится для дѣтей. Надежда Львовна была очень уже немолода и не хороша собою, богатства особеннаго также не имѣла. Въ такомъ смыслѣ батюшка имѣлъ и со мною продолжительный разговоръ, но вскорѣ оказалось, что новые домашніе порядки до такой степени не соответствовали и моимъ, и батюшкинымъ ожиданіямъ, что я настойчиво сталъ просить его отослать меня въ Морской корпусъ, куда былъ записанъ.

Началось съ того, что мало по-малу Надежда Львовна уволила почти всѣхъ учителей, взявшись сама учить насъ, но такъ какъ въ то-же время въ нашъ домашній бытъ введена была свѣтская шумная жизнь, то ученье никакъ не могло съ нею совмѣщаться. Сестра и меньшой братъ мало потерпѣли отъ этого: сестра, потому что была отвезена на воспитаніе въ Москву къ сестрѣ Надежды Львов-

ны, а братъ потому, что былъ еще очень малъ. Но на мнѣ отразились всѣ невыгоды новыхъ порядковъ. Надежда Львовна вставала очень поздно, напишетъ бывало одну строчку по французски, которую и слѣдовало списывать, а тамъ пойдетъ на моленье, продолжавшееся часа два. За этимъ предполагалось занятіе переводомъ, но до него никогда почти не доходило, потому что гости начинали всегда съѣзжаться задолго до обѣда и до обѣда же садились уже за карты, что и продолжалось потомъ до поздней ночи, или матушка сама уѣзжала въ гости и возвращалась домой очень поздно, что очень тяготило батюшку, какъ и поздній разѣздъ гостей отъ насъ, — въ этомъ случаѣ, батюшка всегда уходилъ рано въ свой кабинетъ. Не мало препятствовало занятіямъ и то обстоятельство, что у насъ съ тѣхъ поръ часто гостили или братья или сестры мачихи, причемъ занималась и моя комната, а я переходилъ жить въ кабинетъ.

Матушка вовсе не дорожила русскимъ языкомъ и другими знаніями, вся ея забота была объ иностранныхъ языкахъ, особенно объ изящномъ выговорѣ и — *manière de parler* на французскомъ, и чтобы мы были *comme il faut*.

Въ 1815 году батюшка свозилъ меня въ Москву, гдѣ самъ лично показалъ и мнѣ все, заслуживавшее осмотра. Мы прожили цѣлый мѣсяцъ въ домѣ отца мачихи, Льва Васильевича Толстого, у Прѣсенскихъ прудовъ, перешедшемъ потомъ чрезъ нѣсколько рукъ во владѣніе Владиміра Ивановича Дадля, товарища моего по службѣ и по походу въ Швецію и Данію. Помню, что при осмотрѣ Москвы я былъ еще такъ малъ ростомъ, что могъ входить въ Царь-пушку. Такъ какъ главнокомандующій Москвы Торماسовъ былъ полонъ уваженія къ батюшкѣ,

то для осмотра всего намъ были доставлены всѣ удобства.

Между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства сдѣлали для меня жизнь еще непріятнѣе. Надо сказать, что мачиха наша особенно заботилась о томъ, чтобы ее считали истинною матерью и ничѣмъ такъ не обижалась, какъ если кто ее называлъ мачихою. Она разсорилась съ теткою нашею, Юліею Никитичной Хитровою, именно за то, что та выразила сомнѣніе, чтобы мачиха могла замѣнить настоящую мать. Потому Надежда Львовна чрезвычайно баловала меньшаго брата, который служилъ какъ-бы вывѣскою, что вотъ можно и чужихъ дѣтей любить, какъ своихъ. Это усилило его озорничество до крайней степени, и не только являлась помѣха въ занятіяхъ, но и вещи и книги постоянно приводились въ безпорядокъ, а когда я унималъ его или открыто говорилъ, что не слѣдуетъ терпѣть его дурныхъ дѣлъ, то матушка сердилась на меня и явно выказывала это. Батюшка молчалъ, но это было ему тяжело, потому что онъ видѣлъ, какъ я былъ правъ. Домъ нашъ опять наполнился принцами, генералами, модными дамами, изъ которыхъ особенно замѣчательна была Обрѣзкова,*) свадьбу которой съ княз. Хилковымъ матушка и устроила. — Изъ всѣхъ посѣтителей**) памятнѣе всѣхъ бы-

*) Она и въ 50 лѣтъ была красавицей и была гораздо старше Хилкова.

**) Всѣ боевые товарищи отца и бывшіе его подчиненные по военной службѣ достигшіе впоследствіи и до высшихъ званій, никогда не проѣзжали черезъ Тверь, чтобы не посѣтить отца. Тоже и въ Петербургѣ, послѣ перевода Главнаго Управленія Путей Сообщенія въ Петербургъ. Поэтому-то въ собственномъ своемъ домѣ я познакомился и съ главными дѣятелями Отечественной войны и съ другими значительными государственными людьми.

ло мнѣ посѣщеніе графа Платова, Атамана Донскихъ казацкихъ войскъ, и Принца Мекленбургскаго, который все уговаривалъ батюшку никакъ не отдавать меня въ морскую службу, основываясь на томъ, что его сильно укачало во время самага краткаго переѣзда по Бальтійскому морю.

II.

Въ 1816 году, въ первыхъ числахъ Мая, меня отправили въ Петербургъ, со старшимъ дядькою моимъ, такъ какъ отцу по дѣламъ службы не было никакой возможности отлучиться. По своему обычаю, я вездѣ останавливался для осмотра всего примѣчательнаго, въ Новгородѣ же, родинѣ моихъ предковъ, пробылъ два дня, осматривая съ большою подробностію Софійскій соборъ, монастыри и пр. У меня и до сего времени сохранилось поднесенное мнѣ описаніе (рукописное) Софійскаго собора. — По прибытіи въ Петербургъ я былъ немедленно представленъ директору Морскаго корпуса, адмиралу Карцеву. Онъ очень удивился моему малому росту, малымъ лѣтамъ и исчисленію всего, что я знаю, даже огромному количеству представленныхъ мною собственныхъ моихъ чертежей, рисунковъ, плановъ, географическихъ картъ и пр., въ числѣ далеко за сотню. Моряки всѣ очень уважали батюшку, познакомившись съ нимъ, когда перевозили его войска въ Англію и обратно, и служили подъ начальствомъ его во время похода въ Персію. — Надо сказать, что въ это время экзамены для производства въ гардемарины уже кончились, и въ этотъ самый день даже началась уже баллотировка

для опредѣленія старшинства. Поэтому, директоръ послалъ приказаніе остановить баллотировку и немедленно проэкзаменовать меня въ полной конференціи, собранной на баллотировку по изслѣдованію экзаменаціонныхъ отмѣтокъ. Директоръ велѣлъ сказать, что посылаетъ хоть и «маленькаго человѣка, но большое чудо» и что какъ онъ не сомнѣвается, что я буду имѣть право на производство въ гардемарины, даже вѣроятно буду достоинъ перваго мѣста, то, если уже имѣются выбаллотированные, и такъ какъ нельзя уже нарушить старшинства, ими полученнаго, то поставить меня на первое мѣсто за выбаллотированными уже. Когда ввели меня въ конференцъ-залу, было уже выбаллотировано пять человѣкъ. Начался мой экзамень. Особенно удивили всѣхъ мои познанія въ математикѣ. Я зналъ гораздо болѣе, нежели требовалось, но въ производствѣ экзамена возникло нѣкоторое затрудненіе. Надо сказать, что курсы математики на русскомъ языкѣ были тогда очень недостаточны,*) и я проходилъ ее по французскимъ руководствамъ, преимущественно по словеснымъ объявленіямъ французскихъ инженеровъ политехнической школы,**) а потому, разрѣшая самыя трудныя письменныя задачи съ такою быстротою, что приводилъ всѣхъ въ изумленіе, я чувствовалъ затрудненіе отвѣчать по русски, такъ что надо было пріискать учителя, знавшаго французскія ученыя выраженія. Сейчасъ-же послали объявить директору, что я заслуживалъ получить первое мѣсто, но такъ какъ первыя пять мѣстъ были уже заняты, то меня по-

*) Напр. штыкъ-юнкера Войтяховскаго и др.

***) Они поступили въ русскую службу, будучи присланы Наполеономъ I-мъ по просьбѣ императора Александра I-го.

ставили на шестое съ несомнѣнною однако увѣренностію, что при экзаменѣ въ мичмана я займу первое мѣсто. Дѣйствительно, уже и въ это время ни по языкамъ, ни по другимъ предметамъ не могли сравниться со мною и тѣ, которые держали экзаменъ въ этотъ годъ въ мичмана. Особенно хорошо зналъ я исторію и географію, такъ что прямо сказали, что мнѣ нечего даже и учиться у нашихъ учителей.

Я былъ назначенъ въ 3-ю роту, которою командовалъ кап.-лейтенантъ, Магнусъ Матвѣевичъ Генингъ, бывшій впоследствии главнымъ командиромъ Астраханскаго порта. Это былъ очень горячій и суровый, но честный нѣмецъ, и его рота, по чистотѣ и порядку во всемъ, была образцовая. Онъ очень заботился объ опрятности помѣщенія и объ удобствѣ и доброкачественности обмундировки, въ его ротѣ не было неуклюжихъ и рваныхъ мундировъ, тѣсныхъ сапогъ, нечистаго бѣлья, грязныхъ стѣнъ и половъ, какъ въ иныхъ другихъ ротахъ.

Рота дѣлилась на четыре части, и тою, въ которой я находился,*) начальствовалъ лейтенантъ Алексѣй Кузьмичъ Давыдовъ, бывшій впоследствии, кажется, адмираломъ. Онъ былъ первый въ своемъ выпускѣ и былъ учителемъ высшихъ математическихъ наукъ, навигаціи и астрономіи въ томъ классѣ, въ который я поступилъ. — Помѣщеніе нашей роты было лучшее въ цѣломъ зданіи корпуса, а наша комната лучшая во всей ротѣ: она была просторная, свѣтлая, во второмъ этажѣ, окнами на Не-

*) Такъ называвшаяся «французская». Другія были нѣмецкая, англійская и русская — названія получили отъ того, какіе языки преимущественно изучали.

ву, и такимъ образомъ, когда я сдѣланъ былъ старшимъ гардемаринномъ въ своей части (что послѣ называлось фельдфебелемъ), то мнѣ пришлось имѣть лучшее помѣщеніе въ лучшей въ корпусѣ комнатѣ и быть первымъ въ лучшей части лучшей роты, а слѣдовательно первымъ и въ цѣломъ корпусѣ.

Корпусъ былъ въ то время очень многолюденъ. Кромѣ воспитанниковъ, назначавшихся собственно для морской службы и для морской артиллеріи, куда наоборотъ въ сравненіи съ арміею назначались неспособные,*) въ корпусѣ были помѣщены два училища, въ которыя поступали не изъ столбовыхъ дворянъ, какъ требовалось то для поступленія въ морской корпусъ. Одно было училище корабельныхъ инженеровъ, другое такъ называемыхъ «гимназистовъ», приготовляющее для корпуса собственныхъ учителей, дослужившихся, впрочемъ, и до генеральскихъ чиновъ, т. е. до дѣйствительнаго статскаго совѣтника. — Съ этими обоими училищами число воспитанниковъ доходило въ корпусѣ до тысячи человекъ, а всѣхъ живущихъ до двухъ тысячъ. Корпусъ имѣлъ свою полицію. Содержаніе этихъ двухъ училищъ было однако гораздо хуже, и наше дѣтское чувство очень оскорблялось этимъ. Ихъ даже обѣдать приводили послѣ насъ и можно судить, каковъ былъ ихъ столъ, когда и нашъ, хотя пища была и здоровая, былъ неособенно роскошенъ, несмотря на то, что Морской корпусъ, какъ и Пажескій, пользовались высшимъ окладомъ. У насъ, впрочемъ, были хороши ржаной хлѣбъ, квасъ и булки, ко-

*) Причина была та, что во время сраженія артиллеріею командовали тоже — морскіе офицеры, которые и проходили поэтому полный курсъ артиллеріи. Собственно же артиллерійскіе офицеры завѣдывали матеріальною частью.

торыя давали поутру и вечеромъ. Чаю тогда не полагалось, кто хотѣлъ, могъ имѣть свой собственный, но въ ротѣ пить его запрещалось, чтобы не возбуждать у другихъ зависти. Пить чай ходили въ людскую. Корпусъ былъ богатъ посудою: не только ложки, но и солонки и стопы (родъ огромнаго бокала) для кваса были серебряныя и послѣднія притомъ позолоченныя. Корпусъ имѣлъ отличную музыку, первую въ Петербургѣ, потому что балльная музыка обыкновенно приглашалась изъ Морского корпуса. Она играла при парадахъ, въ танцевальныхъ классахъ и во время обѣда каждый праздникъ. Въ корпусѣ была огромная зала, первая въ Петербургѣ, нѣчто въ родѣ манежа. Батальонъ маневрировалъ въ ней свободно. Всѣ внутренніе караулы занимали кадеты. Мнѣ досталось стоять на часахъ въ первый разъ ночью, въ глухомъ и ночью пустомъ корридорѣ третьяго этажа у корпусной церкви; я вызвался на эти часы добровольно.

Зимую устраивался катокъ, гдѣ заставляли кататься на конькахъ въ однихъ мундирахъ. Галошъ мы не знали, шинели были холодныя, суконныя безъ подкладки, галстуки суконныя. Зимую каждая недѣля — баня, лѣтомъ каждый день — купанье. Танцевать и фехтовать обязаны были обучаться всѣ, музыкѣ только желающіе, которые, впрочемъ, за это ничего не платили. Лѣтомъ кадеты выходили въ лагерь на такъ называемомъ лагерномъ дворѣ (мѣсто, занимаемое корпусомъ, огромное, цѣлый кварталъ, но сада нѣтъ), а гардемарины въ двѣ смѣны въ походѣ. Это время употреблялось обыкновенно на поправку комнатъ, въ которыхъ каждый годъ стѣны бѣлились, а полы красились. Только парадныя комнаты и въ ротѣ у насъ стѣны красились цвѣтною краскою и разрисовывались.

За исключеніемъ математическихъ наукъ, по всѣмъ другимъ предметамъ учителя были у насъ крайне неудовлетворительны, не потому, чтобы не было знатоковъ своего дѣла, но по необъяснимой слабости надзора надъ ними. Устройство, повидимому, было правильнѣе нынѣшняго. Такъ, напр., у насъ было — два инспектора, для иностранныхъ языковъ особый. Этимъ инспекторомъ былъ у насъ графъ Лаваль, одинъ изъ первыхъ чиновъ двора, Онъ бывалъ очень рѣдко въ классахъ, а надѣялся, что достаточно поощряетъ ученье уже тѣмъ, что раздаетъ книги въ красивомъ переплетѣ и приглашаетъ къ себѣ обѣдать. Ученики его немилосердно надували, — такъ какъ онъ былъ до крайности близорукъ, то одинъ отвѣчалъ вмѣсто другого и прямо читали по книгѣ, а учителя не смѣли обнаружить обмана и были заодно съ учениками, потому что и сами пользовались недостатками инспектора. Многие совсѣмъ не ходили въ классы, считаясь въ корпусѣ только для службы: особенно грѣшили этимъ учителя англійскаго языка, какъ напр. Руммель, никогда не бывавшій въ раннюю перемену. Чтобы учиться по англійски, надо было платить имъ особо, и тогда они занимались внѣ класснаго времени.

Французскимъ учителемъ былъ у насъ въ старшемъ классѣ итальянецъ Триполи,*) который состоялъ уже въ генеральномъ чинѣ и былъ сверхъ того однимъ изъ значительныхъ масоновъ. Французскимъ языкомъ онъ вовсе не занимался, потому что предполагалось, что мы и безъ того его зна-

*) Въ классахъ иностранныхъ языковъ воспитанники распредѣлялись не соответственно другимъ предметамъ, а по знанію языка, такъ что были смѣшаны кадеты и гардемарины разныхъ классовъ.

емъ. Мы обязаны были только писать сочиненія для представленія графу Лавалю, но и это изъ цѣлаго класса, кажется, только насъ всего двое или трое дѣлали добросовѣстно, остальные же просто выписывали изъ книгъ. Въ замѣну французскаго языка Триполи читалъ намъ лекціи политической экономіи, сообщалъ политическія новости, училъ тѣхъ, кто хотѣлъ, по латыни и итальянски и декламировалъ латинскія рѣчи, для чего мы устраивали ему изъ табуретокъ и скамеекъ кафедру, которая быстро разрушалась при сигналѣ, что идетъ инспекторъ или дежурный офицеръ. Одно изъ любимыхъ занятій Триполи — это было перебраниваться съ сосѣднимъ учителемъ нѣмецкаго языка, Бѣлоусовымъ. Пріотворивъ дверь къ нему, онъ начинаетъ причитать: «Бѣлоусъ, синеусъ, красноусъ, черноусъ и пр.» Тотъ закричитъ: «Пудель ты итальянскій, французская собака ты проклятая и пр.», и, вскочивъ, бросится къ двери, тогда Триполи ее захлопнетъ и повернетъ ключъ, такъ какъ дверь заворялась изъ нашего класса.

Учитель русскаго языка, тоже статскій уже совѣтникъ, Груздевъ, занимался языкомъ не болѣе и также требовалъ однихъ сочиненій, но только очень большихъ. Впрочемъ, бывали иногда у него попытки повѣрить и грамматическое знаніе своихъ учениковъ, но онѣ всегда кончались жалкимъ образомъ. Велитъ, бывало, написать ученику басню, а тотъ начинаетъ писать на черной доскѣ: «Скачетъ груздочекъ по ельничку, не груздочекъ скачетъ — поповскій сынъ (Груздевъ былъ изъ духовнаго званія) и пр.» За этимъ начинается крикъ и шумъ: «Да развѣ это басня? Развѣ ты не училъ басенъ?» — «Да развѣ я малолѣтокъ какой, чтобы учить басни, а что читалъ прежде, то позабылъ.» — «Ну

такъ пиши прозу.» — И вотъ тотъ начинаетъ писать: «Проѣзжалъ я по поповскому полю и видѣлъ множество скверныхъ груздѣй...» и пр. Тутъ уже Груздевъ не выдержитъ, начинаетъ браниться, говоритъ о неуваженіи къ учительскому и духовному званію, а въ томъ время и пройдетъ.

Учитель географіи вздумалъ было пожаловаться на меня, что я у него не занимаюсь, а читаю въ классѣ все какія-то французскія книги. Это удивило всѣхъ, потому что у меня обыкновенно была во всѣхъ классахъ какъ-бы стереотипная отмѣтка «отлично хорошо», а въ поведеніи «ни въ чемъ незамѣченный», что составляло величайшую рѣдкость, такъ что не во всякомъ даже выпускѣ находился и одинъ воспитанникъ съ подобною отмѣткою. — Дѣло кончилось однако же очень жалко для учителя. Меня позвали къ инспектору въ бібліотеку. Учитель не зналъ по французски, а я принесъ книгу, которую читалъ, и спросилъ у инспектора, чтобы тотъ спросилъ у учителя, та-ли это самая книга, которую я читалъ. На утвердительный его отвѣтъ я показалъ, что это была географія Мальбренна, считавшаяся тогда самою лучшею и полною, а что, слѣдовательно, я занимался именно тѣмъ, что слѣдуетъ въ классѣ. Что же касается до того, что я не слушаю его объясненій и не отвѣчаю на его вопросы, то я сказалъ, что мнѣ стыдно отвѣчать на такіе вопросы и что мнѣ нечего слушать его объясненія, когда я лучше его знаю географію, для доказательства чего и просилъ, что пусть онъ предложитъ мнѣ, какіе хочетъ вопросы, а тамъ я предложу ему. Учитель уклонился отъ этого, и тогда инспекторъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ классъ я могу не ходить, а могу заниматься въ это время въ бібліотекѣ, учителю же велѣлъ идти въ свое мѣсто.

Относительно состава корпусныхъ офицеровъ можно сказать, что трудно было придумать болѣе противорѣчія въ условіяхъ ихъ выбора, до такой степени одни разнились отъ другихъ, но въ общемъ преобладала однако справедливость, особенно въ оцѣнкѣ ученія и поведенія воспитанниковъ и въ опредѣленіи старшинства. Были удивительные оригиналы, какъ напр. одинъ полковникъ «изъ гатчинскихъ», у котораго главная заслуга кадетъ состояла въ томъ, чтобы они носили собственное платье, а особенно сапоги. Придетъ бывало учитель пожаловаться ему на какого-нибудь кадета изъ его роты, что тотъ худо учится. Призовутъ кадета: «Ну вотъ слышишь, что о тебѣ говорятъ?» — «Помилуйте, Василій Ивановичъ, я, кажется, во всемъ исправенъ, какъ и сами изволите знать. Вотъ и свои сапоги ношу (выдвигая ногу). Просто не выучилъ сегодня урока отъ того, что голова болитъ.» — «Ну что же вы въ самомъ дѣлѣ притѣсняете ребенка. Ну вотъ заболѣла сегодня головенка, завтра выучить.»

Только одного онъ пропускать не могъ, если услышитъ, что говорили «мятелица» (его фамилія была Метельскій). — Не говори, братецъ, мэтэлыца, говори вьюга.» Онъ едва зналъ грамотѣ и забавнѣе всего, что при переименованіи прежнихъ корпусныхъ чиновъ военно-сухопутныхъ въ морскіе переименовали и его въ морской чинъ.

Но были люди и высокой добродѣтели, какъ напр. князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, умершій на Аюнской горѣ схимомонахомъ. Хотя и фанатикъ по религіи, онъ, какъ и братъ его, Павелъ Александровичъ, служилъ образцомъ высокой нравственности. — По учености замѣчательны были Давыдовъ и Подчерковъ, — всѣ

эти люди принадлежали къ той плеядѣ офицеровъ (къ которой впоследствии и я имѣлъ честь принадлежать, когда былъ самъ кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ), надъ которыми самые дерзкіе изъ кадетъ никогда не позволяли себѣ смѣяться и къ которымъ всегда относились съ уваженіемъ.

Нравственный надзоръ былъ однако же очень слабъ. Такъ какъ не было особыхъ надзирателей, то и трудно было, чтобы даже дежурные, а не только всѣ частные офицеры, находились постоянно при воспитанникахъ. Поэтому, не только отдѣльнымъ шалостямъ, но и цѣлымъ заговорамъ легко было развиваться, какъ это происходило при такъ называемыхъ корпусныхъ бунтахъ или при сраженіяхъ одного выпуска съ другимъ. Бунты происходили всегда за дурную пищу и состояли въ общемъ мычаньи, стучаньи ногами и ножами и, наконецъ, въ бомбардированіи эконома бомбами, состоявшими изъ жидкой каши, завернутой въ тонкое тѣсто изъ мякиша, такъ, чтобы, ударяясь обо что-нибудь, тѣсто разрывалось и опачкивало бы человѣка кашею. Поводомъ же къ сраженію бывало всегда то обстоятельство, когда какой-нибудь младшій выпускъ не хотѣлъ признавать власти старшаго.

Въ морскомъ корпусѣ было чрезвычайно развито то, что называется въ англійскихъ школахъ и университетахъ „*fagging*“, т. е. прислуживанье младшихъ старшимъ, хотя и далеко не въ такомъ видѣ, какъ въ Англии, потому что, если и были злоупотребленія силы, то это въ томъ же смыслѣ, какъ и между равными, какъ вообще мальчикъ, который посильнѣе, прибѣетъ слабѣйшаго. Идти въ другую роту за книгою, съ запискою, съ порученіемъ, считалось обязанностію, но чистить сапоги, платье, пуговицы и пр. исполнялось болѣе тѣми, кто самъ брался за

то, за нѣкоторыя предоставляемыя ему льготы. Впрочемъ, право требовать это предоставлялось только старшему выпуску и то относительно кадетъ только, а отнюдь не гардемаринъ. Вѣчные же спорные пункты права состояли въ томъ: имѣютъ-ли право старшіе гардемарины подчинять младшихъ тому же порядку, что и кадетъ? (напр. вставать вмѣстѣ съ кадетами) и второе, имѣютъ-ли младшіе гардемарины такое же право требовать отъ кадетъ услугъ, какъ и старшіе? Впрочемъ, надо сказать, что изслѣдованіе этихъ правъ являлось большею частію, какъ благовидный предлогъ, между тѣмъ какъ истинная сущность побужденій состояла почти всегда въ тайномъ желаніи помѣряться силами и прославиться подвигами въ корпусной исторіи, вслѣдствіе чего вопросы о правѣ возбуждались, очевидно, умысленнымъ задираньемъ съ той или другой стороны. Честь требовала не относиться на судъ къ начальству, а рѣшать дѣло рукопашнымъ боемъ на заднемъ дворѣ, что, равно какъ и приготовленіе къ бунту, было бы разумѣется не мыслимо, если бы надзиратели постоянно находились при воспитанникахъ.

Розги были въ общемъ употребленіи, и не по жестокости личностей начальниковъ, а по несчастной системѣ, хотя иные начальники за хладнокровное приложеніе слишкомъ сильныхъ наказаній и заслуживали строгое порицаніе, какъ напр., племянникъ директора Овсовъ, дававшій по 300 ударовъ. Извѣстно, что я одинъ только составилъ исключеніе, когда былъ корпуснымъ офицеромъ и преподавателемъ. Я не наказывалъ никогда тѣлесно, даже не ставилъ и на колѣни, а между тѣмъ меня всегда слушались, тогда какъ офицерамъ, щедрымъ на наказаніе, не только не повиновались, но часто умысленно грубили. Привычка къ тѣлесному на-

казанію ожесточала, и считалось молодецествомъ выносить и самое ожесточенное наказаніе, молча, и не только не попросить прощенія, но еще вновь грубить. Наказаніе розгами раздѣлялось на три степени: келейное (большей частію въ дежурной комнатѣ), при ротѣ (только съ разрѣшенія уже директора) и при цѣломъ корпусѣ, что сопровождалось всегда и выключеніемъ изъ корпуса.

Впрочемъ, порядокъ въ ротѣ всегда болѣе зависѣлъ отъ старшихъ гардемаринъ, нежели отъ офицеровъ. Когда я потомъ былъ старшимъ гардемаринномъ, у меня вставали всѣ въ одно время, потому что я самъ вставалъ прежде всѣхъ; услугъ, кромѣ добровольныхъ, никто не имѣлъ права требовать, потому что я самъ никакихъ не только не требовалъ, но и не принималъ, — наконецъ, новичковъ никто не смѣлъ обижать, потому что они находились подъ особымъ моимъ покровительствомъ. У меня въ ротѣ никто не смѣлъ держать тайкомъ ни трубки, ни вина, ни картъ. Но, несмотря на всю строгость, меня очень любили и моя рота и мой классъ, потому что, бывши и старшимъ гардемаринномъ, и кадетскимъ офицеромъ, я былъ всегда дѣятельнымъ помощникомъ во всемъ справедливомъ и полезномъ, помогалъ всѣмъ въ занятіяхъ, слѣдилъ за ученіемъ въ классахъ, открыто вступался въ случаѣ несправедливости, велъ переписку съ родными и пр.*) Общее расположеніе выказывалось особенно въ деликатномъ уваженіи къ моимъ занятіямъ.

*) Когда я возвратился уже снова въ Москву, то однажды у Пресвященнаго Леонида одинъ изъ посѣтителей, Озеровъ, узнавши, кто я, напомнилъ мнѣ, что былъ моимъ ученикомъ и кадетомъ моей роты, и засвидѣтельствовалъ передъ всѣми собравшимися, что я никогда не наказывалъ тѣлесно, не бранился, но что не менѣе того меня больше всѣхъ боялись отъ того, что больше всѣхъ уважали.

Каково бы ни было увлеченіе шалостью, какой-бы ни былъ шумъ, но едва я садился за занятія, какъ со всѣхъ сторонъ раздавались слова: «Тише, господа!» или: «Пойдемте отсюда, нашъ зейманъ*) сѣлъ заниматься.» — Моя рота и мой выпускъ гордились мною.

Неблагодарные поступки были впрочемъ рѣдки въ корпусѣ. Высшими проступками были: куренье табаку въ закоулкахъ, уходъ изъ корпуса безъ спросу и нѣкоторые пороки, оскорбляющіе нравственность. Случаи пьянства были очень рѣдки, и во все время двукратнаго моего пребыванія въ корпусѣ былъ только одинъ случай воровства изъ кондитерской конфетъ, и то, впрочемъ, недоказанный слѣдствіемъ. Похищеніе огурцовъ въ огородахъ составляло болѣе проказы, нежели воровство, потому что главная цѣль была всегда посмѣяться надъ огородниками и одурачить ихъ. Тутъ въ заговорѣ были всегда кадеты разныхъ корпусовъ, которые переодѣвались въ чужіе мундиры и поэтому какъ бы хорошо огородники не замѣтили лицо, но разумѣется въ томъ корпусѣ никогда не могли найти виновнаго, въ которомъ искали его, основываясь на мундирѣ, и поэтому нерѣдко еще сами попадали въ полицію за напраслину, взведенную на корпусъ. Разумѣется, здѣсь не включаются непослушаніе, дерзость, лѣнность, буйство, составляющіе проступки особаго разряда. При мнѣ выключеніе изъ корпуса, какъ и наказаніе при корпусѣ, случилось только одинъ разъ за бунтъ, при которомъ, кромѣ эконома, были оскорблены неприличными криками и нѣкоторые офицеры.

*) Зейманъ — названіе ученаго моряка, ведущее свое начало еще отъ Петра I-го.

Съ поварами расправлялись своеручно. Странно, что старшіе повара были въ офицерскихъ чинахъ, одинъ даже 12-го класса, что не мѣшало однако дежурнымъ гардемаринамъ бить ихъ, когда ловили ихъ въ воровствѣ провизіи. Разумѣется, что при подобномъ случаѣ тѣ не смѣли жаловаться. По корпусу назначалось въ дежурство два гардемарина, старшій и младшій, которые въ тотъ день приглашались къ офицерскому столу.

III.

Почти немедленно послѣ вступленія моего въ корпусъ и производства въ гардемарины, я отправился въ первый свой морской походъ на корпусныхъ фрегатахъ. Я быстро усвоилъ себѣ всѣ морскіе термины и такъ хорошо изучилъ всѣ маневры, что, хотя былъ еще и младшимъ гардемаринномъ, однако меня начали приучать къ управленію кораблемъ наравнѣ со старшими. По обычаю, въ этомъ походѣ осматриваютъ всегда въ подробности Кронштадтъ, какъ главную морскую, военную и торговую гавань, посѣщаютъ Стрѣльну, Лисій носъ, Ораніенбаумъ, Петергофъ (гдѣ участвуютъ въ іюльскихъ праздникахъ) и пр.

По возвращеніи изъ похода, я началъ теоретическое изученіе морскихъ наукъ и всегда далеко опережалъ ходъ обученія въ классѣ. Вообще, метода у меня была слѣдующая: я старался самъ изучить и понять все, до чего еще не доходило преподаваніе въ классѣ. Такимъ образомъ, если что оставалось непонятное, то во всякомъ случаѣ мое вниманіе именно поэтому-то и было обращено на это преимущественно, и, когда оно доходило по оче-

реди до толкованія учителя, я слѣдилъ за объясненіемъ съ особеннымъ вниманіемъ и старался дать себѣ отчетъ, отчего я самъ не могъ себѣ разъяснить того. Такимъ образомъ при моей памяти я никогда не записывалъ, а немедленно самъ передавалъ ихъ другимъ у себя и въ классѣ и въ ротѣ, и у меня не было тетрадей, да и доску свою всегда отдавалъ другимъ, кто не могъ удержать всего въ памяти, и вынужденъ былъ записывать все. Исполняя давнишнее свое желаніе, я началъ учиться по англійски, нанимая для частныхъ уроковъ Бруинката, учителя вел. кн. Анны Павловны, а для репетиціи по вечерамъ, полковника Де-Ливрона, командира первой роты, котораго одинъ изъ сыновей былъ моимъ товарищемъ. Де-Ливронъ, жившій въ корпусѣ, давалъ уроки на дому, и поэтому мнѣ пришлось познакомиться и съ его семействомъ, чрезъ что поддерживалась и практика французскаго и нѣмецкаго языка, для которой кадеты собственно не имѣли случая въ корпусѣ.

Въ 1817 г., по Высочайшему повелѣнію, определено было выбрать изъ всего корпуса двѣнадцать отличнѣйшихъ гардемариновъ изъ всѣхъ выпусковъ и отправить для посѣщенія всѣхъ портовъ Балтійскаго моря и ко дворамъ Шведскому и Датскому. Я, разумѣется, былъ назначенъ въ числѣ этихъ 12-ти, но въ это самое время заболѣлъ корью, бывшею на этотъ разъ повальною въ корпусѣ. Поэтому отложено было на десять дней отправленіе наше въ Кронштадтъ, чтобы дать мнѣ оправиться. Подробности этого могутъ составить особое описаніе и заключаются въ журналахъ, которые мы всѣ обязаны были вести для представленія министру. Я здѣсь упомяну только о томъ, что особенно до меня касалось.

Въ Роченсальмѣ главнымъ начальникомъ порта былъ Ѳеодоръ Власьевичъ Веселаго, который служилъ на Каспійскомъ морѣ подъ командою у отца моего. Онъ настоялъ, что пока мы будемъ въ портѣ, я гостилъ бы у него, и я былъ, дѣйствительно, въ его семьѣ, какъ родной, такъ какъ онъ твердилъ безпрестанно, что не знаетъ, какъ и выразить признательность къ моему отцу за все, чѣмъ онъ въ свою очередь пользовался отъ него.

Въ Свеаборгѣ мы были приняты, какъ свои, у адмирала графа Гейдена, и я особенно подружился съ его дочерью, Марією, моей ровесницею, вышедшею потомъ замужъ за барона Шлиппенбаха, а во второй разъ за Ивкова. Здѣсь явилась опять практика въ языкахъ въ семьѣ графа, и кромѣ того я воспользовался случаемъ, чтобы у адъютанта графа Гейдена, лейтенанта Туксена, выучиться произношенію шведскаго и датскаго языковъ, которые я до того изучалъ только теоретически. Впрочемъ, и на самомъ кораблѣ, на которомъ мы совершили этотъ походъ, не было недостатка въ практикѣ иностранныхъ языковъ для тѣхъ, кто хотѣлъ этимъ пользоваться. Надо сказать, что при насъ былъ назначенъ гувернеромъ кн. С. А. Шихматовъ, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ заставлялъ насъ заниматься переводами. Командиръ корабля, П. А. Дохтуровъ, и старшій офицеръ, Мардарій Васильевичъ Милюковъ, были воспитаны на англійскомъ флотѣ и говорили по англійски въ совершенствѣ. Одинъ изъ офицеровъ былъ нѣмецъ, сынъ адмирала Моллера, военнаго губернатора Кронштадта.

Здѣсь кстати описать намъ бытъ и всѣ порядки во время этого памятнаго похода. Корабль, на которомъ совершали мы плаваніе, былъ бригъ «Фениксъ». Это былъ лучший ходокъ въ цѣломъ фло-

тѣ, такъ что, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, ходъ его доходилъ до 20 верстъ въ часъ. Командиръ брига, хотя и не могъ не знать своего дѣла, но болѣе занимался не имъ, а щегольствомъ. Это былъ пустой человѣкъ, носившій бѣлую кавалерійскую фуражку и саблю на отлетѣ на серебряной португелѣ. Совсѣмъ иного свойства былъ старшій офицеръ. Ему я обязанъ не только своими основательными морскими познаніями, но и привычкою къ самостоятельности въ дѣйствіи и безстрашію въ принятіи на себя самой опасной отвѣтственности, когда обстоятельства того требовали, чѣмъ особенно и прославился я въ послѣдствіи. (Какъ напр. при срубкѣ крановъ въ Кронштадтѣ, при отважномъ маневрѣ, спасшемъ фрегатъ, и пр., о чемъ всемъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.)

Милюковъ вздумалъ довѣрять мнѣ командованіе вахтою вмѣсто себя и оставлялъ меня одного, а самъ уходилъ внизъ въ каюту. Капитану это ужасно не понравилось, и онъ говорилъ ему, какъ онъ можетъ довѣрять столько чистому еще ребенку, но онъ былъ, какъ говорится, совершенно въ рукахъ Милюкова, который, кромѣ того, что считался первымъ во флотѣ знатокомъ морскаго дѣла (выше даже Мих. Петр. Лазарева), но еще и дѣлалъ все за капитана, который больше думалъ объ удовольствіи. Къ тому же они были и товарищи. На опасенія капитана Милюковъ обыкновенно отвѣчалъ, что этому ребенку онъ болѣе довѣряетъ, чѣмъ иному старому лейтенанту, и мнѣ говорилъ: «Помните, что на васъ лежитъ отвѣтственность не только за сохраненіе корабля, но и за мою честь.»

Милюковъ былъ самый пылкій и отважный человекъ, направлявшій насъ на отвагу всякаго ро-

да — и военную, и въ маневрахъ, и въ гимнастикѣ, и это до того, что всѣ наши продѣлки въ послѣдней внушали даже серьезныя опасенія князю. Такъ напр. у насъ одно изъ любимыхъ упражненій было спускаться съ марса и даже съ салинга по веревкамъ внизъ головою. Сначала мы платили молодому «чухнѣ Юганкѣ» по гривеннику за показаніе этого фокуса, а тамъ и сами выучились ему. Все это очень не нравилось князю, и мы старались скрывать это отъ него. Разъ я совсѣмъ готовился уже спускаться и опрокинулся уже внизъ головою, какъ закричали, что князь выходитъ наверхъ. Нечего было дѣлать, — надо было, задержавшись руками, на лету перепрокинуться быстро опять внизъ ногами и спуститься какъ можно быстрѣе. Все это я сдѣлалъ очень ловко, но отъ силы и быстроты тренія веревка врѣзалась въ икру ноги. Князь этого ничего не видалъ, но подойдя ко мнѣ, чтобы сказать о чемъ-то, вдругъ воскликнулъ: «Боже мой, что это?» Возлѣ меня была лужа крови. Нечего было дѣлать, надо было все рассказать.

Другая наша забава состояла въ томъ, чтобы бѣгать кругомъ корабля по борту и по койкамъ, которыя на немъ укладывались, рискуя, конечно, упасть въ воду или на палубу и расшибиться, какъ это и случилось съ Нахимовымъ. При крикѣ: «князь идетъ», онъ хотѣлъ соскочить на палубу, но зацѣпившись ногой за веревку, упалъ, расцѣпши подбородокъ о желѣзное кольцо, вбитое въ палубу и закричавши: «Братцы, не сказывайте князю», когда тотъ стоялъ уже за нимъ и все видѣлъ. — Наконецъ была еще одна забава — это ходить съ одной мачты на другую по натянутой наискось веревкѣ. Въ этомъ попался князю Рыкачевъ. Осту-

пившись, онъ повисъ на рукѣ, которая сжалась спазматически до такой степени, что надо было подвести подъ него бесѣдку и долго оттирать руку спиртомъ, чтобы имѣть возможность разжать ее.

Мы не были довольны сухимъ приемомъ въ Ригѣ, гдѣ хотя и показывали намъ все, исполняя предписанія правительства, но не выказывали ни малѣйшаго радушія. Вообще въ Ригѣ, въ своей землѣ, явно выказывали недоброжелательство къ русскимъ, тогда какъ напротивъ въ чужихъ государствахъ, въ Швеціи и Даніи, насъ принимали, начиная отъ двора до каждаго частнаго лица, куда приходилось намъ заходить, не только какъ своихъ, но даже какъ будто родныхъ, особенно въ Даніи. Въ Стокгольмѣ особенно полюбилъ меня нашъ посланникъ, графъ Сухтеленъ, у котораго я, бывало, оставался не разъ и ночевать, когда, для удовольствія моей любознательности, надобно было начинать осмотръ или уѣзжать на другой день рано поутру. Съ корабля же свозили гардемаринъ обыкновенно послѣ завтрака около полудня.

Король Шведскій, Карлъ XIII, былъ уже очень старъ, а еще болѣе слабъ умомъ. Онъ почти впалъ въ дѣтство, а государствомъ правилъ наслѣдный принцъ, кронъ-принцъ, какъ тамъ зовутъ, извѣстный французскій маршалъ Бернадотъ, вскорѣ вступившій на престолъ подъ именемъ Карла XIV. Онъ поручилъ сыну своему, Оскару, впоследствии также королю, принимать насъ. Мы всѣ замѣтили, что Оскаръ не привыкъ еще разыгрывать роль принца. Въ первое наше представленіе Бернадоту, за просто, въ его загородномъ дворцѣ Розенталѣ, куда насъ привезли къ нему послѣ обѣда, какъ гостей, случилось забавное происшествіе. Бернадотъ относился съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ князю Ших-

матову и потому обо всемъ, что касалось насъ, спрашивалъ его напередъ. Полагая, что мы, какъ моряки, должны съизмала приучаться къ пуншу, онъ однакоже напередъ спросилъ князя, можно-ли насъ поподчивать пуншемъ, «разумѣется, слабенькимъ,» прибавилъ онъ. Князь не смѣлъ отказать. Бернадотъ приказалъ Оскару самому распорядиться о пуншѣ, а тотъ, вѣроятно, думая угодить намъ, сдѣлалъ его прекрѣпкимъ. Съ ужасомъ замѣтилъ это князь, отвѣдавъ понемногу и потому, сказавъ намъ по-французски, что мы можемъ пить, прибавилъ по-русски: «Не пейте, друзья мои, очень крѣпко.» Поэтому нѣкоторые подносили стаканы только къ губамъ и разставили ихъ по столамъ и окнамъ, какъ-бы намѣреваясь пить понемногу, чтобы не замѣтно было, что не пьютъ, но нашлись и такіе, которые считали дозволеніе на французскомъ языкѣ важнѣе совѣта на русскомъ и опорожнили стаканы залпомъ.

Бернадотъ очень полюбилъ меня и усаживалъ бывало возлѣ себя, когда игралъ съ нашимъ посломъ въ шахматы и у себя, и приходя къ нему иногда запросто послѣ обѣда. При посѣщеніи корабля шведскимъ дворомъ мнѣ сдѣлали честь назначить меня для командованія не только маневрами, но и примѣрнымъ сраженіемъ съ абордажемъ, причемъ люди такъ увлеклись, что вступили было и въ дѣйствительную свалку и одному ранили руку интрипелемъ (топоръ на длинной рукояткѣ), а другому штыкомъ въ ногу, такъ что я насилу могъ разнять ихъ, бросаясь между ними. По этому поводу, кромѣ похвалы и привѣтствій и отъ своихъ, и отъ чужихъ на кораблѣ по окончаніи маневровъ, когда я съѣхалъ вечеромъ къ посланнику (мнѣ предоставлена была въ распоряженіе его библіотека съ рѣд-

кими книгами и картинами), то онъ сказалъ, что поздравляетъ меня съ орденомъ. «Съ какимъ?» спросилъ я съ изумленіемъ. «Кронпринцъ назначаетъ вамъ за маневры орденъ Меча.» — Мнѣ стало какъ-то совѣстно и неловко, и я сказалъ графу, что я очень хорошо знаю, что я маневрами не оказалъ никакой услуги Швеціи, что мнѣ даже стыдно будетъ предъ товарищами и что поэтому я ордена не приму. Сухтеленъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, но, поговоривъ съ княземъ, похвалилъ меня. Между тѣмъ командиръ корабля получилъ тоже орденъ Меча, но урокъ, данный мною, подѣйствовалъ, и онъ никогда его не носилъ, и только я могъ объяснить настоящую причину этого его сыну въ Читѣ, который, представляясь мнѣ, рассказывалъ, что только по смерти отца, разбирая его бумаги, онъ увидѣлъ, что отецъ его имѣлъ орденъ Меча.

Въ Копенгагенѣ я особенно подружился съ маленькимъ наслѣднымъ принцемъ, бывшимъ впоследствии королемъ Даніи подъ именемъ Фридриха VII. Мы сдѣлались неразлучными и безцеремонными товарищами. Особенно тѣсно соединило насъ общее негодованіе противъ англичанъ, которые незадолго передъ тѣмъ бомбардировали Копенгагенъ, а у насъ сожгли въ Балтійскомъ морѣ военный корабль «Всеволодъ». Поэтому мы вмѣстѣ строили планы объ отмщеніи, о которыхъ разговоры начинались обыкновенно такъ: «Когда я буду королемъ, а ты адмираломъ (и я ему также говорилъ — ты), тогда то-то и то-то и пр.» Но и въ этихъ дѣтскихъ соображеніяхъ, мы не лишены были однако нѣкоторой предусмотрительности. Я помню, что однажды, толкуя, какъ-бы захватить англичанъ врасплохъ, мы додумались до необходимости имѣть и мнѣ болѣе полномочія. «Да вотъ постой,» сказалъ онъ мнѣ,

«это устроить очень просто. Я напишу къ вашему Государю, чтобы онъ назначилъ тебя вмѣстѣ и посланникомъ. Да чего тутъ писать, если нужно будетъ и самъ съѣзжу за этимъ» и пр. Онъ уговаривалъ меня, что, когда я выйду изъ корпуса, то приѣзжалъ-бы въ отпускъ къ нему въ Копенгагенъ, и тогда онъ будетъ учить меня по датски, а я его по русски.

Однажды устроена была большая прогулка по озеру близъ дворца Санъ-Суси. Отправилась цѣлая флотилія, потому что въ загородномъ дворцѣ былъ въ этотъ день большой обѣдъ, а вечеромъ всѣ приглашенные на обѣдъ должны были быть и на балѣ. Вдругъ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Сдѣлалось такъ темно, что лодки расходились въ разныя стороны. Я былъ по обыкновенію на одной лодкѣ съ принцемъ. За темнотою наши люди не могли найти никакой пристани и мы пристали гдѣ-то въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было очень мелко, и лодка не могла подойти близко къ берегу. Принца и меня перенесли на рукахъ безъ затрудненія, но не такъ легко было перенести толстаго гвернера или гофмейстера наслѣднаго принца. Пока съ этимъ возились, а мы стояли на берегу, принцъ шепнулъ мнѣ, что нечего дожидаться, что онъ знаетъ дорогу и намъ лучше бѣжать домой. Сказано — сдѣлано. И вотъ мы пустились въ темнотѣ подъ сильнымъ дождемъ. Когда мы бѣжали мимо одной дачи, онъ сказалъ мнѣ: «Забѣжимъ на кухню погрѣться.» Дача эта принадлежала статсъ-дамѣ, графинѣ Браге. Мы прибѣжали на кухню, какъ-бы сосѣдніе или дворовые мальчишки, но забыли, что на мнѣ былъ мундиръ. Насъ узнали и увели къ графинѣ, которая по нездоровью была дома. Она всхлопоталась, чтобы заложить карету и напоить

насъ чаемъ, но едва только она вышла изъ комнаты, чтобы распорядиться, какъ мы по сигналу, данному моимъ товарищемъ, бросились чрезъ террасу изъ гостиной въ садъ и чрезъ какую-то боковую калитку побѣжали во дворецъ. Прибѣжавъ въ комнаты принца, бывшія въ особенномъ флигелѣ, мы тотчасъ переодѣлись, я надѣлъ его бѣлье и платье, и мы усѣлись разсматривать картины. Между тѣмъ во дворцѣ сильно встревожились, не видя насъ, и разослали вездѣ искать. Наконецъ сталъ извѣстенъ нашъ побѣгъ отъ гофмейстера, который, не смѣя показаться, оставался на мѣстѣ и въ свою очередь разсылалъ во всѣ стороны узнать, не видѣли-ли гдѣ насъ. Затѣмъ узнали, что мы были у графини Браге и еще болѣе обезпокоились объ уходѣ нашимъ оттуда. Наконецъ нашли насъ, преспокойно занимающихся дѣломъ.

Трудно представить свободу больше той, какую мы пользовались въ Копенгагенѣ и которая была особенно привлекательна для насъ послѣ корпусной и корабельной дисциплины. Насъ свозили обыкновенно поутру или прямо во дворецъ или въ морской корпусъ, гдѣ отведены были для насъ комнаты. Всему датскому Морскому корпусу была дана ваканція во все время пребыванія нашего въ Даніи. Датскіе кадеты должны были вездѣ сопровождать насъ. Мы ходили, куда хотѣли, и нерѣдко бывало съ вечера или бала при дворѣ вздумаемъ и побѣжимъ въ театръ въ королевскую ложу, отданную въ наше распоряженіе на все время.

Мы до такой степени привыкли къ непринужденному обращенію со всѣми, что это нерѣдко приводило къ очень забавнымъ сценамъ. Разъ молодая королева (супруга бывшаго норвежскаго, а впоследствии датскаго короля Христіана, мать наслед-

наго принца) сказала одному гардемарину Лихони-ну, отчего онъ не попробуетъ варенья? — и, взявъ тарелку съ вареньемъ, подала ему. Тотъ же вмѣсто того, чтобы принять тарелку, взялъ ложку и преспокойно расположился кушать и бесѣдовать, заставляя королеву держать предъ нимъ тарелку. Раздался кругомъ хохотъ, а онъ, не замѣчая, что это относится къ нему, продолжалъ свое дѣло. Наконецъ королева сама расхохоталась, поцѣловала его въ голову и, поставивъ тарелку на столъ, усадила гардемарина къ столу.

Подъ предлогомъ доставить удовольствіе намъ, веселился и весь городъ. Каждый день придумывали что-нибудь новое. Распорядителемъ былъ всегда принцъ Фердинандъ, братъ норвежскаго короля. Безпрестанно предпринимались поѣздки въ загородные дворцы и замки, и тогда праздникъ начинался съ ранняго утра. Огромный поѣздъ отправлялся въ разнородныхъ открытыхъ экипажахъ. Особенно любили длинныя фуры, въ которыхъ на рессорахъ были утверждены поперекъ въ нѣсколько рядовъ двойныя сидѣнья. На дорогѣ нѣсколько разъ останавливались завтракать, причемъ почти всегда затѣвались и танцы. По прибытіи во дворецъ или замокъ давалось до обѣда время на осмотръ и прогулку, послѣ обѣда опять прогулка, а затѣмъ балъ и возвращеніе съ факелами въ столицу. Въ одномъ замкѣ впрочемъ мы ночевали и провели два дня.

Когда мы были въ Фридрихсбергѣ и ѣздили отсюда осматривать Гельсиноръ, то останавливались пить чай на мѣстѣ, гдѣ являлась Гамлету тѣнь отца его и разыгрывали эту сцену. Замѣчательно, что мы по приглашенію голландскаго консула въ Гельсинорѣ заходили и къ нему, а много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его дочь за Байкаломъ въ Хоринской

бурятской миссии, женою англійскаго миссіонера Сталлифорса. Къ сожалѣнію, не всѣ умѣли правильнымъ образомъ пользоваться данною свободою. Двое изъ нашихъ гардемариновъ, Колычевъ и Бутеневъ, не соразмѣрили количества напитковъ со своими силами, и датскій адмиралъ поемѣялся надъ русскими моряками. На другой же день они спозли четырехъ датскихъ гардемариновъ и расположили по разнымъ бесѣдкамъ въ саду. Потомъ, лукаво пригласивъ старика-адмирала Снидорфа, директора морскаго училища, прогуляться съ ними, стали подводить къ бесѣдкамъ и притворяться удивленными, что кто-то тамъ лежитъ пьяный. — «Что, вѣрно опять кто нибудь изъ вашихъ нализался?» спросилъ старикъ, не подозрѣвая предательства. «А вотъ зайдемъ, посмотримъ,» отвѣчали они. Затѣмъ вводили его въ бесѣдку и, сказавши: «нѣтъ, это не нашъ, а вашъ,» переходили къ другой. Адмиралъ ужасно хохоталъ и рассказалъ королю о такомъ оригинальномъ и замысловатомъ мщеніи «изобрѣтательныхъ русскихъ плутишекъ.»

Я забылъ еще сказать, что въ Швецію мы заходили для осмотра въ Карлскрону, главный военный портъ. Изъ Копенгагена же мы отправились обратно въ Кронштадтъ, осмотрѣвъ прусскій берегъ и островъ Борнгольмъ и зайдя въ Ревель. Когда мы пришли въ Копенгагенъ, нашъ посланникъ, баронъ Николаи, былъ въ отсутствіи. Онъ возвратился въ концѣ уже нашего пребыванія и выказалъ себя совершенною противоположностью графу Сухтелену. Онъ видимо тяготился нашимъ присутствіемъ, которое должно было повлечь и для него расходы, какъ на доставленіе удовольствія намъ, такъ и для того, чтобы отблагодарить при такомъ случаѣ и дворъ, и городъ за радушный при-

емъ, сдѣланный намъ. Поэтому онъ торопиль капитана подѣ предложомъ опасности плаванія въ позднюю осень, и мы очень смѣялись, когда при разговорѣ объ этомъ, во время представленія насъ, онъ на замѣчаніе капитана, что противный вѣтеръ не допускаетъ выхода изъ порта, сказалъ, что нельзя какъ-нибудь выйти бокомъ. «Вѣдь вы какъ-то умѣете ходить бокомъ,» сказалъ онъ, не зная морскаго выраженія лавировать, — онъ не пригласилъ даже никого къ обѣду.

По возвращеніи въ корпусъ мы представили свои журналы. Мой журналъ найденъ былъ образцовымъ, самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ, и въ немъ замѣчена была та особенность, что нигдѣ не было лести начальству, ни описаній оффиціальныхъ торжествъ.

Походъ въ Швецію и Данію далъ мнѣ особенное значеніе по той репутаціи, которую я приобрѣлъ тѣмъ, что командовалъ уже вахтою. Поэтому въ походѣ на слѣдующій годъ на корпусныхъ фрегатахъ я занималъ уже должность не гардемарина, а офицера и съ тѣхъ поръ никогда уже во время всей остальной службы не былъ подчиненъ на вахтѣ другому.

IV.

Время отъ возвращенія изъ этого похода до выпуска ознаменовано было для меня двумя важными событіями: назначеніемъ меня преподавателемъ вмѣсто больнаго учителя и изученіемъ богословія у іеромонаха Іова, увлекшаго было насъ въ мистическое направленіе.

Преподаватель въ нашемъ классѣ высшей математики и астрономіи. Алексѣй Кузьмичъ Давы-

довъ, сильно заболѣлъ такою болѣзнію, которая не подавала надежды на скорое выздоровленіе. Если бы назначили новаго учителя, то кромѣ того, что это намъ было бы непріятно, Давыдовъ лишился бы учительскаго жалованья, а всѣ мы знали, что онъ человѣкъ бѣдный, да еще и помогающій семейству своего брата. Поэтому весь классъ единогласно сказалъ мнѣ: «Возьмись ты учить насъ, а мы даемъ тебѣ честное слово, что будемъ учиться хорошо.» Я согласился, и тогда два выборныхъ изъ класса объявили объ общемъ нашемъ рѣшеніи инспектору и самому Давыдову. Оба были очень этимъ тронуты, мнѣ передали преподаваніе, а я, если встрѣчалъ какое нибудь затрудненіе въ лекціи, которую долженъ былъ читать на слѣдующій день, то ходилъ свечера спрашивать поясненіе или къ самому Давыдову или къ инспектору, а иногда и къ другимъ старшимъ учителямъ, которые всѣ охотно содѣйствовали мнѣ въ добромъ дѣлѣ. Классъ мой учился не достаточно сказать, что хорошо, а отлично. Такимъ образомъ задолго до прямого назначенія меня на штатное мѣсто, самостоятельнымъ преподавателемъ высшихъ наукъ, я занималъ въ теченіи семи мѣсяцевъ мѣсто преподавателя за другого.

Что же касается до изученія богословія, то это случилось такъ. По тайному вліянію масоновъ старались въ то время назначить преподавателями Закона Божія въ учебныя заведенія людей, причастныхъ масонству. Начали съ Морскаго корпуса, гдѣ, какъ полагали, менѣе обратятъ на это вниманіе. Назначенъ былъ къ намъ іеромонахъ Іовъ, очень ученый человѣкъ, находившійся прежде при нашемъ посольствѣ, кажется, въ Испаніи. Мы изучали, какъ водится, пространнѣйшій катехизисъ Петра Могилы,

церковную исторію Иннокентія и пр. Но онъ замѣтилъ, что это сухое преподаваніе мало занимаетъ насъ, и предложилъ нашему выпуску проходить съ нами пространно Догматическое Богословіе. Мы были очень рады и полюбили его преподаваніе. Онъ говорилъ хорошо, и увлекалъ насъ въ высшія сферы мышленія, что составляло совершенный контрастъ съ преподаваніемъ другихъ наукъ и очень намъ нравилось. Скоро это отразилось въ серьезности направленія даже у очень рѣзвыхъ и шаловливыхъ. Нѣсколько человѣкъ перестало ходить въ танцъ-классъ.*) Особенно привлекательно было для насъ то ученіе и толкованіе откровенія, которое открывало источники его въ каждомъ человѣкѣ. Мы не могли, конечно, замѣтить, что это увлекало прямо въ мистицизмъ, въ ученіе тѣхъ сектъ, которыя въ каждомъ созданіи своего собственнаго воображенія думаютъ видѣть откровеніе. Только впоследствии, сознавши, куда могутъ завести одностороннія внушенія непосредственнаго чувства, я позаботился возстановить поколебленное равновѣсіе, противопоставивъ имъ трезвую, глубокую и строгую науку.

Надо сказать, что начальство обращало мало вниманія на преподаваніе Юва, но нечаянное событіе обнаружило все дѣло. Вдругъ разнесся до крайности встревожившій всѣхъ слухъ, что іеромонахъ въ припадкѣ сумашествія исполосовалъ въ корпусной церкви всѣ образа, которые были написаны на холстѣ, и хотѣлъ броситься изъ окна четвертаго этажа, такъ что силою только былъ удержанъ.

*) Я впрочемъ танцовалъ, какъ говорятъ, очень хорошо, и собственно не учился въ корпусѣ танцовать, но въ танцъ-классъ всѣ были обязаны ходить, какъ-бы для моціона.

жанъ за платье дьячкомъ. Поднялась страшная суматоха.*) Иова схватили и отвезли въ Невскій монастырь, а къ намъ нагрянулъ весь Святейшій Синодъ. Отъ насъ потребовали тетради. Я дѣйстви-тельно по обычаю своему не имѣлъ никакихъ тетрадей, но другіе записывали лекціи со словъ Иова, однако никто тетрадѣй не отдалъ, ихъ спрятали и отозвались неимѣніемъ. — Тогда насъ привели въ конференцъ-залу, гдѣ насъ ожидали члены синода. Стали насъ экзаменовать. Мы отвѣчали по катехизису отлично и правильно. Стали предлагать другіе разные вопросы, — мы отвѣчали «съ необычнымъ для дѣтей разумѣніемъ,» какъ выразились члены синода, однако и въ этихъ отвѣтахъ не нашли ничего неправильнаго. Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что мистическое направ-леніе глубоко въ насъ проникло, и, если въ послѣдствіи и изгладилось, то у немногихъ вслѣдствіе лучшаго разумѣнія источниковъ и основъ человѣческаго знанія, а у большей части по причинѣ господствовавшаго въ обществѣ равнодушія къ вѣрѣ и утраты среди житейской суеты возбужденной было Иовомъ привычки заниматься высшими проблемами жизни.

Наконецъ, наступило время нашего выпуска и предшествующаго ему экзамена. Испытанія у насъ были очень продолжительныя и строгія. Надлежало пройти черезъ нѣсколько комиссій: свою домашнюю, флотскую, артиллерійскую, астрономическую, духовную и главную. Первая, состоявшая изъ всего состава кадетскихъ офицеровъ (учителя изъ гам-

*) Говорили, что найдена была его исповѣдь, обличавшая страшныя душевныя муки человѣка, колеблющагося между вѣрою и сомнѣніемъ, и содержавшая признаніе въ участіи въ масонствѣ.

назического состава не участвовали въ комиссіи и даже не могли присутствовать при экзаменѣ), подъ предсѣдательствомъ помощника директора, экзаменовала изъ всѣхъ предметовъ очень долго и подробно, какъ называлось «отъ доски до доски». Для второй назначались отъ министра именные адмиралы, капитаны и кораблестроители. Для третьей — артиллеристы вѣдомства военно-сухопутнаго и морскаго, подъ предсѣдательствомъ морскаго генераль-цейхмейстера, для четвертой астрономы изъ академіи и обсерваторіи, для пятой члены синода и законоучители по ихъ выбору, — наконецъ въ главной присутствовали министры и другіе высшіе сановники, и допускалась публика.

Я оказался съ лучшими отмѣтками по всѣмъ предметамъ, только въ математикѣ былъ равенъ со мною по отмѣткамъ Новосильскій, стоявшій первымъ при производствѣ въ гардемарины, но оттого только, какъ объяснилъ выше, что на первыхъ пяти мѣстахъ были утверждены уже проэкзаменованные прежде, чѣмъ меня представили къ экзамену, и я не могъ слѣдовательно состязаться съ ними. По артиллеріи и фортификаціи я получилъ даже право вступить въ артиллерію и инженеры безъ экзамена поручикомъ. Флотская комиссія объявила, что я могу быть произведенъ не только въ мичмана, но даже въ лейтенанты, такъ какъ по моимъ отмѣткамъ мнѣ смѣло можно поручить командованіе вахтою. Что же касается до астрономической комиссіи, то главный астрономъ, извѣстный по европейской репутации, Шубертъ, цѣлыхъ три дня только одного меня и экзаменовалъ, едва удостоивъ другихъ пять, шесть человекъ по одному только вопросу. Это и обусловило впоследствии мое назначеніе, по его рекомендаціи и настоянію, препо-

давателемъ астрономіи и высшихъ математическихъ наукъ. При духовномъ экзаменѣ синодъ вспомнилъ дѣло Іова и снова подвергъ насъ самому тщательному испытанію, такъ что, вопреки обычаю, духовный экзаменъ продолжался два дня. Наконецъ, на главномъ экзаменѣ морской министръ, маркизь Де-Траверзе, пожелалъ видѣть меня и много говорилъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ моимъ отцомъ и о высококомъ уваженіи къ нему. Онъ припомнилъ, что былъ очень доволенъ моимъ журналомъ, гдѣ нашелъ и наблюдательность, и литературное достоинство, и благородство характера, сказалъ, что графъ Сухтеленъ писалъ не одинъ разъ къ нему обо мнѣ, что онъ очень доволенъ моимъ отличіемъ на экзаменахъ и непременно напишетъ о томъ отцу, а, когда батюшка пріѣдетъ въ Петербургъ, то и самолично ему о томъ объявить. Затѣмъ онъ представилъ меня многимъ важнымъ лицамъ, присутствовавшимъ на главномъ экзаменѣ.

Ни для кого не было уже никакого сомнѣнія, что на другой день, при производствѣ насъ въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ (т. е. унтеръ-офицеры между гардемаринами, что по арміи составляло чинъ подпоручика), что дѣлалось обыкновенно предъ производствомъ въ мичмана, я буду первымъ. Новосильскій цѣлый день былъ въ смущеніи и плакалъ, теряя первое мѣсто. Но вотъ въ самый день главнаго экзамена, вечеромъ часу въ седьмомъ меня позвали къ директору. Прихожу и нахожу тамъ помощника его, инспектора наукъ, ротнаго и частнаго своихъ командировъ, такъ что тутъ собрались слѣдовательно всѣ, и старшіе и младшіе мои начальники. Директоръ поздравилъ меня съ блестящимъ экзаменомъ и, сказавъ, что я заслужилъ безспорно первое мѣсто, обратился ко мнѣ

затѣмъ со слѣдующими словами: «Другъ мой, я столько увѣренъ въ благородствѣ твоего характера, что ни минуты не усомнился ожидать на твой собственный судъ дѣло, которое близко касается тебя самого. Мы вотъ, видишь-ли, въ крайнемъ затрудненіи. Мы не имѣемъ, конечно, права поставить тебя на второе мѣсто, а Новосильскаго оставить на первомъ, но ты разсуди вотъ что: для тебя и второе мѣсто будетъ большимъ возвышеніемъ съ шестого, а для него стать съ перваго на второе только, и то уже будетъ пониженіемъ. Къ тому и самолюбіе твое не можетъ страдать: тебѣ 14 лѣтъ, а ему 18. На счетъ же старшинства, если вы оба останетесь на службѣ, то я нисколько не сомнѣваюсь, что ты обгонишь его, получая чины за отличія.» — Всѣ остальные хоромъ расположились было меня о томъ упрасивать, но я не допустилъ ихъ до этого. Не безъ грусти, но спокойно отвѣчалъ я директору, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о самолюбіи, не о старшинствѣ, но что я обязанъ дать отцу свидѣтельство о томъ, чего былъ достоинъ, что я охотно уступаю мѣсто Новосильскому, своему товарищу и пріятелю, но что требую, чтобъ данъ былъ мнѣ какой-нибудь видимый знакъ, что я заслужилъ первое мѣсто. Директоръ очень обрадовался моему согласію и сказалъ, что самъ напишетъ о томъ къ отцу моему, и, посовѣтовавшись съ прочими присутствовавшими, рѣшилъ, что мнѣ дана будетъ такая награда, которая дается только первому. Это была морская тактика въ богатомъ красномъ сафьяномъ переплетѣ съ золотомъ и съ оттиснутымъ именемъ, тогда какъ другимъ давалась книга въ простомъ переплетѣ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о Новосильскомъ. Странное дѣло. Этому чело-

вѣку суждено было впоследствии и въ другой разъ послужить помѣхою мнѣ, но не только безъ пользы къ себѣ, а еще ко вреду службы. — Когда готовлялась экспедиція къ Южному полюсу, Михаилу Петровичу Лазареву, какъ и другимъ командирамъ, чрезвычайно хотѣлось взять меня, но онъ, бывши въ отпуску въ Твери, въ то время, когда послѣдовало и собственное его назначеніе, далъ по знакомству неосторожное слово отцу Новосильскаго, бывшему прокурору въ Твери, взять въ походъ съ собою его сына. Между тѣмъ Новосильскій оказался въ практической службѣ вялымъ и неспособнымъ, будучи притомъ крайне близорукъ, и едва не разбилъ корабля во льдахъ. Только для отца его и чтобы не обнаружить свою ошибку, Лазаревъ не рѣшился отдать его подъ судъ, однако же, объявивъ его совершенно неспособнымъ къ практической службѣ, взялъ съ него слово выйти изъ флота. Новосильскій по протекціи перешелъ было въ Морской корпусъ кадетскимъ офицеромъ, но тамъ остался недолго, и перейдя въ гражданскую службу, хотя и дошелъ до званія директора департамента Св. Синода, но, по свидѣтельству общаго нашего товарища и пріятеля, В. И. Даля, пристрастившись къ картамъ, проигрывалъ все, даже и казенныя деньги, въ то самое время, какъ размѣщаль дѣтей своихъ по казеннымъ заведеніямъ на ваканціи, предоставленныя сиротамъ и бѣднякамъ, и кончилъ карьеру свою въ полномъ презрѣніи у всѣхъ и неоплатныхъ долгахъ, проклинаемый тѣми, у кого успѣлъ выманить деньги, зная и самъ напередъ, что уплатить ихъ не будетъ въ состояніи.

Передъ выпускомъ моимъ изъ корпуса отецъ мой пріѣхалъ въ Петербургъ, но пока одинъ, безъ семьи. По смерти генерала Деволана, преемника

принца Ольденбургскаго, отецъ принялъ главное управленіе вѣдомствомъ путей сообщенія, и Государь желалъ утвердить его на этомъ мѣстѣ, потому что былъ чрезвычайно доволенъ его докладами, но это сопряжено было съ однимъ условіемъ, на принятіе котораго нечего было и надѣяться по духу отца моего. При постройкѣ шоссе между Петербургомъ и Москвою, особенно въ той части, которая шла черезъ Аракчеевскія поселенія, стали обнаруживаться страшныя злоупотребленія. Отецъ требовалъ строгаго изслѣдованія и настаивалъ на отдачѣ подъ судъ двухъ генераловъ, завѣдывавшихъ этой постройкой, но генералы эти были изъ числа фаворитовъ Аракчеева, и Государь требовалъ отъ отца уступки по этому дѣлу. Отецъ не соглашался. Государь медлилъ назначеніемъ другого, предлагая отцу утвержденіе и производство въ чинъ съ условіемъ, чтобы онъ только не возбуждалъ противъ себя Аракчеева. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я былъ произведенъ въ мичмана по флоту, т. е. поручики арміи, 2-го Марта 1819 года.

Между тѣмъ директоръ Морского корпуса сообщилъ о моемъ поступкѣ относительно Новосильскаго отцу. Батюшка былъ очень доволенъ. Онъ, пріѣхавши домой, поцѣловалъ меня, и, положила обѣ руки крестообразно мнѣ на голову, какъ бы для благословенія, сказалъ, что хотя я и не старшій въ семействѣ, но что онъ признаетъ меня главою нашего рода, такъ какъ видитъ, что именно я оказался настоящимъ и полнымъ преемникомъ его духа.

Такъ какъ мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе вступить на дѣятельную службу, то я немедленно по обмундированіи отправился въ Кронштадтъ, гдѣ и записался въ первый экипажъ, бывшій учебнымъ по фрунтовой службѣ, такъ какъ и эту отрасль я

желалъ изучить вполнѣ, занимаясь уже давно изученіемъ и военныхъ наукъ. Но въ то же время я помогаль по вооруженію кораблей въ кругосвѣтное плаваніе, въ экспедиціи къ обоимъ полюсамъ. Тутъ познакомился я, у самаго дѣла, съ М. П. Лазаревымъ, и какъ онъ, такъ и другіе командиры очень желали взять меня въ походъ съ собою, но всѣ мѣста были уже заняты, а увеличить комплектъ министръ не соглашался. Къ тому же, хотя и расположенный ко мнѣ, онъ думаль, что я слишкомъ еще молодъ для такого похода и не вынесу его тягости. Въ замѣнъ того я былъ назначенъ на лучший ходокъ послѣ брига «Феникса», тендеръ «Янусъ», прямо командиромъ вахты и притомъ съ объясненіемъ, что имѣется въ виду прямая цѣль постепенно приучить меня къ командованію на разныхъ судахъ. Мы плавали въ Балтійскомъ морѣ съ разными порученіями, осматривали маяки, перевозили персидскаго посланника и пр.

Между тѣмъ прибыла въ Петербургъ и мачиха наша съ братомъ и сестрою моею и жившею также у насъ двоюродною сестрою нашею Екатериною Александровною Львовой, и я былъ волею и неволею вовлеченъ въ великосвѣтскую жизнь. Матушка требовала, чтобы я часто пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Кронштадта, и такъ какъ генеральцейхмейстеръ Назимовъ (тотъ самый, который такъ отличилъ меня при экзаменѣ изъ артиллеріи) былъ въ то же время и дежурнымъ генераломъ, отъ котораго зависѣли отсрочки, то онъ и даваль ихъ мнѣ по нѣскольку, требуя только, чтобы я за каждую пріѣзжалъ къ нему къ обѣду, такъ что разъ случилось, что я чуть не мѣсяцъ выжилъ въ Петербургѣ, когда былъ отпущенъ только на недѣлю. Впрочемъ, чтобъ не было обидно товарищамъ по служ-

сѣ, я бывало или впередъ или послѣ отведу всѣ чередныя достающіяся мнѣ дежурства, караулы, ученье и пр., и всегда принималъ кромѣ того бывшее неприятнымъ для другихъ порученіе — осмотръ госпиталей въ Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ.

При выпускѣ моемъ батюшка свозилъ меня ко всѣмъ своимъ знакомымъ, которыхъ въ Петербургѣ было множество. Меня вездѣ полюбили, а, когда пріѣхала матушка, то я необходимо долженъ былъ провожать ее и сестеръ вездѣ — и на обѣды, и въ театръ, и въ концерты, и на балы, и кружиться постоянно въ вихрѣ двора и большого свѣта. Это время было одно изъ самыхъ тяжелыхъ для меня въ жизни. Въ Кронштадтѣ все возмущало меня, такъ какъ все было пропитано невыразимыми злоупотребленіями. На каждомъ шагу я приходилъ, по поводу ихъ, къ неприятнымъ столкновеніямъ. Было нѣсколько и крупныхъ фактовъ, за которые не влюбили меня всѣ участники въ злоупотребленіяхъ, какъ напр. въ одномъ случаѣ, гдѣ я не пустилъ изъ Адмиралтейства на частныя работы людей, приведенныхъ туда на казенную работу, на что обыкновенно другіе смотрѣли сквозь пальцы и пр. Мѣста старшихъ начальниковъ были заняты тогда людьми ничтожными (особенно изъ англичанъ) или нечестными, что особенно рѣзко выказывалось при сравненіи съ даровитостью, образованіемъ и безусловною честностью нашего поколѣнія. Флотъ былъ въ упадкѣ, и кто только могъ, старался перейти въ армію, что особенно было выгодно въ чинѣ лейтенанта, такъ какъ тогда переводили капитаномъ. Въ Кронштадтѣ не было даже библіотеки, и я находилъ свойственное себѣ занятіе только въ бесѣдѣ съ иностранцами. Если же я пріѣзжалъ въ Петербургъ, то и тамъ я тяготился не менѣе

тѣмъ образомъ жизни, отъ котораго не могъ уклониться. Опять вѣчные гости, вѣчныя карты и суета свѣтской жизни. Матушка особенно дорожила свѣтскимъ своимъ кругомъ и постоянно предупреждала меня противъ «несвойственныхъ знакомствъ», въ какомъ бы то ни было другомъ кругу, хотя лично не имѣла барскаго чванства и по природной добротѣ была даже снисходительна къ такъ называемымъ „*mésalliances*“, не отказывалась принимать у себя провинившихся въ этомъ. Она одна только снисходительно отнеслась къ браку княжны Гагариной съ безвѣстнымъ литераторомъ Ротчевымъ, къ браку и своей племянницы Толстой съ учителемъ Михайловымъ и пр. Я обязанъ былъ не только присутствовать въ театрѣ, на балахъ и пр., но сверхъ того иногда и цѣлое утро развѣзжать по порученіямъ матушки къ разнымъ знатымъ барынямъ, ея пріятельницамъ, или къ важнымъ лицамъ по ея ходатайствамъ, такъ что, бывало, не имѣю ни минуты свободной для своихъ дѣльныхъ и любимыхъ ученыхъ занятій.

Наконецъ, батюшка рѣшительно отказался отъ всякой уступки Аракчееву, несогласной съ его убѣжденіями, и такъ какъ при разстроенномъ его здоровьи одна только обязанность удерживала его на службѣ, то пожелалъ вмѣстѣ съ тѣмъ выйти въ отставку, чтобы имѣть возможность ѣхать для продолжительнаго лѣченья на Кавказскія воды. Назначили управлять вѣдомствомъ путей сообщенія полу-испанца, полу-француза Бетанкура, не знавшаго ни слова по русски, для котораго всѣ бумаги переводили на французскій языкъ и который прямо сказалъ, что не знаетъ русскихъ законовъ и что не согласенъ ни за что отвѣчать. При такомъ ненормальномъ положеніи батюшку упросили по крайней

мѣрѣ погодить отставкою и сохранить званіе генералъ-инспектора, пока не наладится дѣло управленія при Бетанкурѣ.

Въ 1820 году я былъ назначенъ на фрегатъ «Свеаборгъ», который долженъ былъ перевозить Великаго Князя Николая Павловича для осмотра приморскихъ крѣпостей въ качествѣ главнаго начальника инженеровъ. Но въ это самое время, когда слѣдовало намъ выступить въ море, я получилъ назначеніе кадетскимъ офицеромъ въ морской кадетскій корпусъ, что было сдѣлано съ цѣлю поручить мнѣ и преподаваніе астрономіи и высшихъ математическихъ наукъ. Меня поразило это чрезвычайно непріятно. Я стремился къ дѣятельной, морской и боевой службѣ и вовсе не чувствовалъ желанія, запрягавъ себя въ учителя въ корпусѣ, пропустить случай къ походу. Къ тому же мнѣ казалось, что мнѣ будетъ затруднительно, едва вышедши изъ корпуса, сдѣлаться съ одной стороны товарищемъ бывшихъ начальниковъ, а съ другой — начальникомъ бывшихъ товарищей, изъ которыхъ иные были старше даже меня и лѣтами. Но отецъ мой не позволилъ мнѣ и заикнуться даже объ отказѣ. «Походы отъ тебя не уйдутъ,» писалъ онъ мнѣ: «а это небывалая честь, чтобы въ твои лѣта и въ твоемъ чинѣ отечество довѣрило-бы кому воспитаніе своихъ согражданъ. Я запрещаю тебѣ отказываться, потому что надѣюсь, что ты съ честію исполнишь и эту обязанность, какъ исполнялъ все до сихъ поръ.»

Когда я былъ еще въ корпусѣ воспитанникомъ, то я не только наблюдалъ внимательно всѣ недостатки, беспорядки и злоупотребленія, но и предлагалъ ихъ всегда на обсужденіе дѣльнымъ изъ моихъ товарищей, чтобы соединенными силами разъяснить

причины ихъ и обдумывать средства къ устраненію ихъ. Все это было въ слишкомъ свѣжей памяти у меня, и слишкомъ живо еще чувствовалось, когда я вступилъ въ корпусъ кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ, и поэтому, вступая въ корпусъ, я положилъ себѣ твердымъ правиломъ — неослабно стараться объ исправленіи всѣхъ извѣстныхъ мнѣ недостатковъ и безпорядковъ и истребленіи злоупотребленія, по которому ученики съ недостаточными знаніями производились не менѣе того въ офицеры, единственно потому, что для укомплектованія флота надобно было выпускать каждый годъ извѣстное число офицеровъ. Что я достигъ во всемъ замѣчательнаго успѣха, на это имѣется слишкомъ много свидѣтелей и свидѣтельствъ. Здѣсь я хочу обратить вниманіе на то обстоятельство, имѣвшее вліяніе на принятіе мною участія въ политическомъ движеніи, что я задолго до этого участія былъ уже, что называется, реформаторомъ во всѣхъ сферахъ и служебной дѣятельности, въ которыхъ приходилось мнѣ дѣйствовать.*)

Прежде всего разумѣется пришлось приложить на практикѣ обращеніе съ кадетами. Можно сказать, что до меня господствовали преимущественно солдатскія отношенія, чему не мало способствовало, разумѣется, и право унижительнаго наказанія розгами, хотя это истекало не отъ личностей, а отъ тогдашнихъ условій. Но я по собственному опыту зналъ, что вовсе не нужно важничать, чтобы пріобрѣсти уваженіе, потому, конечно, немногіе и офицеры были такъ уважаемы, какъ я, бывши еще гардемариномъ. Поэтому, являсь въ пер-

*) Лазаревъ: «Голова его всегда была полна реформъ.» См. свидѣтельство ген. М. Арбузова объ этихъ словахъ Лазарева.

вый разъ въ роту, я сказалъ всѣмъ, что не только вовсе не забылъ, что былъ недавно ихъ товарищемъ, но что желаю и впредь имъ быть и только по этому самому надѣюсь, что и они могутъ понять, что для того, чтобы мнѣ была возможность быть имъ товарищемъ, необходимо, чтобы это не могло навлечь на меня упрёки, что такія отношенія ослабляютъ дисциплину и службу. Установивъ подобное правило, я всегда былъ въ ротѣ не только въ дни своего дежурства, но и во всякую свободную минуту, дозволяя приходить къ себѣ и на квартиру. Я постоянно бесѣдовалъ съ воспитанниками, стараясь всегда вывести ихъ мышленіе изъ тѣснаго круга сухихъ школьныхъ учебниковъ, и особенно старался показать тѣмъ, которые считались (и, вѣроятно, и сами себя считали) звѣздами первой величины, до какой степени недостаточно школьное ученіе. Я началъ давать имъ путешествія и историческія книги и разсуждать съ ними о предметахъ, лежавшихъ внѣ школьнаго обученія, стараясь брать точкою отправленія извѣстныя имъ практическіе случаи и показывая имъ необходимость для правильнаго рѣшенія возводить все къ общимъ началамъ. Бесѣды наши привлекали воспитанниковъ и изъ другихъ ротъ, и могу безъ преувеличенія сказать, что всякое появленіе мое считалось какъ бы праздникомъ. Едва я только появлялся въ ротѣ и объявлялъ, что пришелъ бесѣдовать съ воспитанниками, какъ шалости сами собою прекращались, летѣли гонцы въ другія роты, и не проходило и четверти часа, какъ я уже былъ окруженъ густою толпою.*) Я позволилъ приходить и къ себѣ и поль-

*) Подобныя бесѣды повторялись и на корпусныхъ фрегатахъ, и было извѣстно о пользѣ ихъ въ официальномъ донесеніи командира корпусной эскадры Харламова директору.

зоваться моими книгами въ мое отсутствіе, для чего, уходя съ квартиры своей, никогда не записывалъ пріемную свою комнату, гдѣ у меня помѣщалась и моя бібліотека. Тѣ же дружескія отношенія сохранилъ я и въ походѣ на корпусныхъ фрегатахъ. Бесѣды и тамъ не прекращались.

Нечего и говорить, что я былъ вполне заботливъ о тѣхъ воспитанникахъ, которые находились въ моей непосредственной отвѣтственности, въ моей части въ ротѣ и въ моемъ классѣ. Я слѣдилъ за ихъ ученіемъ и помогалъ имъ во всѣхъ другихъ классахъ. Всякій могъ приходить ко мнѣ и спрашивать меня по какому-нибудь предмету. Я велъ переписку съ родными воспитанниковъ и помогалъ въ случайныхъ нуждахъ, на сколько мои средства позволяли это, потому что и тогда уже я не любилъ расточать свои средства на удовольствія. Я посѣщалъ каждый день въ больницѣ больныхъ своей роты и класса, а когда бывали трудные больные, то навѣщалъ ихъ и не одинъ разъ въ день. Сначала и товарищи мои, офицеры, и начальники смотрѣли на то очень косо, что я, хотя и младше всѣхъ по лѣтамъ, вздумалъ такъ мудрить и умничать, но когда начальникъ экспедиціи въ походѣ на корпусныхъ фрегатахъ засвидѣтельствовалъ директору, какую пользу принесли мои бесѣды въ походѣ, развивши замѣчательно разумніе всякаго дѣла у воспитанниковъ и отвлекши ихъ отъ обычныхъ прежде шалостей, и директоръ отдалъ мнѣ за это публично благодарность, то и другіе офицеры вздумали было подражать мнѣ и искать популярности только другимъ путемъ, — разными заискиваніями, приглашеніемъ на чай и пр. Но къ удивленію ихъ это ни къ чему не повело. Воспитанники не видѣли въ этомъ никакой существенной пользы для себя,

а одну только натяжку и эгоистическій расчетъ, и потому остались совершенно холодными и сухими къ дѣлавшимъ подобную попытку. Я тогда еще по опыту убѣдился, что популярность не дается тѣмъ, кто ищетъ ее по своимъ личнымъ видамъ, и потому какъ тогда, такъ и впоследствии, никогда не гнался за нею, и какъ никогда не льстил и не поддакивалъ вышнимъ, такъ не дѣлалъ того относительно низшихъ. Стараясь о развитіи и образованіи воспитанниковъ, я и самъ показывалъ имъ примѣръ постояннаго усилія обогатить себя познаніями. Такъ какъ я былъ удержанъ поневолѣ въ Петербургѣ службою въ корпусѣ, то старался извлечь по крайней мѣрѣ всю умственную пользу изъ пребыванія въ немъ. Я слушалъ постоянно лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, въ Медико-хирургической академіи, въ Горномъ корпусѣ, физическія у Роспина, посѣщалъ обсерваторію, Академію художествъ, бібліотеки, даже заводы и мастерскія, изучая производство разныхъ ремеслъ и искусствъ.

Такъ какъ между тѣмъ батюшка вышелъ въ отставку и уѣхалъ съ семействомъ въ деревню, и, слѣдовательно, съ отъѣздомъ матушки некому меня было понуждать къ постоянному посѣщенію высшего свѣтскаго круга, то, хотя она и напоминала мнѣ постоянно въ письмахъ о необходимости поддерживать все знакомство, я напротивъ ограничивался почти одними церемоніальными посѣщеніями, и только, если и бывалъ чаще у кого, такъ это у Архаровой и Васильчиковыхъ, которые меня особенно любили, да у Остермана, куда привлекало меня, кромѣ расположенія его, еще то обстоятельство, что тамъ я практиковался по гречески, въ предположеніи возможности похода съ нимъ для освобожденія

денія Греціи. Я и прежде занимался уже греческимъ языкомъ, когда изучалъ и латинскій, но тутъ сталь систематически заниматься имъ съ Влангали и Мано, а отчасти и съ другими греками, наполнявшими тогда домъ Остермана. Надо сказать, что, когда имѣлось въ виду назначить его начальникомъ войскъ для освобожденія Греціи, то онъ, хотя и въ старыхъ лѣтахъ, но вздумалъ учиться по гречески и взялъ для этого себѣ адъютанта изъ Грековъ, а домъ его наполнялся эмигрантами-греками. Всѣ эти Ипсиланти, Маврокордато, Негри и другіе бывали у него часто до возстанія грековъ.

Уменьшивъ посѣщенія свои въ высшемъ свѣтскомъ кругу, я въ замѣну того усилилъ сношенія свои съ кругомъ иностранцевъ, не только дипломатовъ, но и негоціантовъ. Я сошелся близко съ Кальдерономъ-де-ла-Барка, совѣтникомъ испанскаго посольства, и испанскимъ же негоціантомъ Моласъ, бывалъ часто у французскаго генерала Войе, женившася на крѣпостной дѣвушкѣ Льва Васильевича Толстого, но отлично ее образовавшася, — у банкира Северина и пр. Только съ Альфіери, а особенно съ Шварценбергомъ никакъ не могъ сдружиться, и, бывало, Остерманъ говаривалъ: «Гдѣ крикъ и шумъ — это вѣрно Дмитрій схватился съ Шварценбергомъ.» Ему слишкомъ много дозволяли въ дамскомъ кругу, зато ему и доставалось отъ молодежи вообще.*)

Что же касается до методы обученія, то нечего и говорить, что она не только гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, но почти исключительно состояла въ «дол-

*) Альфіери былъ при сардинскомъ посольствѣ, а Шварценбергъ (кажется, бывший впоследствии первымъ министромъ) при австрійскомъ.

бленія и зубренія», противъ чего я возсталъ всѣми силами, а чрезъ то и пришелъ въ рѣшительное столкновение съ инспекторомъ наукъ. Онъ былъ человѣкъ недурной, хотя и весьма грубый въ обращеніи съ кадетами, но съ ограниченными способностями, и, такъ какъ онъ самъ былъ обязанъ всѣми своими знаніями неутомимому прилежанію къ долбленію и зубренію, то и не допускалъ возможности другихъ методъ. Онъ не позволялъ даже перемѣнять буквъ въ чертежахъ и ни одного выраженія въ книгахъ, изданныхъ подъ его руководствомъ, гдѣ красовались еще «понеже», «дондеже» и пр. Замѣчательно, что такія руководства были изданы много позже курса Гамалея, котораго исторія астрономіи написана такимъ языкомъ, отъ котораго не отреклись бы гораздо позднѣйшіе литераторы.

Я требовалъ отъ учениковъ прежде всего уразумѣнія сущности дѣла, чему явнымъ свидѣтельствомъ всегда было умѣнье рѣшить правильно задачу. Тогда онъ долженъ былъ у большой доски объяснить и производство и доказательство, а если кто либо въ классѣ не понималъ его объясненія, долженъ былъ его останавливать, а онъ обязанъ былъ выразить непонятное опредѣленіе и яснѣе. Если онъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать, помогалъ другой, третій и т. д., пока не были пріисканы точныя выраженія, понятныя средства и объясненія, — все это чрезвычайно занимало весь классъ, поддерживало общее вниманіе, и подъ конецъ весь классъ не только зналъ сущность дѣла, но и умѣлъ выразить ее разнообразно, такъ что мысль никогда не была скована безусловно, мертвою формою какого-нибудь односторонняго, относительнаго, условнаго способа выраженія.

Все это до крайности не нравилось инспекто-

ру, такъ какъ составляло рѣзкую противоположность съ его требованіями и обличало всю нелѣдность его методы. Впрочемъ, я не увлекался въ крайность и отдавалъ должную долю и памяти во всемъ, что дѣйствительно не могло быть, по своей условности и случайности произведенія, подведено подъ рациональное объясненіе. Инспекторъ не выдержалъ и сказалъ директору, что въ моемъ классѣ «не умѣютъ отвѣчать, какъ слѣдуетъ.» (Тутъ крылось двусмысліе: онъ не могъ сказать «не знаютъ,» а сказалъ, что не отвѣчаютъ, какъ слѣдуетъ, — чтобы имѣть возможность объяснить, что рассказываютъ не тѣми выраженіями, какъ въ книгѣ.) Директоръ пригласилъ меня, и я, объяснивъ ему сущность и преимущество моей методы, оправдываемый притомъ опытомъ, сказалъ въ заключеніе, что вовсе не дорожу лично для себя мѣстомъ преподавателя, такъ какъ ему извѣстно, что и въ корпусѣ я вступилъ не по волѣ и принялъ преподаваніе только по настоянію Шуберта. Но если уже сочли меня достойнымъ такого довѣрія, то я и хочу имѣть самостоятельный голосъ, а для оправданія моей методы предлагаю сдѣлать сравненіе своихъ учениковъ съ учениками другихъ параллельныхъ классовъ, въ присутствіи безпристрастной комиссіи. Директоръ нашелъ это справедливымъ, и оказалось, что даже послѣдніе ученики въ моемъ классѣ разрѣшали всякую задачу правильнѣе и быстрѣе (что также весьма важно на морѣ), нежели даже старшіе и лучшіе въ другихъ классахъ. Вслѣдствіе этого, мой классъ «въ видѣ опыта» изъятъ былъ совершенно изъ завѣдыванія инспектора, а при послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ отличился самымъ блестящимъ образомъ. Изъ 15 унтеръ-офицеровъ отъ гардемаринъ, производимыхъ изъ цѣлаго выпуска,

въ моемъ одномъ классѣ было девять, и послѣдній изъ моего класса сталъ 34-мъ изъ цѣлаго выпуска въ сто человекъ. Съ перваго же гардемаринскаго экзамена по вступленіи моемъ въ корпусъ кадетскимъ офицеромъ, я приобрѣлъ репутацію строгаго, но безпристрастнаго экзаменатора. Поэтому, помня еще и собственный мой экзамень, генералъ-цейхмейстеръ флота, Назимовъ, вошелъ съ представленіемъ о назначеніи меня главнымъ экзаменаторомъ артиллерійскихъ учениковъ, а вслѣдъ за нимъ и инженеръ-генералъ, главный кораблестроитель Брюнъ, потребовалъ назначенія меня экзаменаторомъ математическихъ наукъ въ кораблестроительномъ училищѣ, гдѣ высія вычисленія требовались еще строже, чѣмъ отъ морскихъ офицеровъ. Я забылъ сказать, что когда назначень былъ преподавателемъ, то нисколько не обольщалъ себя на счетъ своихъ познаній. Несмотря на всѣ самыя блестящія свидѣтельства,*) я отправился къ Шуберту и сказалъ ему: «Что это вы надѣлали? Неужели вы думаете, что я по самолюбію способенъ сколько-нибудь обольщать себя? Неужели вы думаете, что я не понимаю, что можно быть первымъ ученикомъ, даже первымъ изъ первыхъ, и въ то же время посредственнымъ учителемъ, поэтому я чувствую, что мнѣ самому необходимо еще подвигаться далѣе въ изученіи дифференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій и пріѣхалъ просить васъ давать мнѣ уроки.» — «Ну ужъ

*) Я пропустилъ упомянуть, что при выпускѣ меня возили на сравнительный экзамень, гдѣ были собраны всѣ первые ученики разныхъ учебныхъ заведеній, и я одержалъ верхъ надъ всѣми. Дальше всѣхъ оспаривалъ у меня первенство Девятовъ изъ института путей сообщенія. Новосильскій не рѣшился ѣхать и тѣмъ еще болѣе выказалъ неоспоримое первенство мое надъ нимъ по морскому корпусу.

извините, это для меня совершенно невозможно, хотя я вполне цѣню вашу скромность и одобряю ваше намѣреніе.» — «Ну такъ нельзя-ли попросить Карла Федоровича?» (Вишневскаго, товарища Шуберта.)

«Не думаю, чтобы и ему былъ досугъ на это, но такъ какъ нахожу ваше желаніе вполне справедливымъ, то могу указать вамъ человѣка, который будетъ вамъ полезенъ, но только именно можетъ быть полезенъ вамъ, и никому другому. Вамъ объяснять ничего не нужно, довольно одного намека, а онъ будетъ для васъ, что справочная книга подъ рукою. Только не забудьте, надобно, чтобы всегда былъ для него пуншъ,» прибавилъ онъ, смѣясь, «иначе ничего отъ него не добьетесь.»

Къ величайшему моему изумленію, онъ указалъ мнѣ на одного изъ гимназическихъ учителей въ нашемъ корпусѣ, полковника Шулепова, котораго съ одной стороны держали въ черномъ тѣлѣ за пьянство, а съ другой не выгоняли изъ службы ради его бѣдности и семейства. Дѣйствительно, это былъ странный учитель, но вполне соответствовалъ тому, что мнѣ было необходимо.

Шубертъ не ошибся. Шулеповъ приходилъ, бывало, всегда вечеромъ, часовъ въ 8 или 9. Мы усадемся за столомъ. Я начинаю дѣлать вычисленія, онъ курить трубку и запиваетъ пуншемъ, — никакого разговора между нами, но онъ слѣдитъ внимательно за тѣмъ, что я пишу. Если я встрѣчу затрудненіе въ переходныхъ формулахъ, то подвигаю къ нему доску, молча, и онъ также, молча, пишетъ, что нужно, въ объясненіе. Если же замѣтитъ, что я сдѣлалъ ошибку, то самъ потянетъ къ себѣ доску и также, молча, исправитъ. Когда надо наконецъ идти ему домой, онъ всегда проситъ,

бывало, приказать проводить его, прибавляя всегда стереотипное свое объясненіе: «Что то зарябило въ глазахъ, смотря на вашу работу. Экъ вы валяете. Четыре, пять досокъ испишете крутомъ — поневоля глаза устануть.» — Онъ сидѣлъ у меня обыкновенно часа два, а иногда и три. Такимъ образомъ, я, бывши преподавателемъ, въ то же время продолжалъ и самъ учиться. Въ это же время я бралъ уроки англійскаго языка у Руммеля, о которомъ упоминалъ выше, а, впоследствии, у Варендта.

Преобразовать систему выпускковъ изъ корпуса или устранить по крайней мѣрѣ самое вредное условіе было еще труднѣе, нежели измѣнить методу обученія. Въ послѣднемъ случаѣ представлялось столкновеніе съ однимъ только инспекторомъ, а тутъ приходилось нравственно задѣтъ самолюбіе всѣхъ товарищей своихъ офицеровъ, какъ непремѣнныхъ членовъ экзаменаціонной комиссіи. Между тѣмъ по моему убѣжденію нельзя было долѣе терпѣть уродливаго явленія, приводившаго къ явной несправедливости и производившаго самое вредное вліяніе на учениковъ. Дѣло было въ томъ, что вслѣдствіе упомянутой выше причины, по установленіи обычая, коль скоро кто произведенъ былъ въ гардемарины, то могъ уже не заботиться слишкомъ объ ученіи: онъ зналъ, что хоть на самомъ хвостѣ, а всетаки онъ будетъ черезъ три года произведенъ въ мичмана, а такъ какъ во флотѣ строго тогда соблюдалось старшинство, то это значило, что самый негодный предшествующаго выпуска будетъ тѣмъ не менѣе старше перваго воспитанника послѣдующаго и выиграетъ передъ нимъ еще годъ службы. Между тѣмъ отъ лучшихъ воспитанниковъ требовалось въ то же время необычно-

венно много, такъ что, не считая иностранныхъ языковъ, проходило 22 предмета, въ которыхъ во всѣхъ надо было быть отличнымъ и для чего же? — чтобы и по линіи производства и по годамъ службы быть всетаки моложе неспособнаго и лѣнтяя. Несправедливость была очевидная. Она вызывала и другія невыгодныя явленія. Нѣкоторые, кто способнѣе, торопились сами собою покончить курсъ, чтобы приписаться въ старшій выпускъ, что иногда допускалось по особенной протекціи министра — и тогда вмѣсто основательно обучившихся офицеровъ являлись скороспѣлки, не получившіе прочныхъ основаній и не полюбившіе науки, а потому почти безъ исключенія обращающіеся въ простыхъ людей. Противъ всего этого я рѣшился выступить при первомъ же бывшемъ при мнѣ экзаменѣ для выпуска изъ корпуса. Вмѣсто употребительныхъ, смягчающихъ обстоятельство, отмѣтокъ, я двумъ изъ числа экзаменовавшихся у меня положилъ просто такую отмѣтку: «не имѣетъ познаній, необходимыхъ для морского офицера.» — Это нововведеніе поразило всѣхъ тѣмъ болѣе, что какъ нарочно изъ двухъ гардемаринъ, подпавшихъ такому моему приговору, одинъ былъ сынъ, а другой племянникъ самыхъ значительныхъ людей. Все возстало противъ меня. Раздались обвиненія, что я одинъ хочу быть умнѣе всѣхъ, что я хочу все вверхъ дномъ перевернуть и пр. Сначала приступили ко мнѣ съ просьбою перемѣнить отмѣтку, я наотрѣвъ отказался и объявилъ, что я скорѣе выйду изъ корпуса.

Наконецъ подвинули самого директора къ формальному изслѣдованію дѣла. Меня пригласили къ нему. Я засталъ у него адмирала Голянкина. Директоръ очень любилъ и уважалъ меня, и встрѣтилъ шуточными словами: «Что это, братъ Дм. Ир,

ты затѣваешь? Ты что-то больно много ужъ требуешь отъ ребятъ, а вотъ въ наше время Голянкинъ былъ лейтенантомъ, да не зналъ вычисленій,» сказала онъ съ хохотомъ, указывая на старика адмирала.

«Что ты тамъ врешь на меня?» — отвѣчалъ тотъ сердито, «больше моего что-ли ты зналъ?»

Я сказала директору, что иное время, иное и требованіе, что было время, когда и князья не знали грамоты, затѣмъ объявилъ ему всѣ причины, почему такъ поступилъ и всю необходимость положить конецъ злу. Директоръ согласился со мною въ справедливости всего сказаннаго относительно общихъ основаній, но сказалъ, что въ приложеніи къ спеціальному случаю товарищи мои и офицеры дѣлаютъ такого рода возраженіе: почему именно только у меня нашлись незаслуживающіе производства въ мичмана, а у другихъ нѣтъ? Не доказываетъ ли это излишекъ требованія съ моей стороны? Я отвѣчала, что беруся доказать, что у другихъ были еще менѣе достойны производства, но что экзаменаторы слѣдовали обычной, вредной системѣ отгѣтокъ, которыя признавались достаточными, хотя въ сущности не выражали главнаго, что требовалось, что поэтому я и прошу для опытнаго разрѣшенія, кто правъ изъ насъ, приказать собраться въ присутствіи самого директора всей экзаменаціонной коммисіи, и пусть, кому будетъ угодно, тотъ предлагаетъ вопросы экзаменовавшимся у меня, а я буду предлагать экзаменовавшимся у другихъ, и тогда я не сомнѣваюсь, что докажу двѣ вещи: первое, что есть ученики, еще менѣе знающіе, чѣмъ тѣ, которыхъ я забраковалъ, а второе, что ни тѣ, ни другіе дѣйствительно не имѣютъ необходимыхъ для офицера познаній. Такъ было и сдѣлано, и къ

двумъ забракoваннымъ мною комиссія вынуждена была присоединить еще двухъ изъ числа экзаменовавшихся у другихъ. Конечно, можно было бы найти и больше, но сочли, что и этого было достаточно для примѣра.

Невозможно и вообразить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ подобный переворотъ. Сначала все было надѣялись еще, что я отступлюся въ послѣднюю минуту. Но когда вышелъ высочайшій приказъ, и увидѣли, что четверо были дѣйствительно оставлены въ корпусѣ и что дѣло, стало быть, было не въ шутку, то не только оставленные, но и всѣ лѣтяи послѣдняго выпуска принялись серьезно учиться, и я имѣлъ удовольствіе слышать неоднократно изъявленія благодарности отъ одного изъ оставленныхъ, вышедшихъ на слѣдующій годъ однимъ изъ первыхъ. При всякомъ свиданіи онъ не пропускалъ благодарить меня, что я своею строгостью заставилъ его быть дѣльнымъ офицеромъ, тогда какъ безъ этого онъ такъ-бы и остался и неучемъ и сдѣлался бы, можетъ быть, негодяемъ.

Не менѣе возбудилъ я противъ себя своихъ товарищей офицеровъ, особенно начальниковъ, своимъ безпристрастіемъ въ другомъ случаѣ, но зато тѣмъ болѣе приобрѣлъ довѣрія со стороны воспитанниковъ. Предсѣдателю комиссіи хотѣлось угодить одному адмиралу и поставить сына его, не учившагося въ корпусѣ, а воспитывавшагося дома, на второе мѣсто. А такъ какъ въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ производились только 15 человекъ, то включеніемъ въ число ихъ адмиральскаго сына другой гардемаринъ, бывшій 15-мъ по счету и признанный достойнымъ унтеръ-офицерскаго званія, лишился-бы его незаслуженно. Поэтому я и воспривитивился помѣщенію адмиральскаго сына на вто-

рое мѣсто тѣмъ болѣе, что и отмѣтки по наукамъ не давали ему на это права. Точно также я не допустилъ по той же причинѣ и на третье, четвертое мѣсто и т. д. Наконецъ по отмѣткамъ онъ могъ занять одиннадцатое. Но я и этому воспротивился. «Какъ, вы и теперь не соглашаетесь?» — спросилъ съ горячностью полковникъ Сульменевъ, которому сильнѣе всѣхъ хотѣлось подслужиться адмиралу: «да это явная несправедливость.»

«Напротивъ,» отвѣчалъ я, «сущая справедливость. Господа, — сказалъ я, обращаясь къ комиссіи, — у насъ въ числѣ отмѣтокъ считается самою важною отмѣтка по поведенію. Поведеніе воспитанника, невоспитывавшагося въ корпусѣ, намъ неизвѣстно, стало быть, мы и не имѣемъ права равнять неизвѣстнаго съ извѣстнымъ вполне. Кромѣ того, гардемарины, служившіе въ корпусѣ, исполняли уже обязанности, и это уже составляетъ для нихъ заслугу, тогда какъ не жившій въ корпусѣ этой заслуги не имѣетъ, да ничѣмъ не доказалъ еще и вообще своей служебной способности. Поэтому я стою твердо на томъ, что наша нравственная обязанность относительно воспитанниковъ — доказать имъ наше безпристрастіе и справедливость, не лишивъ никого изъ признанныхъ нами достойными заслуженнаго имъ унтеръ-офицерскаго званія, а если директору угодно оказать уваженіе къ заслугамъ адмирала, то отъ его воли зависитъ сдѣлать сына его шестнадцатымъ унтеръ-офицеромъ.» Мало помалу всѣ согласились со мною, хотя и послѣ бурныхъ споровъ, и директоръ утвердилъ общее рѣшеніе. Веселаго, въ своей исторіи Морскаго корпуса, показавъ, что въ одномъ выпускѣ было шестнадцать унтеръ-офицеровъ, не объяснилъ однако же причины этого страннаго факта, хотя это ему было

очень хорошо извѣстно, но онъ, вѣроятно, не осмѣлился тогда (1852 г.) рассказывать о моихъ дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ слухи о моей неумолимой строгости привели и къ забавному случаю. Однажды докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ сенаторъ Корниловъ. Хотя я и пользовался высокимъ уваженіемъ и у знакомыхъ своихъ, и у своихъ начальниковъ, и посѣщенія важныхъ особъ въ отплату за мои посѣщенія были для меня не рѣдкость, однако же первый визитъ со стороны такого значительнаго лица такому молодому офицеру, какъ я, не могъ не показаться мнѣ страннымъ. Но вотъ входитъ ко мнѣ въ кабинетъ человѣкъ съ двумя звѣздами и рекомендуетъ, что вотъ онъ — сенаторъ такой-то, и былъ прежде губернаторомъ въ Сибири, что очень желалъ со мною познакомиться и пр., затѣмъ переходитъ къ предмету своего посѣщенія. Онъ сказалъ мнѣ, что у него есть сынъ въ корпусѣ и что по росписанію ему досталось экзаменоваться у меня въ гардемарины.

«Что-же вамъ угодно?» спросилъ я.

«А вотъ видите-ли,» отвѣчалъ онъ, «сынъ у меня мальчикъ способный, но немножко рѣзовъ, поэтому я и рѣшаюсь попросить васъ быть къ нему посписходительнѣе, если можетъ быть онъ по разсѣянности чтонибудь не такъ будетъ отвѣчать.»

«Плохую же услугу,» сказалъ я ему на это, «оказали вы вашему сыну, я и оказалъ бы ему самъ по себѣ снисхожденіе, но теперь послѣ вашей просьбы обязанъ буду быть еще особенно строгимъ, чтобы не допустить ни у него, ни у другихъ мысли о возможности вліянія какой-нибудь протекціи и просьбы.»

«Ахъ, Боже мой,» сказалъ онъ, вскочивъ съ кресла,» такъ сдѣлайте одолженіе, забудьте, что я вамъ говорилъ что-нибудь.»

«Вы знаете,» отвѣчалъ я, «что это невозможно, и поэтому самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это рассказать все сыну вашему, чтобы и онъ понялъ, что ему не только нечего надѣяться на снисхожденіе, но онъ еще навѣрное долженъ ожидать большей строгости. Посовѣтуйте ему лучше приготовиться.»

Старикъ ушелъ отъ меня въ большомъ смущеніи, но это послужило въ пользу сыну. Онъ, какъ говорится, засѣлъ въ плотную, день и ночь, и выдержалъ экзаменъ хорошо. Это и былъ впоследствии прославившійся подъ Севастополемъ адмиралъ Корниловъ.

Между тѣмъ по случаю назначенія помощника директора, генерала Баратынскаго, сенаторомъ, поступилъ на мѣсто его въ корпусъ адмиралъ Головинъ, извѣстный по своему плѣну въ Японіи и кромѣ того, какъ хорошій морякъ и литераторъ. Я тогда не зналъ о его участіи въ тайномъ обществѣ и даже о существованіи какихъ-нибудь тайныхъ обществъ, стремившихся къ государственному преобразованію, но насъ, меня и Головина, сблизило общее негодованіе противъ вопіющихъ злоупотребленій и общее стремленіе къ отысканію мѣръ противъ нихъ и для правильнаго развитія общественнаго и государственнаго быта. Онъ скоро узналъ все, что было сдѣлано мною для исправленія и улучшенія корпусныхъ порядковъ и не могъ не замѣтить, какое нравственное вліяніе приобрѣлъ я въ кругу офицеровъ и учителей и даже надъ самимъ директоромъ. Поэтому Головинъ всячески старался сблизиться со мною, и мы наконецъ сдѣлались

друзьями, насколько допускало это огромное различіе въ лѣтахъ. Я часто проводилъ у него вечера, гдѣ и познакомился съ бывшимъ Иркутскимъ губернаторомъ, Трескинымъ, отъ котораго, какъ и отъ Корнилова, нерѣдко посѣщавшаго также Головина, я получилъ пригодившія мнѣ впоследствии многія свѣдѣнія о Сибири, о которой тогда въ публикѣ не имѣлось ни малѣйшаго правильнаго понятія, а въ литературѣ никакихъ указаній на счетъ общественнаго положенія и условій быта, а все ограничивалось нѣсколькими учеными путешествіями или историческими изысканіями. Надо сказать, что въ то же время и другія обстоятельства увлекали мои мысли къ изслѣдованію государственнаго и общественнаго устройства. Я бывалъ часто у Васильчиковыхъ, гдѣ всегда былъ принятъ, какъ свой. Такъ какъ сынъ ихъ, Ларіонъ Васильевичъ (впоследствии князь и предсѣдатель Государственнаго совѣта), былъ въ то же время командиромъ гвардейскаго корпуса, то домъ ихъ и былъ наполненъ высшимъ обществомъ и придворнымъ кругомъ. Но въ немъ было то рѣзкое отличіе отъ другихъ аристократическихъ домовъ, что вмѣсто исключительныхъ толковъ о пустыхъ дѣлахъ при дворѣ, допускались рѣзкія сужденія объ Аракчеевѣ, а слѣдовательно и о внутренней политикѣ государства, такъ какъ Ларіонъ Васильевичъ былъ не только одинъ изъ числа немногихъ, не раболѣпствовавшихъ предъ Аракчеевымъ, но былъ явно ему враждебенъ. У Остермана, также человѣка независимаго, собирались всѣ знаменитости, особенно военныя, и посланники и кромѣ того греки, какъ рассказано выше, и разговоры были преимущественно политическіе, къ чему впоследствии возстаніе грековъ давало постоянную пищу, причѣмъ осуждалась и наша

внѣшняя политика, оскорблявшая народное чувство униженіемъ Россіи на степень безсознательнаго орудія Метерниха. Наконецъ, я имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей въ гвардейскихъ полкахъ, особенно въ артиллеріи пѣшей и конной, въ конной гвардіи, въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, котораго исторія возстанія мнѣ была вполнѣ извѣстна. У Остермана получались всѣ извѣстные иностранные журналы, а въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ были богатая политическія бібліотеки. Борьба общественнаго мнѣнія съ Бурбонами во Франціи, возстаніе въ Испаніи, Португаліи, Италіи, вредное вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи, смерть Коцебу и пр. затронули всѣ политическіе вопросы, толки о нихъ шли вездѣ, и даже легкая сатирическая литература сдѣлалась орудіемъ выраженія мнѣній и осмѣянія правительственныхъ лицъ и ихъ орудій. Стали появляться стихи въ родѣ слѣдующихъ и на самого Государя:

«Царь нашъ нѣмецъ-русскій
Носить мундиръ прусскій.»

или:

«Познай, народъ російскій,
А съ нимъ весь міръ,
Что прусскій и австрійскій
Я спилъ себѣ мундиръ.»

А Стурдза, посланный къ Коцебу для того, какъ увѣрили, чтобы распространеніемъ мистическихъ идей поддержать деспотизмъ правительствъ противъ народовъ, осмѣянь былъ въ шуточныхъ пѣсняхъ:

«Ахъ, скучно мнѣ
На чужой сторонѣ,
Все не мило, все постыло,
Коцебу со мною нѣтъ.»

«Здѣсь я голоденъ и битъ,
Тамъ-же въ почестяхъ и сытъ,
Хоть не воленъ, да доволенъ,
Не глядѣль бы я на свѣтъ» и пр.

или :

«Вокругъ Стурдзы хожу
Я мистическаго,
Германическаго,
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго
Деспотическаго.»

Однимъ словомъ все возбуждало и направляло мысли и толки на предметы политическіе. Время было богато событіями, вызывающими неудовольствія: и вмѣшательство въ чужія дѣла для подавленія свободы, и военныя поселенія, и библейское общество и пр. — все подавало къ этому поводъ. Но если у однихъ это вызывало только насмѣшку и сатиру, то очевидно уже было, что у многихъ чувство недовольства настоящимъ положеніемъ и негодованіе противъ зла направляли умъ на болѣе серьезную сторону, на заботы о будущемъ и на изслѣдованіе причинъ зла съ цѣлью и надеждою отыскать противъ него средства и надежныя условія для правильнаго развитія общества и для достиженія благосостоянія его. Между тѣмъ ясно также было, что узломъ и сосредоточіемъ всего, около чего вращалась тогда современная политика, былъ несомнѣнно Священный союзъ. Одни отъ него только и ожидали спасеніе, другіе напротивъ видѣли въ немъ именно главную причину зла. Я, по положенію своему, объясненному выше, имѣлъ доступъ во всѣ круги, и слышалъ поэтому всестороннія обсужденія. По самому складу своего ума, какъ и по направленію

образованія своего, я былъ чуждъ всякой односторонности, и меня сильнѣе всего поражало противорѣчіе людей, одинаково искреннихъ повидимому. Поэтому и не мудрено, что всѣ силы моего мышленія и были направлены на разрѣшеніе причинъ этого противорѣчія, и мнѣ казалось, что я этыскалъ ихъ. Оно по-моему заключалось въ томъ, что при правильности основаній была неправильность въ приложеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ искаженіе правительствъ, повлекши ихъ паденіе, такъ и насилія, исказившія стремленія къ свободѣ, истекали изъ одного источника — изъ упадка нравственности, давшаго преобладаніе эгоистическимъ стремленіямъ, и изъ неясности понятій о возможныхъ условіяхъ человѣческаго быта. Нѣтъ сомнѣнія, что безусловнаго нельзя достигнуть условнымъ, и никакія сочетанія формы не въ состояніи породить духа, — слѣдовательно, очень справедливо было одно изъ основаній Священнаго союза, что только одинъ духъ Христіанства можетъ выполнить недостатки человѣческихъ учрежденій, недостатки, нераздѣльные со всѣмъ относительнымъ, формальнымъ. Слѣдовательно, возстановить нравственныя начала по духу Христіанства было дѣйствительно единственнымъ средствомъ врачеванія общественныхъ недуговъ, а за этимъ улучшеніе внѣшнихъ условій будетъ слѣдовать неизбежно само собою. Но Священный Союзъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о возстановленіи нравственныхъ началъ, устремилъ всѣ свои усилія на то, чтобы возстановить прежнія, разрушенныя революціей, формы, которыя и были отъ того такъ легко разрушены, что въ нихъ не было уже духа жизни, не было живого нравственнаго начала. Кромѣ того, союзъ былъ лишенъ условій

нравственной крѣпости потому, что соединялъ православіе Россіи съ римскимъ католицизмомъ Австріи и протестантизмомъ Пруссіи, которые, какъ радикально противоположные Православію, по закону необходимости вели къ инымъ нравственнымъ выводамъ, а если оставляли ихъ въ сторонѣ, то могли дѣйствовать только надъ бездушною формою, и, что хуже всего, дѣлать религію орудіемъ цѣлей относительныхъ, внѣшнихъ, и чрезъ то подкапывали именно то самое нравственное начало, которое сами же признавали и выставляли, какъ единственное средство спасенія. — Но на которой же изъ двухъ сторонъ было болѣе искренности? Къ которой лучше можно было отнестись съ надеждою, что она услышитъ голосъ правды и откажется скорѣй отъ всей односторонности? Или необходимо было стать между ними, основать общество, которое поставило бы цѣлію возстановленіе началъ, осуществляя ихъ прежде всего въ своихъ собственныхъ личностяхъ и распространяя ихъ главное примѣромъ, — первое же можно было рѣшить только опытомъ, отнесясь добросовѣстно и къ представителямъ власти, и къ борцамъ за свободу.

Кромѣ того, Священный Союзъ почувствовалъ, что высшая цѣль должна была состоять въ братскомъ соединеніи народовъ, но средства, принятыя имъ, вели напротивъ къ раздѣленію ихъ. Съ другой стороны для меня ясно было, что національность, во имя которой велась борьба противъ Наполеона, должна имѣть значеніе только, какъ одинъ изъ относительныхъ элементовъ, и, въ односторонности своей, также поведетъ къ раздѣленію народовъ, что поэтому для соединенія народовъ должны быть взяты общія основанія справедливости и понятія общей солидарности въ благосостоя-

ни, и что поэтому если общество для возстановленія нравственныхъ началъ можетъ состояться, то оно должно быть вселенское, т. е. обнимать всѣ народы или быть доступно людямъ всѣхъ націй, ставши выше національностей, но это по чувству любви, связывающей людей, а отнюдь не по эгоистическому равнодушію космополитизма къ національности, къ самопожертвованію, и не по личному интересу.

Учрежденіе всякаго рода обществъ не было въ то время дѣломъ несбыточнымъ, а у меня не было недостатка рѣшимости на что-бы то ни было, въ чемъ я былъ убѣжденъ. Съ другой стороны и мысль о препятствіяхъ, о томъ, возможна ли удача, не могла также меня остановить. Я всегда вѣрилъ въ силу нравственныхъ началъ и былъ всегда увѣренъ, что лишь бы удалось только отыскать правильную идею, возбудить живую силу, то онѣ совершатъ свое дѣло, разовьются сами собой по собственной силѣ, присущей всякой не формальной, а живой истинѣ. Таковы были мои мысли, мои стремленія, таково было мое рѣшеніе, и я готовился было приступить уже къ дѣлу, я пошелъ было уже разъ во дворець, чтобы потребовать, прямо свиданія съ Государемъ, но онъ уѣхалъ въ Царское село, а я вдругъ получилъ въ это именно время отъ М. П. Лазарева приглашеніе идти съ нимъ въ походъ вокругъ свѣта, въ знаменитую экспедицію фрегата «Крейсера».

VI.

Я былъ въ большомъ затрудненіи, на что рѣшиться. Идти въ походъ, значило отложить ис-

полненіе идеи, овладѣвшей уже всѣми моими мыслями. Но съ другой стороны несомнѣнно было, и то, что личное знакомство съ заграничными странами, большая возмужалость и опытность, самое развитіе характера въ борьбѣ съ опасностями, могутъ представить въ послѣдствіи лучшія условія для успѣха задуманнаго дѣла. Послѣднія соображенія взяли перевѣсъ, и я далъ Лазареву свое согласіе.

Изъ другихъ офицеровъ, назначенныхъ также въ этотъ походъ, почти всѣ еще были въ отпуску, а между тѣмъ дѣло было громадное. Мы отправлялись для ученой и военной цѣли, что усложняло всѣ приготовленія и затрудняло несомвѣстностью иныхъ условій для такихъ различныхъ цѣлей. Въ первый разъ еще посылался изъ Россіи въ кругосвѣтное путешествіе большой военный корабль. Къ тому же фрегатъ «Крейсеръ», назначенный въ экспедицію, былъ еще новый, онъ еще не былъ обитъ мѣдью и не имѣлъ мачтъ, все надо было устраивать вновь и принаровить не только къ дальнему, но и продолжительному трехлѣтнему плаванію, что все прибавляло страшно дѣла и требовало буквально неутомимой и кипучей дѣятельности. Я немедленно отправился въ Кронштадтъ, и мы приступили къ работамъ только вдвоемъ со старшимъ лейтенантомъ. Зато порученія налагались на меня Лазаревымъ одно за другимъ. Мнѣ были поручены всѣ работы по адмиралтейству, тогда какъ старшій лейтенантъ зналъ только работы на фрегатѣ, да и въ тѣхъ я же помогалъ ему. На меня возложено было преобразование артиллеріи по новому устройству, которое послужило потомъ образцомъ для всего флота, и мнѣ же поручена была постройка гребныхъ судовъ. Наконецъ, какъ бы

и этого было мало, Лазаревъ, не спросивши даже меня, сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня главнымъ ревизоромъ экспедиціи, тогда какъ по обычаю, на эту должность, вмѣщавшую въ себѣ нѣсколько должностей, назначался всегда одинъ изъ старшихъ офицеровъ.*) Это такъ всѣхъ поразило, что Лазареву былъ сдѣланъ даже формальный запросъ о причинѣ такого необыкновеннаго назначенія. Лазаревъ въ отвѣтъ своемъ, превознеся всѣ мои качества, которыя я по его убѣжденію имѣлъ, и которыя обуславливали мое назначеніе по разнымъ отношеніямъ, закончилъ тѣмъ, что сверхъ того, такъ какъ я по общему отзыву составляю одну изъ свѣтлыхъ надеждъ флота и на меня уже теперь привыкли смотрѣть, какъ на будущаго начальника, то онъ и счелъ обязанностью своею для пользы службы познакомить меня со всѣми отраслями управленія, для чего упомянутая должность представляла наилучшее средство. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ назначенъ и членомъ всѣхъ комиссій для надзора за изготовленіемъ провизіи. Пользуясь подобнымъ положеніемъ, грозно и энергически сталъ я противъ всѣхъ злоупотребленій, неумолимо обличая и преслѣдуя ихъ и въ высшихъ и въ низшихъ, и это до того, что сложилась формальная поговорка между мошенниками. «Избави, Боже, отъ огня и меча, а пуще всего отъ фрегата «Крейсера»»

Въ Кронштадтѣ я принялъ къ себѣ на квартиру Павла Степановича Нахимова, впоследствии адмирала, прославившагося побѣдою при Синопѣ. Ме-

*) Должность эта заключала должности: начальника канцеляріи, полевого адъютанта, казначея и постоянного ревизора всѣхъ хозяйственныхъ частей, — провіантской, комиссаріатской, пшкшерской, артиллерійской и штурманской. Впоследствии, на меня же возложены были и дипломатическія сношенія и мѣна съ дикими.

ня о томъ просили товарищи мои по службѣ въ корпусѣ, братья его, Николай Степановичъ и Платонъ Степановичъ, очень извѣстный впоследствии, какъ инспекторъ студентовъ Московскаго Университета. Впрочемъ, я сдѣлалъ бы это и для самого Павла Степановича по его просьбѣ, такъ какъ онъ былъ товарищемъ моимъ въ походѣ въ Швецію и Данію. Мы условились жить и на фрегатѣ вмѣстѣ и для того соединили двѣ свои небольшія каюты въ одну, что дало намъ возможность лучше размѣститься, и наша каюта сдѣлалась какъ бы малою гостинною, куда обыкновенно собирались товарищи для искренней бесѣды. Нахимовъ сталъ неразлучнымъ моимъ товарищемъ, сопровождавшимъ меня повсюду. Такъ какъ онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, то всегда старался участвовать въ моихъ поѣздкахъ. Я бралъ его съ собою и въ Лондонъ, и въ разѣздахъ моихъ на островѣ Тенерифѣ, въ Бразиліи, въ Австраліи, въ Отаити, въ Калифорніи и пр., такъ что его прозвали наконецъ моею тѣнью.

Здѣсь кстати будетъ сказать вообще о составѣ офицеровъ на фрегатѣ и привести характеристику каждаго. — Начнемъ съ того, что почти всѣ офицеры, служившіе на фрегатѣ въ этомъ походѣ, которымъ поприще не было насильственно прервано смертию или другими обстоятельствами, дошли до высокаго положенія по службѣ. Лазаревъ былъ впоследствии адмираломъ, генераль-адъютантомъ, главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота. Куріановъ былъ главнымъ правителемъ нашихъ Американскихъ колоній и адмираломъ, Нахимовъ — адмираломъ, Путятинъ — адмираломъ, графомъ, генераль-адъютантомъ, посланникомъ въ Японіи и Китаѣ и министромъ просвѣ-

щенія. Муравьевъ — начальникомъ училища торговаго мореплаванія .Бугеневъ, потерявшій руку подъ Навариномъ, былъ уже флигель-адъютантомъ, но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Домашенко умеръ геройскою смертью, спасая утопающаго матроса. Вишневскій (гвардейскаго экипажа), былъ участникомъ событія 14-го декабря. Наконецъ докторъ Алиманъ былъ впоследствии генераль-штабъ-докторомъ Черноморскаго флота.

Я пользовался такимъ уваженіемъ и такимъ расположеніемъ со стороны Лазарева, что для того, чтобы произнести тотъ справедливый приговоръ, котораго онъ заслуживалъ, надо было глубоко проникнуться полнымъ сознаниемъ обязанности безпристрастія въ историкѣ. Лазаревъ былъ человекъ съ неоспоримыми способностями и характеромъ, но имѣлъ несчастіе съ одной стороны вынести изъ службы на англійскомъ флотѣ всѣ его недостатки въ утрированномъ еще почти до безобразія видѣ, а съ другой стороны воспитаться подъ вліяніемъ Екатерининскихъ нравовъ. Онъ былъ человекъ положительно безнравственный, и мы увидимъ ниже, что даже честность его была условная, все человѣческое достоинство, по его понятіямъ, заключалось въ томъ только, чтобы быть отличнымъ морякомъ. Невѣжество его по предметамъ общаго образованія было даже изумительное, онъ ничему не придавалъ значенія, внѣ своей специальности, да и въ ней былъ знатокъ только практической части. Поэтому его гордость сильно возмущалась моимъ теорическомъ превосходствомъ, и онъ, не рѣшаясь отрицать его, старался для уменьшенія значенія его доказывать всегда преимущество будто-бы пракческаго знанія надъ теоретическимъ, и ничего не было забавнѣе тѣхъ уловокъ и маневровъ,

которые онъ употреблялъ, чтобы не спросить меня прямо, когда бывали случаи, что дѣло могло быть рѣшено только высокимъ теоретическимъ образованіемъ, а практическіе способы вычисленій не давали ни скорыхъ, ни точныхъ результатовъ. Особенно не могъ онъ скрывать явной своей досады на необычайную быстроту моихъ вычисленій, хотя я никогда не позволялъ себѣ хвалиться этимъ и унижать его передъ другими.

Религія, по понятіямъ Лазарева, была только необходимое политическое орудіе для невѣжественнаго народа, и онъ даже доказывалъ, что, кто хочетъ быть хорошимъ морскимъ офицеромъ и даже вообще военнымъ человѣкомъ, тотъ не долженъ быть христіаниномъ, и что, наоборотъ, христіанинъ не можетъ быть хорошимъ офицеромъ, оговариваясь, впрочемъ, всегда, что я составляю исключеніе. Онъ предавался разврату всякаго рода, былъ жестокъ по системѣ и съ деспотическими привычками, поэтому любилъ льстецовъ, имѣлъ наушниковъ и фаворитовъ, но былъ нетерпѣливъ къ открытымъ заявленіямъ. Мнѣ пришлось видѣть его въ большомъ униженіи, когда выказалось все безсиліе такъ называемыхъ желѣзныхъ характеровъ, если они прилагаются къ несправедливому дѣлу. Послѣ бунта команды, который онъ безсиленъ былъ укротить, и который былъ укрощенъ мною, ему долго какъ-то совѣстно было смотрѣть мнѣ въ глаза.

Я сказалъ, что честность его была условная, а онъ самъ засвидѣтельствовалъ обо мнѣ, что я былъ «безукоризненно честенъ и охранялъ каждую казенную и матросскую копѣйку.» Поэтому намъ и неизбѣжно было придти въ столкновеніе. Это случилось два раза. Первый разъ Лазаревъ требовалъ, чтобы записать цѣну рома выше той, по

которой онъ былъ купленъ, для того, чтобы излишекъ обратить на украшеніе фрегата, «на то, чтобы выкрасить его лишній разъ противъ положенія.» — Я отвѣчалъ, что одно изъ двухъ: или это нужно для дѣйствительной пользы корабля, тогда Лазаревъ имѣетъ въ распоряженіи своемъ экстраординарную сумму и можетъ составить комиссію для утвержденія необходимости такого расхода, или это будетъ дѣлаться для личнаго удовольствія и похвалы Лазарева, тогда справедливость требуетъ, чтобы это было сдѣлано на его собственный счетъ. Второю разъ я отказалъ въ выдачѣ экстраординарныхъ денегъ фавориту Лазарева, Купріанову, которому Лазаревъ хотѣлъ доставить случай побывать въ Лондонѣ на казенный счетъ.

Купріановъ былъ не безъ способностей, но съ дурными наклонностями и недостаточнымъ образованіемъ. Онъ былъ воспитанникъ и фаворитъ Лазарева, выучившаго его и по англійски. Онъ игралъ при немъ роль наушника и еще кое-кого похуже, и вздумалъ было, что это даетъ ему право на значеніе, которое ни по мѣсту его, ни по знанію дѣла отнюдь ему не принадлежало. Мнѣ пришлось осадить его публично, и какъ потомъ нечаянный случай открылъ мнѣ настоящую его роль при Лазаревѣ, то у него была всегда затаенная вражда противъ меня, и онъ никогда не смѣлъ смотрѣть мнѣ въ глаза.

Вообще надо сказать, что младшіе офицеры были гораздо нравственнѣе старшихъ.

Что же касается до Нахимова, то ужъ конечно никто его не зналъ такъ, какъ я, и справедливость требуетъ сказать, что онъ былъ вовсе не то, что изъ него хотѣли сдѣлать какъ апологисты, такъ и порицатели его послѣ Синопскаго сраженія, безъ

котораго онъ такъ бы и окончилъ свою карьеру безвѣстнымъ адмираломъ. У него вовсе не было того прямого характера, о которомъ послѣ протрубили. На фрегатѣ ему постоянно доставалось отъ Бутенева именно за старанія его выказываться передъ Лазаревымъ и подслуживаться къ нему, для чего онъ нерѣдко употреблялъ такіе извороты, что слишкомъ даже пересаливалъ, и все дѣло было шито, какъ говорится, бѣлыми нитками.

Разъ у него была сильная ссора съ Бутеневымъ, которая безъ меня дошла бы до дуэли, за то, что этотъ сталь его упрекать при всѣхъ въ «малороссійской хитрости», что онъ прикидывается простакомъ и даже назвалъ его рыжимъ лукавцемъ. Это недостатокъ многихъ знаменитыхъ людей (Сикстъ V, Суворовъ и др.), пока они прокладываютъ себѣ карьеру. Впослѣдствіи онъ могъ, конечно, исправиться и въ Нахимовѣ, когда онъ приобрѣлъ уже извѣстное положеніе. Въ другихъ отношеніяхъ онъ заслуживалъ похвалу и не поколебался ни минуту, когда я разъ послалъ его почти на явную смерть спасать матроса, и заслуга его тѣмъ явнѣе, что онъ повиновался мнѣ, хотя былъ и старше меня и не былъ на вахтѣ. Целюдимость его въ женскомъ обществѣ объясняется его физическими недостатками (онъ былъ рыжий и горбать) и отсутствіемъ свѣтскаго образованія.

Путятинъ и Домашенко почти постоянно были на вахтѣ у меня, потому что если очереди иногда и измѣнялись отъ случайныхъ обстоятельствъ, то это не надолго. Путятинъ былъ образованный офицеръ и, хотя и былъ дѣйствительно нѣсколько вялъ, но все-таки Лазаревъ простиралъ свое нерасположеніе къ нему до несправедливости, и мнѣ постоянно приходилось защищать передъ нимъ Путятина.

Впрочемъ, причины несправедливости Лазарева истекли не столько изъ дѣйствительной нѣкоторой вѣлости Путьятина, сколько изъ постороннихъ обстоятельствъ, изъ того, что онъ не былъ выбранъ въ походъ самимъ Лазаревымъ, а назначенъ по протекціи Аракчеева, и во-вторыхъ, изъ неправильнаго понятія самого Лазарева объ образѣ дѣйствія, приличнаго русскому мичману, къ которому Лазаревъ относился постоянно съ такими требованіями, къ какимъ онъ привыкъ на англійскомъ флотѣ, гдѣ мичманъ и не офицеръ, и не всегда дворянинъ. Какъ на бѣду совершенный контрастъ съ Путьятинымъ былъ Домашенко, который къ крайнему удовольствію Лазарева совершенно соотвѣтствовалъ его понятію о мичманѣ, но зато не разъ подвергался открытому моему порицанію, даже и въ присутствіи Лазарева, къ великой его досадѣ. Разумѣется, я возставалъ только противъ пустой суеты, а не въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ офицеръ можетъ схватиться и за матросскую работу, чтобы показать примѣръ искусства или неустрашимости, что я и самъ всегда дѣлалъ. А то бывало стануть матросы укладывать свои койки, Лазареву покажется, что дѣло идетъ медленно, или койки укладываются неровно, и вотъ онъ закричитъ: «Да что вы тамъ копаетесь,» или: «Что вы такіе вавилоны строите.» — При этихъ словахъ Домашенко и бросится самъ укладывать койки, но если это случится, когда я команду вахтою, то вслѣдъ же за тѣмъ я бывало всегда скажу ему: «Александръ Александровичъ, не ваше дѣло: вы не англійскій мичманъ, а русскій офицеръ. Извольте идти на свое мѣсто.» — Лазаревъ насупится и отвернется назадъ, а Домашенко, сконфуженный, спрыгнетъ съ сѣтокъ.

Замѣчательно, что при спорахъ объ этомъ, я

всегда напоминалъ Лазареву, что вѣдь и я мичманъ, но онъ всегда оговаривался, что я составляю исключеніе и что онъ, довѣривъ мнѣ ревизорство и вахту, обязанъ относиться ко мнѣ по этимъ уже званіямъ, а не по моему чину. Поэтому и на парадные обѣды, на которые Лазаревъ по англійскому обычаю не приглашалъ мичмановъ, исключеніе дѣлалось только для меня одного, но я всегда отказывался, чтобы не оскорбить другихъ товарищей.

Вишневскій былъ офицеръ гвардейскаго экипажа, очень не жалуемаго Лазаревымъ, какъ исключительно фронтовиковъ, и также былъ назначенъ помимо Лазарева, по протекціи. По обѣимъ этимъ причинамъ Лазаревъ и не хотѣлъ давать ему вахты, хотя Вишневскій былъ уже лейтенантомъ. Я представилъ Лазареву, что это будетъ чувствительная обида для Вишневскаго и что этакъ онъ никогда и не пріобрѣтетъ практики. «Да вѣдь онъ и пыля пылящаго не смыслить,» сказалъ мнѣ Лазаревъ. Я просилъ его, чтобы онъ назначилъ его въ одну вахту со мною и чтобы онъ считался хоть номинально командиромъ, а что я буду дѣйствительно заправлять вахтою и принимаю на себя отвѣтственность, такъ какъ я вовсе не гонюсь никогда изъ пустаго самолюбія за наружностью, а смотрю на сущность дѣла. Лазаревъ долго не соглашался на это, и я насилу могъ уломать его. Наконецъ онъ устроилъ дѣло такъ: призвалъ меня и Вишневскаго и сказалъ ему: «Федоръ Гавриловичъ, не обижайтесь, — вы сами знаете, что вы не имѣете практическихъ свѣдѣній и не можете еще командовать вахтою. Но чтобы не выказать этого, я назначаю васъ на одну вахту съ Дмит. Ирин., такъ что по росписанію вы будете считаться командующимъ. Но помните, что сущность распоряженій принадле-

жить Дм. Ир. — Учитесь у него, лучшаго учителя я вамъ дать не могу. Когда же приобретете достаточно практики, то будете командовать вахтою самостоятельно.» — Это случилось только тогда уже, когда снимали съ фрегата старшаго офицера, и второй офицеръ занялъ его мѣсто и вмѣсто его надобно было имѣть новаго вахтеннаго офицера.

Одинъ изъ самыхъ жалкихъ офицеровъ на фрегатѣ былъ Муравьевъ, хотя сынъ очень умнаго адмирала. Впослѣдствіи онъ достигъ уже положенія директора училища торговаго мореплаванія, но на фрегатѣ отличался ребяческимъ легкомысліемъ во всемъ. Онъ былъ отчасти поручень отцемъ его мнѣ, а жилъ въ каютѣ съ Бутеневымъ, поступавшимъ съ нимъ очень безцеремонно. Такъ Бутеневъ открылъ, что онъ пишетъ до того глупыя письма домой о своемъ мнимомъ значеніи на фрегатѣ, что Лазаревъ объявилъ ему, что онъ не будетъ посылать его писемъ, если они не будутъ напередъ прочитаны мною и мною переданы Лазареву. Онъ вздумалъ было сочинять простонародныя пѣсни, чтобы увѣковѣчить память нашего похода, и не задумался прочитать въ каютѣ-компаніи и просить приказать матросамъ выучить слѣдующую чепуху:

«Наша матушка Россія
Посылала насъ насильно
Городъ Ситху защищать,
Отъ колошей сберегать.
Мы туда пошли съ фрегатомъ,
Съ тремя сотнями солдатомъ.
А къ горѣ хотъ Тенерифской
Путь лежалъ не очень близкій,
Однакъ мы пошли туда

И купили тамъ вина.
Мы въ Бразиліи ромъ пили
И тамъ долго прогостили» и т. д.

Въ Портсмутскомъ рейдѣ съ нами случилось забавное происшествіе. — Надо сказать, что когда фрегатъ находился въ портѣ, то командиры вахты дежурили посуточно, и только дежурные мичмана находились одни наверху по часамъ вахты. Во время стоянки на якорѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ приливы и отливы, всегда на кораблѣ находился береговой лоцманъ, обязанный указывать дежурному мичману время нѣкоторыхъ распоряженій для предупрежденія, чтобы не запутались якорные канаты. Разъ въ мои сутки, когда я сидѣлъ въ канцеляріи, а Муравьевъ былъ дежурный наверху, я услышалъ страшный шумъ, крикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хохотъ на палубѣ. Выбѣгаю наверхъ и вижу, что англійскій лоцманъ держитъ одною рукою за руку Муравьева, а другой бьетъ его концомъ веревки. Я остановилъ его, закричавъ, на него, какъ онъ смѣетъ это дѣлать, но тотъ съ азартомъ отвѣчаетъ мнѣ: «Еще бы не проучить этого дряннаго мичманишку. Вообразите, надо разводить крыжъ,*) ищу дежурнаго мичмана, а онъ улегся спать между компасами, да чтобы его не нашли, голову закрылъ брезентомъ (смоленная парусинная покрывка), а на ноги положилъ большую ньюфаундлендскую собаку.» — Я расхохотался и насилу могъ объяснить лоцману, что съ русскимъ мичманомъ нельзя такъ обращаться, какъ съ англій-

*) Крестъ, образуемый двумя канатами, когда при перемѣнѣ теченія, корабль сдѣлаетъ оборотъ, и канаты отъ двухъ якорей скрестятся.

скимъ. Разумѣется, Муравьевъ, какъ самъ виноватый, не смѣлъ изъ-за этого заводить дѣла.

Бутеневъ былъ очень преданный мнѣ чело-вѣкъ. Еще кадетомъ былъ онъ въ моей части и участвовалъ со мною въ походъ въ Швецію и Да-нію. Онъ такъ настойчиво требовалъ позволенія сопровождать меня, когда я отправился укрощать бунтъ отряда въ Австраліи, что я не могъ отказать ему, но справедливость требуетъ сказать, что въ немъ не столько было дѣйствительной энергіи, сколько желанія выказывать ее, оттого и прилагалась она нерѣдко и къ такимъ случаямъ, гдѣ проявлялось только желаніе показать, что законъ не для него писанъ, какъ и замѣчено было уже потомъ въ «Морскомъ Сборникѣ». Онъ со всѣми ссорился кромѣ меня и не всегда справедливо. Такъ напр., нападая на Нахимова за его стараніе выказываться передъ Лазаревымъ, онъ и самъ былъ не прочь отъ этого и притомъ въ такихъ видахъ, гдѣ это выказывалось наиболѣе къ его невыгодѣ. Я выше упомянулъ, что никто быстрѣе меня не дѣлалъ астрономическихъ вычисленій, но я дѣлалъ это для себя и потому не списывалъ на бумагу и не бѣгалъ заявлять это Лазареву, а дожидался всегда времени общей свѣрки. Поэтому, окончивъ вычисленіе, я оставлялъ доску на столѣ въ каютъ-компаніи, и тогда случалось, что Бутеневъ, такъ же какъ и другіе, сдѣлавъ ошибку, списываетъ прямо резуль-татъ съ моей доски и торопится представить Лазаре-ву доказательство мнимой скорости и правильно-сти своихъ будто бы вычисленій.

Объ остальныхъ офицерахъ, Анненковъ и Ка-дьянъ, можно сказать, что Анненковъ былъ чело-вѣкъ добрый, безъ дальняго образованія, но зато вовсе не притязательный и не честолюбивый. Ему

въ упрекъ ставили только то, что, не намѣреваясь продолжать службу во флотѣ, онъ бесплодно для будущности флота совершилъ два похода вокругъ свѣта, отбивая такимъ образомъ мѣсто у другихъ, которые были расположены всегда служить и сохранили бы поэтому для службы приобрѣтенную въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ опытность. Другой упрекъ относился къ тому, что онъ, какъ старый сослуживецъ Лазарева и Купріянова, сохранилъ дружескія отношенія къ послѣднему, хотя ему не могла не быть извѣстна роль Купріянова при Лазаревѣ тѣмъ болѣе, что это было уже поводомъ, какъ послѣ открылось, къ непріятной исторіи на кораблѣ и въ плаваніи ихъ къ южному полюсу. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что Анненковъ предупреждалъ Лазарева по крайней мѣрѣ насчетъ Кадыяна.

Что касается до этого лица, бывшаго старшимъ лейтенантомъ у насъ на кораблѣ, то, конечно, никто не сдѣлалъ столько зла въ походѣ и никто такъ сильно не компрометировалъ Лазарева, какъ онъ. Надо сказать, что онъ воспользовался неосторожно какъ-то сказаннымъ давно въ веселой компаніи словомъ Лазарева, который сказалъ, что если онъ пойдетъ еще разъ въ походъ кругомъ свѣта, то возьметъ и Кадыяна съ собою. Лазаревъ исполнилъ свое слово неохотно, но потомъ Кадыянъ, по такой слабостямъ Лазарева, такъ вкрался въ его довѣренность, что безъ бунта въ Австраліи, Лазаревъ не хотѣлъ видѣть очевиднаго зла, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему предостереженія. Этотъ Кадыянъ не только усиливалъ и безъ того излишнюю строгость Лазарева относительно нижнихъ чиновъ, но всячески оскорблялъ ихъ, и главное старался извлечь себѣ всякую выгоду изъ ихъ труда.

Онъ былъ сильно раздраженъ, что не ему досталось ревизорство, гдѣ онъ надѣялся было глубоко запустить лапу, и потому⁴ старался навести, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ, и извлекалъ выгоду изъ мелочей, заставляя даромъ дѣлать сѣбѣ разныя подѣлки столяровъ, токарей, слесарей, шить на себя портныхъ и пр., такъ какъ онъ, по званію старшаго лейтеканта, завѣдывалъ работами команды. Все это тѣмъ сильнѣе раздражало людей, что остальные офицеры представляли не только образецъ безусловной честности относительно нижнихъ чиновъ, но еще за всякую услугу платили щедро, гораздо дороже, чѣмъ она стоила.

Нельзя не упомянуть наконецъ о бывшемъ съ нами въ походѣ іеромонахѣ, хотя это и очень не желательно, такъ какъ кромѣ дурного и смѣшнаго ничего о немъ нельзя сказать, но это необходимо для того, чтобы показать, каково было черное духовенство, которымъ снабжали флотъ вообще, если даже для такой экспедиціи, какова была наша, нельзя было отыскать человѣка получше. По поводу назначенія на фрегатъ нашъ іеромонаха, Лазаревъ написалъ письмо къ митрополиту Серафиму и просилъ меня, какъ лично знакомаго человѣка митрополиту, отвезти письмо къ нему. И въ письмѣ изложено, и на словахъ поручено было мнѣ разъяснить необходимость назначить въ походъ такого человѣка, который бы могъ быть достойнымъ представителемъ нашего духовенства за границу, тѣмъ болѣе, что намъ придется посѣтить такія мѣста, въ которыхъ до этого времени русскія суда и не бывали еще, и гдѣ могутъ судить о цѣлыхъ сословіяхъ по тѣмъ личностямъ, которыя будутъ служить ихъ представителями. Митрополитъ принялъ меня очень любезно, вполне согласился со справедливостью на-

шихъ доводовъ, но откровенно сказалъ, что тѣ немногія и единственныя лица, которыя соответствовали нашимъ требованіямъ, всѣ необходимы ему самому, такъ какъ они занимаютъ такія должности въ Лаврѣ (казначей, ризничаго и пр.), для которыхъ требуются надежныя лица. «Все, что я могу сдѣлать для васъ,» сказалъ онъ въ заключеніе, «это дать вамъ такого человѣка, въ которомъ кромѣ пьянства, нѣтъ по крайней мѣрѣ ничего другого дурного, а отъ васъ будетъ зависѣть принять мѣры, чтобы онъ не пьянствовалъ.»

Говорили впослѣдствіи, что митрополитъ открыто сказалъ, что онъ и самъ былъ связанъ извѣстными условіями въ выборѣ монаховъ въ Лавру, что онъ не могъ выбирать людей по добродѣтельному житію, а обязанъ былъ выбирать такихъ, которые имѣли бы видную наружность, большую черную окладистую бороду и громкій и густой басъ. И дѣйствительно, когда бывало они съ обоихъ клиросовъ сойдутъ на средину и, снявъ клобуки и поддерживая ихъ на рукѣ, грянутъ басомъ общимъ хоромъ: «Отъ юности моя мнози борють мя страсти,» (причемъ задрожать всѣ стекла), то и картина и эффектъ были удивительные. Какъ-бы то ни было, но къ намъ назначили іеромонаха Иларія изъ эсауловъ донскихъ казаковъ, который, конечно, могъ быть хорошимъ наѣздникомъ, но отнюдь уже не могъ быть выгоднымъ представителемъ русскаго духовенства. — Онъ скоро сдѣлался посмѣшищемъ всего фрегата, и хотя обижался тѣмъ, что надъ нимъ «глумятся, тогда какъ онъ носитъ англійскій (ангельскій) чинъ,» но дѣйствія его были до того возмутительны, что онъ самъ же постоянно подавалъ поводъ и къ заявленію презрѣнія и къ насмѣшкамъ. Не говоря уже о плутовскихъ уловкахъ его, чтобы

нашиться пьяну, его скаредность, нечистота и невѣжество были невообразимы. Поэтому офицеры никакъ не хотѣли въ походѣ исповѣдываться у него, а говѣли уже по прибытіи въ Ситху и исповѣдывались у священника Іоанна Веніаминава, въ слѣдствіи митрополита Иннокентія. — Чтобы предупредить пьянство, іеромонаху было запрещено имѣть въ каютѣ вино, и всѣ покупки его съ берега строго осматривались. Въ положенное время ему выдавалась извѣстная винная порція, но онъ нашель было средство пользоваться лишними порціями матросовъ, которыя подъ видомъ благочестія отдавали ему свои порціи. Вслѣдствіе этого строго было запрещено отливать выдаваемую порцію вина въ какую нибудь посуду, а велѣно пить тутъ же въ присутствіи офицера. Потомъ іеромонаха отпускали за-границею на берегъ не иначе, какъ съ провожатымъ, который отвѣчалъ за то, чтобы Иларій не заходилъ въ кабаки. Скупость его была такъ велика (хотя онъ и получалъ большое жалованье), что офицеры сшили ему даже платье на свой счетъ. Каюта его поражала зловоніемъ, и это кончалось тѣмъ, что по приказу начальника всякую недѣлю разъ іеромонаха выводили силою изъ нея, вычищали каюту и провѣтривали его вещи, а когда отпускали его на берегъ, то вахтенный офицеръ долженъ былъ предварительно осмотрѣть его, вымыты-ли у него лицо и руки и вычесаны-ли волосы на головѣ и борода.

Мнѣ остается упомянуть еще о докторѣ Алимани. Это былъ человекъ очень образованный, и наши отношенія были всегда самыя пріятныя. Онъ условился со мною, въ ночныя мои вахты, когда мнѣ съ маневрами было немного дѣла, стоять со мною на вахтѣ, и мы всегда проводили время въ

полезной бесѣдѣ. Человѣку не-моряку очень тяжело быть на кораблѣ, когда онъ нисколько самъ не понимаетъ того, что совершается вокругъ него, а долженъ всегда спрашивать о томъ другихъ, не всегда впрочемъ при дѣловыхъ заботахъ отвѣчающихъ на вопросы. Поэтому онъ старался въ бесѣдѣ со мною познакомиться съ главными условіями морской службы. Я со своей стороны знакомился съ естественными науками съ большею подробностію, нежели это было возможно въ корпусѣ и академіи. Кромѣ того, по его просьбѣ, я помогалъ ему своими знаніями медицины при опросѣ больныхъ, такъ какъ онъ плохо зналъ простонародныя выраженія. Общее наше присутствіе было въ этомъ случаѣ тѣмъ полезнѣе, что мы всегда лично лучше могли рѣшить насчетъ діеты, такъ какъ я завѣдывалъ хозяйственною частью, и всегда могъ указать, чѣмъ можно замѣнить недостающіе предметы. Къ сожалѣнію, впоследствии возникли непріятности по недоразумѣнію между докторомъ и офицерами. Вообще надо сказать, что, когда я оставилъ фрегатъ, отправясь по призыву Государя изъ Калифорніи, то общій голосъ отозвался о моемъ отъѣздѣ, что «нашъ мирный ангель улетѣлъ.» — Дѣйствительно, ни къ кому такъ охотно не обращались за посредничествомъ, какъ ко мнѣ, никто не предупреждалъ столько непріятностей и недоразумѣній, какъ я. Когда же меня не стало, то всѣ поссорились, не объяснившись во-время. Лазаревъ поссорился съ офицерами, которые перестали ходить къ нему. Докторъ взялъ сторону капитана, за что офицеры поссорились и съ нимъ, и онъ долженъ былъ выйти изъ каютъ-компаніи. Даже офицеры раздѣлились и пили чай порознь. Только обѣдъ остался общій и то по необходимости.

VII.

Положеніе мое по завѣдыванію работами въ адмиралтействѣ и по артиллеріи, надзоръ за хозяйственными приготовленіями и пр. и поѣздки по этому поводу къ министру и въ адмиралтействъ-коллегію поставили меня въ непосредственное столкновение съ администраціей по всѣмъ отраслямъ управленія. Кромѣ того, на меня же взложенъ былъ выборъ людей изъ экипажа, для составленія фрегатской команды. Черезъ это мнѣ открылась вся глупина зла, развѣдавшего всѣ органическія основы Россіи, такъ что уму было даже непостижимо, какъ все это еще держится, и въ то же время ясно было, что административное разстройство далѣе идти не можетъ, но что такъ, или иначе, но непремѣнно долженъ быть положенъ конецъ этому. Всякій день открывались мнѣ явленія, одно возмутительнѣе другого. О людяхъ не имѣли ни малѣйшаго попеченія, все воровало, — начиная отъ военнаго губернатора до ничтожнѣйшаго лица въ управленіи (напр. угольный комиссаръ, получавшій въ жалованье сотни рублей, держалъ сына въ гвардіи и давалъ ему нѣсколько тысячъ на содержаніе; матчовой подмастерье принималъ ванны, которыя стоили каждая болѣе, нежели его жалованье за цѣлый мѣсяць), а потому люди, имѣвшіе съ нимъ дѣло, признавали за собою право дѣлать отпоръ тѣмъ-же и такимъ образомъ, совокупными усиліями грабили казну, т. е. государство.

Негодованіе мое достигло крайнихъ предѣловъ и приводило меня въ раздумье: не бросить-ли походъ и не выступить-ли немедленно съ предложеніями своими Государю, такъ какъ я все болѣе и

болѣе убѣждался, что только органическія измѣненія могутъ придать новую жизнь государству и общественный бытъ. Но въ это время носились слухи, что будто-бы и самъ Государь созналъ ошибку и будто-бы на предстоявшемъ Веронскомъ конгрессѣ онъ намѣренъ защищать новый порядокъ вещей и разумныя требованія народовъ, а для меня важно было только то, чтобы дѣло было сдѣлано, а во все не то, чтобы оно непременно было сдѣлано мною, — я къ этому, какъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ, не примѣшивалъ никогда своего самолюбія, всегда охотно уступалъ и честь совершенія дѣла, и свои идеи, и свои труды, и свои надежды, на которыя имѣлъ право, другому, если думалъ, что онъ имѣеть болѣе меня средствъ или скорѣе случай сдѣлать дѣло. Поэтому я рѣшился выждать, какое положеніе приметъ Государь на Веронскомъ конгрессѣ и тѣмъ болѣе, что съ другой стороны отказъ мой идти въ походъ могъ разстроить и самый походъ, до такой степени успѣшныя приготовленія къ походу связаны были съ личною моею дѣятельностью. Имѣю полное право сказать, что она была, какъ и выразился самъ Лазаревъ, дѣйствительно «безпримѣрна». Въ теченіе всего приготовления я буквально не зналъ отдыха, не зналъ правильного сна, ни обѣда. Первый являлся я вездѣ, чтобы возбуждать къ работамъ, послѣдній отправлялся домой, да и тамъ просиживалъ ночи за бумагами, а праздники за планами, принявшись даже, по неумѣнію у насъ живописца, за рисовку масляными красками разныхъ эмблемъ, для украшенія фрегата. Кромѣ того, я былъ незамѣнимъ и потому уже, что множество распоряженій, объясненій, фактовъ не было нигдѣ изложено письменно, а держалось въ одной только моей головѣ.

Я выше уже сказалъ, какъ велика была вражда противъ нашего фрегата, и нечего пояснять, что она относилась особенно къ мнѣ, какъ къ человеку, прямо и чаще другихъ обличавшему зло. И вотъ случилось происшествіе, которое ясно выразило эту вражду, но кончилось полнымъ торжествомъ нашимъ, тогда какъ противники наши ожидали несомнѣннаго торжества себѣ.

Разъ поздно вечеромъ, когда Лазаревъ уѣхалъ уже съ работы, прекращенной по случаю грозы, и стали расходиться и другіе офицеры, потому что оставалось только перевозить рабочихъ со стѣнки гавани, у которой стоялъ фрегатъ, я увидѣлъ, что молнія ударила въ стрѣлу крана, служащаго для подъема мачтъ. Кранъ этотъ былъ только что вновь устроенъ и стоилъ очень дорого. Но если бы допустить ему загорѣться, то, можетъ быть, гибель гавани и всего флота была неотвратима. Надо было мгновенно рѣшиться, и я приказалъ рубить кранъ. Всѣ посмотрѣли на меня въ недоумѣніи; урядникъ, т. е. унтеръ-офицеръ, которому я велѣлъ рубить канаты, поддерживавшіе кранъ, сказалъ мнѣ: «Наложите руку, Ваше Высокоблагородіе.» Я взялъ топоръ и ударилъ по канату, а такъ какъ рабочіе были почти всѣ плотники съ топорами, то мигомъ перерубили канаты, веревки и ставки, и кранъ рухнулъ въ воду.

Приказавъ рубить, я въ то же время послалъ дать знать Лазареву, который прискакалъ немедленно, но кранъ былъ уже въ водѣ, а между тѣмъ никакого доказательства, что молнія ударила въ стрѣлу, не было. Лазаревъ страшно испугался за меня, и, вообразивъ, что, если онъ приметъ дѣло на себя, то во всякомъ случаѣ подвергнется меньшей отвѣтственности, чѣмъ я, написалъ въ рапортѣ, что

кранъ срубленъ по его приказанію. Между тѣмъ мгновенно распространился по Кронштадту слухъ о дерзкомъ своеволіи «крейсерскихъ». Всѣ наши противники возликовали и проявили такую небывалую дѣятельность вмѣсто обычной имъ медленности, что ночью уже составлена была коммиссія, которая и явилась въ пятомъ часу утра, для освидѣтельствованія крана въ нашемъ присутствіи. Къ стыду ихъ оказалось однако-же, что молнія прожгла всю сердцевину стрѣлы, и было несомнѣнно, что только глубокое погруженіе въ воду воспрепятствовало огню выдти наружи и произвести пожаръ, который остановать было-бы тѣмъ труднѣе, что весь кранъ состоялъ изъ осмоленныхъ веревокъ и дерева и загорѣлся бы, конечно, наверху, тогда какъ на пристани не было даже и ручного брантспойта. Въ восемь часовъ отправлено было на пароходѣ донесеніе къ Государю, а въ три часа пополудни съ тѣмъ же возвратившимся пароходомъ Лазаревъ получилъ крестъ Владиміра 4-ой степени «за совершенный имъ подвигъ». Лазаревъ былъ страшно сконфуженъ. Конечно, онъ дѣйствовалъ по хорошему побужденію, желая прикрыть мою отвѣтственность своею, хотя если-бъ я зналъ его намѣреніе, то никакъ бы этого не допустилъ, разумѣется, не въ виду награды, которой никто и не ожидалъ, а потому что я самъ привыкъ во всемъ дѣйствовать съ полной отвѣтственностью. Вотъ почему Лазаревъ никогда и не надѣвалъ этого креста, исключая только при посѣщеніи Государя, и радъ былъ, когда получилъ Владиміра 3-ей степени на шею и могъ не носить 4-ой степени, полученной за чужой подвигъ.

Когда все было готово къ отплытію, Государь захотѣлъ самъ проводить насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть фрегатъ, о которомъ ему рассказывали

чудеса, да кстати похвалиться такимъ чудомъ передъ иностранцами, почему и взялъ съ собою вел. князя Николая Павловича, всѣхъ посланниковъ и огромную свиту, къ великой досадѣ Лазарева, пришедшаго въ крайнее негодованіе «отъ этихъ людей, которые въ морскомъ дѣлѣ ни бельмеса не разумѣютъ, а только мѣшали все, вездѣ лазили и шалили.» — Государь былъ очень доволенъ, и я, въ качествѣ лица, завѣдывающаго хозяйственной частью, представилъ ему пробу матросскаго кушанья и водилъ его въ такъ называемую «шхиперную» каюту, гдѣ хранились всѣ матеріалы, расположенные въ такомъ порядкѣ, что, въ каждую минуту безъ малѣйшаго замѣшательства и задержки можно было достать все — отъ толстаго каната и паруса до мелкаго гвоздя и веревочки. Кюота была освѣщена фонаремъ съ гранеными стеклами, и Государю такъ понравился порядокъ, расположеніе и освѣщеніе, что онъ сказалъ французскому послу: «Неправда-ли, это настоящій косметическій магазинъ?» и забавлялся, приказывая подавать ему то и то, что исполнялось немедленно и безошибочно. Крюйтъ-камера или пороховой магазинъ представляла еще болѣе значенія, хотя по обычной предосторожности даже замки, пружины и ключи были тамъ мѣдные, и входили въ нее или разуваясь, или въ мягкихъ галошахъ, и свѣтъ шелъ изъ фонаря, зажигаемаго снаружи, но въ нашемъ пороховомъ погребѣ можно было ходить пожалуй и съ огнемъ, до такой степени была предупреждена всякая опасность, такъ какъ весь порохъ находился вмѣсто боченковъ въ мѣдныхъ ящикахъ со втулками, замазанными мастикой, вставленныхъ сверхъ того въ деревянные ящики, закупориваемые крышками съ мѣдными винтами. Особенное же вни-

маніе государя обратило новое устройство артиллеріи.

Окончивъ вооруженіе фрегата и нагрузку провизіи и другихъ вещей, я отправился во главѣ спеціально наряженной комиссіи въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость, для приѣма золотой и серебряной монеты, осмотрѣвъ при этомъ случаѣ и монетный дворъ. Не мало было потомъ хлопотъ отъ разнородности отпущенной монеты, такъ какъ виѣ Европы преимущественно вездѣ въ ходу: изъ золотой монеты — одни голландскіе червонцы, а изъ серебряной — одни испанскіе піастры. По привозѣ монеты на пароходѣ на фрегатъ, мы отправились въ походъ, въ сопровожденіи шлюпа «Ладоги», состоявшаго подъ командою брата Лазарева (Андрея Петровича), который былъ старше его лѣтами, но младше чиномъ. Шлюпъ этотъ причинялъ намъ много досады своимъ дурнымъ ходомъ, постоянно задерживавшимъ насъ, тогда какъ нашъ фрегатъ «Крейсеръ» былъ отличный ходокъ. Это вынуждало насъ нѣсколько разъ бросать шлюпъ, назначая ему «рандеву» въ извѣстныхъ мѣстахъ, ускоряя прибытіе свое въ портъ, чтобы выиграть время для приготовленія необходимыхъ вещей, такъ что когда приходилъ шлюпъ, то находилъ уже все готовымъ, и мы могли оставаться въ портѣ столько лишь времени, сколько необходимо было для исправленія судовъ.

Въ Копенгагенѣ, несмотря на дружескій приѣмъ наслѣднаго принца, напомнившій наше дѣтство, и на убѣдительныя его просьбы бывать почаще у него, я могъ всего только два раза посѣтить его, до такой степени былъ я подавленъ занятіями. Кромѣ исправленія многихъ недостатковъ, обнаруженныхъ во время перваго нашего перехода въ морѣ, над-

лежало закупить много провизіи и вещей для команды (почти вся теплая одежда, фуфайки, теплые колпаки, шерстяныя рубашки и чулки и пр. въ Даніи были гораздо прочнѣе и дешевле, нежели въ Англіи, хотя и были ручной работы), и сдѣлать дополнительный выборъ людей съ эскадры нашей, шедшей изъ Архангельска, въ замѣну оказавшихся неблагонадежными, потому что при выборѣ людей въ Кронштадтѣ начальники экипажей всячески старались скрыть лучшихъ людей.

На фрегатѣ на офицерскій счетъ была заведена очень хорошая и многочисленная музыка, доставлявшая въ походѣ не однимъ намъ развлеченіе и удовольствіе. У насъ была также очень хорошая библіотека, даже многіе офицеры имѣли значительное число книгъ, но игра въ карты была запрещена по общему постановленію, и кромѣ шахматовъ, никакой другой игры не дозволялось.

Бурная погода заставила насъ въ Англіи укрыться снова въ портѣ Дилѣ, а при переходѣ оттуда въ Портсмутъ, захватилъ насъ еще болѣе жестокой штормъ. Фрегатъ прижимало къ французскому берегу, и мы могли уже вычислить, сколько остается времени до кораблекрушенія, какъ перемѣна вѣтра дозволила намъ избавиться отъ опасности. Пятьдесятъ два часа никто не сходилъ сверху, и когда вошли въ гавань, и фрегатъ поступилъ на попеченіе лоцмана, то офицеры проспали слишкомъ сутки. Это былъ единственный разъ въ жизни со мной, что я спалъ послѣ обѣда. — Изъ Портсмута Лазаревъ отправился въ Лондонъ, почему мнѣ и необходимо было оставаться на фрегатѣ до его возвращенія. Однако же онъ, желая лично мнѣ сдать всѣ дѣла въ Лондонѣ, просилъ пріѣхать туда, пока и онъ тамъ, чтобы избѣжать

остановки въ заказахъ и надзорѣ за исполненіемъ ихъ. Со мною отправился неразлучный мой спутникъ Нахимовъ и кромѣ того Бутеневъ и докторъ Алиманъ.

Между тѣмъ, пока я былъ еще въ Портсмутѣ, привѣзжалъ туда нашъ священникъ Смирновъ съ порученіемъ ко мнѣ отъ графа Воронцова. Увидя въ газетахъ списокъ офицеровъ и въ немъ мою фамилію, онъ просилъ своего пріятеля Смирнова узнать, не сынъ-ли я Иринарха Ивановича, и въ такомъ случаѣ просить меня посѣтить его. Я съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе, и тутъ-то и произошло то *qui-pro-quo*, что онъ назвалъ меня „*Monsieur le Comte*“, до такой степени онъ былъ увѣренъ, что батюшка получилъ титулъ графа, зная навѣрное, что этотъ титулъ былъ ему предложенъ.*) Я былъ тоже очень любезно принятъ и дочерью его, которая была замужемъ въ Англіи за лордомъ Пемброкомъ.

Я оставался въ Лондонѣ слишкомъ мѣсяць и не только осмотрѣлъ все достойное замѣчанія, но и посѣтилъ Оксфордъ, Гриничъ, Виндзоръ и другія замѣчательныя въ разныхъ отношеніяхъ мѣста. Вообще, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, я поставилъ себѣ за правило осматривать все, на что только буду въ состояніи удѣлить время, не щадя никакихъ расходовъ, и вовсе не заботясь, подобно другимъ, ни составлять экономію изъ большаго нашего жалованья, ни расточать его на пустыя удовольствія. Въ Лондонѣ я былъ только два

*) Государь по рекомендаціи кн. Цицанова желалъ назначить батюшку гражданскимъ губернаторомъ въ Грузіи, но какъ батюшка не хотѣлъ пока отказаться отъ военнаго чина, то ему предложено сначала переименованіе въ тайные совѣтники, а потомъ пожалованъ титулъ графа.

раза на балѣ: у герцога Нортумберландскаго и у графини Пемброкъ.

Между тѣмъ свободное обсужденіе дѣлъ въ печати свободной страны открыло мнѣ несомнѣнно, что Государь опять склонился на сторону ошибочной политики, поэтому я рѣшился не медлить болѣе, хотя бы и пришлось пожертвовать всѣми выгодами похода, и написалъ къ нему на Веронскій конгрессъ, требуя личнаго свиданія и желая объяснить, что онъ не туда идетъ и не туда ведетъ Россію, куда слѣдуетъ. Я зналъ, что этотъ поступокъ могъ стоить мнѣ потери всей карьеры, можетъ быть, и вѣчнаго заточенія, если-бы меня сочли за сумасшедшаго, но въ моемъ убѣжденіи это была послѣдняя минута, когда еще можно было остановить Государя.

Къ сожалѣнію, письмо мое не застало уже Государя на конгрессѣ, и мнѣ пришлось отправиться изъ Англіи въ походъ далѣе. Тогда я рѣшился воспользоваться по крайней мѣрѣ этимъ случаемъ, чтобы устроить дѣло о присоединеніи Калифорніи. Мысль о томъ давно уже занимала меня, но вполне уяснилъ я себѣ это дѣло только въ Англіи, и именно по поводу возраженій, которыя возбудила наша экспедиція въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

На островѣ Teneriffъ я входилъ на пикъ и посѣтилъ лагуну, гдѣ ботаническій садъ, и знаменитую долину Оритаву. — Съ особеннымъ великолѣпіемъ совершалось на фрегатѣ празднество перехода чрезъ экваторъ, доказавшимъ большую изобрѣтательность людей нашей команды, съумѣвшей создать пресмѣшныя фигуры Нептуна, Нептуньи и Нептуненка и разныхъ морскихъ животныхъ, и устроить колесницу изъ пушечнаго станка и бочки.

Приготовление къ этому празднику, отданное вполнѣ на ихъ волю и совершившееся по секрету отъ офицеровъ, занимало ихъ около мѣсяца, и столько же занимали потомъ рассказы и воспоминанія, а такимъ образомъ незамѣтно прошелъ монотонный двухмѣсячный переходъ до Бразиліи.

Въ Бразиліи мнѣ предстояло тоже очень много дѣла, однако я непремѣнно хотѣлъ познакомиться поближе съ тропическою природою, поражавшею даже и простыхъ людей. Я углублялся въ дѣвственные лѣса, часто ѣздилъ къ императору Донъ-Педро въ его загородный дворецъ Санъ-Кристоваль, въ Бото-фого, на Сахарную голову, на Карководо и Сіэру д'Эстрелья и, наконецъ, въ новую плантацію нашего генеральнаго консула Ламсдорфа, гдѣ я одинъ только изъ всѣхъ офицеровъ могъ ходить съ нимъ на ботаническія экскурсіи по бывшей у меня способности одинаково хорошо переносить и сильный холодъ и сильный жаръ.

Во время пребыванія нашего въ Бразиліи случилось одно происшествіе, сильно напугавшее многихъ родныхъ пустыми слухами. Надо сказать, что, прийдя въ Бразилію, мы нашли въ ней вмѣсто Португальской колоніи новосозданную Имперію. Однако новый императоръ не былъ еще признанъ никакимъ правительствомъ, и, слѣдовательно, мы не могли имѣть съ нимъ официальныхъ сношеній. Это впрочемъ не мѣшало взаимнымъ услугамъ, и такъ какъ мы производили нѣкоторыя работы въ бразильскомъ адмиралтействѣ, то въ свою очередь и сами должны были давать своихъ мастеровыхъ. Донъ-Педро торопился въ это время вооруженіемъ флота для отраженія предполагаемаго нападенія португальцевъ и всякій день встрѣчался и бесѣдовалъ со мной въ адмиралтействѣ. У него былъ недостатокъ въ

хорошихъ морскихъ офицерахъ и незадолго передъ тѣмъ лейтенантъ англійскаго флота Тайлоръ перешелъ къ нему на службу командиромъ корвета. Видя отличіе, которымъ я пользовался на фрегатѣ, Донъ-Педро вздумалъ предложить и мнѣ поступить тѣмъ-же чиномъ, что и Тайлоръ, въ бразильскую службу. Разумѣется, я отказался, но дѣло огласилось, и, дойдя до Россіи въ превратномъ видѣ, встревожило моихъ родныхъ, пока полученныя отъ меня письма не разъяснили имъ, что именно подало поводъ къ слуху, что будто бы я оставилъ русскую службу. Пребываніе наше въ Бразиліи представляло живой интересъ не только по знакомству съ совершенно новою для насъ природою, но и въ политическомъ отношеніи. Всѣ вопросы, какъ международные, и внутренніе политическіе такъ и соціальные были возбуждены, и положеніе Бразиліи представляло много наглядныхъ фактовъ для поясненія этихъ вопросовъ, а пребываніе огромнаго числа иностранцевъ, и даже военныхъ судовъ разныхъ націй, дозволяло слышать многостороннее обсужденіе всякаго явленія. Какъ ни занятъ я былъ дѣятельностью по служебной обязанности, — не только разгрузкою и оснащениемъ фрегата, но и разѣздами по плантаціямъ для закупокъ, однако я не упустилъ случая знакомиться подробно съ природою и различными производствами, особенно свойственными Бразиліи, и слѣдить за политическимъ и соціальнымъ движеніемъ. И если знакомство съ генеральнымъ консуломъ и экскурсіи съ нимъ были полезны мнѣ въ научномъ отношеніи для изслѣдованія тропической (страны) природы, то посѣщеніе вице-консула нашего, женатаго на бразиліанкѣ и жившаго очень открыто, представляли превосходный случай наблюдать полити-

ческие и социальные вопросы въ живомъ ихъ движеніи. Каждый день во время сильнаго жара отъ 10 до 4-хъ часовъ, когда всякая дѣятельность останавливается, и всѣ дѣла прекращаются, всѣ предаются сну, я удалялся въ лимонныя и апельсиныя рощи на Карководо и занимался тамъ чтеніемъ газетъ всякаго рода, — и по правдѣ сказать, трудно было другимъ и понять, когда я спалъ, потому что часовъ въ шесть или у насъ былъ парадный обѣдъ, или мы сами были приглашаемы на обѣды, которые намъ давали или въ городѣ, или на иностранныхъ судахъ, а за обѣдомъ далеко за полночь слѣдоваль гдѣ-нибудь балъ или прогулка, несмотря на то, что поутру въ семь часовъ я принималъ уже на берегу или въ конторѣ консула. или въ адмиралтействѣ всѣхъ, имѣющихъ до экспедиціи какое-нибудь дѣло.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности по описанію того, что я имѣлъ случай осмотрѣть въ Бразиліи, ни о празднествахъ, какія давались въ нашу честь, ни о дѣловыхъ и увеселительныхъ развѣздахъ, но нельзя не замѣтить, что въ сношеніяхъ съ иностранцами всѣхъ поражалъ недостатокъ общаго образованія у Лазарева, и что даже тѣ люди, которые по званію своему должны были бы ближе сойтись съ Лазаревымъ, чѣмъ со мною, гораздо охотнѣе вступали въ разсужденія со мною, чѣмъ съ нимъ. Особенно сдружился со мною французскій адмиралъ Гривель.

Переходъ нашъ изъ Бразиліи въ Австралію былъ очень продолжительный и очень бурный въ началѣ и въ концѣ. Впрочемъ, бури въ началѣ не возбуждали нашего неудовольствія, такъ какъ могли дать намъ случай невольно побывать на мысѣ Доброй Надежды, куда по инструкціи запрещено было

намъ заходить, вслѣдствіе непріятнаго будто-бы воспоминанія, сохранившагося тамъ о русскихъ съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ оттуда бывший тамъ на паролѣ капитанъ Головинъ во время разрыва Англии съ Россією въ 1808 г. Впрочемъ, опасенія нашего правительства были неосновательны, потому что и въ самой Англии сознавали уже, что Головинъ былъ захваченъ вѣроломно, такъ какъ ученныя экспедиціи составляютъ всегда изыятіе изъ военнаго права.

Слишкомъ три мѣсяца длился переходъ (дурной ходъ шлюпа «Ладоги» постоянно насъ задерживалъ), и мы не имѣли другого развлеченія, какъ ѣздить по очереди всякій праздникъ въ гости къ обѣду съ одного корабля на другой, несмотря ни на какую даже бурю и не разъ рискуя жизнью въ перѣздахъ на небольшой лодочкѣ съ корабля на корабль и поднимаясь и спускаясь по штормовому трапу.

Въ Австраліи мы зашли въ Ванъ-Дименову землю, гдѣ до того времени русскія суда еще не бывали, и остановились у Гобартъ-Тоуна. И здѣсь также я не буду вдаваться въ описаніе необычной для европейца природы, ни тѣхъ празднествъ, которыя давались въ честь перваго русскаго корабля, посѣтившаго эти страны, ни поѣздокъ монахъ внутрь страны для изслѣдованія природы и колониальнаго устройства англичанъ въ Австраліи, игравшей тогда роль русской Сибири, но необходимо долженъ рассказать объ одномъ случаѣ, близко коснувшемся до меня и обнаружившемъ все мое нравственное значеніе въ экспедиціи и вліяніе на команду. — Въ каждомъ портѣ для насъ обыкновенно отводили мѣсто, гдѣ мы устраивали временныя мастерскія, чтобы не стѣснять и не грязнить фрегата разными

черными работами. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нельзя было достать покупкою дровъ и угля, а необходимо было самимъ заготавливать ихъ, разумѣется, подобныя отводимыя мѣста не могли быть по близости отъ якорной стоянки. Такъ было въ Ванъ-Дименовоѣ землѣ, въ Калифорніи и др. Въ Ванъ-Дименовоѣ землѣ мѣсто, удобное для производства всѣхъ работъ и заготовленій нашлось не близко, верстъ за 40 отъ фрегата, вверхъ по рѣкѣ Дервенту. Туда и была отряжена безсмѣнная команда въ пятьдесятъ человѣкъ, съ двумя офицерами, Путятинымъ и Домашенко. Обыкновенно дня въ четыре разъ я ѣзжалъ туда, чтобъ осмотрѣть ходъ работъ и для того, чтобы отвезти нужную провизію. Но вотъ разъ ночью, часу въ третьемъ, меня будятъ и просятъ пожаловать, какъ можно скорѣе, къ Лазареву. Я прихожу и нахожу его полуодѣтаго, расхаживающаго въ сильномъ волненіи по комнатѣ, — на столѣ лежала какая-то бумага. Молча, указалъ онъ мнѣ на нее. Я взялъ и вижу, что это было сообщеніе отъ губернатора Ванъ-Дименовоѣ земли, что нашъ отрядъ взбунтовался и что, если онъ соединится съ бѣглыми англійскими ссыльными, то можетъ произойти большая опасность для колоніи, для охраненія которой онъ имѣетъ не болѣе 60 человѣкъ солдатъ, почему и проситъ капитана принять скорѣйшія мѣры для прекращенія бунта. Прочитавъ бумагу и видя въ событіи этомъ полное оправданіе того, что я предвидѣлъ и предсказывалъ не разъ Лазареву, какъ неизбѣжное слѣдствіе его ошибочной системы, я не хотѣлъ однако же пользоваться настоящимъ случаемъ для упрековъ ему, но съ грустью спросилъ: «Что-же вамъ угодно?» — Лазаревъ распространился въ панегирикѣ мнѣ, говорилъ мнѣ о моеѣ энергіи и вмѣстѣ

съ тѣмъ о хладнокровіи и благородіи и пр. и кончилъ тѣмъ, что онъ только на одного меня надеется, чтобы поправить дѣло.

«Возьмите,» сказалъ онъ въ заключеніе, «человѣкъ пятьдесятъ вооруженныхъ, сто, — однимъ словомъ, сколько нужно, но подавите бунтъ во что бы то ни стало.»

Я спросилъ его, позволитъ-ли онъ высказать мнѣ свое мнѣніе.

«Сдѣлайте одолженіе, говорите.»

Тогда я напомнилъ ему общее нерасположеніе команды, и спросилъ: «А что, если и эти присоединятся къ возмутившимся?»

«Такъ какъ же быть?»

«Позвольте испытать нравственное мое вліяніе.»

Лазаревъ помолчалъ немного и затѣмъ сказалъ: «Ну, съ Богомъ. Дѣлайте, какъ хотите.» — При этомъ онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ, поцѣловался со мною и перекрестилъ. Это былъ тотъ человѣкъ, который говорилъ, что морской офицеръ не долженъ быть христіаниномъ.

«Дмитрій Иринарховичъ,» сказалъ онъ, «я до вѣряю вамъ судьбу фрегата. И мою честь и честь Россіи,» прибавилъ онъ.

Между тѣмъ извѣстіе, что пріѣхалъ нарочный отъ губернатора, что меня потребовали къ Лазареву, подняло на ноги всю каютъ-компанію. Причина всего этого была, разумѣется, скрыта отъ команды, но офицерамъ нельзя было не сообщить о томъ на всякій случай. Кадьянъ страшно перетрусилъ и хотѣлъ было, чтобы я свезъ его на берегъ. Но мы не могли допустить этого, чтобы не обнаружить дѣла предъ командою. Я велѣлъ приготовить гичку

и не хотѣлъ никого брать съ собою, но Бутеневъ изъ преданности ко мнѣ такъ настойчиво упрашивалъ меня позволить ему провожать меня, что я не рѣшился ему отказать, и тѣмъ болѣе, что обыкновенно прежде бралъ когонибудь съ собою изъ офицеровъ, пользовавшихся моими поѣздками, какъ случаями себѣ для прогулки, а чрезъ это и въ глазахъ команды моя поѣздка имѣла обычный видъ.

Хотя приглашенія къ моему отправленію дѣлались безъ всякаго шума и я велѣлъ разбудить только именныхъ гребцовъ, но, разумѣется, при смѣнѣ съ вахты, въ 4 часа, вся команда узнала уже о моемъ отправленіи. Впрочемъ, имъ объяснили экстренное мое отправленіе тѣмъ, что будто бы въ отрядѣ заболѣлъ одинъ офицеръ, и я повезъ на смѣну ему Бутенева. Чтобы не имѣть въ этотъ день сообщенія съ берегомъ, гдѣ люди могли случайно узнать о возмущеніи отряда, команду заняли работами на фрегатѣ. Нечего и говорить, въ какомъ волненіи остался Лазаревъ. Съ самаго обѣда онъ не покидалъ уже зрительной трубы, но смотрѣлъ не съ палубы, а изъ своей каюты. Наконецъ видить, что я возвращаюсь, и у меня въ гичкѣхъ сверхъ гребцовъ еще четыре человѣка. Офицеры всѣ вышли на верхъ. Вахтенный офицеръ стоялъ у входа параднаго трапа, къ которому я и присталъ. Я поднялся первый, за мною четыре привезенныхъ матроса, за ними Бутеневъ. «Возьмите арестантовъ,» сказалъ я вахтенному, указывая на привезенныхъ, и затѣмъ, подойдя къ капитану, стоявшему у шпигеля, донесъ ему, что отрядъ вошелъ въ послушаніе, главные зачинщики выданы, привезены мною и сданы вахтенному офицеру. Лазаревъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и, велѣвъ заковать привезенныхъ зачинщиковъ, приказалъ написать при-

казь о немедленномъ составленіи военнаго суда. Затѣмъ, спускаясь въ свою каюту, Лазаревъ просить меня слѣдовать за нимъ, и, когда мы остались одни, сталъ спрашивать меня, какъ удалось мнѣ кончить все такъ благополучно. — Дѣло происходило такъ: прибывъ къ отряду, я не подаль и виду, что мнѣ что-нибудь извѣстно, а началъ обычный свой осмотръ работъ. Оказалось, что уже другой день не работаютъ. Я сталъ требовать у каждаго порознь отчета въ неисполненіи положеннаго урока. Они начали жаловаться на обращеніе съ ними вообще и на Кадьяна въ особенности. Тогда я велѣлъ всѣмъ собраться и сдѣлалъ переключку, пятерыхъ уже не оказалось, сказали, что они ушли съ англичанами, чему я однако не повѣрилъ, замѣтивъ близко въ кустахъ прятавшіяся человѣческія фигуры.

«И мною стало быть вы тоже недовольны?» спросилъ я.

«Какъ можно, Ваше Высокородіе. Вами мы всѣмъ много довольны. Вы намъ все равно, что отецъ были.»

«Такъ послушайте,» сказалъ я, «вы мнѣ стало быть вѣрите?»

«Во всемъ вѣримъ, Ваше Высокородіе.»

«Ну такъ вотъ что, я вамъ скажу: не въ добрый часъ вы затѣяли дѣло, и дурныхъ людей послушали. Я вотъ не могу уже теперь обѣщать вамъ, чтобы ваше непослушаніе осталось безъ наказанія, но если вѣрите мнѣ, то повѣрьте, что какъ бы строго ни было наказаніе, которое вы заслужили, это будетъ ничто противъ того, что васъ ожидаетъ, если вы свяжетесь съ ссыльными англичанами. Они васъ же первыхъ обокрадутъ и убьютъ»

«Это правда,» сказалъ какой-то голосъ въ заднихъ рядахъ, «сегодня хватился сапогъ, а ихъ ужъ нѣтъ, должно быть стащилъ рыжій, что ночеваль у насъ въ палаткѣ.»

Люди, видимо, заколебались. Я продолжалъ разъяснять имъ ихъ положеніе, и напомнилъ имъ, что ихъ собратьямъ въ Кронштадтѣ не легче приходится, а и тѣхъ награда нѣтъ, которыя имъ обѣщаны и которыя они потеряютъ.

«Покажите раскаяніе,» сказалъ я, «выдайте мнѣ зачинщиковъ, чтобы я могъ ходатайствовать за васъ предъ капитаномъ.»

«Да ихъ ужъ нѣтъ, Ваше Высокородіе,» сказалъ кто-то, «они ужъ бѣжали.»

«Неправда,» сказалъ я, «я увѣренъ, что они близко и что даже слышатъ меня.» Затѣмъ, возвысивъ еще голосъ, я сказалъ: «Подлецы они, ввели васъ въ бѣду, а сами прячутся. Слыхалъ я, что люди, хоть и виноватые, гибли за свою братью, чтобы снять съ нихъ отвѣтъ, а эти что? И вы такихъ людей послушали.»

«Что-жъ, и вправду, братцы,» сказалъ какой-то голосъ: «Ихъ Высокородіе говорятъ правду, они всегда за насъ стояли, а эти что? Сами же подумали насъ, а какъ дѣло къ отвѣту пошло, такъ и попрятались. Они не бѣжали, Ваше Высокородіе, это лгутъ, — вонъ они въ кустахъ.»

«И вамъ не стыдно,» закричалъ я, идя къ кустамъ, «выходите вольно, чтобы хоть уменьшить вину, хуже будетъ, когда велю взять силою.»

Четверо вышли.

«А гдѣ пятый, Станкевичъ?»

«Онъ дѣйствительно бѣжалъ, Ваше Высокородіе, сегодня утромъ ушелъ съ тремя англичанами,»

отвѣчалъ одинъ изъ четырехъ. Это былъ полякъ и католикъ.

«Виноваты, Ваше Высокородіе,» сказали четверо прятавшихся, подойдя и кланяясь въ ноги, «заступитесь за насъ: насъ самихъ смутилъ Станкевичъ, обѣщалъ Богъ вѣсть что, а мы было и повѣрили. А теперь, какъ вы все растолковали, и сами видимъ, что глупы были.»

Все это продолжалось около часа. Затѣмъ, приказавъ, чтобы люди немедленно принялись за работу и отработали бы и тѣ уроки, которые не выработали по положенію, я не дозволилъ связать зачинщиковъ, какъ то хотѣла была команда, а велѣлъ имъ просто сѣсть со мною, и отправился въ обратный путь на фрегатъ.

Военный судъ, сформированный черезъ часъ послѣ моего возвращенія, присудилъ зачинщиковъ къ смертной казни. Тогда я выступилъ съ моимъ ходатайствомъ, и въ уваженіе проявленнаго раскаянія и добровольной сдачи, они были помилованы и только смѣщены въ нижній разрядъ. Когда все было кончено, меня позвали къ Лазареву. Я вижу, что Лазаревъ и хочетъ что-то сказать и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняется, потому что общій разговоръ, который онъ ведетъ, вовсе не оправдывалъ того, чтобы призывать меня нарочно, зная хорошо, что мнѣ нуженъ отдыхъ. Наконецъ, съ очевиднымъ замѣшательствомъ, онъ приступилъ къ дѣлу такъ: «Вотъ видите-ли, Дмитрій Ириарховичъ, нечего и говорить, какъ я вамъ обязанъ и благодаренъ, и, конечно, если бы это прямо отъ меня зависѣло, то нѣтъ награды, къ которой бы я васъ съ радостью не представилъ, но вы понимаете...» тутъ онъ замаялся.

«Понимаю,» сказалъ я, «вамъ нельзя представить меня къ награждѣ, не открывъ тѣмъ самымъ происшествія. Но, конечно, вы меня должны достаточно знать, что я всегда заботился только о томъ, чтобы дѣло было сдѣлано и даже не о томъ чтобы знали, что я его сдѣлалъ.»

«Да,» сказалъ Лазаревъ, «надѣюсь, что и вы не подумаете, что я дѣлаю это изъ личныхъ видовъ, изъ боязни потерять награду за походъ. Дѣло въ томъ, что вся экспедиція, вся команда можетъ потерять награду и пр.»

Въ этомъ случаѣ Лазаревъ обманывалъ самъ себя насчетъ своихъ побужденій и былъ сознательно или безсознательно неискренень. Онъ, конечно, не подорожилъ бы наградою, но его самолюбіе не могло допустить публичнаго обнаруженія всей ложности его системы. А что это такъ, доказалъ до очевидности послѣдующій его образъ дѣйствія.

Все было полно радости при видѣ благополучнаго исхода дѣла, волею неволею суровость обращенія ослабла и все бы, конечно, пошло хорошо, если бы оскорбленное самолюбіе Лазарева не возбуждало его постоянно. Онъ не могъ вынести мысли, что подвергся такому униженію, и поэтому, подстрекаемый особенно Кадыяномъ, онъ сталъ мало по малу наводить на прежнее и даже пожалуй еще худшее въ отношеніи къ командѣ. Извѣстно, что это кончилось бунтомъ всей команды въ Ситхѣ и худшимъ еще униженіемъ для Лазарева, вынужденнаго вступить въ переговоры съ командою и списать съ фрегата Кадыяна. Лазаревъ опять было обратился и при этомъ случаѣ ко мнѣ, но на этотъ разъ я уже отказался, какъ это будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

VIII.

Такъ какъ общія событія нашего путешествія кругомъ свѣта могутъ составить предметъ особеннаго описанія и отчасти уже упомянуты въ нѣкоторыхъ моихъ статьяхъ, то я и буду касаться здѣсь только такихъ вещей, которыя непосредственно относились ко мнѣ или къ цѣлямъ, меня занимавшимъ. Во время плаванія нашего по Великому Океану изъ Австраліи въ наши колоніи, меня и Лазарева чуть было не убилъ одинъ дикій у новооткрытаго нами острова Райвовая. Я стоялъ съ Лазаревымъ въ галлерей у обна и наблюдалъ за производимою мѣною, какъ вдругъ одинъ дикій вздумалъ выхватить силой у урядника большой кухонный полированный ножъ, но, ухватаясь за лезвее, порѣзалъ, разумѣется, себѣ руку. Раздраженный своей неудачею и болью, онъ схватилъ лежавшее въ его лодкѣ копье изъ желѣзнаго дерева заревымъ въ галлерей у окна и наблюдалъ за пролетѣвъ какимъ-то чудомъ между нашими головами, ударилося въ перегородку и пробило ее насквозь.

На островѣ Отаити наша команда буквально отдыхала, потому что отаитяне нанимались работать за самую ничтожную плату и производили работы съ изумительною ловкостью. Мы имѣли случай наблюдать на Отаити, гдѣ мы пробыли двѣ недѣли, не только нравы и обычаи островитянъ Великаго Океана, не совсѣмъ еще измѣнившіеся, но и дѣйствія миссіонеровъ. Насъ, русскихъ, отаитяне очень любили, и, начиная отъ дворца до самой бѣдной хижины, не было больше праздника, какъ если кто изъ насъ посѣщалъ ихъ. Во всякое время дня и

ночи мы были самые желанные гости, и не раз случалось, что, запоздав на берегу, мы заходили куда-нибудь ночевать. Мигомъ поднималось все на ноги, приготавливалось угощеніе, и вмѣсто сна шель всю ночь пирь, на который сбѣгались всѣ, до ко-го только могло дойти извѣстіе.

Прибытіе наше въ Ситху навело было большой страхъ на колоніи, гдѣ приняли было насъ за англійскій или американскій фрегатъ, прибывшій съ военною цѣлію, какъ протестъ противъ несправедливыхъ притязаній Россіи, запретившей плаваніе иностраннымъ судамъ за чертою, произвольно проведенною по Океану. По медленности тогдашнихъ сообщеній назначеніе нашей экспедиціи для защиты колоній не было еще въ нихъ извѣстно. Поэтому, когда фрегатъ, подойдя ко входу въ Новоархангельскую гавань, былъ усмотрѣнъ уже съ обсерваторіи и вдругъ затѣмъ снова поворотилъ въ море, то это навело большое сомнѣніе, и главный правитель рѣшился выслать для осмотра байдарку, Посланный не рѣшился взойти на палубу, а спрашивалъ, подойдя къ борту, и возвратясь, донесъ главному правителю, что, должно быть, пришли люди съ недобрымъ намѣреніемъ, что корабль не похожъ на русскія суда (до тѣхъ поръ настоящихъ военныхъ кораблей въ колоніи не посылали) и что на опросъ его какой-то должно быть переводчикъ отвѣчалъ насмѣшкою, что корабль зовутъ «Клестеръ» и прибылъ онъ изъ Демьяновой земли. Эта чепуха навела еще болѣе сомнѣнія, и, чтобы не оставаться въ неизвѣстности, главный правитель, приказавъ приготовиться въ крѣпости къ отраженію нападенія, рѣшился снова уже послать большую уже байдару подъ флагомъ парламентаря и съ болѣе толковымъ уже человѣкомъ. Этотъ при-

везъ ему наконецъ записку отъ Лазарева, извѣщава-
шаго о назначеніи экспедиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ
объяснивашаго причину, почему фрегатъ поворотилъ
обратно въ море. Это было сдѣлано просто изъ
предосторожности. Такъ какъ мы подошли къ
гавани уже поздно вечеромъ, то и не рѣ-
шились входить ночью въ неизвѣстный намъ
рейдъ.

Кромѣ исправленій, обыкновенно произво-
димыхъ и во всякомъ портѣ, необходимость за-
ставляла насъ въ Ситхѣ разгрузить совершен-
но фрегатъ и выкурить его каменнымъ углемъ
и морскою капустою для истребленія крысъ, кото-
рыя развелись въ невѣроятномъ количествѣ и пор-
тили провизію, паруса, канаты, кожаныя вещи и
пр. и даже перегрызли и выпустили цѣлую бочку
рома. Выгрузка и обратная нагрузка прибавили мнѣ
страшно много дѣла, тѣмъ болѣе, что помѣщенія
и нашихъ вещей и нашихъ людей были раскиданы въ
разныхъ магазинахъ и домахъ. И вотъ при этомъ
то случаѣ, когда вся наша команда жила на берегу,
и произошелъ общій уже ея бунтъ. Она очень хо-
рошо знала, что усмирить ее некому, такъ какъ она
то сама и составляла главную силу въ колоніяхъ и
могла бы, еслибы дѣло довели до крайности, да-
же овладѣть колоніями, такъ какъ и наемные въ
Россійско-Американской компаніи промышленники
охотно бы присоединились къ возмущившимся, со-
стоя большею частію изъ людей отчаянныхъ, кото-
рымъ нечего было терять. Команда потребовала
отъ Лазарева непременно удалить Кадьяна, и, по-
славъ къ нему депутацію, въ тоже время другую
отрядила ко мнѣ: «Мы знаемъ, Ваше Высокоро-
діе,» сказали они мнѣ, «что Вы честно думали и
вѣрили сами, что начальники образуются. Но вотъ

изволите видѣть: они и Васъ обманули. Мы и просимъ Васъ теперь больше не вступаться за нихъ, а то намъ больно будетъ не послушаться васъ.» — Лазаревъ хотѣлъ было опять употребить мое посредничество и сказалъ депутаціи, что отвѣтъ прийдетъ черезъ меня. Но я сказалъ ему, что послѣ того, что уже случилось, я по совѣсти не могу дать снова ручательство командѣ, и совѣтую ему не доводить дѣла до крайности, такъ какъ мнѣ извѣстно, что и между служащими въ компаніи промышленниками началось уже волненіе. Поэтому опасность грозитъ уже не одной нашей экспедиціи, но и всѣмъ колоніямъ. Нечего было дѣлать, — Лазаревъ долженъ былъ уступить. Кадыяна переписали на шлюпъ «Аполлонъ», который, придя за годъ въ колоніи, теперь готовился къ возвращенію въ Россію. Мы со своей стороны должны были идти какъ на зимовку, такъ и для закупа провизіи въ Санъ-Франциско, въ Калифорнію, и совсѣмъ уже готовы были къ походу, какъ прибылъ изъ Камчатки отдѣлившійся отъ насъ шлюпъ «Ладога», отвозившій грузъ въ Камчатку, и задержавшій насъ еще на нѣсколько дней, а пришедшій передъ тѣмъ изъ Охотска корабль Россійско-Американской компаніи привезъ почту изъ Россіи, а въ ней высочайшее повелѣніе мнѣ прибыть въ Петербургъ и явиться къ Государю. На этомъ же кораблѣ прибылъ въ колоніи и назначенный на островъ Уналашку священникъ о. Іоаннъ Веніаминовъ, вполнѣдствіи митрополита московскій Иннокентій.

Наша экспедиція отнеслась очень внимательно и заботливо къ положенію о. Іоанна. Духовенство въ Ситхѣ было очень дурное, и если бы онъ вошелъ въ ихъ кругъ, то можетъ быть и трудно было бы ему, какъ человѣку безъ всякой самостоятель-

ности, не подчиниться нѣкоторымъ невыгоднымъ условіямъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе въ Ситхѣ было очень дорого, а Веніаминовъ прибылъ не съ малымъ уже семействомъ. Кромѣ жены, у него было уже двое дѣтей, шуринъ и свояченица, что могло ставить его въ матеріальную зависимость отъ дурныхъ людей и вовлечь въ дурную компанію. Если же бы его тотчасъ же отправили на Уналашку, то ему, не оглядѣвшись и ни съ чѣмъ предварительно не познакомившись, еще труднѣе было бы выбратся на правильный путь. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, бывшихъ предметомъ формальнаго обсужденія въ кругу нашихъ офицеровъ, положено было слѣдующее: принять его въ свое общество, гдѣ онъ пользовался всѣми бывшими въ нашемъ распоряженіи учебными средствами и гдѣ, конечно, онъ во многомъ разъяснилъ себѣ предстоящія ему обязанности миссіонера, слыша постоянно сужденія о дѣйствіяхъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ мы были свидѣтелями на островахъ Великаго Океана, о необходимости преподавать истины религіи на туземномъ языкѣ, переводить на этотъ языкъ священныя книги, о нравственномъ вліяніи беззасорной жизни и пр. Во-вторыхъ, мы упросили главнаго правителя, нашего пріятеля, не торопиться отсылать его на Уналашку, а дать ему личное занятіе, такое, которое дозволило бы ему предварительно познакомиться съ тою сферою, въ которой ему придется дѣйствовать, вслѣдствіе чего ему была поручена школа съ прибавкою жалованья. Наконецъ, чтобы увеличить его матеріальныя средства, всѣ офицеры положили при говѣннѣ въ слѣдующій великій постъ исповѣдываться у него. На нашемъ фрегатѣ именно Веніаминовъ близко познакомился съ будущими правителями колоній: Купрія-

новымъ и Этолинымъ,*) что ему много облегчило въ послѣдствіи сношенія съ ними, и съ Путятинымъ, съ которымъ суждено ему было потомъ встрѣчаться въ тѣхъ краяхъ во время двухкратнаго посольства Путятина въ Японію и Китай. Все это съ большой благодарностью вспоминалъ всегда Веніаминъ, когда потомъ въ санѣ архіепископа видѣлся не разъ со мною въ Читѣ.

Во время стоянки нашей въ Ситхѣ оба корабля наши едва не погибли и спасены были, какъ говорили, моею внимательностью и распорядительностью. Однажды офицеры съ обоихъ кораблей отправились обѣдать къ главному правителю. Я остался вахтеннымъ на кораблѣ и обращалъ вниманіе не только на свой фрегатъ, но и на шлюпъ. Смотря въ подзорную трубу, я замѣтилъ, что капитанскій мальчикъ безпрестанно бѣгаетъ съ кувшиномъ за водою. Я догадался, что въ капитанской каютѣ, должно быть, произошелъ пожаръ, и, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы, обрубя канатъ, отвести фрегатъ далѣе отъ шлюпа, поѣхалъ самъ туда и нашелъ, что горитъ палуба у самой пороховой камеры, а мѣсто такъ тѣсно, что дѣйствовать нельзя. Я велѣлъ немедленно прорубить палубу, и чрезъ это получилась возможность залить огонь. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы я не замѣтилъ дѣйствія мальчика, который съ испугу не смѣлъ сказать о пожарѣ, то черезъ какихъ-нибудь полчаса шлюпъ взорвало бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ могло потопить и фрегатъ.

*) Этолингъ, командиръ корабля Р.-Американской компаніи, желалъ вступить въ военный флотъ. Чтобы облегчить ему это, я упростила Лазарева взять его на фрегатъ на мою ваканцію, по отбытіи моемъ въ Россію.

Для меня, конечно, и выгоднѣе, и спокойнѣе было бы возвратиться въ Россію на одномъ изъ возвращавшихся шлюповъ «Аполлонъ» или «Ладогъ», но такъ какъ и тогда уже и Сибирь и Амуръ входили у меня въ тѣ общія соображенія, въ которыя входили и колоніи и Калифорнія, то я и предпочелъ возвратиться чрезъ Сибирь, чтобы познакомиться съ нею и въ надеждѣ, что можетъ быть мнѣ удастся подняться и по Амуру. Я не буду описывать здѣсь пребыванія моего и дѣйствій моихъ въ Калифорніи, такъ какъ они рассказаны уже отчасти въ статьяхъ моихъ: «Калифорнія въ 1824 г.» и «Дѣло о колоніи Россъ», а ограничусь тѣмъ, что дѣйствія мои безспорно подтвердили ту истину и то правило, которыми я всегда руководствовался, что лучшая политика есть справедливая идея въ основаніи и прямодушіе въ образѣ дѣйствія. Именно такимъ образомъ я привлекъ Калифорнію къ соглашенію со мною на счетъ ея присоединенія къ Россіи.*)

Здѣсь я долженъ еще упомянуть, что во время перехода нашего изъ Ситхи въ Калифорнію насъ застигла жестокая буря, приведшая корабль въ крайнюю опасность.**) Буря началась на моей вахтѣ, и распоряженія требовали такой непрерывности, что хотя и капитанъ и всѣ офицеры вышли, какъ и вся команда, наверхъ, но всѣ подчинялись моимъ распоряженіямъ, и хотя потомъ давно уже наступила смѣна вахты, но я продолжалъ командовать до тѣхъ поръ, пока однимъ отважнымъ маневромъ не вывелъ фрегата изъ опасности. Все это про-

*) Доказано въ ст.: «О золотыхъ приискахъ въ Калифорніи.»

**) Поворотъ на скалу, когда прижало къ ней фрегатъ, вслѣдствіи чего корму отъ нея отбросило.

должалось отъ 9 часовъ вечера до 8 часовъ слѣдующаго утра. Я былъ такъ истощенъ, что когда миновала необходимость нравственнаго напряженія, то и физическія силы меня вдругъ оставили, и я упалъ безъ чувствъ, такъ что Лазаревъ, стоявшій возлѣ меня, едва успѣлъ меня подхватить и на своихъ рукахъ снести въ каюту, и я выдержалъ жестокую горячку.

По возвращеніи въ Ситху въ слѣдующемъ Мартѣ мѣсяцѣ 1824 г., случились два событія, гдѣ мнѣ привелось принять особое участіе. Первое относилось къ нападенію колошъ, во время такъ называемой «картофельной войны». Фрегатъ съ большимъ трудомъ, и съ большими издержками обработалъ себѣ огородъ и засадилъ его картофелемъ. Колоши ночью выкопали картофель. Вслѣдствіе этого потребовали выдачи виновныхъ и задержали нѣсколько колошей, какъ атамановъ. Въ числѣ болѣе 2-хъ тысячъ человѣкъ съ отличными ружьями они осадили крѣпость и приготовлялись ворваться въ нее, опрокинувъ палисады. Я былъ посланъ парламентаромъ съ послѣдними условіями, — и когда я ѣхалъ, они осыпали меня такимъ градомъ пуль, что никто не могъ понять, какъ это всѣ мы не погибли, а только раненъ былъ одинъ матросъ и перешиблено одно весло. Между тѣмъ фрегатъ умѣлъ занять такое положеніе, что достаточно было одного залпа картечью, чтобы уничтожить всѣхъ осаждающихъ. Увидя это, колоши смирились. — Другой случай относился къ покушенію колошъ противъ Озернаго редута, которое я успѣлъ разстроить быстрымъ своимъ прибытіемъ по такому пути, по которому они и не предполагали возможность проѣзда.

Я отправился въ Охотскъ на кораблѣ Р.-Амери

капской компаниі, «Волгѣ», который главный правитель и поручилъ въ мое командованіе. Шхиперъ со стороны компаниі былъ человекъ негодный, онъ не только не могъ быть мнѣ помощникомъ, но напротивъ служилъ мнѣ постояннымъ источникомъ неприятностей по своему пьянству и непрерывнымъ ссорамъ съ командою и людьми, возвращавшимися со службы компаниі, которыхъ съ женами и дѣтьми было слишкомъ восемьдесятъ человекъ. Онъ искалъ всякаго случая, употреблялъ всѣ придирки, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться, и даже у меня кралъ вино и сахаръ. Впрочемъ, хотя мнѣ и приходилось и одному дѣлать астрономическія наблюденія, однако я совершилъ переходъ благополучно, и вѣрность наблюденій была такая, что корабль подъ моимъ руководствомъ показалъ первый примѣръ хода прямо въ Охотскъ, не отыскивая его, какъ бывало прежде съ другими кораблями, по нѣскольку дней. Я тотъ же часъ съѣхалъ на берегъ, гдѣ мнѣ отведены были комнаты въ зданіи Р.-Американской компаниі. Дѣло было уже къ вечеру, и я, просмотрѣвъ газеты и потолковавъ съ правителемъ конторы, легъ уже спать, какъ онъ вбѣжалъ съ ужасомъ ко мнѣ, умоляя о моемъ содѣйствіи, такъ какъ команда «Волги» хочетъ убить шхипера. Я сейчасъ одѣлся и бросился на корабль, гдѣ нашелъ дѣло уже въ такомъ положеніи, что по русскому обычаю, шхиперу приказали уже люди, хоть и пьяные, стать на колѣни, каяться и молиться передъ смертію Богу. Мое неожиданное появленіе отрезвило ихъ, и я выхватилъ шхипера буквально изъ подъ ножей, помня въ немъ одно человечество, хотя онъ былъ большой негодяй. Онъ самъ послѣ просилъ замять дѣло, зная, что оглашеніе его будетъ и для него невыгодно.

Что касается до моего намѣренія подняться по Амуру, то оно къ сожалѣнiю не могло осуществиться. Хотя я и нашелъ въ Охотскѣ байдарки и людей, которые готовы были подняться со мной по рѣкѣ, но въ портѣ не нашлось ни одного годнаго судна, которое могло бы отвезти меня къ устью Амура или хоть къ Удскому острогу. Этотъ годъ былъ особенно несчастливъ для Охотска, и всѣ три новые транспорта были разбиты. Не могъ я также по позднему времени привести въ исполненiе и сухопутное путешествiе въ Забайкальскiй край, для котораго были уже наняты и проводники — Тунгусы. Лошадей нельзя было и привести въ Охотскъ. Разливъ былъ такой, что первыя двѣ станци по дорогѣ въ Якутскъ я долженъ былъ сдѣлать на лодкѣ, а на станци «Мета» останавливался на крышѣ станционнаго дома. Между тѣмъ я получилъ свѣдѣнiя, что Иркутскiй губернаторъ Цейдлеръ дожидается меня въ Якутскѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Нечего было дѣлать: пришлось пуститься по одной изъ самыхъ трудныхъ и скверныхъ дорогъ на свѣтѣ — по старой Охотской дорогѣ.

Необычный проѣздъ мой по Сибири, о которомъ вездѣ дано было знать предварительно для оказанiя мнѣ содѣйствiя, возбудилъ общее вниманiе и стремленiе воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы найти себѣ защиту отъ угнетавшихъ Сибирь злоупотребленiй. Она издавна стонала подъ тягостью всякихъ золь, но не всегда имѣла даже возможность жаловаться, такъ какъ обычай перехватывать письма былъ очень обыкновенный у начальниковъ. Къ тому же Сибирь потеряла довѣрiе по множеству кляузъ и ложныхъ доносовъ, къ которымъ возбуждали ссылаемые приказные чиновники, находившiе въ этомъ занятiи средства къ про-

питанію. Если и велась борьба, то это между чиновниками и купечествомъ, одинаково причастными злоупотребленіямъ и заодно угнетавшими народъ, а за послѣдній прямо никто не заступался и о его трудахъ никто не заботился, такъ что если въ доносахъ и говорилось о злоупотребленіяхъ относительно собственно народа, то это единственно, какъ средство повредить противнику, а вовсе не изъ желанія облегчить народъ. Преобразования Сперанскаго не привели къ желаемой цѣли, да притомъ ревизоры-начальники не всегда доступны и не пользуются довѣріемъ народа, которому оныть доказалъ, что и ревизоры имѣютъ въ виду только личныя цѣли. Но вотъ разнесся слухъ, что ѣдетъ прямо къ Государю молодой человекъ, не причастный интересамъ ни мѣстныхъ купцовъ, ни наѣзжихъ чиновниковъ, человекъ притомъ, котораго репутація, по особенному обстоятельству, давно уже проникла въ Сибирь и восхваляла въ немъ такія качества, которыя указывали на возможность найти въ немъ и безпристрастнаго изслѣдователя и неуклончиваго защитника Сибири, какъ бы предзнаменуя то положеніе, которое онъ займетъ въ будущемъ, въ обстоятельствахъ еще болѣе странныхъ.

Чтобы объяснить, почему имя мое могло быть и тогда уже извѣстно въ Сибири, надо сказать, что въ Иркутскѣ были казенныя адмиралтейства и суда, и, слѣдовательно, моряки, а главное начальство въ Якутскѣ и Охотскѣ составляло также принадлежность моряковъ. Поэтому всѣ дѣйствія мои и въ корпусѣ, и въ Кронштадтѣ, при вооруженіи кругосвѣтной экспедиціи, были хорошо извѣстны и въ Сибири. Вотъ почему, если подчиненные и угнетенные ожидали моего проѣзда съ полнымъ довѣ-

ріємъ и надеждою, то на начальниковъ онъ навелъ большой страхъ, чѣмъ и объясняется ихъ льстивое отношеніе ко мнѣ, и тѣ почести, которыя мнѣ оказывали несоотвѣтственно ни моимъ лѣтамъ, ни чину. Вотъ почему съ самаго Охотска по всей Сибири съ одной стороны всѣ терпѣвшіе отъ злоупотребленій искали случая (часто выѣзжая на дальнія станціи и даже просто на дорогу) принести мнѣ словесныя и письменныя жалобы, а съ другой — губернаторы, генераль-губернаторы, военные генералы и др. пріѣзжали ко мнѣ съ визитомъ и старались безотлучно держать меня въ своемъ кругу, чтобы не допускать до меня жалобъ.

Для меня приготовленъ былъ огромный караванъ вьючныхъ лошадей въ Охотскѣ. Со мною былъ маленькій креоль, котораго я взялъ на воспитаніе и впоследствии опредѣлил въ штурманское училище, откуда онъ вышелъ хорошимъ мореходомъ. Для сопровожденія моего даны были казачій урядникъ и рядовой, да при лошадяхъ, которыхъ было 52, находились три якута и тунгусъ. Надо было все взять съ собой, начиная отъ палатки до провизіи на цѣлый мѣсяцъ на всякій случай. Одна станція была около 300 верстъ. Впрочемъ, я совершилъ эту мучительную дорогу благополучно и сравнительно съ другими скоро, въ 18 дней. Въ Якутскѣ ожидалъ меня губернаторъ Цейдлеръ. Мы поплыли вмѣстѣ на огромномъ «павозкѣ», на которомъ былъ выстроенъ цѣлый домъ съ четырьмя комнатами и кухнею, но какъ это плаваніе совершалось медленно, а я, получивъ извѣстіе о путешествіи Государя по Россіи, надѣялся захватить его въ Екатеринбургѣ, то и отдѣлился въ Олекминскѣ отъ Цейдлера и поѣхалъ на перекладныхъ почтовыхъ лодкахъ, а въ Киренскѣ купилъ по случаю дождливой осени

«павозокъ» съ одною комнатою и такимъ образомъ далеко опередилъ губернатора.

Въ Иркутскѣ надо было и отдохнуть и приготовить себѣ экипажъ. Я остановился въ адмиралтействѣ у начальника его, Петра Степановича Лутковского, брата моего пріятеля Θεопемпта. Впрочемъ, генераль-губернаторъ Лавинскій старался держать меня постоянно въ своемъ обществѣ и, желая оправдать себя въ моихъ глазахъ на счетъ всѣхъ сообщенныхъ мною ему злоупотребленій, въ которыхъ я удостовѣрился, при мнѣ же сдѣлалъ соотвѣтствующія тому распоряженія.

Изъ Иркутска я поскакалъ на курьерскихъ. Въ то время ѣзда въ Сибири была необыкновенно быстра, и случалось, что, получивъ мое позволеніе, ямщики проѣзжали безъ перепряжки двѣ станціи во весь духъ. Поэтому я пріѣхалъ въ Красноярскъ такъ скоро, что губернаторъ Степановъ не хотѣлъ и вѣрить, если бы его не удостовѣрило письмо Лавинскаго. Степановъ уговаривалъ меня отдохнуть, я не соглашался, желая застать Государя въ Екатеринбургѣ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что всѣ мои усилія будутъ уже напрасны, такъ какъ Государь перемѣнилъ маршрутъ, а что мнѣ необходимо отдохнуть. «Если бы я не зналъ васъ по репутаціи,» сказалъ онъ, «то принялъ бы васъ, какъ моряка притомъ, за горчайшаго пьяницу. Ну послушайте же. Вы вѣрно не видѣли себя въ зеркалѣ: что съ вами сдѣлалось?» — продолжалъ онъ, подводя меня къ зеркалу. На бѣду мою я не могу спать дорогою, и отъ бессонницы, вѣтра, ненастья и ѣзды безъ отдыха лицо мое страшно раскраснѣлось, а, разумѣется, мнѣ и въ голову не приходило смотрѣться гдѣ нибудь въ зеркало. Впрочемъ, я остался только переночевать.

По выѣздѣ изъ Красноярска на первыхъ же станціяхъ у меня разбило рессорную мою бричку, и я пустился на перекладныхъ. Въ Томскѣ губернаторъ посовѣтовалъ мнѣ купить тарантасъ, — экипажъ, о которомъ я до тѣхъ поръ не имѣлъ и понятія, но и этотъ экипажъ разбила лошадь въ Тообльскѣ на казачьемъ спускѣ, гдѣ мы уцѣлѣли только какимъ то чудомъ, потому что, когда колеса всѣ сбились, то лошади тащили насъ въ одномъ кузовѣ по цѣлому спуску, по плотинѣ, на которой тогда не было перилъ, и цѣлую почти версту по улицѣ.

Въ Тобольскѣ я остановился у губернатора Александра Михайловича Тургенева и пробылъ двое сутокъ. Затѣмъ я купилъ опять бричку и уже не такъ скоро поѣхалъ, останавливаясь хоть и не долго въ городахъ для осмотра. Не доѣзжая Казани, я заѣхалъ въ деревню къ своему крестному отцу, князю Тенишеву, но не засталъ его уже въ деревнѣ. Въ Казани нашелъ я матушку и сестру и заѣхалъ на два дня въ деревню. Въ Москвѣ остановился у Тютчевыхъ, гдѣ были собраны уже всѣ родные, предувѣдомленные о моемъ пріѣздѣ. Сестра И. Н. Тютчева, Н. Н. Надаржинская, навязала мнѣ письмо къ Аракчееву, обязанному ея семейству и особенно ее уважавшему, но я и не думалъ воспользоваться подобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлаться лично знакомымъ Аракчееву.

IX.

Этотъ годъ распутица была страшная, но я, какъ курьеръ, могъ ѣхать уже по шоссе и прибылъ въ Петербургъ вечеромъ 6-го ноября, наканунѣ навод-

ненія. Я пріѣхалъ прямо къ морскому министру, и тотъ немедленно поѣхалъ съ докладомъ о томъ Государю. Государь сказалъ, что онъ приметъ меня на другой день въ 11 или 12 часовъ и пришлетъ повѣститъ меня фельдъ-егеря.

Квартиру отвели мнѣ въ домѣ морскаго министра, пока очистятъ комнаты въ запасныхъ казармахъ тутъ же въ Галерной улицѣ, напротивъ дома министра. Я не поѣхалъ ни къ кому изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и никого не хотѣлъ извѣщать, чтобы мнѣ не мѣшали, только послалъ за Θεопемптомъ Лутковскимъ, который немедленно и явился. Онъ жилъ тутъ близко у зятя своего, адмирала Головнина. Я просилъ его придти на другой день пораньше, чтобы пособить мнѣ еще разъ просмотрѣть бумаги прежде представленія ихъ Государю. Въ 9 часу утра я былъ уже совершенно одѣтъ, и когда явился Лутковскій, то мы сѣли за чтеніе моего доклада. Чтобы намъ не помѣшали, я приказалъ своему ординарцу и вѣстовому, присланнымъ ко мнѣ вмѣсто деньщиковъ, чтобы никого не принимали, кромѣ фельдъ-егеря отъ Государя и развѣ кого пришлетъ министръ, а они для того, чтобы угоднѣе было выполнить приказаніе или просто для облегченія себѣ дѣла, заложили дверь на крючекъ. Слушая, какъ Лутковскій читалъ бумаги, я сидѣлъ спиною, а онъ лицомъ къ окну; на дворѣ въ это время былъ сильный вѣтеръ, но мы продолжали внимательно заниматься, не обращая вниманія на погоду, а торопясь только окончить чтеніе до пріѣзда посланнаго за мною, такъ какъ пробило уже 11 часовъ.

Вдругъ Лутковскій вскочилъ со словами: «Что это такое?» Я оборотился къ окну и увидѣлъ, что изъ нижней части окна брызжетъ струйка воды,

какъ будто изъ шпринцовки. Мы подбѣжали къ окну и увидѣли, что вода подступила подъ окна и отъ напора на раму, найдя гдѣ-то мелкую скважину, образовала родъ фонтана. Мигомъ захватя главное — бумаги, мы бросились въ переднюю, чтобы подняться во второй этажъ, но вода, войдя въ сѣни, такъ нажала запертую на крючекъ дверь, что не было уже возможности отворить ее. Между тѣмъ сестра Лутковскаго, жена адмирала Головнина, спохватившись брата и узнавъ, что онъ ушелъ, послала верхового, который, подбѣхавъ къ окну, сталъ кричать намъ, чтобы мы выбили окна, а намъ спустятъ простыни, такъ какъ лодки не было еще ни у кого подъ рукою. Такъ и сдѣлали, и мы отдѣлались только тѣмъ, что замочили ноги, пока стояли на подоконникѣ, черезъ который вода вливалась уже въ горницу. Вещи ординарцы успѣли кое-какъ сложить на верхъ голландскихъ печей.

Перейдя во второй этажъ, я пошелъ сейчасъ къ морскому министру, который уже по ступицу въ водѣ только что возвратился совершенно растерянный изъ дворца, гдѣ получилъ суровый выговоръ, будучи впрочемъ «безъ вины виноватъ». Говорили, что Государь, видя, что относительно наводненія не было сдѣлано никакого распоряженія, гнѣвно будто-бы спросилъ его: «Что бы сдѣлалъ съ вами Петръ Великій, если бы это случилось въ его время?» и что Моллеръ будто бы отвѣчалъ, совершенно растерявшись, что «повѣсилъ бы», на что Государь сказалъ ему: «Хорошо, что вы сознаете вашу вину». Въ сущности Моллеръ нисколько не былъ виноватъ или былъ настолько же, какъ и всѣ. Вода пришла рѣшительно валомъ, а возбѣвшавшіе о возвышеніи воды выстрѣлы съ Галерной гавани за сильнымъ вѣтромъ не были

нигдѣ слышны. Потомъ, если послѣ всякаго большого наводненія, какъ напр. бывшихъ при Петрѣ I или Екатеринѣ II, и возобновлялись распоряженія на подобные случаи, то всегда мало по малу забывались и даже считались лишнею предосторожностью и напраснымъ расходомъ, напр. держать въ запасѣ лодки при каждомъ запасномъ домѣ. Но какъ бы то ни было, Моллеръ былъ въ отчаяніи, когда я пришелъ къ нему, и онъ тѣмъ болѣе обрадовался моему приходу, что никто другой изъ обязанныхъ быть при немъ къ нему не явился, отъ того ли, что онъ сказалъ, что въ это утро никто не будетъ ему нуженъ, или наводненіе уже помѣшало придти, только адъютантъ его Торсенъ, жившій вплоть возлѣ дома министра, пришелъ немного спустя послѣ меня. По совѣщаніи съ нимъ, мы дѣло распредѣлили такъ: я взялъ на себя внѣшнюю дѣятельность спасенія людей на улицахъ, а на него возложили, чтобы ему не отлучаться отъ семьи, приготовленія для приѣма людей, которыхъ я буду доставлять, для помѣщенія которыхъ назначены были запасныя палаты въ морскихъ артиллерійскихъ казармахъ въ Галерной улицѣ, служившія всегда временнымъ госпиталемъ, когда прекращается сообщеніе чрезъ Неву съ Выборгской стороны, гдѣ находился постоянный госпиталь.

Я послалъ сейчасъ верховаго въ гвардейскій экипажъ за людьми и за лодками, если есть, и взялъ нѣсколько лодокъ у перевозчиковъ, да двѣ лодки (одна изъ нихъ была министерскій большой катеръ), бывшія въ домѣ министра и которыя насилу выручили изъ сарая. Первый явился ко мнѣ Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, пришедшій уже по поясъ въ водѣ, который, хотя и старше меня, отдалъ себя въ мое распоряженіе, вслѣдъ за тѣмъ

стали постепенно присылать мнѣ морскихъ артиллеристовъ, матросовъ гвардейскаго экипажа и солдатъ конной гвардіи. Мы разъѣзжали по улицамъ, и каждый разъ, что въ лодкѣ набиралось достаточно людей, принятыхъ изъ вторыхъ этажей, снятыхъ съ крышъ или заборовъ и пр., ихъ отвозили въ пріемныя палаты, куда многіе изъ богатыхъ людей, въ томъ числѣ особенно жена адмирала Головнина, успѣли прислать и провизію и разную одежду. Всѣхъ набралось къ ночи около 700 человекъ, особенно много дѣтей, не знавшихъ даже, что сдѣлалось съ родителями. Только въ семь часовъ, когда вода сбыла и нельзя было уже ѣздить на лодкахъ, мы зашли на квартиру Торсена выпить чаю и сейчасъ же снова отправились по улицамъ. Если ѣзда въ лодкахъ была опасна, потому что тогда буря была такъ жестока, что срывала фонари и, отдирая желѣзные листы, которые свертывала въ трубки, какъ листъ бумаги, носила по всѣмъ направлѣніямъ, переранивъ множество людей, то ходьба ночью была несравненно труднѣе, такъ какъ всѣ улицы и набережныя были загромождены бревнами и досками съ разрушенныхъ строеній и заборовъ, а на Англійской набережной противъ дома морскаго министра осыпали на сушѣ цѣлыя барки съ бочками вина. Въ то же время вода, забравшись во время прилива въ подвальные этажи, при отливѣ вытекала еще на улицу, вынося разныя вещи, а изъ мелочныхъ лавочекъ и изъ зеленыхъ рядовъ, гдѣ были перебиты поднятыя съ полокъ банки, текла поверху какъ-бы подливка изъ прованскаго масла, каперсовъ и пр. Не только проѣздъ былъ невозможенъ, но и ходить было трудно. Къ довершенію безпорядка, народъ и солдаты бросились сверлить бочки съ виномъ и пить,

а когда поставили караулъ изъ первыхъ попавшихся подъ руку людей, то тѣ, зная, что нельзя будетъ доискаться, кто стоялъ въ караулѣ, начали торговать виномъ вмѣсто охраненія его и продавали по гривеннику ведро. Впрочемъ, намъ всетаки удалось и ночью спасти много людей, особенно женщинъ и дѣтей, потерявшихъ уже и чувство отъ страха, голода и холода.

На другой день Государь пожелалъ видѣть насъ и поблагодарить. Онъ былъ въ самомъ тревожномъ расположеніи духа. Онъ ломалъ себѣ руки, видя свое безсиліе и подъ впечатлѣніемъ мрачной примѣты или воображаемаго предзнаменованія. Предшествовавшее большое же наводненіе было въ годъ его рожденія и говорили, что такое же будетъ въ годъ его смерти. Государь сказалъ намъ, что онъ не рѣшается говорить намъ о наградахъ, такъ какъ, конечно, лучшую награду мы найдемъ въ своемъ сердцѣ и совѣсти. Затѣмъ спросилъ, гдѣ больше всего бѣдствій. Мы отвѣчали, что въ Галерной гавани. «Бѣдьте туда, господа,» сказалъ онъ. Мы сѣли въ первые попавшіеся экипажи и поѣхали за нимъ, но когда доѣхали до Смоленскаго поля, то оказалось, что дальше невозможно было и ѣхать. Все поле было загромождено разрушенными строеніями Галерной гавани, гдѣ торчали только кое-гдѣ размытыя трубы. Государь пригласилъ насъ воротиться во дворецъ напиться чаю. Вслѣдъ за нимъ поѣхала къ Смоленскому полю и Императрица Марья Ѳеодоровна, и, возвратясь, сказала: «Какая печатальная картина!» — Во дворцѣ одинъ случай обнаружилъ мнѣ, какимъ полномасштабомъ облеченъ былъ Аракчеевъ. На вопросъ его морскому министру, какъ сдѣлать, чтобы выстрѣлы, возвѣщающіе о возвышеніи воды, были слышнѣе, Мол-

леръ сказалъ, что одно средство — поставить пушки въ главномъ адмиралтействѣ, но что никогда не смѣли дѣлать этого, чтобы не обезпокоить выстрѣлами дворца. «Объявляю вамъ,» сказалъ на это Аракчеевъ, «Высочайшее повелѣніе поставить немедленно орудія въ адмиралтействѣ.» — И такъ онъ отдавалъ приказанія отъ имени Государя, не имѣя нужды и спрашивать его.

Вещественныя потери, причиненныя наводненіемъ, простирались на десятки, а, можетъ быть, и на сотни милліоновъ и болѣе. Потерю людей объявили въ 500 человекъ, но нѣтъ сомнѣнія, что она была гораздо значительнѣе, особенно если взять въ расчетъ тѣхъ, которые погибли, хотя и послѣ, но вслѣдствіе простуды, ушибовъ и пр. при наводненіи. Впрочемъ, бѣдствіе могло быть и еще гораздо значительнѣе, еслибы наводненіе случилось ночью. Съ другой стороны дурнымъ распредѣленіемъ пособій причинено много зла, которое легко было бы предупредить или устранить. Мы имѣли удовольствіе видѣть, что, по крайней мѣрѣ, то, что совершилось подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, вполне достигало цѣли. Люди, нами собранные, были помѣщены въ сухихъ и здоровыхъ палатахъ, имѣли здоровую пищу и медицинское пособіе. По мѣрѣ того, какъ дѣлалось возможно сообщеніе, больные, какъ для собственной ихъ пользы, такъ и для того, чтобы не беспокоить остальныхъ, отправлялись въ больницы, а остальнымъ, лишившимся помѣщенія, прискивались квартиры въ тѣхъ частяхъ города, которыя не были захвачены наводненіемъ. Не такъ, къ сожалѣнію, дѣйствовали въ другихъ мѣстахъ. Надо сказать, что въ части города, подвергшіяся наводненію, были назначены для раздачи пособій гене-

раль-адъютанты. Эти господа, вообще люди мало мыслящіе, имѣли особенный даръ выискивать такихъ людей себѣ въ помощники, которые брались за дѣло явно съ корыстными цѣлями, рассчитывая на невѣжество и невнимательность главныхъ распорядителей, наблюдавшихъ за всѣми поверхностно. Такимъ образомъ, на Васильевскомъ островѣ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ взялъ въ правители дѣлъ себѣ отъявленнаго плута, который довель раздачу пособій до такихъ вопіющихъ несправедливостей, что нѣсколько человекъ почетныхъ обывателей рѣшились обличить и остановить зло, указавъ Бенкендорфу, что дѣлается его именемъ. Бенкендорфъ по обычнымъ у подобныхъ людей, какъ онъ, замашкамъ, вздумалъ было принять съ угрозами пришедшую къ нему депутацію. «Что это? Бунтъ?» закричалъ онъ. «Не думайте насъ застрашать,» отвѣчали пришедшіе: «мы всетаки по крайней мѣрѣ самихъ васъ считали за человека благомыслящаго и надѣялись, что вы будете намъ благодарны, что мы открыли вамъ глаза, какъ негодяй употребляетъ во зло данное ему вами полномочіе. Если же вы хотите прикрывать его, то подадите поводъ думать, что вы съ нимъ заодно, а стало быть сами въ свою очередь употребляете во зло данное вамъ Государемъ полномочіе. Поэтому мы объявляемъ вамъ, что если вы не смѣните негодяя, то мы сей же часъ отсюда идемъ къ Государю прямо, а доказательства у насъ въ рукахъ.» — Бенкендорфъ испугался и видя, что дѣлать было нечего, смѣнилъ мошенника. Въ числѣ депутатовъ былъ и товарищъ мой, Н. А. Бестужевъ, котораго мать имѣла домъ на Васильевскомъ островѣ. На взморьѣ и въ Кронштадтѣ бѣдствіе было, разумѣется, еще больше. Весь почти флотъ былъ унич-

чтожень, стопушечные корабли сорвало съ канатовъ и, унеся при возвышеніи воды на мелкія мѣста, оставило по сбытіи воды почти на сушѣ, гдѣ должны были впослѣдствіи уже ихъ разломать. Къ сожалѣнію, наводненіе помогло многимъ плутамъ спрятать концы своихъ воровскихъ дѣлъ. Долго спустя послѣ наводненія на него складывали потерю и порчу матеріаловъ, которыхъ не было и на лицо, и уничтоженіе документовъ, дѣлъ и отчетныхъ книгъ, которыя, можетъ быть, и не велись даже во все. (Стереотипная фраза: по случаю бывшаго наводненія въ 1824 г.) Очень много нашлось и такихъ, которые требовали пособія, ничего не потерявши, а умѣя только добывать себѣ фальшивыя свидѣтельства о небывалыхъ потеряхъ. Тутъ въ требованіяхъ проявлялись иногда невѣроятныя дерзость и глупость.

При тѣхъ безпорядкѣ и разстройствѣ, которые произвело наводненіе во всѣхъ занятіяхъ, нечего было, разумѣется, мнѣ и думать, чтобы напомнить о моемъ пріѣздѣ и дѣлѣ. Однако, черезъ нѣсколько дней Государь самъ вспомнилъ и назначилъ для разсмотрѣнія моихъ предложеній комиссію изъ графа Мордвинова и министровъ просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Аракчеева. Впрочемъ, непосредственныя мои сношенія и личныя объясненія происходили только съ Мордвиновымъ и министромъ просвѣщенія. Оба они стояли за принятіе моихъ предложеній и выразили желаніе, чтобы я вступилъ съ ними въ отношеніе личнаго знакомства. Что Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ противъ, въ этомъ я не сомнѣвался и имѣлъ впослѣдствіи доказательства на то, но какую роль игралъ Аракчеевъ, рѣшить не могу, хотя и думаю, что былъ враждебенъ дѣлу,

сдѣлавшись враждебнымъ лицу моему по оскорбленному самолюбію. Дѣло было въ томъ, что, какъ я сказалъ выше, Надаржинская навязала мнѣ письмо къ нему. Значеніе Аракчеева было тогда такъ велико, что всякій бы министръ даже былъ радъ имѣть случай явиться къ нему. Каково же было изумленіе Аракчеева, что какой-то юноша, молодой офицеръ, не заблагоразсудилъ воспользоваться тѣмъ, что самыя важныя лица почли бы за особенное счастье. Впослѣдствіи, когда мы съ Θεопемптомъ Лутковскимъ осматривали новопостроенный Михайловскій дворець, мы встрѣтились тамъ съ Аракчеевымъ, который шелъ съ товарищемъ моимъ Батеньковымъ, съ которымъ мы и расклянялись дружески. Это подало поводъ Аракчееву спросить у Батенькова, кто эти молодые офицеры? И когда тотъ назвалъ меня, то Аракчеевъ сказалъ ему: «Такъ это-то Завалишинъ. Ну послушай же, Гаврило Степанычъ, что я тебѣ скажу: онъ долженъ быть или величайшій гордецъ, весь въ своего батюшку, или либераль.» — Батеньковъ не понялъ причины этого отзыва, не зная вышеизложеннаго обстоятельства, которое подало къ нему поводъ, но забавнѣе всего то, что Аракчеевъ также не подозрѣвалъ, что Батеньковъ, которому онъ выразилъ такое мнѣніе о вредѣ либерализма, былъ въ то время уже и самъ «либераль».

Нѣтъ сомнѣнія, что наводненіе, помѣшавъ личному моему свиданію и объясненію съ Государемъ, было главною причиною, помѣшавшею успѣху дѣла. Я могъ надѣяться, что смѣлая и откровенная моя рѣчь объ извращеніи цѣли Священнаго Союза, объ ошибкахъ во внѣшней и внутренней политикѣ, о средствахъ къ органическому возрожденію государства, произвели бы неминуемо на Государя впечатлѣніе самымъ языкомъ, неслыханнымъ для Госуда-

рей, потому что я рѣшился высказать все, хотя бы слѣдствіемъ этого было заточеніе мое въ крѣпость, а пожалуй даже и въ сумасшедшій домъ. Теперь же, когда дѣло шло черезъ посредниковъ, то хотя они и удивлялись важности моихъ идей и смѣлости выраженій, но нѣтъ сомнѣнія, что они не представляли Государю моихъ бумагъ въ подлинникѣ, а передавали словесно или письменно въ извлеченіяхъ и въ смягченномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но передъ Рождествомъ мнѣ было оффиціально (черезъ министра просвѣщенія) объявлено, что Государь находитъ мои идеи неприложимыми въ настоящее время. Въ то же время меня произвели за отличіе въ лейтенанты со старшинствомъ съ марта мѣсяца, а графъ Мордвиновъ, пораженный, какъ онъ самъ выразился, необычнымъ моимъ знаніемъ дѣла и дальновидною предусмотрительностью относительно колоній, посоветовалъ Россійско-Американской компаніи, которой онъ былъ однимъ изъ попечителей, не только воспользоваться моими идеями для устройства и развитія колоній, но постараться убѣдить меня принять на себя и исполненіе этого въ качествѣ главнаго правителя колоній.*)

Между тѣмъ главное управленіе Р.-А. компаніи давно уже съ нетерпѣніемъ ожидало возможности войти въ непосредственныя отношенія со мною и тѣмъ болѣе, что находило неудовлетворительными донесенія ревизора, посланнаго для обревизованія конторъ ея въ Сибири, а отъ меня, какъ отъ чело-

*) Я тогда еще выразилъ свое убѣжденіе, что если мы не займемъ Калифорніи и не сьумѣемъ развить свои силы на устьѣ Амура и на Татарскомъ берегу, то, такъ или иначе, а непремѣнно не удержимъ и колоніи.

вѣка безпристрастнаго и непрічастнаго никакимъ интересамъ, ожидала вполнѣ безпристрастныхъ отзывовъ, узнавъ изъ донесеній главнаго правителя колоній, что онъ отнесся ко мнѣ съ просьбою обратитъ при моемъ проѣздѣ свое вниманіе и на конторы компаніи въ Охотскѣ, Якутскѣ и Иркутскѣ. Но, разумѣется, пока я занятъ былъ изслѣдованіемъ моихъ предложеній назначенною отъ правительства комиссією, я не могъ удѣлять времени на занятія дѣлами Россійско-Американской компаніи, и только по полученіи отрицательнаго отвѣта со стороны правительства и уступая просьбамъ Мордвинова, я посѣтилъ главное управленіе. Бывшіе тогда директоры Прокофьевъ, Кусовъ и Северинъ были, какъ говорили они, до того поражены и восхищены точнымъ знаніемъ моимъ всѣхъ дѣлъ и нуждъ компаніи и яснымъ указаніемъ истинной пользы ея, что просили меня, чтобы я смотрѣлъ на себя, какъ на четвертаго директора и чтобы засѣдалъ въ присутствіи управленія, принимая участіе въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ. Моя главная точка зрѣнія была та, чтобы они сѣумѣли согласить свои выгоды съ общею пользою государства и въ этомъ отношеніи и начались переговоры между директорами и мною, какая часть изъ моихъ проэктъовъ и предложеній могла быть осуществлена средствами компаніи къ обоюдной выгодѣ, какъ ея, такъ и государства. Рѣшено было развить земледѣліе въ Калифорніи посредствомъ свободной колонизаціи русскихъ коренныхъ хлѣбопашцевъ и преобразовать управленіе колоній. Вслѣдъ затѣмъ директоры, получивъ убѣжденіе, что успѣхъ приведенія всѣхъ этихъ плановъ въ исполненіе вполнѣ зависитъ отъ того, чтобы исполнителемъ былъ именно тотъ человѣкъ, которому принадлежатъ и идеи пла-

ны, который съумѣлъ, какъ сказано было въ докладѣ ихъ, и выяснить потребности колоній, и указать на органическія средства удовлетворить ихъ въ непосредственной связи ихъ съ пользою общео, обратились ко мнѣ съ просьбою, чтобы я принялъ на себя и исполненіе всего этого предпріятія, посвятивъ себя по меньшей мѣрѣ на семь лѣтъ на службу въ колоніяхъ, два года на устройство земледѣльческихъ колоній въ Калифорніи, и потомъ пять лѣтъ, какъ главнаго правителя колоній. Въ этомъ смыслѣ главное управленіе Р.-Американской компаніи и вошло съ докладомъ къ Государю чрезъ морскаго министра.

Между тѣмъ къ общему изумленію обнародованы были конвенціи, заключенныя между нашимъ правительствомъ и Соединенными Штатами и Англиею. Конвенціи эти предоставляли всѣ выгоды иностранцамъ, всю же тяжесть содержанія колоній оставляли на Р.-А. компаніи. Я написалъ рѣзкую критику на эти конвенціи, разбирая ихъ пунктъ за пунктомъ и доказывая невыгоду для Россіи такими аргументами, которыхъ никто не пытался и опровергать. И такъ какъ первая конвенція, т. е. съ Соединенными Штатами, была заключена при содѣйствіи бывшаго тамъ нашимъ посломъ, тайнаго совѣтника Поветики, то я и началъ свою критику такъ: «На дняхъ появилось самое уродливое произведеніе русской политики» и пр.

Нечего и говорить, что статья моя не могла быть напечатана, потому что не только цензура пропустить, но и ни одинъ журналистъ даже принять ее не рѣшался. Зато она распространилась во множествѣ писанныхъ копій, и произвела сильное впечатлѣніе. Статья эта по языку и неопровержимости доказательствъ была какъ-бы образцомъ

и предвѣстникомъ тѣхъ статей, которымъ было суждено произвести еще большее впечатлѣніе много времени спустя по поводу Амурскаго дѣла.

Очень понятно, что Р.-А. компанія встревожилась вышеупомянутыми конвенціями. Съ согласія своего совѣта и своихъ покровителей, она обратилась ко мнѣ съ просьбою написать по этому поводу докладную записку для подавія Государю чрезъ министра финансовъ. Я написалъ меморію, въ которой, несмотря на все смягченіе (по просьбѣ директоровъ) употребленныхъ выраженій, сохранилъ всю суровую сущность дѣла, какъ оно изложено было мною въ вышеупомянутой критикѣ или разборѣ заключенныхъ конвенцій. Государь сильно разсердился, что «купцы» вздумали учить дипломатовъ, и велѣлъ дать выговоръ директорамъ, но потомъ, одумавшись, велѣлъ дать выговоръ правителю дѣлъ, сказавъ, что купцы ничего не разумѣютъ, и, конечно, не они писали меморію, и такимъ образомъ выговоръ былъ данъ Рылѣеву, который въ то время былъ правителемъ дѣлъ главнаго управленія Р.-А. компаніи. Но съ другой стороны Государь былъ пораженъ справедливостію сдѣланныхъ въ меморіи возраженій и разсужденій и не могъ не признать всей правильности окончательнаго заключенія, что для насъ выгоднѣе было бы бросить вовсе колоніи, чѣмъ держать ихъ на такихъ условіяхъ. Поэтому онъ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ, заключавшему конвенціи, устроить отъ министерства конференцію съ директорами Р.-А. компаніи въ присутствіи совѣта и покровителей компаніи. Нессельроде назначилъ для конференціи Полетиуеу, какъ участника въ заключеніи одной изъ конвенцій.

Конференція собралась у Северина, одного изъ

директоровъ. Когда Полетика предъявилъ свое полномочіе, онъ ожидалъ, что компанія со своей стороны дастъ полномочіе какому-нибудь важному и пожилому лицу. Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что противъ него выступилъ и предъявилъ полномочіе компаніи безбородый еще юноша. Онъ буквально взглянулъ на меня, какъ Голіаѳъ на Давида, и началъ конференцію явно раздраженнымъ тономъ. Но когда я спокойно, шагъ за шагомъ, началъ разрушать аргументы его въ оправданіе конвенцій и развивать еще подробнѣе, чѣмъ въ докладной запискѣ государю, мои возраженія противъ нихъ, когда обнаружилъ «изумительное» (по его собственному отзыву впоследствии) знаніе дѣла въ томъ, что относится къ компаніи, «и правильность соображеній, относящихся къ общей политикѣ» (какъ выразился онъ въ письмѣ своемъ къ Мордвинову), то, смягчаясь все болѣе и болѣе, Полетика вдругъ посреди конференціи всталъ и, подойдя ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что какъ въ началѣ ему конференція была непріятна, такъ теперь онъ радъ ей, потому что она доставила ему случай такого знакомства. Въ заключеніе, онъ вполне согласился съ моими доводами и оправдывалъ ошибку министерства только тѣмъ, что сама компанія не доставила нужныхъ свѣдѣній во время. — «Да развѣ ее спрашивали,» сказалъ я, «развѣ ее предувѣдомляли, что дѣло идетъ о заключеніи конвенцій о ней? Да наконецъ, если бы она что и сказала, развѣ ее послушали бы? Развѣ не сказали бы, что они «бушцы и ничего не разумѣютъ?» — Этотъ намекъ на слова Государя заставилъ улыбнуться всѣхъ, кому они были извѣстны.

Послѣ конференціи Полетика написалъ Мордвинову письмо, въ которомъ просилъ его посредства,

чтобы поближе познакомиться со мною, не считая достаточнымъ то общее знакомство, къ которому подала поводъ конференція. Онъ былъ послѣ у меня, и мы нерѣдко видѣлись, причемъ онъ много пояснилъ мнѣ на счетъ образа дѣйствій русской политики.

«Мы, правду сказать,» говорилъ мнѣ Дашковъ, «немного выпустили изъ виду наши колоніи.»

«Не мудрено,» отвѣчалъ я ему, «наши дипломаты такъ намозолили себѣ глаза надъ задачами даже самыхъ мельчайшихъ нѣмецкихъ государствъ, что уже не могутъ замѣчать и крупныхъ потребностей Россіи.»

X.

Такое торжество мое на конференціи еще болѣе утвердило довѣріе ко мнѣ главнаго управленія Р.-А. компаніи, — и оно обратилось ко мнѣ съ просьбою составить прозектъ преобразования колоній и принять на себя проведеніе всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣръ въ общемъ собраніи акціонеровъ Р.-А. компаніи. Общія собранія по этому поводу представили Петербургу невиданное до тѣхъ поръ зрѣлище. Рядомъ съ высшими сановниками и съ одинаковымъ правомъ голоса засѣдалъ какой-нибудь мѣщанинъ, имѣющій на то право по числу своихъ акцій. Требуемыя преобразования защищались публично, а не обсуждались въ канцелярской тайнѣ, и дѣломъ руководилъ не какой-нибудь сановникъ, почти всегда только поверхностно знающій дѣло, а какъ въ иныхъ государствахъ, по парламентскимъ обычаямъ, человѣкъ вполне знакомый съ дѣломъ и даже назначенный приводить его въ испол-

неніе. Успѣхъ мой въ общихъ собраніяхъ былъ не меньше того, какъ и въ конференціи. Всѣ предложенныя мною мѣры для преобразованія управленія и устройства колоній были приняты огромнымъ большинствомъ.

Между тѣмъ на сдѣланное представленіе Государю о назначеніи меня въ колоніи не было никакого отвѣта. Это до крайности встревожило Р.-А. компанію по убѣжденію ея, что всѣ преобразованія и всѣ планы на счетъ будущаго будутъ совершенно бесполезны, если не будетъ человѣка, котораго одного считали способнымъ привести все въ исполненіе. Но какъ съ этимъ исполненіемъ связаны были огромныя выгоды, то она, опасаясь, что задержка моего назначенія происходитъ отъ какихъ нибудь продѣлокъ въ морскомъ министерствѣ, рѣшилась предложить огромную для того времени сумму, 10 тысячъ рублей, директору департамента Харитоновскому за ускореніе доклада. Харитоновскій отвѣчалъ, что докладъ давно уже сдѣланъ Государю, а что повторить докладъ министръ, по крайней его робости, едва-ли рѣшится, однако-же прельщаемый такою выгодою, какая представлялась ему отъ моего назначенія, онъ уговорилъ министра повторить докладъ. Но прошло полтора мѣсяца послѣ вторичнаго доклада, а рѣшеніе Государя все еще не получалось. Между тѣмъ, зная это рѣшеніе дѣлалось необходимымъ для компаніи, потому что въ случаѣ утвердительнаго отвѣта нельзя было уже медлить приготовленіями. Тогда Харитоновскій рѣшился на крайнее средство. Онъ убѣдилъ министра просить Государя при первомъ личномъ докладѣ, подъ предлогомъ поясненія нѣкоторыхъ подробностей о причинахъ желанія компаніи, чтобы я былъ назначенъ въ колоніи. Тогда то послѣдовало отъ

Государя тотъ знаменитый отвѣтъ, который, положивъ конецъ желаніямъ компаніи, въ то же время еще болѣе возвысилъ мое значеніе. Государь отвѣчалъ, что онъ очень радъ, что въ его службѣ находятся офицеры съ такими достоинствами, какъ я, и что готовъ открыть мнѣ всѣ карьеры въ Россіи, но что отпустить меня въ колоніи не можетъ изъ опасенія, чтобы я какими нибудь попытками привести въ исполненіе обширные свои замыслы не вовлекъ Россію въ столкновеніе съ Англіею или Соединенными Штатами. Надо сказать, что проектъ мой, кромѣ занятія Калифорніи, заключалъ въ себѣ занятіе Амура и острова Сахалина, а если бы обстоятельства дозволили, то и Сандвичевыхъ острововъ, что отчасти и было уже достигнуто правителемъ колоній Барановымъ, устроившимъ было и заведеніе на этихъ островахъ, гдѣ русскіе не могли удержаться только по неспособности начальника. Только въ такомъ случаѣ можно было надѣяться на сохраненіе и развитіе колоній и на прочное утвержденіе морской силы Россіи. Извѣстно, до какой степени послѣдующія событія оправдали все, предусмотрѣнное мною.

Любопытно дополнить къ этому еще и слѣдующее: когда во время борьбы моей по Амурскому дѣлу я потребовалъ отъ Р.-А. компаніи напечатать все, относившееся къ тогдашнимъ требованіямъ, чтобы доказать, что критика моя того способа, какъ велось это дѣло, не была случайная и не относилась къ какой нибудь личности, а основывалась на тѣхъ началахъ, которыя составлены были мною еще въ 1824 г., то директоръ компаніи, адмиралъ Этолинъ, увѣдомилъ меня, что бывший въ 1825 г. директоромъ Прокофьевъ со страху послѣ 14 декабря сжегъ всѣ бумаги, гдѣ даже только упоминалось

мое имя, а не только тѣ, которыя шли лично отъ меня. Впрочемъ, писалъ ко мнѣ Этолинъ, такъ какъ ему извѣстно, что по рукамъ ходило много копій, то, можетъ быть, ему удастся собрать кое-что въ частныхъ рукахъ. Несмотря на разрушеніе нашихъ предположеній, Р.-А. Компанія просила меня продолжать заниматься ея дѣлами. Я согласился, но только по отношенію къ общимъ государственнымъ требованіямъ и потому отклонилъ всякое вознагражденіе. Хотя въ это время я посвятилъ уже себя преимущественно политической дѣятельности, однакоже находилъ время засѣдать и въ собраніи директоровъ Р.-А. Компаніи и исполнять аккуратно требованія службы, а не сидѣть, сложа руки въ ожиданіи большей возможности дѣйствовать послѣ преобразованія, чѣмъ многіе прикрываютъ свое бездѣйствіе, но дѣлать все, что возможно, и при настоящихъ условіяхъ для удовлетворенія общественныхъ и общечеловѣческихъ требованій. Поэтому, и тогда уже во всѣхъ кругахъ общества, всякій разъ, если дѣло касалось благотворенія, исправленія несправедливости, защиты чьихъ правъ, и необходимъ былъ дѣятельный и энергичный заступникъ, то обращались ко мнѣ. Были даже случаи, что даже самыя важныя лица обращались съ подобными просьбами ко мнѣ. Такъ однажды и Остерманъ сказалъ одной бѣдной матери, хлопотавшей о сынѣ, попавшемъ въ несчастіе, чтобы просить меня похлопотать о томъ у адмирала Грейга, такъ какъ я скорѣе его могу помочь дѣлу.

Относительно родныхъ своихъ, я смѣю сказать, что дѣлалъ больше, нежели они могли требовать и ожидать, хотя самъ не получилъ изъ наслѣдства отъ отца ничего, что мнѣ слѣдовало. Я уплатилъ казенный начеть на старшаго брата, заплатилъ мно-

го за младшаго, чтобы выручить его из бѣды, хлопоталъ чрезъ Мордвинова пенсію для сестры, которой ей, съ явнымъ нарушеніемъ справедливости, не хотѣли назначить, и исполнялъ всѣ порученія домашнихъ, не думавшихъ, изъ какихъ средствъ я могу это дѣлать, между тѣмъ какъ они издерживали свои средства на воспитанницъ и приживалокъ, имѣвшихъ свои значительныя средства.

Строгое исполненіе службы произвело однажды большое волненіе въ морскомъ министерствѣ, обнаруживъ всю глубину зла, доведшаго морское вѣдомство до крайняго разстройства. За недостаткомъ штабъ-офицеровъ, назначавшихся временными комендантами въ новомъ адмиралтействѣ, велѣно было избрать трехъ офицеровъ со всѣми возможными отличными качествами, какъ обыкновенно расписывается въ подобныхъ случаяхъ. И вотъ первый выборъ палъ на меня. Временные коменданты дежурили по недѣлямъ и смѣнялись въ субботу въ 12 часовъ. Когда наступила моя очередь, я явился въ 8 часовъ утра. Старикъ полковникъ, котораго мнѣ пришлось смѣнять, ужасно обрадовался: «Ну вотъ, слава Богу,» сказалъ онъ, «а то Н. никогда раньше двухъ часовъ не смѣнялъ меня. Надо-де дома сначала позавтракать.»

Хоть и жалко мнѣ было выводить старика изъ заблужденія, но я сказалъ ему, что я пріѣхалъ такъ рано вовсе не для того, чтобы смѣнить его ранѣ положеннаго срока, а чтобы познакомиться съ предстоящею мнѣ обязанностью и поэтому попросилъ у него для прочтенія предварительно «инструкцію».

Онъ вытаращилъ на меня глаза: «Какая это, батюшка, инструкція? Вотъ дежурю здѣсь много ужъ лѣтъ, а ни о какой инструкціи и не слыхалъ.» Тутъ

писарь, стоявшій въ это время въ комнатѣ съ готовымъ для подписанія намъ рапортомъ о смѣнѣ, подошелъ къ нему и сказалъ на ухо, что точно есть запертая въ шкафу какая-то «инструкція» въ красномъ сафьяномъ переплетѣ. И вотъ отыскали въ шкафу «невѣдомую» дежурному инструкцію. Старый полковникъ съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ то на нее, то на меня. Я сѣлъ читать ее и увидѣлъ, какая страшная отвѣтственность лежитъ на временныхъ комендантахъ. Новое адмиралтейство, простирающееся отъ Галерной улицы до Бердовскаго завода, имѣло, можетъ быть, болѣе трехъ верстъ въ окружности, такъ что для охраненія его требовалось очень бдительное наблюденіе. Кромѣ морскихъ учрежденій и большого числа живущихъ, тамъ было много магазиновъ. Наконецъ въ случаѣ пожара на корабляхъ на Невѣ, оно должно было немедленно подавать помощь, для чего и имѣлась въ немъ огромная пожарная команда съ большимъ числомъ гребныхъ судовъ, что все строжайше предписывалось держать въ исправности и пр. и пр. Прочитавъ все къ 9 часамъ, я сказалъ предмѣстнику моему, что хотя еще далеко до смѣны, но чтобъ его не задерживать, я готовъ приступить къ смѣнѣ. Онъ опять было обрадовался, но опять пришлось разочаровать его, когда я объяснилъ ему, что подъ приступомъ къ смѣнѣ я разумѣю совокупный осмотръ всего подлежащаго къ сдачѣ и поэтому приглашаю его къ осмотру напередъ всего пожарныхъ инструментовъ и гребныхъ судовъ.

«А что, батюшка, мнѣ тамъ смотрѣть? Смотри-те, коли есть охота, а я ужъ не пойду.»

Однако, когда я пошелъ и ему прибѣжали сказать, что оказывается при моемъ осмотрѣ, то онъ носпѣшно прибѣжалъ и сталъ меня умолять, что-

бы я не выводилъ изъ этого никакого дѣла. Но это было ни въ какомъ случаѣ невозможно. При испытаніи пожарныхъ инструментовъ оказывалось, что вода не шла въ пипки, а брызгала по всему протяженію кожаныхъ рукавовъ изъ разохшихся и разсѣвшихся швовъ. Весла на катерахъ или были переломаны, или вовсе ихъ не доставало и пр. Тогда только я могъ понять, какъ могли допустить сгорѣть незадолго передъ тѣмъ «камелямъ» (такъ называются огромные пустые ящики, подвешиваемые подъ корабль, чтобы приподнять его для прохода по мелководью въ устьѣ Невы), нанеся огромный, миллионный убытокъ казнѣ. Я немедленно написалъ рапорты къ морскому генераль-интенданту, которымъ былъ тогда адмиралъ Головинъ, и къ министру. Все это произвело страшную суматоху, и оба они сію же минуту прибѣжали пѣшкомъ, такъ какъ жили недалеко отъ новаго адмиралтейства. Моллеръ, увидавъ меня, сказалъ, запыхавшись: «Вы прекрасный офицеръ, но только не приведи Богъ имѣть съ вами дѣло. Вездѣ, гдѣ появитесь, надѣлаете страшныхъ хлопотъ.»

Я улынулся и спросилъ его, что развѣ лучше было-бы, если бы весь этотъ беспорядокъ обнаружился при пожарѣ, и, пожалуй, дали бы сгорѣть судамъ или баркамъ съ грузомъ, какъ сгорѣли камели. Моллеръ понялъ намекъ, такъ какъ говорили, что онъ замялъ это дѣло, чтобы прикрыть вину Берда, пароходъ котораго былъ причиною пожара, какъ общая молва обвиняла его въ томъ. Совсѣмъ иначе отнесся къ моимъ дѣйствіямъ адмиралъ Головинъ. Онъ при министрѣ, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: «Благодарю васъ, Дмитрій Иринарховичъ, я иного и не ожидалъ, остановивъ на васъ на первомъ выборѣ при назначеніи.» Затѣмъ, обратясь

къ министру, сказалъ: «Дѣйствительно, мы должны быть благодарны Д. И., что онъ своимъ точнымъ исполненіемъ службы открылъ намъ глаза во время.»

Разумѣется, сію же минуту нагнали пропасть мастеровыхъ и принялись за исправленіе всего, найденнаго въ беспорядкѣ.

Но кромѣ этого случая это мое комендантство замѣчательно еще тѣмъ, что я не пустилъ въ адмиралтейство Великаго Князя Николая Павловича по званію его дивизионнаго командира. Ему хотѣлось «распечь», говоря техническимъ языкомъ, поручика Зейфорта, стоявшаго въ караулѣ. Но я объяснилъ ему, что, безъ разрѣшенія извѣстныхъ лицъ, никого для формальнаго какого-либо дѣйствія въ адмиралтейство не пускаютъ. И вотъ ему показалось, что будто-бы Зейфортъ, чувствуя себя огражденнымъ, усмѣхнулся. Онъ припомнилъ ему это впоследствии и, вступивъ на престолъ, перевелъ его въ гарнизонный батальонъ.

Мое положеніе было чрезвычайно выгодно въ Петербургѣ для наблюденія надъ идеями, свойствами и желаніями во всѣхъ слояхъ общества. По приѣздѣ моемъ я сначала жилъ съ Николаемъ Ивановичемъ Тютчевымъ вмѣстѣ, нанимая квартиру въ домѣ княгини Волконской, но потомъ, уступая настойчивому желанію Остермана, переѣхалъ къ нему, гдѣ, по отъѣздѣ графини, и занялъ ея комнаты. Кромѣ того, въ домахъ Архаровой и Васильчиковыхъ я былъ, какъ родной, и потому постоянно обращался въ высшемъ и придворномъ кругу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ директоровъ Р.-А. компаніи и у нихъ мнѣ сталъ знакомъ высшій служебный и коммерческій кругъ. Чрезъ французскаго генерала Бойе, который былъ у насъ въ Россіи въ плѣну

и жилъ въ это время у Льва Васильевича Толстого; я вошелъ въ сношенія съ среднимъ кругомъ иностранцевъ и пр. — И такъ какъ я мало любилъ участвовать въ удовольствіяхъ, а старался, пользуясь всякимъ случаемъ, вести со всѣми дѣльные разговоры, и какъ меня вообще любили во всѣхъ кругахъ общества, гдѣ я бывалъ, и разсуждали со мною безъ всякаго опасенія, то, могу сказать, я и слышалъ обсужденіе всякаго вопроса со всѣхъ возможныхъ сторонъ и соединялъ такія свѣдѣнія, которыя недоступны людямъ, живущимъ въ исключительныхъ кругахъ.

Правда, мачихѣ моей было очень непріятно, что я «связываюсь Богъ знаетъ съ кѣмъ,» какъ говорили нѣкоторыя скучныя важныя барыни, у которыхъ я рѣдко бывалъ и которыя жаловались на меня мачихѣ и оказывали мнѣ услугу, сплетничая на меня. Но я не обращалъ вниманія ни на претензіи ихъ, ни на сплетничанье, хотя иногда дѣйствительно любопытно становилось узнать, откуда онѣ добывали свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ кругахъ, наиболѣе имъ чуждыхъ, свѣдѣнія, конечно, большею частію искаженныя, но всетаки показывающія, что существуютъ же какіе то проводники непрямаго сообщенія. Особенно встревожили они и мачиху и всю нашу «Толстовскую» родню извѣстіемъ, что я будто-бы хочу жениться на испанкѣ, на католичкѣ, тогда какъ я по своимъ убѣжденіямъ, принявъ участіе въ политическомъ предпріятіи, влекущемъ за собою такую грозную отвѣтственность, считалъ противнымъ чести связать съ моею судьбою чужую судьбу и тѣмъ заставить жену или принести невольную жертву, или измѣнить другой обязанности. Если же предположить, что до чувству какая-либо дѣвушка и готова была на

вольную жертву, то это могло быть очевидно только под условіемъ открытія политической тайны, чему противилась также честь. Вотъ почему, несмотря на то, что дѣйствительно въ одномъ испанскомъ семействѣ меня очень любили, и одна изъ дочерей, рѣдкая красавица, явно выказывала свое расположеніе ко мнѣ, а родители ничего лучшаго не желали, какъ отдать ее за меня, несмотря даже на старанія моихъ родныхъ (мачиха особенно желала женить меня на княжнѣ Баратаевой, дочери ея друга), я держалъ себя чрезвычайно сдержанно и не позволялъ себѣ говорить женщинамъ даже обычныхъ свѣтскихъ любезностей и комплиментовъ, независимо даже отъ того, что не любилъ подобныхъ вещей уже по самой пошлости ихъ.

Здѣсь не лишнее замѣтить, что тогда иностраннѣйшій кругъ и по тогдашнимъ понятіямъ народнаго соперничества и по тому, что извлекалъ выгоды изъ дурного устройства Россіи, мало сочувствовалъ желаніямъ русскихъ улучшить свой государственный и общественный бытъ, хотя невольно и вносилъ многія либеральныя идеи въ Россію.

Въ теченіе лѣта 1825 г. я часто ѣздилъ въ Царское Село къ Леониду Голицыну, съ которымъ мы жили вмѣстѣ на квартирѣ въ Петербургѣ у Остермана, но который долженъ былъ имѣть квартиру и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ лейбъ-гусарскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Нерѣдко бывалъ я и въ Павловскѣ у Архаровой, въ домѣ которой постоянно бывала Императрица Марія Ѳеодоровна и Великія Княгини Александра Ѳеодоровна и Елена Павловна. Два раза ѣздилъ я и въ Кронштадтъ: первый разъ по дѣламъ тайнаго общества (съ Ал. Бестужевымъ, Одоевскимъ, Рылѣвымъ, В. Кюхельбекеромъ и Оржинскимъ),

другой разъ при возвращеніи фрегата «Крейсера» изъ кругосвѣтнаго плаванія, причемъ мнѣ удалось еще разъ сослужить службу экспедиціи, примиривъ команду и офицеровъ съ Лазаревымъ, тогда какъ и та, и другая сторона готовилась къ жалобамъ другъ на друга, что, конечно, имѣло бы самыя невыгодныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ. Лишь только фрегатъ бросилъ якорь въ Кронштадтѣ, какъ Лазаревъ съ первымъ же пароходомъ написалъ мнѣ лаконическую записку: «Жду отъ вашей дружбы, что вы намъ поможете. Пріѣзжайте, не теряя времени, вы всѣмъ намъ нужны.» Съ утреннимъ же пароходомъ я поѣхалъ въ Кронштадтъ и, не выходя даже на пристань, прямо съ парохода сѣлъ на лодку и отправился на фрегатъ. Я нашелъ всѣхъ въ чрезвычайно пасмурномъ настроеніи духа, но мнѣ всѣ очень обрадовались, и, какъ послѣ сказали мнѣ, это было единственное послѣ моего отбѣгтія радостное чувство, въ которомъ всѣ соединились: до такой степени дурны были уже всѣ отношенія на фрегатѣ, какъ между различными служебными положеніями, такъ и между лицами. Лазаревъ сейчасъ же увелъ меня въ каюту и тамъ открылъ мнѣ, что до него дошелъ слухъ, что вся команда хочетъ жаловаться на него на инспекторскомъ смотрѣ, но что онъ рѣшился предупредить ее, и донести, что она не заслужила никакихъ наградъ. Немудрено было доказать всѣ дурны послѣдствія этого, но какъ онъ боялся, что если онъ со своей стороны удержится отъ обвиненій противъ команды, она всетаки будетъ жаловаться, то я и принялъ на себя посредничество и пошелъ къ командѣ. — Съ этой стороны я нашелъ дѣло точно въ такомъ же положеніи. Команда, пожалуй, и не прочь была оставить жалобу,

но боялась враждебнаго дѣйствія со стороны капитана. Ясно было, что обѣ стороны удерживались отъ примиренія, отъ того, что не довѣряли другъ другу. Я далъ и той и другой сторонѣ мое поручительство, и тогда команда дала мнѣ честное слово отказаться отъ жалобы, а капитанъ разорвалъ при мнѣ рапортъ. Такимъ образомъ миръ и спокойствіе были восстановлены. Всѣ меня благодарили и убѣдительно просили погостить у нихъ нѣскольکو дней. При этомъ командѣ пришла странная фантазія просить меня, чтобы я съ обѣими очередями ихъ отстоялъ на вахтѣ, какъ бы я служилъ еще на фрегатѣ, и чтобы какъ-бы кончить и походъ со мною.

«Позвольте,» говорили они, «вспомнить старое счастливое время.»

Я исполнилъ ихъ желаніе, прогостилъ у нихъ три дня и въ это время отстоялъ два раза на вахтѣ съ обѣими половинами команды. Къ этому надо прибавить, что мной заведенъ былъ такой порядокъ, что все должное командѣ немедленно уплачивалось, такъ что наша экспедиція была единственной, у которой не было претензій на казну, уплата по которымъ обыкновенно длилась много лѣтъ.

Около этого-же времени случилось въ Петербургѣ происшествіе, подавшее поводъ къ сильной демонстраціи противъ барской спѣси и чужеземнаго воспитанія. Я говорю о дуэли между Новосильцевымъ и Черновымъ, похороны котораго и составили эту демонстрацію, а мнѣ привелось быть въ ней не только участникомъ, но и распорядителемъ.

Новосильцовъ, единственный сынъ у матери и наслѣдникъ имѣнія графини Орловой-Чесменской, молодой человѣкъ и флигель-адъютантъ, влюбился

въ дочь генерала Чернова, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе и ея, и ея отца. Мать Новосильцова, надутая барскою спѣсью, не желала этой женитьбы и, боясь открыто противиться желанію сына, дала притворно согласіе, но въ то же время употребила всѣ возможныя интриги, чтобы разстроить дѣло. Она вызвала послѣшно сына къ себѣ подъ предлогомъ опасной будто бы болѣзни отца его и употребила всѣ свои убѣжденія, чтобы отговорить сына отъ предложенной женитьбы. Новосильцовъ, человѣкъ характера слабодушнаго, подчинился не только вліянію матери, но и насмѣшкамъ товарищей, смѣявшихся надъ нимъ, что у него жена будетъ «Пахомовна». Между тѣмъ онъ однако же продолжалъ писать письма къ невѣстѣ и вынудилъ брата Черновой, офицера Семеновскаго полка, напомнить ему о его обязательствѣ. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ непремѣнно его исполнить. Но такъ какъ онъ все еще медлилъ, то ни отецъ, ни братья невѣсты не желали уже и сами этого какъ-бы вынужденнаго брака и требовали отъ Новосильцова только того, чтобы онъ явился какъ-бы для свадьбы въ Могилевъ, гдѣ жило семейство Черновыхъ, и тамъ получить отказъ. Такъ и было условлено для огражденія репутаціи дѣвицы. Новосильцовъ взялъ отпускъ, но вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Могилевъ, поѣхалъ въ Москву къ матери. Тогда мать прибѣгла еще къ болѣе дурному средству. Она упростила Остенъ-Сакена, главнокомандующаго I-й арміей, у котораго служилъ отецъ Черновой, принудить его написать отказъ Новосильцову, чтобы не заставить его ѣздить въ Могилевъ и не подвергать его «аффронту» публичнаго отказа отъ какого-нибудь Чернова. Новосильцовъ успѣшилъ прислать это письмо брату Чернова, но такъ

какъ тотъ въ то же самое время получилъ и отъ отца объясненіе всего дѣла, то дуэль стала неизбежною, и Черновъ потребовалъ отпуска прямо съ этою цѣлью, не скрывая того отъ начальниковъ. Причина была такъ законна, что ни Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ни Государь не рѣшились отказать Чернову. Черновъ поѣхалъ въ Москву, и тамъ Новосильцовъ снова далъ слово ѣхать въ Могилевъ, и кончить дѣло такъ, какъ прежде было условлено, но снова обманулъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, и потому дуэль должна была состояться. Оба противника ранили другъ друга смертельно, но Новосильцовъ умеръ на другой день, а Черновъ жилъ еще 11 дней. Даже принадлежавшіе къ партіи Новосильцовой не смѣли выказать ей сочувствія, и самъ Александръ Θεодоровичъ Орловъ сказалъ ей, извѣщая ее объ исходѣ дуэли: «Вотъ къ чему привела ваша барская спѣсь.» — Напротивъ, къ Чернову сочувствіе было всеобщее. В. К. Михаилъ Павловичъ навѣщалъ его каждый день, и все возстало противъ гнусныхъ интригъ, въ которыхъ запутали и служебныя отношенія, и противъ того барства въ Россіи, которое корчитъ аристократію, не имѣя ни одного изъ условій дѣйствительной аристократіи въ ея относительно полезномъ историческомъ значеніи, и навлекая напротивъ еще на себя упреки за свою готовность съ одной стороны къ придворному лакейству, а съ другой и дружитья, а пожалуй, и роднитъя и съ мошенниками, но лишь бы они были миллионеры.

За гробомъ Чернова первыми шли секунданты Новосильцова (флигель-адъютантъ Германъ и Плаутинъ), что особенно усиливало протестъ противъ его поведенія, особенно когда извѣстно стало, что они и ему самому сказали, что, не имѣя права, какъ

товарищи его, отказываться отъ секундантства, они однако же прямо объявляютъ ему, что желанія ихъ и одобреніе на противной сторонѣ. Одно тайное общество наняло сто каретъ, кромѣ тѣхъ собственныхъ экипажей, которые отдали члены общества въ общее пользованіе.

Хотя многіе и прославляли мой ораторскій талантъ, мое краснорѣчіе и особенно, какъ многіе говорили, мою непобѣдимую логику и діалектику, но я вообще не очень любилъ тѣ многочисленныя и шумныя собранія, куда многіе шли только для того, чтобы «послушать Э.....а».*) Я предпочиталъ небольшія собранія или, какъ называли ихъ, «комитеты», гдѣ обсуждались спеціальныя вопросы. Въ общихъ собраніяхъ больше занимались сообщеніемъ и обсужденіемъ разныхъ новостей, да преніями преимущественно политическаго свойства, въ комитетахъ же разрабатывались такіе вопросы, какъ напримѣръ освобожденіе крестьянъ, судебное и военное устройство государства и пр. Труднѣе, но и важнѣе всего было правильное разрѣшеніе всѣхъ юридическихъ, экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, — а отъ этихъ и всего, относящагося къ народному образованію и судебному устройству, или какъ тогда выражались, самосуду народному. Вотъ почему я и посвящалъ изслѣдованіямъ по этому вопросу наибольшую часть времени. Были два различныя возрѣнія на этотъ вопросъ: одни думали, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать политическому преобразованію, другіе напро-

*) Больше всѣхъ кричалъ о томъ О. И. Глинка, какъ человѣкъ независтливый, не боявшійся моего возвышенія.

тивъ, что самое лучшее упроченіе новаго поряд-
ка именно въ томъ и должно состоять, чтобы
крестьяне получили свободу черезъ него. Примѣръ
Англии и Венгрии доказывалъ, что конституціонное
устройство можетъ предшествовать освобожденію
крестьянъ, — побудить же тогдашнее правитель-
ство къ скорому освобожденію крестьянъ тѣмъ ме-
нѣе представлялось надежды, что замедленіе осво-
божденія было у него уже дѣломъ не недостатка
сознанія въ справедливости освобожденія, а, какъ
утверждали, нехотѣнія и даже положительнаго
умысла остановить дѣло. Извѣстно было, что Го-
сударь вначалѣ поощрялъ освобожденіе, хотя по
нашимъ привычкамъ въ Россіи, и тутъ не обошлось
безъ странныхъ противорѣчій и несообразностей, —
такъ какъ гораздо послѣ уже того, какъ началось
освобожденіе въ однихъ мѣстахъ (въ прибалтій-
скихъ губерніяхъ), закрѣпощеніе продолжалось въ
другихъ, какъ напр. въ Новороссійскомъ краѣ и
Бессарабіи, гдѣ даже до 1821 года обращали въ
крѣпостныхъ пришлое и бѣглое населеніе. Гово-
рили, что даже банкъ, гдѣ закладывали свои имѣ-
нія помѣщики на 37 лѣтъ, съ тою цѣлію и былъ
учрежденъ, чтобы постепенно выкупать просрочен-
ныя имѣнія, предоставляя выкупъ или самимъ
крестьянамъ или казнѣ, а отнюдь не въ новыя по-
мѣщицьи руки. Но извѣстно также, что впослед-
ствіи Государь, напуганный тѣмъ, что если крестья-
не будутъ освобождены, то это значило снять
уздъ, державшую въ страхѣ крестьянъ, и тогда ни-
что уже не удержитъ отъ политическаго переворота,
сталъ неблагопріятно смотрѣть на освобожденіе, и
губернаторы стали получать словесныя инструкціи
въ смыслѣ, противномъ прежнему, вмѣстѣ съ тѣмъ
измѣнился и взглядъ на образованіе народа. Кро-

мѣ того, военныя поселенія представляли, какъ всѣ думали тогда, наглядный образецъ, чего желало и къ чему стремилось правительство.

Главные основанія освобожденія, принятыя въ комитетѣ, заключались въ выкупѣ государствомъ крестьянъ и съ землею. Финансовая операція не представлялась затруднительною, такъ какъ расходъ на это, какъ ни огроменъ казался, былъ въ дѣйствительности фиктивный. Кромѣ того, съ прекращеніемъ раздачи земли фаворитамъ и пр., государство имѣло огромный капиталъ въ государственной землѣ, представлявшій богатый источникъ для дохода отъ продажи, и средство для вознагражденія малоземельныхъ помѣщиковъ или перевода крестьянъ, что давало возможность сохранять въ этихъ случаяхъ часть земли помѣщику и избавляло отъ тѣсноты населенія. Дѣлаясь собственниками земли и платя за нее государству то, что прежде платили помѣщику, крестьяне были бы вполне удовлетворены, а получаемая отъ нихъ плата давала государству средства уплачивать помѣщикамъ проценты за отошедшій отъ нихъ капиталъ въ землѣ.

Относительно военнаго устройства главные основанія, принятыя въ военномъ комитетѣ, были слѣдующія: военной повинности должны были подлежать одинаково всѣ русскіе граждане. Родъ и степень повинности опредѣлялись не сословіемъ, а качественными условіями, измѣнявшимися отъ степени пользы, которую человѣкъ можетъ приносить въ томъ или другомъ званіи и занятіи. Дворянство сохраняло только историческое значеніе, купечество объявлялось занятіемъ, а не сословіемъ, колонисты обязаны были также нести службу. Отъ предварительнаго служенія въ нижнихъ чинахъ ни-

кто не освобождался, различіе состояло только въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени.

Второе условіе состояло въ томъ, чтобы сблизить по возможности устройство постояннаго войска съ народнымъ, т. е. съ ополченіемъ. Поэтому всякая служба должна была начинаться и оканчиваться въ мѣстныхъ войскахъ. Казачество, представляющее крѣпостное состояніе еще въ худшемъ видѣ, чѣмъ помѣщичьи крестьяне, должно было быть уничтожено тѣмъ болѣе, что оно впало притомъ въ противорѣчіе со своимъ историческимъ происхожденіемъ.

Войска въ мирное время могли быть употребляемы на государственныя работы, а особенно на дорожную повинность, что казалось естественнѣе, нежели отпускать солдатъ въ отпускъ для земледѣльческихъ работъ, а въ то же время отрывать отъ нихъ крестьянина для отработки натуральныхъ повинностей. Распредѣленіе войскъ и вся военная организація должны были соответствовать органическимъ условіямъ и не жертвовать ничѣмъ для одной внѣшней симметріи, для которой создають бесполезныя управленія, штабы и пр.

Мачиха давно уже звала меня въ отпускъ. Ей хотѣлось женить меня и уговорить оставить службу для того, чтобы управлять ея имѣніемъ, но меня удерживала въ Петербургѣ непрерывная политическая дѣятельность, бывшая тогда въ полномъ разгарѣ. Можно сказать, что все, что могло способствовать успѣху переворота, было сдѣлано именно въ этотъ 1825-й годъ, какъ по приему огромнаго числа членовъ въ тайное общество, такъ и по болѣе практическому изслѣдованію тѣхъ вопросовъ, рѣ-

пеніе которыхъ въ случаѣ переворота являлось безотлагательно необходимымъ. Между тѣмъ не менѣе представлялося необходимымъ провѣрить на мѣстахъ, до какой степени можно ожидать сочувствія перевороту и извѣдать мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ вообще и о лучшихъ средствахъ для разрѣшенія этого трудного вопроса, безъ нарушенія справедливости къ помѣщикамъ и съ условіемъ, чтобы освобожденіе крестьянъ было не мнимое, а дѣйствительное, допускающее положительную возможность улучшения ихъ быта и существеннаго огражденія ихъ правъ измѣненіемъ самаго характера власти, а не однимъ только ея перемѣщеніемъ, какъ часто случается при нововведеніяхъ. Обо всемъ этомъ, разумѣется, нельзя было составить вполне правильно заключенія въ Петербургѣ, гдѣ дѣятельность членовъ отвлекалась притомъ приготовленіемъ къ возстанію гвардейскихъ полковъ, — что считалось самымъ важнымъ дѣломъ для переворота. Но какъ число членовъ значительно уже умножилось, и приготовленіе полковъ шло, повидимому, успѣшно, то я и предложилъ воспользоваться наступающимъ временемъ отпусковъ, чтобы, не возбуждая подозрѣнія, разослать комиссаровъ во всѣ губерніи съ двойною цѣлью — и изслѣдованія общаго положенія и распространенія либеральныхъ идей. Въ общемъ собраніи предложеніе это было найдено очень обстоятельнымъ, но къ сожалѣнію директоры, особенно Рылѣвъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы удалить изъ Петербурга «оппозиціонныхъ членовъ», особенно въ виду предстоявшаго выбора новаго директора на мѣсто Никиты Муравьева, уѣзжавшаго въ деревню «по болѣзни», чувствуя приближеніе новаго кризиса. Рылѣвъ тѣмъ болѣе опасался этого выбора, что дѣло

шло не о томъ только, чтобы выбрать меня третьимъ директоромъ, но, можетъ быть, выбрать поголовно всѣхъ трехъ новыхъ, какъ хотѣли того требовать нѣкоторые новые члены, вообще недовольные веденіемъ дѣла директорами, такъ какъ все, что шло успѣшно, дѣлалось помимо директоровъ и преимущественно новыми членами. Но какъ ни разумна была посылка членовъ по губерніямъ, ясно было, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало удалять изъ Петербурга тѣхъ членовъ, которые, какъ руководители частей войскъ, были, конечно, еще полезнѣе и необходимѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ губерніяхъ, какъ бы ни были они признаваемы полезными для исполненія и послѣдняго порученія. Поэтому всѣ очень ясно видѣли, что всѣ льстивыя выраженія, которыми сопровождалось мое назначеніе въ командировку въ Приволжскія губерніи, служили только прикрытіемъ совсѣмъ другихъ цѣлей, и многія уговаривали меня не принимать порученія, а остаться въ Петербургѣ. Но я не хотѣлъ показать примѣръ неповиновенія, что могло имѣть вредныя послѣдствія въ другихъ отношеніяхъ, хотя я и оставилъ Петербургъ съ грустію, видя, какъ интрига начала и въ обществѣ ставить личныя цѣли выше общей пользы.*)

Съ другой стороны литературные дѣятели захотѣли воспользоваться предстоящими отпусками офицеровъ для распространенія въ рукописи комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума,» не надѣясь никакимъ образомъ на дозволеніе напечатать ее. Нѣсколько дней сряду собирались у Одоевскаго, у ко-

*) Желаніе изслѣдовать вопросъ на мѣстахъ было также одною изъ причинъ, почему я согласился принять командировку отъ общества въ восточныя губерніи.

того жилъ Грибоѣдовъ, чтобъ въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку. Впрочемъ, о политическомъ значеніи ея судили разное, потому что и либеральная партія и противная ей одинаково черпали въ ней аргументы, одни для осмѣянія старыхъ порядковъ, другіе, чтобы выказать всю пустоту стремленій, бесплодной критики и насмѣшекъ людей, которые безсильны создать лучшее или устремляютъ свое дѣйствіе противъ вещей нравственно безразличныхъ, и тѣмъ сами компрометируютъ патриотизмъ, нравственность и пр., заставляя ихъ гнаться за странными цѣлями и выставляя чрезъ то въ смѣшномъ видѣ ихъ стремленія. Какъ-бы то ни было, только на мою долю досталось первому привезти эту комедію въ Москву и въ Казань. Но страннѣе вышло еще то обстоятельство, что эта комедія была въ первый разъ прочитана мною въ Москвѣ, въ домѣ и именно у сыновей той самой Марьи Алексѣевны, грознымъ призракомъ которой и кончается комедія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ слѣдственномъ комитетѣ, учрежденномъ по случаю событія 14-го декабря 1825 г., почти всѣмъ лицамъ, соприкосновеннымъ къ этому событію, предлагался (хотя болѣе или менѣе въ различныхъ видахъ или выраженіяхъ, но въ сущности однообразный) вопросъ: «Въ какой книгѣ или изъ какихъ сочиненій почерпнуты были революціонныя идеи?»

Мы давно уже стали на историческую точку зрѣнія въ сужденіяхъ и о самихъ себѣ и о собственныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, не принимая даже тѣхъ оправданій, которыми искали возвеличить насъ, не извлекая ихъ изъ послѣдующихъ событій и не пользуясь виною противниковъ для оправданія себя, а поэтому и можемъ говорить обо всемъ съ полною откровенностью, искренностью и безпристрастіемъ. Мы вполне ознакомились съ необходимыми взглядами и неизбѣжными ошибками всѣхъ партій, но всегда стояли выше ихъ, не ставя никогда партіи выше отечества и ничего выше справедливости, и потому глубоко убѣждены, что наше изложеніе будетъ вполне правдивое, — одно, изъ котораго всѣ партіи могутъ извлечь дѣйствительно справедливое разъясненіе началъ и событій и полезное наставленіе.

Вотъ почему на предложенный выше вопросъ мы съ полнымъ убѣжденіемъ и по совѣсти, на основаніи всестороннихъ изслѣдованій, можемъ положительно отвѣчать, что какъ побужденіе къ преобразованію государства, такъ и допущеніе тѣхъ или другихъ средствъ для достиженія цѣли, истекали вполнѣ изъ даннаго положенія государства и общества, изъ даннаго самимъ государствомъ воспитанія и изъ собственныхъ историческихъ примѣровъ, — подражаніе же внѣшнимъ примѣрамъ и образцамъ было только уже послѣдующимъ и второстепеннымъ явленіемъ. Все это имѣло не болѣе значенія, какъ обычный приѣмъ и во всякомъ дѣлѣ, когда, пріискивая своеобразныя средства для удовлетворенія и достиженія извѣстныхъ желаній и цѣлей, стараются въ то же время узнать, какъ поступаютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ другихъ мѣстахъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что трудно извлекать изъ подражанія обвиненіе тамъ, гдѣ очевидно всѣ правительственныя дѣйствія, особенно начиная съ Петра I-го, грѣшили избыткомъ подражанія. Гдѣ принято, введено или положено такое начало, тамъ невозможно связать совѣсть другихъ и воспрепятствовать, чтобы не извлекли изъ него логическихъ послѣдствій, тамъ невозможно отречься отъ нихъ и отрицать у другихъ право на то, что дѣлаютъ всегда сами.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ стремленіяхъ къ преобразованію государственнаго и общественнаго устройства для улучшенія своего быта и возвышенія народнаго достоинства, — стремленіяхъ, присущихъ всякому обществу, сохраняющему еще жизненную силу, и возбужденныхъ въ Россіи до такой степени реформою Петра I-го, — самый сильный толчокъ въ послѣднее время дала война 1812-го и по-

слѣдующихъ годовъ. Она пробудила и высоко подняла сознание народнаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны допущенное по необходимости и неизбежное свободное обсужденіе обстоятельствъ, которыя привели и сопровождали эту войну, раскрыло цѣлый рядъ ошибочныхъ дѣйствій правительства, отъ гибельныхъ послѣдствій которыхъ, по тогдашнимъ сужденіямъ и убѣжденіямъ, Россія избавилась только самостоятельнымъ дѣйствіемъ и доблестью народа, независимо отъ правительства и даже какъ-бы вопреки ему. Вотъ почему въ довѣренныхъ разговорахъ и сужденіяхъ тогдашняго общества, люди, нисколько не враждебные правительству, нисколько даже не знакомые съ результатами иностраннаго мышленія и примѣровъ, — мало того, даже возстававшіе противъ подражанія чужому и обвинявшіе напротивъ въ томъ само правительство, приходили однако почти всегда къ слѣдующимъ выводамъ: 1-ое, что хотя Россія и избавилась отъ опасности, въ которую вовлекли ее ошибки правительства, но это сопряжено было съ такими пожертвованіями и съ такою задержкою внутренняго развитія, что необходимо пріискать ручательство противъ возобновленія чего-либо подобнаго въ будущемъ. 2-е, что русскій народъ доказалъ, что онъ способенъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, и, слѣдовательно, и къ самоуправленію, причемъ указывали на устройство ополченій и пожертвованій, на истребленіе своей собственности, на партизанскія и другія чисто народныя дѣйствія, гдѣ народъ дѣльно распоряжался безъ вѣдома и помимо распоряженій и указаній правительства. 3-е, что дружное дѣйствіе и безкорыстное содѣйствіе одного другому всѣхъ сословій, даже и при существованіи крѣпостнаго положенія, показало,

что въ дѣлахъ дѣйствительной государственной потребности и пользы, лишь-бы она была ясно представляема и сознаваема, нечего опасаться антагонизма сословій, и слѣдовательно не существуетъ и главнаго препятствія для устройства самоуправленія, — наконецъ 4-е (и это будетъ имѣть важное вліяніе на послѣдующія идеи и объяснить ихъ), — что Россія изъ всѣхъ государствъ — страна наименѣе аристократическая, что аристократія не имѣетъ въ ней самобытной силы, ни историческихъ правъ, и потому раздѣленіе сословій и крѣпостное право въ ней — дѣло чисто искусственное и не можетъ препятствовать установленію равноправности.

Съ другой стороны, если уже внѣшняя политика правительства возбуждала такое неудовольствіе, заставлявшее признавать необходимость гарантіи противъ его ошибокъ, то это неудовольствіе еще болѣе усиливалось образомъ дѣйствія правительства по внутреннимъ дѣламъ. Послѣ того, какъ неудачная попытка Сперанскаго устроить государство чисто по отвлеченнымъ идеямъ оказалась несостоятельною, и правительство, принявшееся было съ такимъ жаромъ за переустройство, ослабло, видимо, въ своей дѣятельности внутреннихъ преобразованій, улучшеній и ограниченія злоупотребленій, эти послѣднія возрасли до невѣроятной степени и въ свою очередь побуждали также пріискивать средства для врачеванія и этого зла.

А что, впрочемъ, какъ недовольство, такъ и порицаніе правительственныхъ дѣйствій по внѣшней и внутренней политикѣ, выходило — повторяемъ это — не изъ подражанія и вліянія чуждыхъ идей, а было дѣломъ самостоятельнаго взгляда чисторусскихъ людей на русскую жизнь, лучшимъ доказательствомъ тому служить чрезвычайное распро-

страненіе въ то время въ публикѣ такихъ рукописныхъ сочиненій, какъ напр. «Трумфъ» и «Русскій Жилблазъ». Первое съ увѣренностью приписывалось Крылову, а если иные и называли другое имя, то и это имя было имя всетаки чисто-русскаго человека (Державина), о сочинителѣ же второго хотя тогда и спорили, но и тутъ всѣ имена, которыя называли, были также имена чисто-русскихъ людей (между прочимъ опять также и Крылова), или незнакомыхъ ни съ чѣмъ иностраннымъ, или не любившихъ его.

Что касается до «Трумфа», то конечно ни одинъ революціонеръ не придумывалъ никогда злѣе и язвительнѣе сатиры на правительство. Все и всѣ были безпощадно осмѣяны, начиная отъ главы государства до государственныхъ учреждений и негласныхъ совѣтниковъ (Крюднеръ). Можно судить по слѣдующему:

«Премудрый твой отецъ, Вакула свѣтлый царь
Въ сенатѣ сидючи, спускалъ тогда кубарь;
Когда о близкой толь бѣдѣ ему сказали,
Всѣ мѣры приняты.....

По лавкамъ тотъ же часъ за тактикой послали.» ...

Государственный совѣтъ, отъ котораго требовалось мнѣніе, какъ поступить въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, представленъ состоящимъ изъ людей, ни къ чему неспособныхъ. Когда царь лично спрашиваетъ мнѣніе каждаго, то получаетъ слѣдующее объясненіе, почему никто не отвѣчаетъ: «Онъ глухъ, о государь.» — «Онъ нѣмъ, онъ ничего не слышитъ, отъ старости едва онъ дышитъ». А потомъ, когда царь «заказалъ», «чтобы думать» — «ни гу-гу», онъ спрашиваетъ:

Ну что-жъ придумалъ тутъ премудрый мой совѣтъ?

и въ отвѣтъ получаетъ :

«Штофъ роспилъ вейновой, развѣлъ салакушъ банку,
А присовѣтоваль во всемъ спросить цыганку.»

(Намекъ на казенный завтракъ въ государственномъ совѣтѣ и на вліяніе, приписываемое г-жѣ Крюднеръ).

Приведемъ еще нѣкоторыя мѣста.

Царь жалуется, что его постигло величайшее несчастье. Всѣ стараются отгадать, какого рода это несчастье. Одинъ спрашиваетъ: «Не голодь-ли постигъ государство?» — На это царь отвѣчаетъ:

«Я развѣ даромъ царь? Слышь, лежа на печи,
«Я и въ голодный годъ ѣсть буду калачи.»

— «Такъ не война-ль грозить?» спрашиваетъ другой.

Вакула отвѣчаетъ:

«На это есть солдаты.

«Пускай себѣ дерутся изъ за платы.»

Когда всѣ догадки были истощены, Вакула объявляетъ, что страшное бѣдствіе состоитъ въ томъ, что —

«Проклятый пажъ сломаль, слышь, мой кубарь,
«Которымъ я вседневно забавлялся.».....

Не менѣе рѣзко осмѣяна солдатчина въ объясненіяхъ Трумфа:

«Я сдѣлалъ, что на насъ никто не смѣлъ глядить*)
И въ спальню нашъ никто не смѣлъ кодить,
Ни сама министеръ, ни сама кенерала,
Одна фельдфебель мой, ундѣ два иль три капрала.»**)

*) Намекъ на то, что гвардейскіе офицеры заглядывали подъ шляпку государыни.

***) Намекъ на то, что будто бы высшія лица принимали въ спальнѣ жены, лежа на постели, рапорты отъ полковъ, въ которыхъ были шефами.

«Симфонья на обѣдъ намъ будетъ съ барабана»...

«Я будить балъ давалъ

И будить билъ того, кто не былъ танцовалъ.

Мой Саръ любить и самъ скакать, плясать, рѣзвиться,

И палкой на дворца сгоняетъ веселиться.»*)

Вотъ какимъ образомъ осмѣивалось финансовое разстройство государства: получая приказаніе о снабженіи войска, дурдуранъ (гофмаршалъ) говорить:

«Да денегъ у насъ нѣтъ.»

Вакула:

«Скажи, что именинникъ,

Авось съ подарками перепадетъ съ полтинникъ.»

Кто помнитъ состояніе и настроеніе тогдашняго общества, конечно, не станетъ отрицать, что около 1812 г. судили чрезвычайно смѣло и открыто, какъ о недостаткахъ правительства, такъ и о средствахъ помочь тому. Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни сильно и настойчиво кружили въ головахъ подобныя мысли, онѣ всетаки не могли найти ни необходимаго сосредоточія, ни правильнаго исхода въ ясно созданную форму, какъ по недостатку серьезнаго, истинно научнаго образованія, такъ и по отсутствію средствъ къ правильному совѣщанію въ какомъ-нибудь законно признанномъ общемъ собраніи, хотя въ родѣ комиссіи составленія законовъ, бывшей при Екатеринѣ II-й. Объ этой комиссіи хотя и толковали, но надеждамъ на составленіе ея не суждено было сбыться. Мудрено-ли поэтому, что, поддаваясь тѣмъ вліяніямъ, которыми было тогда наполнено об-

*) Указаніе на обычай собирать на балъ не по приглашенію, а по полковому наряду.

щество, и которыя поддерживались и господствовали въ разныхъ и даже въ правительственныхъ сферахъ, какъ напр. масонство, іезуитство, мистицизмъ, и пр. — всѣ партіи вмѣсто трезваго изслѣдованія и положительныхъ соображеній, основанныхъ на изученіи живыхъ силъ общества и законовъ его, и на соглашеніи между представителями всѣхъ мнѣній и интересовъ, давали волю одному только воображенію безъ всякой опоры въ дѣйствительности. Поэтому, въ то время, какъ одни мечтали о слишкомъ утопическихъ средствахъ государственнаго устройства, даже въ родѣ фенелоновыхъ порядковъ, всеобщаго братства, или церковной дисциплины на манеръ католицизма де-Местра, другіе видѣли все спасеніе въ замысловатомъ устройствѣ администраціи, мечтавъ тѣмъ сильнѣе о построеніяхъ на основаніи отвлеченныхъ идей и тѣмъ менѣе задумываясь надъ всеобщею ломкою, нисколько не уступающею революціоннымъ преобразованіямъ, что возможность подобныхъ примѣровъ и такихъ опытовъ надъ народомъ видѣли не только въ отдаленномъ примѣрѣ Петра I-го, но и въ ближайшихъ попыткахъ, олицетворенныхъ въ имени Сперанскаго, какъ понимали тогда его дѣйствія, на которыя и ссылались въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ. Иные, наконецъ, думая, что опираются на какую-нибудь дѣйствительность, откидывались назадъ въ старину, но какъ по недостатку изученія и правильнаго взгляда и самая старина не была имъ извѣстна въ ея сущности, а только въ нѣкоторыхъ плохо понятыхъ формахъ, то хватались за нихъ, надѣясь въ нихъ отыскать удовлетвореніе сознанный и настоятельной потребности преобразованія, никѣмъ уже не оспариваемой. Были даже люди изъ числа послѣднихъ, которые тѣмъ болѣе увле-

кались стариннымъ бытомъ, что только, идя этимъ путемъ чествованія и возстановленія старины, надѣялись найти дѣйствительныя средства къ уничтоженію причины и раскола, который многіе выводили изъ противодѣйствія живой силы народа, оскорбленной несвойственнымъ нововведеніемъ, бездушными формами, не имѣвшими корня въ народной жизни и наложенными единственно на основаніи отвлеченныхъ идей и соображеній, хотя, по правдѣ сказать, и тутъ выказался недостатокъ историческаго изученія и правильнаго понятія о дѣйствительной причинѣ раскола, предшествовавшаго реформѣ Петра. Причина эта безспорно заключалась преимущественно въ византизмъ (т. е. въ привязанности къ буквѣ и формѣ, но безъ смысла, ими выражаемаго, и безъ духа, который ихъ произвелъ вслѣдствіе принятія Россією христіанства отъ Византіи въ то время, когда въ этой послѣдней изсякъ уже живой духъ вѣры).

Вотъ почему изъ подобныхъ приверженцевъ старины одни говорили напр. о возстановленіи древне-церковнаго устройства со введеніемъ мірянъ въ участіе въ дѣлахъ церкви и слитіи церкви и государства, — другіе мечтали напротивъ о возстановленіи вѣча, находя подобіе его сохранившимся отчасти въ мірскихъ сходкахъ и потому знакомой народу формѣ, а на Дону въ тайныхъ обществахъ, оставшихся однако же неизвѣстными правительству*), мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности, посредствомъ возстановленія войсковыхъ круговъ. Однимъ словомъ, такъ или иначе, но только всѣ, хотя и на разные лады, искали осуществить преобразование государства, призна-

*) Показаніе Корниловича.

вая уже одинаково безусловную необходимость изменить неудовлетворяющее уже болѣе никого настоящее. Можно даже утверждать безошибочно, что именно-то приверженцы старины и отличались сильнѣйшими нападками на правительство.

Теперь, чтобы понять, почему несмотря на частныя противорѣчія и уклоненія, однако-же въ общемъ движеніи общественнаго мнѣнія въ Россіи, приверженцы новыхъ формъ одержали окончательно верхъ надъ партизанами старины, надобно обратиться къ тѣмъ событіямъ, которыя имѣли на это рѣшительное вліяніе.

Нельзя скрывать, что въ обществѣ, растревоженномъ попытками Сперанскаго, приверженцы старины имѣли сначала тѣмъ болѣе перевѣсъ, что почерпали сверхъ того главную свою силу изъ общаго негодованія на правительство за его внѣшнюю политику, и изъ народнаго чувства, оскорбленнаго униженіемъ передъ Наполеономъ. Но чувство это было вполне удовлетворено славнымъ исходомъ войны 1812 г. и, потерявъ раздражающее и подстрекающее свойство, лишило приверженцовъ старины главной поддержки. Между тѣмъ войска наши прошли до Парижа, и не только образованное офицерство, но и простые солдаты не могли уже избѣгнуть вліянія тѣхъ новыхъ условій, въ которыхъ находились они въ теченіе войны 1813, 1814 и 1815 годовъ, равно какъ и во время долгаго (до 1817 г.) пребыванія нашего войска во Франціи. Надо также припомнить, что происходило тогда во всей Европѣ. Вѣдъ сами правительства возбуждали тогда народы къ свободѣ и, какъ средства къ достиженію цѣли, допускали и поощряли даже тайныя общества, и заговоры, и насильственные средства. Вездѣ давались общанія лучшаго устройства и допускалось обсужденіе

и прискиваніе наиболѣе соотвѣтственныхъ для того формъ. Сверхъ того, и торжество Англій и ея парламентскаго правленія надъ единоличною властію геніальнѣйшаго и могущественнѣйшаго человѣка, выказавшее слабость абсолютизма для блага народа даже и при управленіи генія и признаніе необходимости конституціонной формы правленія даже для побѣжденной Франціи, какъ единственнаго средства замирить націю удовлетвореніемъ законныхъ ея стремленій и примирить ее съ династією, — все это не могло не усиливать убѣжденія въ этой формѣ правленія. Наконецъ всѣ пренія и сужденія по этому поводу, происходившія въ осязательномъ такъ сказать видѣ и живыхъ приложеніяхъ передъ глазами русскихъ, посѣщавшихъ и палаты въ Парижѣ и отчасти даже и парламентъ въ Лондонѣ, — ознакомили наше военное сословіе (заключавшее въ себѣ почти все дворянство) близко и практически съ тѣмъ, что прежде, если и было кому извѣстно, то развѣ изъ книгъ и въ отвлеченной формѣ.

Все это повліяло и на отношеніе начальниковъ къ нижнимъ чинамъ, и тѣмъ болѣе, что и сами солдаты не только ознакомились между тѣмъ съ новыми условіями, но и сами вступили уже отчасти въ нихъ. Напр. тѣлесное наказаніе было фактически уничтожено въ корпусѣ, стоявшемъ во Франціи. Значеніе воина, кромѣ сознанія блестящаго подвига, совершеннаго русскими войсками, тѣмъ болѣе возвысилось въ собственномъ понятіи солдата, что уже самое формированіе ополченія и множество охотниковъ въ отечественную войну совершенно измѣнили прежнее понятіе, что въ солдаты сдаютъ только худшихъ и за наказаніе. Въ солдатѣ признаны были достоинства и требованія человѣка; обращеніе съ ними начальниковъ перемѣнилось ра-

дикально, новыя отношенія начальниковъ къ нижнимъ чинамъ, — честность, справедливость, заботливость, гуманность, даже учтивость въ отношеніи къ нимъ появились на практикѣ и, сдѣлавшись общими въ корпусѣ Воронцова*), оставшагося во Франціи долгое время, достигли своего идеала въ старомъ Семеновскомъ полку. Вотъ почему и слѣдуетъ замѣтить, что въ сужденіяхъ о 14-мъ декабря, для объясненія вліянія членовъ тайнаго общества на войско, всѣ упускаютъ совершенно изъ виду, что люди, дѣйствовавшіе на солдатъ, стояли вполнѣ на практической почвѣ, знакомой уже солдатамъ, не какъ мечта, а какъ дѣло очень возможное, и уже проявившееся было отчасти въ дѣйствительности, и что изъ всѣхъ сословіи въ тогдашнее время именно военному были и наиболѣе понятны новыя идеи, и наиболѣе сочувственны послѣдствія замышляемаго преобразованія государственнаго устройства. Истину говорю, что даже послѣ 14-го декабря солдаты тѣхъ полковъ или отрядовъ, гдѣ не было членовъ общества, и не было, слѣдовательно, имъ объяснено цѣли переворота, вступали охотно съ нами въ разговоры, когда находились въ караулѣ въ корридорахъ крѣпости, во время содержанія нашего тамъ, и, разсуждая о двойной присягѣ Константину и Николаю, постоянно говорили намъ одно и то же: «Намъ все равно было, что тотъ, что другой. Вотъ если бы, господа, вы намъ тогда сказали, что будетъ сбавка службы, да не будутъ загонять въ гробъ палками, да по отставкѣ не будешь

*) Корпусъ этотъ, какъ зараженный будто бы либерализмомъ, былъ въ цѣломъ составѣ посланъ на Кавказъ, гдѣ почти весь истребленъ въ непрерывной войнѣ и отъ болѣзней. Дивизионные генералы: Грековъ и Лисаненчъ убиты фанатикомъ горцемъ.

ходить съ сумой, да дѣтей не будутъ безповоротно брать въ солдаты, ну за это бы и мы пошли.»

Но однако и этого еще не довольно для объясненія силы либеральнаго движенія въ ту эпоху въ Россіи. Неоспоримо, что вначалѣ усиленію убѣжденій и движенія въ либеральномъ смыслѣ много способствовало и само правительство. Казалось, что оно и само раздѣляло общее настроеніе и стремленіе. По крайней мѣрѣ неизбѣжно и естественно было выводить подобныя заключенія, какъ изъ поддержки, оказываемой конституціонному правленію во Франціи, такъ и изъ дарованія конституціи Польшѣ, и, наконецъ, и болѣе всего, изъ прямыхъ заявленій и собственныхъ выраженій самого государя, открывшихъ его мнѣніе на этотъ счетъ. Всѣ твердили извѣстную фразу: „*L'autocrate, qui fait le bonheur de ses sujets, n'est qu'un heureux hasard*“, и дѣлали комментаріи, какъ на нее, такъ и на рѣчь при открытіи перваго сейма въ царствѣ Польскомъ, въ которой говорилось, что подобныя конституціонныя учрежденія, приготовляются и для Россіи.

Въ доказательство, что таковы были прежде мнѣнія самого государя, здѣсь кстати привести показаніе вдовы фельдмаршала и министра двора, первой штатсъ-дамы и кавалера Екатеринскаго ордена, свѣтлѣйшей княгини Софьи Григорьевны Волконской, показаніе, лично мнѣ сдѣланное въ то время, когда она гостила у насъ въ Читѣ. Софья Григорьевна была другъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, поэтому по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра Павловича въ Таганрогѣ, императрица Марія Ѳеодоровна просила Софью Григорьевну съѣздить въ Таганрогъ и поддержать Елисавету Алексѣевну. Отправляя ее, она поручила ей передать Елизаветѣ Алексѣевнѣ, какъ, по ея мнѣ-

нію, было тяжело для умирающаго императора узнать, что въ Россіи нашлись люди, которые рѣшились дѣйствовать противъ него. Когда Софья Григорьевна исполнила порученіе, то Елизавета Алексѣевна съ необычною живостью сказала въ отвѣтъ: «Матушка совершенно ошибается. Его на-противъ мучило болѣе всего то, что онъ вынужденъ будетъ наказывать тѣхъ людей*), мысли и стремленія которыхъ онъ вполнѣ раздѣлялъ въ своей молодости.»

Мудрено-ли же послѣ этого, что всѣми подобными словами и дѣйствіями самого правителя государства и притомъ государя даже самодержавнаго, — распространялось и поддерживалось убѣжденіе, что только въ извѣстныхъ конституціонныхъ формахъ, что только въ подобномъ государственномъ устройствѣ заключается достаточная гарантія противъ злоупотребленій власти и ручательство за благотворное дѣйствіе ея какъ для внутренняго развитія государства, такъ и для охраненія его достоинства и народной пользы раціональнымъ направленіемъ его внѣшней политики. Въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ говоримъ, для всѣхъ ясно было, что стремленіе къ конституціи дѣлалось вдвойнѣ законнымъ и по признанію превосходства этой формы самимъ правительствомъ, и потому, что вѣдь нельзя же было отказывать Россіи въ томъ, что было даровано Польшѣ. Вотъ почему люди, стремившіеся къ конституціи и считали за собою неотъемлемое право, котораго уже никакое послѣдующее измѣнчивое дѣйствіе правительства не могло нравственно-законно ни уничтожить,

*) Въ это время уже были получены доносы Шервуда, Майбороды, Бошняка и графа Витта.

ни измѣнить по своимъ прихоти и произволу. Поэтому они имѣли полное право особенно вначалѣ думать, что они вовсе не идутъ противъ правительства, и это доказывалось не только постоянными сужденіями въ этомъ смыслѣ, но и положительными дѣйствіями, а именно тѣмъ, что изъ первыхъ попытокъ организовать общество для достиженія преобразования вовсе и не думали дѣлать тайнъ отъ правительства. Совершенно напротивъ, даже вполне рассчитывали при этомъ на его одобреніе, хотя бы неявное, и содѣйствіе, хотя бы негласное, въ уваженіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ и препятствій, которыя иногда встрѣчаетъ само правительство при рѣшительныхъ преобразованіяхъ, будучи большею частію связано со старинными партіями, наполняющими государственныя должности, вслѣдствіе чего для него бываетъ нерѣдко выгоднѣе предоставить новымъ идеямъ одержать верхъ борьбою частныхъ партій, оставаясь самому въ сторонѣ въ качествѣ безпристрастнаго судьи, нежели принимать непосредственное участіе въ борьбѣ, что оно не всегда считаетъ даже согласнымъ съ своимъ достоинствомъ. При этомъ ссылались на извѣстное участіе императора въ масонствѣ, на примѣръ другихъ государей, и даже Петра I-го и пр.

Но какъ ни благопріятны, повидимому, казались подобныя отношенія къ власти и для людей, стремившихся къ преобразованію, и для государя — нельзя скрывать, что въ характерѣ самыхъ обстоятельствъ, которыя породили ихъ, и таился зародышъ неблагопріятныхъ послѣдствій, съ одной стороны повредившихъ разумному ходу преобразования, а съ другой разъединившихъ преобразователей съ государемъ и приведшихъ ихъ къ враждебному положенію и дѣйствію противъ него.

Неоспоримо, что и въ томъ, и въ другомъ виновато было само правительство болѣе, нежели люди, стремившіеся къ преобразованію. Оно само во всѣхъ перемѣнахъ приучало къ излишнему довѣрію силъ отвлеченныхъ формъ, а превознесеніемъ и чествованіемъ конституціонныхъ формъ поддерживало обычную ошибку смѣшенія сущности свободы съ одною только изъ извѣстныхъ формъ ея историческаго проявленія, съ другой же стороны дарованіемъ конституціи, почитаемой за непримиримаго врага Россіи, побѣжденной и завоеванной Польшѣ, прежде, нежели она была дана побѣдительницѣ ея, самой Россіи, — правительство неизбѣжно положило первый зародышъ сомнѣнія въ искренности его и недоовѣрія къ нему, которыя постепенно все болѣе и болѣе усиливались по мѣрѣ того, какъ начали носиться слухи о еще большихъ выгодахъ, обѣщанныхъ Польшѣ, и въ то же время замѣчали совершенное отсутствіе въ Россіи всякихъ подготовительныхъ мѣръ, которыя служили бы по крайней мѣрѣ ручательствомъ за намѣреніе правительства въ будущемъ. Особенно озадачили всѣхъ колебаніе въ крестьянскомъ вопросѣ и учрежденіе военныхъ поселеній. Стали припоминать о слухахъ, носившихся при началѣ царствованія о положительныхъ обѣщаніяхъ, будто-бы данныхъ при восшествіи на престолъ, но неисполненныхъ и повлекшихъ будто-бы не обнаруженный однако-же заговоръ*) въ гвардіи для понужденія къ исполненію. Даже цѣль самого дарованія конституціи Польшѣ подверглась сомнѣнію, и ее стали толковать, какъ дѣло одного только тщеславія или тонкаго расчета для приобрѣтенія

*) О дѣйствительномъ существованіи этого заговора подробныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ Владиміръ Львовичъ Толстой.

популярности и вліянія въ Европѣ мнимымъ либерализмомъ, чтобы потомъ обратить однако-же все въ пользу абсолютизма же. Говорили, что при такомъ расчетѣ самое дарованіе конституціи Польшѣ тѣмъ легче могло входить въ общій планъ, и тѣмъ безопаснѣе было допустить это, что, какъ очевидно было, пока абсолютизмъ существовалъ въ такой державѣ, какъ Россія, всѣ права въ Польшѣ были только мнимыми, какъ неимѣющія никакой существенной гарантіи.

Къ несчастію, само правительство многими дальнѣйшими своими дѣйствіями какъ бы поспѣшило подтвердить всѣ подобныя подозрѣнія, такъ что дѣйствительно вскорѣ то, что было въ предположеніи и притомъ у нѣкоторыхъ только, стало представляться явнымъ и несомнѣннымъ и для всѣхъ и начало возбуждать не только уже недовѣріе къ правительству, но и раздраженіе противъ него. Особенно же волновало и оскорбляло общественное мнѣніе, сдѣлавшееся извѣстнымъ, намѣреніе правительства присоединить Литву къ Польшѣ и все, что сопровождало учрежденіе военныхъ поселеній. Не думаемъ, чтобы и теперь еще, послѣ всего того, что раскрыла уже современная исторія, послѣ сознанія всѣхъ горькихъ ошибокъ тогдашняго правительства, есть какая-нибудь надобность подробно объяснять и доказывать, почему нравственное строеніе общества должно было неминуемо дѣлаться все хуже и хуже. — Теперь, когда и само правительство отреклось отъ антинаціональной политики и отъ уступокъ Польшѣ, когда военныя поселенія уничтожены, и всѣ реформы, указанныя тайными обществами, вводятся въ жизнь одна за другою самимъ правительствомъ, — теперь нельзя перенести себя въ положеніе тѣхъ людей, которые

ко всему этому стремились искренно, а видѣли въ то же время полную безнадежность достигнуть этого чрезъ тогдашнее правительство, которое не только остановилось въ прогрессивномъ своемъ движеніи, но еще силилось рѣшительно обратить народъ вспять.

Но если и нельзя вполне перенести себя, какъ сказали мы, въ положеніе людей, которые обязаны были дѣйствовать въ тогдашнее время, то думаемъ, что всетаки всякій справедливый, не равнодушный къ благу отчизны, человѣкъ легко пойметъ, до какой степени либеральное и патріотическое чувство должно было оскорбляться тѣмъ, что называли прямо измѣною народу въ пользу поляковъ и чѣмцевъ. Оно должно было оскорбляться униженіемъ народнаго достоинства, такъ какъ внѣшняя политика была сдѣлана слѣпымъ орудіемъ чуждыхъ намъ цѣлей и особенно подавленія свободы народовъ съ явнымъ извращеніемъ провозглашенной торжественно христіанской цѣли священнаго союза. Всѣ говорили о противорѣчіяхъ, въ которыхъ запуталось правительство въ дѣлѣ грековъ, когда, дозволивъ было вначалѣ даже выставить кружки при церквахъ для сбора подаяній въ помощь имъ, оно оставило, однако, по вліянію, какъ говорили, Меттерниха, безъ поддержки этихъ самыхъ грековъ, къ которымъ обращалось тогда сочувствіе Россіи за одно со всѣмъ, что только было либеральнаго въ Европѣ. Наконецъ, какая безнадежность для внутренняго развитія являлась въ будущемъ, когда видѣли его воплощаемымъ въ Аракчеевщинѣ и военныхъ поселеніяхъ, въ Магницкомъ и Руничѣ. Честью свидѣтельствуемъ, что самыя порицанія выходили сначала вовсе не отъ революціонеровъ. Всѣ уже, даже самыя преданные государю люди, возмущались и не

тали своего негодованія, видя униженіе и рабѣство передъ временщикомъ, доходившее до крайности, и слыша, какъ важныя даже лица не только пресмыкались передъ самимъ Аракчеевымъ, но и лстили грубой его наложницѣ. Сами духовные въ лицѣ Фотія (архимандрита Новгородскаго-Юрьевскаго монастыря) унижали значеніе религіи своими отношеніями къ Аракчееву. И если молодые люди выражали свое негодованіе относительно Аракчеева косвенными намеками, напр. переводомъ оды о Сеяніи,**) то люди самые приверженные къ государю еще болѣе раздражались и открыто толковали (какъ я былъ постоянно тому свидѣтелемъ относительно Ларіона Васильевича Васильчикова) о необходимости положить тому конецъ такъ или иначе. Въ изъявленіи своего негодованія они увлекались даже до того (чему я также былъ свидѣтелемъ), что, забывъ свойственную своему сану важность, пускались въ передразниваніе и представленіе домашнихъ сценъ Аракчеева. Можно себѣ представить, какъ это дѣйствовало на молодыхъ людей.

Къ этому надобно добавить, что вмѣстѣ съ потерей политическаго довѣрія къ правительству, терялось и прежнее расположеніе и уваженіе къ личности Государя, но и въ этомъ виноваты были, одна-коже, отнюдь не революціонеры, а люди, ближайшіе къ нему.

Не знаю, изъ какого источника истекали ихъ дѣйствія, — изъ притупленія ли чувства — дѣла

*) Подтвержденіе этого явилось въ недавно изданномъ «Новгородскомъ Сборникѣ», гдѣ напечатаны письма нѣкоторыхъ лицъ къ Аракчееву.

**) Надменный временщикъ, и подлый, и коварный
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Губитель дерзостный родной страны своей и пр.

обычнаго при близкомъ обращеніи, — или изъ тщеславнаго желанія выказать, что они тутъ люди «свои», и что для нихъ нѣтъ тайны, только то неоспоримо, что всѣ рассказы и скандальные анекдоты, подкопавшіе окончательно прежнюю популярность Александра I-го, выходили отъ лицъ, нисколько не принадлежавшихъ къ разряду тѣхъ, которыхъ называли либералами, а между тѣмъ эти «свои», эти мнимые преданные не могутъ себѣ и представить, до какой степени воспламеняли они этими рассказами именно самые чистые и искренніе молодые умы и сердца, до какой степени возбуждали негодованіе и способствовали къ превращенію общелиберальныхъ стремленій въ революціонное движеніе.

Чтобы вполнѣ понять это, надобно обратиться къ господствующему въ учебныхъ заведеніяхъ и въ воспитаніи вообще ученію объ основаніи нравственности, и въ особенности объ отношеніи къ власти. Извѣстно, что личной преданности всегда давался перевѣсъ надъ сознаниемъ долга, вслѣдствіе чего обязанности поставлялись въ прямую зависимость отъ личнаго чувства, и начало власти, котораго лицо было только представителемъ, и обязанности, относительно котораго никогда не должны быть зависимы отъ личности, его представляющей, сливались въ одно понятіе. Поэтому, когда личныя дѣйствія представителя власти лишали его расположенія и уваженія, когда они (по мнѣнію вѣрному или ошибочному) доходили до того, что противорѣчили даже христіанской совѣсти, то чувство, законно возмущавшееся противъ дѣйствій лица, возмущалось и противъ власти, нераздѣльно слитой съ нимъ въ понятіи, въ которой видѣли только орудіе обмана и насилія для личныхъ дѣйствій человѣка, а не учрежденіе, всегда

необходимое для общества вообще, и въ извѣстной даже формѣ неизбежное въ извѣстномъ данномъ положеніи общества. (Легче прощаютъ насиліе силы, чѣмъ обманъ).

При такихъ понятіяхъ о власти, порожденныхъ несомнѣнно вліяніемъ восточныхъ понятій о ней, люди, ищущіе обыкновенно улучшенія не отъ своей личной дѣятельности, а отъ переменъ обстоятельствъ, обыкновенно возлагаютъ свои надежды на переменну лица, но къ несчастію въ то время, о которомъ мы говоримъ, и не ожидали никакого добра ни отъ одного изъ возможныхъ наслѣдниковъ Александра I-го. Ни Константинъ, ни Николай не были любимы, можно даже сказать, что Николай былъ болѣе нелюбимъ, нежели Константинъ. Отъ перваго ничего добраго не надѣялись, припоминая прежнія его дѣйствія. Рассказывали о такихъ неистовыхъ его дѣлахъ, что государь, какъ говорили, хотѣлъ было даже отдать его формально подъ судъ. Со всѣмъ тѣмъ время естественно ослабляло прежнее впечатлѣніе, особенно съ удаленіемъ цесаревича въ Варшаву. Стали даже возвышаться голоса въ пользу его, рассказывали, что онъ вполне переменился послѣ второй женитьбы. Но Николай былъ ненавидимъ, особенно войскомъ, по рассказамъ о настоящихъ его дѣйствіяхъ, по званію его — командира гвардейской дивизіи. И если и были нѣкоторые, которые робко относили его дѣйствія къ умысленному будто-бы желанію непопулярности, изъ угодливости государю, не любившему популярныхъ начальниковъ, а хотѣвшему, чтобы всѣ искали единственно его одобренія, то большая часть, напротивъ, относили порицаемыя дѣйствія Николая прямо къ его характеру, и надо сказать, что самыя худшіе рассказы въ подтвержденіе этого шли изъ

круга людей, самыхъ приближенныхъ къ Константину, и какъ слышанные отъ него самого. Кроме того, въ Николаѣ отрицали и образование, особенно въ сравненіи съ Александромъ, и потому никто не ожидалъ отъ него возможности искуснаго управленія государствомъ. Должно сказать и то, что супруга Николая, Александра Феодоровна, вполне раздѣляла его непопулярность. Общая молва въ то время была наполнена рассказами объ ея расточительности для себя и скупости для бѣдныхъ и для служащихъ во дворцѣ, объ ея суровости, доходившей будто-бы до поощренія тѣлесныхъ наказаній солдатскихъ женъ и дочерей. Подобные рассказы сдѣлались наконецъ даже ходячими анекдотами между солдатами гвардіи.

Здѣсь будетъ мѣсто сказать нѣсколько словъ въ поясненіе одного обстоятельства, о которомъ и до сихъ поръ существуетъ ошибочное мнѣніе, доказывающее какъ при отсутствіи гласности легко забываются вещи, въ свое время очень извѣстныя. Изъ предшествующаго разсказа видно, что въ числѣ предполагавшихся наслѣдниковъ Александру I-му мы прямо называли и Николая. Между тѣмъ и до сихъ поръ увѣряютъ, что обстоятельство назначенія Николая преемникомъ никому не было извѣстно за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, упоминаемыхъ въ извѣстныхъ печатныхъ разсказахъ. Можемъ увѣрить совершенно въ противномъ. Я не говорю уже объ общихъ слухахъ, носившихся еще при самой свадьбѣ Николая, и особенно усилившихся при рожденіи у него сына. Положительно еще тогда уже утверждали, что прусскій король не иначе выдалъ свою дочь, какъ при формальномъ обязательствѣ императора, что мужъ ея будетъ его наслѣдникомъ. Когда же дѣло шло о разводѣ Константина, то общіе неопре-

дѣленные слухи перешли въ точную положительную извѣстность о самой даже формѣ назначенія Николая наслѣдникомъ. Было-ли прямо узнано или только отгадано содержаніе завѣщанія, сказать не можемъ, но знали, что завѣщаніе существуетъ, и даже мѣсто его храненія было опредѣленно извѣстно. Я даже могу привести именно случай, когда я самъ слышалъ о томъ въ первый разъ, и могу назвать мѣсто, гдѣ, и лицо, отъ кого я это слышалъ.

Въ поясненіе этого, хотя бы лично мнѣ и нежелательно, но необходимо сказать здѣсь для уразумѣнія обстоятельствъ, что въ самой юности моей, можно почти сказать въ дѣтствѣ, старшіе имѣли ко мнѣ необычайное довѣріе. Въ сужденіяхъ обо мнѣ не боялись даже въ моемъ присутствіи приписывать мнѣ не только умъ, но и серьезность не по лѣтамъ. Скромность мою считали испытанною и находили совершенное отсутствіе тщеславія высказывать то, что я знаю*).

Вотъ почему самыя высшія лица и самыя осторожныя говорили при мнѣ откровенно, и если случалось, что кто нибудь изъ бесѣдующихъ не зналъ меня, то его обыкновенно успокаивали, говоря: «При немъ можно говорить», или: «Это у насъ такой, что при немъ нечего опасаться», или «на него можно

*) Я былъ еще почти ребенкомъ, какъ однажды тверской дворянскій предводитель Сергій Александровичъ Шишкинъ началъ разсказывать покойному моему отцу въ его кабинетѣ, гдѣ я постоянно находился, — о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали смерть Павла I-го. Батюшка хотѣлъ меня удалить. «Нѣтъ, пусть останется, пусть сохранить все это въ памяти. Я увѣренъ, что онъ никому этого не разскажетъ, прежде, нежели это будетъ необходимо,» сказалъ Сергій Александровичъ. — И дѣйствительно я оправдалъ его увѣренность, и никакое увлеченіе разговоромъ, никакое возбужденіе самолюбія, когда другіе высказывали, что они больше всѣхъ знаютъ, не заставляли меня проговориться о томъ, о чемъ я разскажу ниже и говорю еще въ первый разъ.

во всемъ положиться» и т. п. Къ числу лицъ, особенно любившихъ меня и довѣрившихъ мнѣ, принадлежала и статсъ-дама двора Екатерины II-ой, кавалерственная дама, вдова извѣстнаго Архарова, императрицы Маріи Ѳеодоровны, Екатерина Александровна, у которой особенно старые вельможи любили говорить обо всемъ, не стѣсняясь, и у которой поэтому всѣ мнѣнія и намѣренія были всегда хорошо извѣстны. Случилось именно такъ, что въ день, когда Сенатъ былъ собранъ не въ обычное время для выслушанія указа о разводѣ великаго князя Константина, причемъ въ этомъ же указѣ содержалось и новое постановленіе, что дѣти даже государя, но отъ жены не изъ царствующихъ родовъ, не могутъ наслѣдовать престола въ Россіи, — сенаторъ Нелединскій-Мелецкій пріѣхалъ изъ сената прямо къ Екатеринѣ Александровнѣ и сообщилъ ей о причинѣ необычнаго созванія сената. При разсужденіяхъ объ этомъ въ моемъ присутствіи не только ясно было доказано, что это постановленіе равносильно назначенію Николая наслѣдникомъ (такъ какъ неестественно было предполагать, что разъ, что Константинъ вступилъ бы на престолъ, онъ не отмѣнилъ бы акта, лишающаго его дѣтей наслѣдства, и, слѣдовательно, очевидно было, что безъ его отреченія не было никакой гарантіи исполненію постановленія), но прямо говорилось о завѣщаніи въ этомъ смыслѣ и о передачѣ завѣщанія въ Успенскій соборъ для храненія.

II.

Теперь мы приступимъ къ разъясненію самаго важнаго обстоятельства, — а именно какимъ обра-

зомъ люди, самые искренніе, самые чистые отъ всякихъ эгоистическихъ цѣлей, люди вполне преданные законности, такъ что строгое исполненіе во всемъ закона было у нихъ какъ-бы свойствомъ отъ природы, какимъ образомъ, говоримъ мы, такіе даже люди могли быть увлечены къ насильственному перевороту*).

Нечего обольщать себя только потому, что мы насилуемъ логику. Въдѣ только употребляя этотъ приемъ логическихъ выводовъ, мы и можемъ заблуждаться до такой степени, что и въ самомъ дѣлѣ можемъ думать, что и внѣ христіанскаго ученія возможно найти какое нибудь доказательство, способное удержать людей отъ всеобщаго посползновенія прилагать въ мірскихъ дѣлахъ правило, что цѣль освящаетъ средства. Нѣтъ. Только одна истинная

*) Вотъ свидѣтельство, которое далъ мнѣ уже во время моего нахожденія въ казематѣ второй изъ бывшихъ при насъ комендантовъ, Григорій Максимовичъ Ребиндеръ. Вотъ буквально его собственные слова: «Или тутъ есть какая нибудь глубокая тайна, или для меня непостижимо, Дмитрій Иринарховичъ, какъ могли принять вы участіе въ насильственномъ переворотѣ. Я хорошо знаю теперь вашихъ товарищей, знаю и понятія ихъ о свободѣ, и поэтому ясно отдаю себѣ отчетъ, какимъ образомъ они могли смѣшиваться съ личными стремленіями, которыя были причиною и незаконныхъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неуспѣха въ дѣлѣ, но относительно васъ совсемъ другое дѣло. Я не говорю о томъ, что всѣ признаютъ въ васъ, и други и недруги, что въ васъ напр. «палата ума», какъ выражаются, что рѣдко у кого найдется такая громада зданій и т. п., — не это дѣлаетъ для меня непостижимымъ ваше участіе въ революціонномъ предпріятіи, а то, что я въ жизнь свою не видалъ такого полнаго олицетворенія законности и справедливости, такого, какъ бы сказать живого воплощенія ихъ, какъ вы. То, что нашему брату при всей искренности желанія не всегда достается при головоломныхъ соображеніяхъ, т. е. какъ слѣдуетъ поступить законно и по справедливости въ такомъ-то трудномъ случаѣ, вы всегда мнѣ разрешали такъ легко и естественно, что, право, всегда это казалось простымъ, обыкновеннымъ дѣйствіемъ какой-то врожденной у васъ способности.

вѣра можетъ дать убѣжденіе въ необходимости и возможности безусловно побѣждать зло добромъ, умъ же это будетъ всегда непостижимо. Всякому доказательству, основанному на какомъ либо относительномъ началѣ, всегда можно противопоставить равносильное доказательство, опирающееся съ равнымъ правомъ на то же самое начало, по самой двойственности отношеній и взглядовъ, присущихъ всему относительному. На чемъ бы ни захотѣло опереться наше мышленіе, на дѣйствительности ли или на отвлеченіи, оно будетъ неизбѣжно приходить къ одинаковому выводу. Приметь ли оно за основаніе дѣйствительность, оно встрѣтитъ соблазнъ постояннаго примѣра во всякой изучаемой исторіи. Захочетъ ли основываться на отвлеченныхъ понятіяхъ, оно найдетъ, что все человѣческое — справедливость, польза, право — все относительно и можетъ обсуждаться съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, все стало бытъ подлежить спору (*controversie*), все заключаетъ взаимныя требованія, вездѣ ставитъ человѣка самого судьей, и, по отсутствію высшаго авторитета, ничѣмъ не связываетъ совѣсть. Только одна истинная религія можетъ установить безусловныя обязанности, — всѣ же человѣческія доказательства не могутъ ничего измыслить, кромѣ относительнаго права, оставляя притомъ человѣка судьей о нарушеніи этого права, и тѣмъ давая ему власть противопоставлять и самое зло, какъ право, злу, причиняемому противникомъ, противъ всего, что по его мнѣнію можетъ казаться насиліемъ и хитростью, или обманомъ, употреблять точно такіе же насиліе, хитрость и обманъ.

Истинная христіанская вѣра всегда учила, что мы должны вести борьбу не съ плотію и кровію, а съ духовными злыми началами, и потому не ставила

никакой земной цѣли, и побѣду надъ зломъ учила одерживать безусловнымъ пожертвованіемъ всего мірскаго, почему и можетъ предписывать безусловныя обязанности и безусловное повиновеніе своимъ предписаніямъ по вѣрѣ въ несомнѣнную законность своего высшаго авторитета. Совсѣмъ иное дѣло во всякомъ человѣческомъ правѣ, гдѣ нельзя доказать никогда безусловной законности, гдѣ для всѣхъ человѣческихъ учреждений существуетъ только историческая, относительная законность, воплотившаяся даже въ освященной формѣ въ положительномъ законодательствѣ подъ именемъ права давности, а именно въ приложеніи къ собственности и къ разрѣшенію вступить въ новый бракъ при безвѣстной отлучкѣ одной изъ сторонъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ.

Вотъ почему одно только христіанство въ первобытной чистотѣ начального своего развитія не употребляло внѣшней силы, во всѣхъ же другихъ историческихъ явленіяхъ рѣшеніями какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ вопросовъ были сила и обманъ, будь то въ видѣ войны и дипломатики или переворота и происковъ партій. Конечно, всякая сторона воспрещала противной приложеніе правила, что цѣль оправдываетъ средства, но тѣмъ не менѣе сама постоянно прилагала его на дѣлѣ. Вотъ почему иные мыслители дошли даже до того, что представляли человѣческое общество въ состояніи постоянной войны, такъ что войну всѣхъ противъ всѣхъ возводили даже въ общій принципъ. Вотъ почему люди и раздвоили и самую нравственность и установили иную для частнаго человѣка, иную для политика —, и когда напр. дѣлатели фальшивой монеты наказывались смертною казнью, иное правительство само дѣлало фальшивую монету.

Разумѣется, что если одна сторона въ политикѣ дозволяла себѣ то, что осуждала въ другой, то это не могло уже связать ничью совѣсть, — и если признавалось право войны, то, на основаніи чело-вѣческихъ только сужденій, нельзя было отрицать и права переворотовъ. Отъ того мы и видимъ, что они параллельно проходили одни и тѣ же фазисы, оттого въ нихъ являются постоянно тѣ же самыя и до сихъ поръ неразрѣшимыя противорѣчія. Начиная съ библейскихъ сказаній до примѣровъ новѣйшаго времени, мы видимъ, какими иногда жестоко-стями сопровождается война: военноплѣнныхъ уби-вали, мучили до членовредительства, ослѣпленія, от-рубанія рукъ, обращали въ рабство, въ тяжкія ра-боты, содержали въ тюрьмѣ. Такъ же поступали побѣдившія партіи со своими противниками и во внутреннихъ дѣлахъ. То и другое постепенно смяг-чилось и междоусобная война, почти вездѣ начи-наясь разстрѣливаніемъ противниковъ, кончается признаніемъ ихъ военноплѣнными, и казнь за поли-тическое возстаніе вездѣ почти вышла изъ обычая. Наконецъ, и сами правительства, смотря по обстоя-тельствамъ, то осуждаютъ, то одобряютъ возстанія противъ другихъ правительствъ.

Покажемъ примѣры и неразрѣшенныхъ проти-ворѣчій въ правѣ войны: одно государство завоевы-ваетъ у другого часть или всю территорію, и, не получивъ права отъ договора съ прежнимъ пра-вительствомъ, требуетъ однако же себѣ присяги и повиновенія отъ жителей. Въ случаѣ исполненія ими требованія, прежнее правительство называетъ ихъ измѣнниками, — въ случаѣ неисполненія, завое-ватель поступаетъ съ ними, какъ съ возмутителями, и не рѣдко одно и то же правительство называетъ возмущеніемъ противъ себя то самое, что въ дру-

гомъ мѣстѣ, относительно другого правительства, называетъ геройскимъ сопротивленіемъ. Въ борьбѣ внутреннихъ партій мы видимъ тоже самое явленіе, и жители, при всей искренности желанія, не могутъ распутать, слѣдуетъ ли оставаться вѣрными прежнему государству или повиноваться новому. — Такая же аналогія между войною и внутренними переворотами представляется и относительно собственности, и тутъ является одинаковое-же неразрѣшимое противорѣчіе. Непріятеля упрекаютъ, что онъ разоряетъ беззащитныхъ жителей, онъ отвѣчаетъ, что всякое правительство хвалится солидарностью съ нимъ всѣхъ подданныхъ своихъ и требуетъ отъ нихъ сверхъ обычныхъ повинностей еще особенныхъ пожертвованій, партизанскихъ дѣйствій и пр. и что, поэтому, онъ имѣетъ полное право уничтожить тотъ источникъ, изъ котораго враждебное правительство почерпаетъ свою силу, и тѣмъ болѣе, что и само оно при случаѣ не щадитъ своихъ подданныхъ и истребляетъ ихъ собственность, чтобы только лишитъ непріятеля средствъ въ занятой имъ странѣ. Точно также побѣдившая внутри партія конфискуетъ имущество противной. Ее упрекаютъ, что она наказываетъ невинныхъ наслѣдниковъ, — она отвѣчаетъ, что необходимо отнять силу у противной партіи и что и въ частныхъ дѣлахъ всякій платитъ за причиненный имъ убытокъ, хотя бы этою уплатою и раззорялись наслѣдники, невинные въ его дѣйствіи и пр. и пр. И такъ внѣ безусловныхъ ясныхъ предписаній чистаго христіанскаго ученія вездѣ являются безъисходныя противорѣчія, вездѣ спорное право, вездѣ человѣкъ самъ судья на основаніи относительныхъ фактовъ и опредѣленій, подлежащихъ противоположнымъ толкованіямъ.

Теперь посмотримъ же, въ какомъ положеніи

было, какимъ авторитетомъ пользовалось даже въ воспитаніи то единственное, какъ мы сказали, ученіе, которое могло дѣйствительно обуздать обычное по-ползновеніе людей прилагать къ дѣлу правило, что цѣль оправдываетъ средства. Было-ли православіе живою силою и изучалось-ли въ своей сущности, чтобы искать въ немъ приложенія и разрѣшенія для всѣхъ сферъ жизни, или передавалось только, и то не очень усердно, какъ отвлеченное, неприложимое схоластическое ученіе? Было-ли оно подтверждено живыми примѣрами и логическими выводами изъ тѣхъ знаній и правилъ жизни, на усвоеніе которыхъ воспитанниками наиболѣе настаивали, и которыя находили наибольшее одобреніе въ общихъ понятіяхъ, или было напротивъ опровергаемо всѣмъ этимъ?

Бесѣды тогдашняго времени были очень живы и занимательны, потому что были искренни. Тогда вѣрили еще въ то, что говорили, и вѣрили, что обсужденіе можетъ дѣйствительно привести къ отысканію справедливаго разрѣшенія обсуждаемыхъ вопросовъ. Тогда и не думали говорить для того только, чтобы болтать попустому или выказать себя. Напротивъ, всѣми было замѣчено особенное явленіе тогдашняго времени, что молодые люди исчезли изъ всѣхъ круговъ, гдѣ происходила пустая свѣтская болтовня или какое либо другое, праздное препровожденіе времени, карты и пр., даже уклонились отъ удовольствій и развлеченій, свойственныхъ вездѣ молодымъ людямъ. Все предалось ученію и серьезнымъ разговорамъ не только съ охотою, но, можно сказать, съ жадностью. Впервые начали безпристрастно изучать факты, относящіеся къ отечеству, къ его настоящему состоянію и исторіи не въ томъ видѣ, какъ писали официально историки, —

впервые начали изучать результаты и чужаго опыта и мышленія не для удовлетворенія знанія изъ любопытства, или тщеславнаго желанія блистать имъ, какъ было до тѣхъ поръ въ модномъ воспитаніи, но чтобы отыскать въ нихъ приложеніе къ настоящимъ требованіямъ, разрѣшеніе насущныхъ вопросовъ. И что же однако? и основанія, и доводы отыскивались во всемъ, рѣшительно во всемъ, кромѣ... православія.

Да, — дѣйствительно было такъ. Всѣ виды религіи, всѣ философскія системы, всѣ явленія исторіи и законы міра вещественнаго, — все служило основаніемъ для сужденій, изъ всего почерпались доказательства и заимствовались сравненія, въ одномъ лишь православіи не только ничего не искали, но всякая попытка сослаться въ чемъ-нибудь на него до такой степени изумляла, что разговоръ сейчасъ прерывался: «Да, ну ужъ это другое дѣло, — говорили, — тутъ нечего ужъ и разсуждать.»

Какъ ни странно можетъ показаться теперь это явленіе, но оно неизбѣжно вытекало изъ того способа, посредствомъ котораго изучалось тогда православіе и изъ тѣхъ основаній, которыя въ дѣлѣ самой религіи принимали люди, считавшіеся самыми религіозными — какъ бы представителями значенія и дѣйствій религіознаго начала.

Нельзя отвергать, что въ Россіи, гдѣ не было открытой упорной борьбы между христіанствомъ и язычествомъ, гдѣ христіанство входило не путемъ индивидуальнаго обращенія по убѣжденію, а вслѣдствіе принятія массою по распоряженію власти, — оно принято было скорѣе по внѣшней формѣ, нежели въ его сущности, и этотъ характеръ не совершенно изгладился и до сихъ поръ. Стоитъ прочесть хоть

обличеніе св. Димитрія Ростовскаго о состояніи духовенства даже въ его время, чтобы понять, могло-ли быть истинное разумѣніе христіанства. Оттого вся исторія наша представляетъ непрерывный рядъ противорѣчій съ чистымъ началомъ православія, не въ видѣ частныхъ отступленій по грѣховности личной, а въ видѣ распоряженій и учрежденій, въ видѣ дѣйствій самой власти, имѣющихъ основанія чуждыя или враждебныя православію — начала язычества или отступленія.

Вездѣ у другихъ мы видѣли начала ошибочныя, одностороннія, но они были тамъ въ убѣжденіи, являлись живой дѣйствующей силою, опредѣляющею явленія жизни и поэтому логически связанныя для ума съ нею. Мы же, имѣя начало истинное, чистое, проявившееся поэтому въ правильной формѣ, держались только этой формы, а самое начало держали въ состояніи отвлеченнаго понятія, не только не прилагая его ни къ чему, но даже прилагая ко всему начала ему враждебныя. Рассмотрите всѣ основанія, по которымъ дѣйствовали тогда такъ называемые религіозные и нравственные люди, и вы увидите, что ихъ основы религіи и нравственныя были заимствованы изъ идей и началъ католицизма, протестантизма, мистицизма, масонства и пр. Рассмотрите доводы, которыми боролись они противъ матеріализма, и вы найдете тѣ же самые источники. Наконецъ, само православное духовенство опроверженіе ложныхъ ученій заимствовало изъ противоположныхъ, одинаково ложныхъ-же ученій. Такъ противъ католицизма употребляли аргументы протестантизма и наоборотъ.

Разсмотримъ же теперь не только нѣкоторыя дѣйствія, гдѣ противорѣчіе можетъ явиться бесознательно, но открыто провозглашаемыя ученія, гдѣ

то или другое начало принимается и предписывается уже вполне сознательно.

Мы не будемъ уже говорить, что всѣ религиозныя гоненія, сожженія еретиковъ, и у насъ бывшія въ ходу, совершались чисто въ духѣ католицизма т. е. мірскихъ средствъ для духовной цѣли, и совершенно противорѣчатъ православію. Не станемъ распространяться и о Петрѣ I-мъ, который въ религіи былъ протестантъ, а въ политикѣ истый революціонеръ, который изъ религіи дѣлалъ орудіе политики, подчиняя ее послѣдней въ всемъ, и который, заключивъ съ Турціей клятвенный договоръ объ уступкѣ Азова, въ то же время писалъ тайно, чтобы обманомъ медлили при исполненіи, который и въ частныхъ отношеніяхъ людей къ религіи насилывалъ совѣсть въ таинствахъ покаянія и брака, возьмемъ времена ближайшія, въ которыхъ дѣйствія служили примѣромъ, а ученія опредѣляли убѣжденія и понятія нынѣ живущихъ и дѣйствующихъ поколѣній. Мы видимъ напр., что даже въ книгѣ, изданной для дѣтей (сто четыре св. исторіи для дѣтей — Губнера) учать прямо, что ложь позволительна для доброй цѣли. Мы сами знали начальниковъ, считавшихся образцовыми, удостоившихся даже памятниковъ (покойный адмиралъ Лазаревъ), которые открыто проповѣдывали молодымъ офицерамъ, что христіанинъ не можетъ быть хорошимъ военнымъ офицеромъ и обратно — настоящій военный не можетъ быть христіаниномъ. Мы указали наконецъ въ письмѣ нашемъ отъ 8-го іюля 1862 г. къ московскому митрополиту Филарету, что проповѣдуется и въ настоящее еще время военнымъ людямъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и особенную важность этого потому, что у насъ начальники отдѣловъ правительства и всѣ почти правители частей государ-

ства всегда военные, а ихъ непосредственное вліяніе на народъ и на служащихъ, на возбуждаемыя въ нихъ какъ дѣйствіями, такъ и примѣромъ всѣ понятія, чувства, правила, несравненно сильнѣе, нежели вліяніе религіознаго ученія и торжественно провозглашаемыхъ время отъ времени заявленій отвлеченныхъ началъ.

Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ митрополиту Филарету я привелъ ему слѣдующее мѣсто изъ Военнаго Сборника (смотри. 1859 годъ, № 4 за апрѣль мѣсяцъ, библиографія — разборъ статьи Соковича, стр. 590). Дѣло идетъ о Румянцевѣ: «Нельзя не удивляться глубокому уму этого государственнаго человѣка. Румянцевъ опутывалъ своими сѣтями Крымъ, какъ паукъ опутываетъ вѣрную свою добычу. Хитрость, лукавство, подкупы разнаго рода, систематическое ослабленіе Крымскаго ханства, въ родѣ кровопусканій, подобныхъ выселенію изъ полуострова болѣе 31 тысячи лучшаго христіанскаго населенія, составлявшаго наиболѣе промышленную часть жителей ханства, постоянное возбужденіе Шагинъ-Гирея къ такимъ мѣрамъ, которыя все болѣе и болѣе раздражали противъ него его подданныхъ — все это были въ высшей степени вѣрныя мѣры для доведенія Крыма до того положенія, чтобы онъ безотчетно отдался Россіи.»

Приведа эту выписку изъ Военнаго Сборника, я, обращаясь къ митрополиту, спрашивалъ его:

«Теперь спрошу васъ, можно-ли найти въ тайныхъ инструкціяхъ іезуитовъ, или въ правилахъ «красныхъ» революціонеровъ, или въ наставленіяхъ австрійской политики, считающейся типомъ вѣроломства, можно-ли найти, говорю, что-нибудь безнравственнѣе этого, что-нибудь, гдѣ правило — зло для пользы и цѣль освящаетъ средства — было

бы доведено до такихъ крайнихъ ужасающихъ послѣдствій? А между тѣмъ это невозбранно, съ одобренія высшаго начальства печатается въ наставленіе еще военнымъ правителямъ, прилагающимъ эти правила и къ внутреннему управленію.»

Вѣдь все, что восхваляется, тѣмъ самымъ одобряется и предлагается къ подражанію.

«Но на комъ же, какъ не на служителяхъ церкви, лежитъ обязанность опровергать и осуждать ложныя начала, подобныя вышеприведеннымъ, публично восхваляемымъ военному сословію? И однако же много и внимательно читая все, что говорится въ проповѣди служителями церкви, я не нашелъ нигдѣ, чтобы они возвысили голосъ противъ этого приложенія тѣхъ же революціонныхъ теорій, что и у всѣхъ революціонеровъ.»

«Но въ то время, когда служители церкви безмолвствуетъ тамъ, гдѣ должны и управомочены (*compétents*) судить, т. е. въ сферѣ нравственныхъ началъ, — они даютъ иногда одобреніе событіямъ въ сферѣ дѣйствій относительныхъ, прилагая печать безусловной истины къ тому, что, будучи внѣ круга общихъ нравственныхъ началъ, можетъ быть, не только не безусловно истинно, но еще ошибочно, и даже — по побужденіямъ и качеству употребленныхъ средствъ, — нравственно-преступно.»

«Можетъ ли служитель церкви быть судьей въ дѣлахъ относительныхъ, гдѣ изслѣдованіе ему недоступно и безусловное заключеніе ему невозможно? Что положить онъ въ основаніе своего приговора? Объявленіе правительства? Но они сами постоянно объявляютъ вполслѣдствіи, что въ томъ-то и томъ-то они «ошибались» и пр.

Такимъ образомъ, безпристрастное изслѣдованіе показываетъ, что правительства сами проповѣды-

вали тѣ же ученія, въ которыхъ упрекали революціонеровъ, и поступали по тѣмъ же правиламъ, которыя осуждали въ противникахъ.

Но подобный образъ дѣйствія «революціонеровъ сверху», какъ объяснять я въ томъ же письмѣ, тѣмъ болѣе представлялъ соблазна, что они разрушали ту самую законность, которой были представителями и которую слѣдовательно признавали хорошею и справедливою, тогда какъ «революціонеры снизу» возставали противъ такого порядка вещей, который, хотя и ошибочно, положимъ, но признавали незаконнымъ и несправедливымъ, — они могли заблуждаться, но ихъ требованія могли быть и чисты уже потому, что требовалось пожертвованіе собою, тогда какъ у «революціонеровъ сверху» не могло быть при нарушеніи ими самими признаваемой законности другихъ побужденій, кромѣ эгоистическихъ и тѣмъ вѣроятнѣе, что они при этихъ случаяхъ не только не жертвовали собою, но еще извлекали себѣ выгоды. Теперь отъ ученій перейдемъ къ дѣйствіямъ и посмотримъ, какіе примѣры подавало само правительство молодымъ испытующимъ умамъ, если бы они захотѣли въ этихъ примѣрахъ искать себѣ наставленія, — что справедливо и что дозволяется въ сферѣ политическихъ дѣйствій.

Извѣстно, что хотя правило «цѣль освящаетъ средства», искони прилагалось во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, со всѣмъ тѣмъ крайнее развитіе его и всеобщее приложеніе приписывается преимущественно іезуитамъ.

Мы сказали выше, что одно только чистое христіанское ученіе, одно православіе безусловно отвергаетъ вышеупомянутое правило, приписываемое по преимуществу іезуитамъ. Послѣ этого казалось бы, что среди народа православнаго іезуиты менѣе,

нежели гдѣ-нибудь могли бы быть терпимы. И что же однако? Именно въ то время, когда они были изгнаны даже изъ самыхъ строго-католическихъ странъ, когда уничтожены были даже папской буллою, они не только удержались въ Россіи, не только сохранили свои имущества, но имъ еще ввѣрено было даже самое воспитаніе. Даже въ отдаленныхъ городахъ, какъ напр. въ Астрахани, у нихъ были училища. Екатерина II, Павелъ и Александръ I покровительствовали іезуитамъ, и если они и были впослѣдствіи высланы, то не ради опасенія тайнаго внушенія ихъ правилъ, а изъ за явнаго обращенія въ католицизмъ племянника одного вельможи.

Далѣе — переходило ли, напримѣръ, изслѣдованіе къ самому происхожденію разныхъ правительствъ въ Россіи, оно видѣло цѣлый рядъ революцій, и при томъ при полномъ безучастіи народа, и совершаемыхъ большею частію военною силою, какъ было при возведеніи на престолъ Екатерины I-й, при сверженіи Бирона, регентши и Петра III. Всѣ эти примѣры показывали, что вся Россія повиновалась тому, что совершала военная сила въ Петербургѣ и признавала это законнымъ — и потому несправедливо во первыхъ, чтобы военныя революціи въ Испаніи, Португаліи и Италіи опредѣляли характеръ тѣхъ средствъ, которыми тайныя общества въ Россіи намѣрены были совершить переворотъ, — во вторыхъ, чтобы крайнія средства были заимствованы изъ европейскихъ революціонныхъ идей, а не изъ своей собственной исторіи.

Совершенно напротивъ: чѣмъ образованнѣе были люди въ смыслѣ европейскомъ, тѣмъ болѣе противились они подражанію примѣрамъ, которые представляла собственная російская исторія — и если

и вынуждены были уступить, то все-таки, усиливаясь придать совершенно иной характеръ тѣмъ дѣйствіямъ, въ которыхъ видѣли прямо вліяніе азіатскихъ, а отнюдь не европейскихъ понятій и привычекъ.

Я долго занимался изслѣдованіемъ вопроса, какой главный аргументъ склонялъ окончательно каждаго члена тайнаго общества къ принятію насильственнаго переворота, какъ дозволеннаго средства для преобразованія государства, и, не только давая самому себѣ ясный отчетъ въ собственномъ рѣшеніи, но и при всѣхъ изслѣдованіяхъ относительно другихъ, получалъ всегда одинъ и тотъ же опредѣленный отвѣтъ: примѣръ Екатерины II. Въ самомъ дѣлѣ, внѣ истиннаго христіанскаго ученія этотъ примѣръ представлялъ неодолимый соблазнъ уму. Тутъ представлялась неопровержимая дилемма: если Екатерина II, которой всѣ права истекали изъ того только, что она была жена Петра III-го, имѣла право для блага государства возстать противъ своего мужа и Государя, не отступая и отъ крайнихъ средствъ, то какъ же можетъ быть воспрещаемо подобное дѣйствіе кореннымъ русскимъ, для которыхъ благо отечества составляетъ даже обязанность. Поэтому то, на основаніи этого главнаго примѣра, всѣ разсужденія въ тайныхъ обществахъ сводились къ слѣдующей аргументаціи: или Екатерина II имѣла право такъ дѣйствовать для блага отечества, тогда тѣмъ болѣе имѣетъ право и всякій русскій, или она не имѣла права, и тогда весь порядокъ, ею основанный, есть незаконный, а потому всякій русскій и имѣетъ право не признавать его.

Въ томъ-то и дѣло, что одна только чистая вѣра можетъ предотвращать опасность двойственныхъ сужденій въ сферѣ нравственныхъ обязанно-

стей. Всякій же разъ, что будутъ искать основать законность дѣйствій на чемъ-либо относительномъ, всегда рискуютъ, повторяемъ, встрѣтить противоположную законность, извлекаемую съ одинаковою логикою и правомъ изъ того же относительно, и тогда — какъ это всегда бываетъ въ исторіи — одинъ только успѣхъ рѣшаетъ, на той или другой сторонѣ было болѣе соотвѣтствующихъ обстоятельству условій для утвержденія того или другого порядка, который только поэтому и становится въ свою очередь исторически-законнымъ.

Но извѣстно, что авторитетъ религіи только тогда и можетъ дѣйствовать на общія убѣжденія, когда даетъ общія предписанія, когда относится ко всѣмъ сторонамъ и положеніямъ одинаково безпристрастно. Если же употребляютъ его односторонне, то онъ не только не подчиняетъ себѣ и не связываетъ совѣсть, но еще напротивъ производитъ дѣйствіе противоположное, худшее, потому что тогда и въ самой религіи видятъ худшее орудіе обмана. А извѣстно, что люди гораздо легче сносятъ грубую силу, какъ сносятъ дѣйствіе бессознательныхъ силъ природы, нежели обманъ, который для нихъ кажется вдвойнѣ оскорбительнѣе, потому что предполагаетъ въ нихъ способность быть обманутыми, т. е. глупость, а такое предположеніе для человѣческаго самолюбія всегда особенно чувствительно.

Здѣсь приходится говорить намъ о многихъ вещахъ, которыя мы упоминали уже въ первой части нашихъ записокъ, но это необходимо потому, что онѣ будутъ разсматриваться здѣсь съ другой точки зрѣнія. Тамъ мы говорили о нихъ по отношенію ихъ только къ нашему личному развитію и нашей личной судьбѣ, а здѣсь приходится упоминать по отношенію къ общимъ политическимъ событіямъ.

Въ первой части нашихъ записокъ мы показали уже, какъ развитіе нашихъ личныхъ политическихъ понятій шло нераздѣльно съ понятіями религиозными и какъ вносили мы понятіе о необходимости единства закона и началъ во всѣ сферы. Поэтому то, если въ сферѣ міра вещественнаго, мы, помимо тогдашней науки и даже вопреки ей, такъ рано усмотрѣли то, что только теперь сдѣлалось научно истиною*), то и въ мірѣ нравственномъ для насъ всегда являлось необходимымъ единство закона какъ для частнаго лица, такъ и для общества и государства, и потому въ нашихъ убѣжденіяхъ законы личные, общественные и политическіе должны были имѣть основою одинъ общій, высшій законъ, а поэтому и могли истекать только изъ религиозныхъ предписаній одной истинной вѣры.

Для насъ по самой силѣ понятія о единствѣ закона человеческое общество должно было быть подобіемъ совершеннаго человѣка**), въ которомъ основами дѣйствій, истинными двигателями и дѣятелями могли быть только живыя силы духовныя, умственныя, вещественныя, тѣло же только орудіемъ проявленія ихъ. Поэтому для насъ и устройство общественное или порядокъ и свобода, нераз-

*) Ученики наши, вѣроятно, помнятъ, а нѣкоторые, можетъ быть, сохранили и въ запискахъ своихъ, какъ при нашемъ преподаваніи астрономіи, мы по поводу теоріи Лапласа, доказывали невозможность исполнѣн безвоздушнаго пространства, наполненіе его веществомъ, тождество аэролитовъ съ планетами и пр., а въ физикѣ смотрѣли на разныя силы, какъ на виды и отдѣльныя проявленія одной общей силы и пр.

**) Поэтому и исторія, т. е. изложеніе развитія всего человѣчества, должна быть тождественна съ законами развитія человѣка, взятаго въ общемъ смыслѣ, полнаго или, какъ говорятъ, «средняго», вмѣщающаго въ себѣ выводы всѣхъ частныхъ проявленій и въ которомъ уравновѣшиваются всѣ уклоненія.

дѣльные и невысказанные одно безъ другого, какъ истекающіе изъ того же закона, могли быть, какъ и самый законъ,*) проявленіемъ только живой силы, органическимъ дѣйствіемъ или явленіемъ, а не чѣмъ либо наложеннымъ или дарованнымъ извнѣ. Оттого же мы всегда и питали въ себѣ и изъясляли другимъ убѣжденіе, что ни порядокъ нельзя установить насильственно, ни свободу дать только, какъ внѣшнее право, ни законъ почерпнуть изъ отвлеченныхъ соображеній, ни освятить его безъ авторитета высшей силы.

Мы показали также въ своемъ мѣстѣ, по какимъ причинамъ всѣ эти идеи, будучи совершенно правильны, не были однако же достаточно уяснены и подтверждены надлежащими доказательствами по неполнотѣ научнаго у насъ образованія, потому что хоть мы и искали усвоить себѣ все, что наука могла дать и получили даже самыя блестящія свидѣтельства, что будто бы мы усвоили себѣ все вполне, но сама наука была тогда въ Россіи очень недостаточна.

Съ другой стороны уясненію идей и изысканію строго научныхъ доказательствъ мѣшало вліяніе мистицизма, господствовавшего тогда со всею силою въ обществѣ въ высшихъ сферахъ, вліяніе, къ которому мы особенно подпали по образу преподаванія намъ высшаго религіознаго обученія. Когда, изучая современныя политическія событія, я ознакомился съ учрежденіемъ Священнаго Союза, то я нашелъ совершенно правильною и мнѣ сочувственною основную идею его, что несовершенства человѣческихъ учреждений, при неизбѣжной условности и относи-

*) По аналогіи и съ міромъ вещественнымъ, гдѣ законъ не есть что-либо отдѣльное, находящееся внѣ условій и средствъ его проявленія.

тельности ихъ, могутъ быть смягчаемы и исправляемы только духомъ истиннаго христіанства. Но въ характерѣ моемъ и правилахъ была одна неизмѣнная черта, которая служить объясненіемъ всѣхъ моихъ дѣйствій отъ начала и до послѣдняго времени. По искренности ума и сердца, которую во мнѣ всегда признавали и за излишекъ которой даже упрекали всегда мои противники, дорожа больше всего истиною, и потому не упорствуя никогда по самолюбію въ заблужденіяхъ, не допуская въ себѣ никогда развитія страсти и чуждый всякаго интереса, до обвиненія въ беззаботности и неразсчетливости, я никому и ничему не предавался слѣпо, не допускалъ себя ни до пристрастія, ни до предубѣжденія. Поэтому, какъ бы ни былъ я расположенъ къ какому дѣлу или лицу, я всегда зорко наблюдалъ за ихъ дѣйствіями и не закрывалъ добровольно глаза на ихъ ошибки, предостерегая ихъ по самому уже расположенію моему, и какъ бы ни были мнѣ враждебны партіи или лица, старался судить о нихъ безпристрастно.

Съ такими правилами и съ такимъ расположеніемъ, наблюдая поэтому дѣйствія Священнаго Союза, я не могъ не замѣтить радикальной ошибки, въ которую онъ вдался. А для меня убѣдиться въ чемъ нибудь и дѣйствовать согласно убѣжденію, не отступая ни предъ какимъ препятствіемъ, всегда было одно и то же. Поэтому я и рѣшился указать Священному Союзу ошибку его и предостеречь отъ послѣдствій въ лицѣ главы его — императора Александра I. Я рѣшился написать къ нему о томъ, именно въ то время, когда Священный Союзъ находился въ апогеѣ своего могущества и увлеченія. Я написалъ изъ Лондона императору Александру, когда онъ находился на конгрессѣ въ Веронѣ. Въ

чемъ же состояла капитальная ошибка Священнаго Союза ?

Французскую революцію не въ смыслѣ общественныхъ преобразованій, а въ смыслѣ худшихъ ея явленій, справедливо приписывали безвѣрію, изказившему правильныя понятія о власти и свободѣ, двухъ основныхъ элементовъ устройства всякаго человѣческаго общества. Поэтому, чтобы прочно умиротворить взволнованные народы и прочно устроить снова разрушенное ихъ устройство необходимо было возстановить истинныя начала власти и свободы, а для этого возстановить истинную вѣру, изъ которой одной они могутъ быть почерпнуты. Но чрезъ кого же и какъ можно было это совершить ? Первая ошибка состояла въ томъ, что обвиняли въ безвѣріи односторонне народы, забывая, что сами правительства шли въ главѣ безвѣрія. Вторая — что за возстановленіе вѣры взялись тѣ, которые сами ея не имѣли, забывъ, что „*Nemo dat, quod non habet.*“ Третья — что подъ именемъ вѣры разумѣли тѣ ученія, которыя сами уклонились отъ чистой вѣры и потому сами содержали сѣмена невѣрія.

Послѣдняя ошибка особенно ярко бросалась въ глаза, потому что олицетворилась въ видимомъ образѣ — въ тройственномъ союзѣ православія, католичества и протестантства.

Но люди, принимающіе начала чистой, истинной вѣры, могутъ соединяться съ людьми, принимающими искаженное ученіе, только въ дѣлахъ безразличныхъ нравственно, относительныхъ, въ дѣлахъ же нравственно-качественныхъ, какъ могутъ дѣйствовать они сообщая съ такими людьми, которыхъ ученіе несогласно съ тѣми началами, которыя одни служатъ основаніемъ нравственности ? Какъ православіе можетъ дѣйствовать заодно въ дѣлѣ воз-

становленія вѣры съ католицизмомъ и протестантизмомъ, которые логически приводятъ къ отрицанію истинной вѣры?

Въ другомъ отношеніи очевидно было, что правительства ни коимъ образомъ не могли быть руководителями въ дѣлѣ возстановленія вѣры и истинныхъ началъ власти и свободы по двумъ причинамъ: во первыхъ они сами еще болѣе заражены безвѣріемъ, нежели народы, которыхъ въ томъ упрекали, во вторыхъ правительства, какъ одна только сторона, какъ власть, неизбѣжно могли дѣйствовать только односторонне и тѣмъ самымъ исказить только дѣло, а, слѣдовательно, и уничтожить возможность достиженія цѣли.

Все это и выразилось въ томъ главномъ видѣ, что вмѣсто возстановленія истинной вѣры и истекающихъ изъ нея только одной истинныхъ началъ власти и свободы, принялись за возстановленіе тѣхъ разрушенныхъ формъ ихъ, которыя потому и были разрушены, что происходили отъ искаженныхъ началъ, но которыя, по мнѣнію власти, были выгодны, но только для нея одной.

Все это привело меня къ слѣдующимъ выводамъ и рѣшеніямъ: возрожденіе и благоустройство человѣческихъ обществъ можетъ быть совершено только возрожденіемъ или пробужденіемъ живыхъ силъ въ нихъ, а отнюдь не созданіемъ какихъ нибудь внѣшнихъ формъ. Все дѣло въ томъ, чтобы эти силы были чисты и истинны, и тогда онѣ создадутъ и соотвѣтственныя себѣ, правильныя формы, и, дѣйствуя по живому духу и смыслу, будутъ смягчать и восполнять все, что не включено въ извѣстную форму, такъ какъ никакія человѣческія учрежденія не могутъ вполне обнять всѣхъ проявленій и требованій жизни.

Но всякое живое начало, духъ, можетъ возникнуть первоначально только въ живой личности. Тутъ все дѣло въ томъ, лишь бы зародилось живое начало въ одномъ человѣкѣ, и тогда оно можетъ наполнить собою и цѣлыя народы и цѣлыя эпохи. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ является всегда вначалѣ личный подвигъ.

Всякое истинное живое начало есть всеобщее достояніе, и потому не можетъ ограничиваться въ приложеніи одною народностью. Въ механизмѣ дѣйствія, конечно, и партіи и народъ могутъ быть служебными орудіями, въ которыхъ можетъ начинаться инициатива дѣла, но никогда партіи не должны ставить себя выше отечества, а самое даже отечество нельзя ставить выше справедливости, что будетъ всегда неизбѣжно, если общее захотятъ присвоить одному только какому нибудь частному.

Нѣтъ надобности дѣйствовать тайно отъ правительства, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ также и объ упроченіи истинныхъ основаній власти, какъ и о свободѣ, но правительство, какъ одна изъ сторонъ, не можетъ быть общимъ дѣятелемъ. Поэтому тутъ могутъ дѣйствовать только частные люди, вполне посвятившіе себя дѣлу возрожденія и восстановленія истинныхъ началъ. Масонство, предъявляющее подобную же цѣль, потому не можетъ быть признано удовлетворяющимъ своему назначенію, что вышло изъ отрицательнаго односторонняго побужденія и не проявляло самопожертвованія, необходимаго для поддержанія въ чистотѣ всякаго живого начала и запечатлѣнія истины — чѣмъ и свидѣтельствовало, что не имѣло въ себѣ живого начала или духа, а было бездушнымъ механическимъ устройствомъ, основаннымъ на отвлеченномъ только понятіи.

Но участіе государя въ масонствѣ подавало, од-

нако же, примѣръ, что это была вещь возможная, чтобы какое нибудь общество дѣйствовало не тайно отъ правительства, но не какъ его орудіе.

Такъ какъ можно передавать другимъ только то, что самъ имѣешь, то ясно, что всякій, стремящійся къ преобразованію общества, долженъ напередъ совершить это преобразование въ самомъ себѣ, хотя бы то требовало совершеннаго перевоспитанія, а такъ какъ сила дѣйствія и успѣхъ зависятъ отъ чистоты дѣйствія, а это отъ нравственной качественности орудій, то и должно ставить всегда качественность выше количественности и не пріобщать къ дѣйствію, не принимать въ союзъ иначе, какъ людей нравственно-надежныхъ, имѣющихъ правильныя понятія и готовыхъ на крайнее самопожертвованіе.

На такихъ то основаніяхъ и должно было быть устроено общество подъ названіемъ Чина или Ордена Вселенскаго Возстановленія.

III.

Я отправился въ походъ вокругъ свѣта подъ вліяніемъ еще впечатлѣній скорѣе благоприятныхъ, чѣмъ враждебныхъ императору Александру I-му. Мнѣніе о немъ далеко еще не высказалось рѣшительно и окончательно въ дурную сторону, какъ было то впоследствии, когда его антинаціональное и антилиберальное направленіе принимали за несомнѣнный и неисправимый фактъ и только спорили о томъ, какъ объяснить либеральное направленіе начала его царствованія. Въ то время, какъ одни думали, что въ началѣ онъ былъ искренно либераленъ, а измѣнился потомъ подъ вліяніемъ дурныхъ

совѣтниковъ и мистицизма, который овладѣлъ имъ, другіе утверждали, что въ характерѣ его всегда было притворство и что начальныя дѣйствія его царствованія легко объясняются необходимостью скрывать истинное свое мнѣніе и расположеніе, какъ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе его на престолъ, такъ и страхомъ, который наводили Наполеонъ и Франція, страхомъ, заставлявшимъ и всѣхъ государей искать опоры и противодѣйствія въ привязанности народовъ и возвышеніи ихъ духа.

Правда, обстоятельства раскрыли мнѣ послѣ, что уже и въ 1822 году раздраженіе и національнаго и либеральнаго чувства противъ Александра I-го было значительно, и тайныя общества работали уже сильно и прямо противъ него, но я за этимъ не могъ уже слѣдить потому, что еще съ исхода 1821 г. занялся приготовленіемъ къ походу вокругъ свѣта, а, отправясь въ началѣ 1822 г. въ Кронштадтъ, удалился изъ тѣхъ круговъ, гдѣ имѣлъ возможность наблюдать всесторонне за ходомъ и мнѣніи и дѣйствіи. Была еще и другая причина, которая заставила меня обратиться сначала къ государю. Какъ по характеру моему, такъ и по правиламъ, я никогда не предполагаю въ человѣкѣ дурного прежде, нежели опытъ докажетъ противное, и самое испытаніе человѣка всегда произвожу, предлагая ему случай къ добру и пользѣ, а не искушаю зломъ, не представляю ему соблазна ни къ чему либо дурному. Поэтому всегда и во всемъ, когда человѣкъ предъявляетъ притязаніе, что стремится къ чему нибудь высокому или полезному, я сейчасъ ищу доставить ему, если могу, случай, доказать искренность своихъ стремленій на дѣлѣ, — и тогда истина неминуемо раскроется, не давая въ то

же время предлога и не допуская посползновеній къ чему либо дурному, не допуская прикрывать благовидною наружностью свое безсиліе или свои эгоистическіе виды, какъ часто бываетъ, когда отговариваются неимѣніемъ случая дѣлать добро или ищутъ участія въ дѣлѣ, какъ средства достиженія личной цѣли.

Императоръ Александръ I-й, торжественно провозгласивъ необходимость дѣйствія въ христіанскомъ духѣ для блага народовъ и либеральныхъ учрежденій, какъ гарантіи противъ случайности личностей, заявилъ тѣ же цѣли, къ которымъ и я стремился. Поэтому, и казалось не справедливымъ обойти его, и какъ правителя, и какъ человѣка, не только въ дѣйствіи, но и въ обсужденіи средствъ, изыскиваемыхъ для осуществленія той же цѣли, хотя и инымъ путемъ, нежели онъ, можетъ быть, предполагалъ. Къ тому же обращеніе къ нему было съ моей стороны дѣломъ самопожертвованія, и я полагалъ, что не могло быть лучшаго начала предпріятію, — тѣмъ болѣе, что это давало и мнѣ самому необходимое свидѣтельство въ искренности моихъ стремленій. Всякій пойметъ, что дѣйствительно въ этомъ случаѣ необходимо было имѣть больше рѣшимости, нежели даже для участія въ политическихъ событіяхъ 1825 года. Въ послѣднемъ случаѣ я дѣйствовалъ съ тысячами другихъ и рисковалъ только жизнью, которою уже и безъ того рисковалъ не разъ гораздо въ менѣе важныхъ случаяхъ, какъ по роду своей службы, такъ и по той свойственной мнѣ пылкости, о которой свидѣтельствовали всѣ мои начальники, — въ первомъ же случаѣ я выступалъ одинъ и въ дѣлѣ, которое могло показаться до того страннымъ, что меня могли принять за помѣшаннаго и безъ дальнѣйшихъ справокъ прямо заточить

на вѣчное время, какъ и поступали тогда (что и мнѣ было небезызвѣстно) съ такъ называемыми «пророками», изъ которыхъ нѣкоторые были однако же только въ томъ виноваты, что допускали толкованіе откровеній на основаніи тѣхъ же мистическихъ ученій, которымъ преданъ былъ и самъ глава государства.

Въ первой части нашихъ записокъ рассказали мы, какъ вслѣдствіе письма нашего къ государю изъ Лондона въ Верону, мы были вызваны изъ похода кругомъ свѣта, какъ присоединилось тутъ дѣло о Калифорніи, какъ наводненіе помѣшало назначенному въ тотъ самый день личному объясненію нашему съ государемъ, какъ вслѣдствіе потрясенія его, произведеннаго страшными сценами наводненія, онъ уклонился отъ прямого личнаго изслѣдованія и передалъ дѣло Аракчееву, графу Мордвинову и министрамъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ. Мы рассказали также, чѣмъ кончилось дѣло, какъ министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ и гр. Мордвиновъ (членъ государственнаго совѣта, бывший нѣкогда и морскимъ министромъ) горячо подерживали меня, особенно послѣдній, и сохранили и впослѣдствіи ко мнѣ самыя пріязненныя отношенія, но какъ однако мнѣ объявлено было отъ государя, что хотя мои идеи совершенно вѣрны, но неудобноисполнимы въ настоящихъ обстоятельствахъ въ томъ видѣ, какъ я предлагалъ ихъ.

Извѣстно, что вслѣдъ затѣмъ Россійско-Американская Компанія вызвалась принять на свой страхъ и отвѣтственность то мое предложеніе, которое относилось къ присоединенію Калифорніи. Извѣстно также, что, сдѣлавъ представленіе о назначеніи меня въ колоніи, чтобы привести въ исполненіе преобразование управленія и планъ относительно Кали-

форніи, давая даже за это огромную сумму денегъ тѣмъ людямъ, отъ которыхъ, какъ думали, зависѣло ускорить дѣло, она получила отъ государя чрезъ морского министра отвѣтъ, что «Государь, будучи доволенъ, что въ службѣ его находятся офицеры съ такими достоинствами, открываетъ мнѣ всѣ пути къ отличію въ Россіи, но отпустить меня въ колоніи не рѣшается изъ опасенія, чтобы я какою-нибудь попыткою привести въ исполненіе обширныя мои замыслы не вовлекъ Россію въ столкновеніе съ Англією или Соединенными Штатами.» Такимъ образомъ, съ одной стороны я былъ введенъ въ непосредственныя сношенія съ государственными людьми и правительственными лицами и сдѣлался невольнымъ наблюдателемъ ихъ дѣйствій, будучи насильственно удержанъ въ Россіи, а съ другой стороны увидѣлъ неодолимое препятствіе своимъ стремленіямъ въ то самое время, когда они выдержали такую рискованную провѣрку и признаны были вѣрными, такъ какъ оспаривалась только ихъ удобоприложимость къ современнымъ обстоятельствамъ и форма или видъ приложенія.

Между тѣмъ и перваго взгляда на все окружающее достаточно мнѣ было, чтобы показать, до какой степени общественное мнѣніе и либеральныя стремленія измѣнились въ промежутокъ времени отъ отпращиванія моего въ походъ до возвращенія. Общественное мнѣніе пережило уже тотъ ребяческій періодъ возрѣнія, когда все слагается на дурныхъ совѣтниковъ, не подвергая ответственности то лицо, которое ихъ выбираетъ, и по личнымъ причинамъ щадить и даже возвышаетъ людей, завѣдомо вредныхъ и предъ нимъ самимъ даже обличенныхъ въ злоупотребленіяхъ. Что же касается до либеральныхъ стремленій, то изъ общности и филантропи-

ческой неопредѣленности, они стали переходить въ ясно опредѣляемыя цѣли и потомъ и съ революціоннымъ уже характеромъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Мордвиновъ свелъ меня съ Рылѣвымъ.

Надобно сказать, что адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, особенно извѣстный въ то время по своимъ рѣзкимъ мнѣніямъ въ Государственномъ Совѣтѣ, считавшійся русскимъ Аристомъ, былъ попечителемъ Россійско-Американской компаніи и особенно любилъ ее за то, за что и многіе другіе любили ее и дорожили ею. Это было единственное учрежденіе (тогда не существовало еще никакихъ другихъ акціонерныхъ компаній), которое въ общихъ собраніяхъ представляло нѣкоторый образецъ формъ свободы и равенства, — свободы въ обсужденіяхъ дѣлъ, не относившихся къ тѣсной и односторонней сферѣ какой нибудь узкой специальности, а обнимавшихъ управленіе цѣлымъ краемъ, и, слѣдовательно, неизбѣжно политическихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, равенства — потому, что тутъ не званіе и не положеніе въ обществѣ давало право голоса, а число акцій, и мѣщанинъ былъ равенъ и важному сановнику и знатному вельможѣ.

Поэтому то Мордвиновъ зналъ и Рылѣва, который былъ секретаремъ въ правленіи Россійско-Американской компаніи, — но то обстоятельство, какъ Мордвиновъ познакомилъ меня съ нимъ, показываетъ, что онъ зналъ его и по другимъ отношеніямъ. Когда я бывалъ въ правленіи компаніи, я также видалъ тамъ Рылѣва, но я не замѣчалъ его особенно и не входилъ съ нимъ ни въ какія сношенія, такъ какъ имѣлъ дѣло исключительно съ директорами, и особенно съ Прокофье-

вымъ, который велъ все дѣло о предположеніяхъ относительно колоній и Калифорніи самъ лично и не довѣрялъ его секретарямъ.

Между тѣмъ, какъ рассказывалъ мнѣ послѣ самъ Рылѣевъ, и онъ, и товарищи его по тайному обществу обратили на меня полное вниманіе съ самаго перваго-же дня моего прибытія. Не говоря уже объ особенныхъ обстоятельствахъ, обратившихъ на меня и общее вниманіе, меня тогда особенно выдвинули на видъ чрезвычайная репутація, которую я имѣлъ во флотѣ и знаніе дѣла, — которое было обнаружено мною на составленной по Высочайшему повелѣнію конференціи по дѣламъ Россійско-Американской компаніи, гдѣ я въ присутствіи многихъ важныхъ лицъ не только одержалъ верхъ надъ уполномоченнымъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, сенаторомъ Полетикою, но и превратилъ его изъ отъявленнаго противника въ ревностнаго почитателя, тутъ же въ конференціи просившаго меня о личномъ знакомствѣ.

Однажды (это было въ Январѣ 1825 г.) Мордвиновъ прислалъ просить меня къ себѣ въ 7 часовъ вечера. Я нашелъ тамъ уже Рылѣева. Мордвиновъ сказалъ мнѣ, что желаетъ, чтобы я ближе познакомился съ Рылѣевымъ и прибавилъ при этомъ: «Вы достойны быть друзьями.»

Съ тѣхъ поръ начались мои политическія сношенія съ Рылѣевымъ и знакомство съ дѣйствіями тайныхъ обществъ, особенно Сѣвернаго. Желая скорѣе заручиться моимъ содѣйствіемъ, они мнѣ сразу все открыли, и тѣмъ поставили нѣкоторымъ образомъ въ безвыходное положеніе. И продолжать независимое дѣйствіе и соблюдать нейтралитетъ

между правительствомъ и тайными обществами казалось равно невозможнымъ. Оставалось изслѣдовать, на которой сторонѣ по крайней мѣрѣ была относительная справедливость и который путь представлялъ болѣе вѣроятности для улучшения положенія народа.

Рылѣевъ передалъ мнѣ, что Мордвиновъ, говоря ему обо мнѣ и о необходимости сблизиться со мною, сказалъ ему: «Въ его идеяхъ заключается великая будущность, а, можетъ быть, и вся будущность.»

Но какъ ни живо поражали меня истины, сохранившіяся въ этихъ идеяхъ, оказавшихся вполне вѣрными и послѣ тщательнаго испытанія впоследствии, онѣ не могли однако въ то время, о которомъ я говорю, быть доказаны такими строго-научными приемами, какъ теперь. Постоянная примѣсь мистицизма и скептицизма, неизбежный результатъ обычнаго образованія и неточнаго разграниченія областей вѣры и науки, искажали и препятствовали дѣлать правильные выводы изъ чистой вѣры и трезвой науки, а между тѣмъ изъ такого моего умственнаго состоянія въ то время истекали для меня два значительныя затрудненія.

Неодолимая сила влекла меня къ дѣйствию по самой живости впечатлѣнія, которое производили на меня истины, представлявшіяся моему уму. Рѣшимость ума и воли была безграничная. Ничто не въ состояніи было остановить мое стремленіе ни къ окончательнымъ выводамъ въ умственной сферѣ, ни къ непосредственному приложенію убѣжденій моихъ на дѣлѣ, никакой страхъ, никакіе расчеты выгоды не удержали меня. Но то, что было такъ живо для меня, не могло быть представлено и доказано другимъ съ такою ясностью, чтобы поро-

дѣть равносильное моему убѣжденію, а я всегда самъ добросовѣстно искалъ породить въ другихъ убѣжденіе на правильномъ основаніи, а не подчинить себѣ только убѣжденія другихъ какою-нибудь уловкою.*) Это неизбѣжно должно было породить колебанія и парализовать твердость дѣйствія. Правда, я и тогда уже видѣлъ, хотя еще и смутно, что именно служить помѣхою правильности человѣческихъ сужденій и, вслѣдствіе того, правильности и твердости дѣйствій, и тогда я уже угадывалъ, что и мистицизмъ и скептицизмъ коренятся въ общей причинѣ, и почти чувствовалъ, что по настоящему слѣдовало бы остановиться въ дѣйствіи, пока не разрѣшу естественнаго требованія, чтобы истины, являющіяся ясными уму, были логически соединены съ опредѣленными, понятными и другимъ, дѣйствіями въ приложеніи, но жизнь политическая кипѣла вокругъ меня и увлекала къ дѣйствію, и кромѣ того люди, добивавшіеся моего участія, подѣйствовали на самую чувствительную струну мою, на всегдашнюю мою боязнь, чтобы въ дѣйствія мои не вкралось даже и безсознательно какое нибудь эгоистическое побужденіе.

Убѣжденный въ правильности и законности своихъ стремленій, я еще до похода вокругъ свѣта пріискивалъ людей, способныхъ усвоить и прилагать къ дѣйствію мои идеи, и какъ отказъ Государя въ содѣйствіи не основывался на осужденіи этихъ идей и моихъ стремленій, а напротивъ онѣ признавались вполне правильными, то я и считалъ

*) Орестъ Сомовъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ говорили мнѣ, что я дѣйствительно ищу истинной свободы и люблю ее, потому что свято уважаю ее въ другихъ, въ то время, какъ многіе ищутъ свободы только для себя, основывая ее на господствѣ надъ другими.

себя въ правѣ не видѣть въ отказѣ по крайней мѣрѣ запрещенія дѣйствовать на свой страхъ и отвѣтственность. Конечно, лучше было-бы, какъ я убѣдился впоследствии, ограничиться распространениемъ чистыхъ идей и вліяніемъ нравственнаго примѣра, устранивъ устройство Символическаго общества, но тогда мнѣ казалось необходимымъ оно какъ для сосредоточенія силы дѣйствія, такъ и для предохраненія людей, принявшихъ мои идеи, отъ вступленія въ другія общества, основы которыхъ должны были быть односторонними. Къ тому же правильность истолкованія символизма вообще еще ослѣпляла меня въ то время и не допустила меня замѣтить, что именно самая вѣрность раскрытія мною истиннаго смысла древняго символизма и была лучшимъ свидѣтельствомъ, что время символизма вообще миновало уже невозвратно.

А между тѣмъ эта ошибка и была причиною, что для того, чтобы сдѣлать общее дѣйствіе возможнымъ, я долженъ былъ сдѣлать уступки людямъ, которые — не потому отвергали символизмъ, смѣшивая его съ мистицизмомъ, что видѣли въ немъ ошибочное приложеніе вѣры, а потому, что вообще вовсе не заботились о высшихъ началахъ и о послѣдовательности, а дѣлали всѣ свои построенія на началахъ второстепенныхъ, не разбирая, къ правильнымъ или неправильнымъ выводамъ они могутъ привести и логичны ихъ дѣйствія или нѣтъ.

Оттого и вышло, что многіе изъ тѣхъ, которые меня же убѣждали пожертвовать моими основаніями, чтобы не ослаблять общаго дѣйствія, и принять обычные основанія, выработанныя соответственно тогдашнему образованію, сами отступили однако же передъ требованіями послѣдовательности. Я по свойству своего ума и характера, не отступавшаго

предъ правильною выводомъ и дѣйствуя на началахъ, предложенныхъ другими, зашелъ дальше и сдѣлалъ больше, нежели сами тѣ, которые мнѣ ихъ предложили, и, пожертвовавъ собою, приостановилъ развитіе собственнаго своего дѣла. Думаю однако же, что искренность моя, доведшая меня до такого пожертвованія собою, была вознаграждена именно тѣмъ, что это пожертвованіе и было причиною, что первоначальныя мои идеи, выдержавъ всестороннее испытаніе, могли явиться уже, вооруженныя твердо сознанными доказательствами.

Опасность относительныхъ началъ въ томъ и состоитъ, что не существуетъ никакого неизмѣннаго признака, гдѣ выводы ихъ переходятъ за черту справедливости, а обычныя побужденія, которыя обыкновенно удерживаютъ людей отъ логическаго развитія и приложенія относительныхъ началъ, это такія побужденія, которыя, истекая изъ эгоизма, сами вводятъ, хотя и въ другихъ видахъ, то же самое зло, отъ котораго, повидимому, предохраняютъ тѣмъ, что побуждаютъ людей быть непослѣдовательными принятымъ ими началамъ. Оттого-то всегда и вездѣ, времена общественныхъ переломовъ, совершающихся во имя относительныхъ началъ, такъ и опасны для людей искреннихъ, мужественныхъ и безкорыстныхъ, принимающихъ начала со всѣми ихъ послѣдствіями, тогда какъ люди, готовые всегда остановиться изъ страха опасности или по расчету выгоды, переносятъ общественные кризисы гораздо безопаснѣе въ смыслѣ эгоистическомъ, и, отступивъ предъ логическими выводами своихъ началъ, не менѣе того снова хвалятся при случаѣ этими началами, и свое отступленіе прикрываютъ именами умѣренности и искусства. Но какъ эти люди узнаются по совер-

шеніи уже дѣйствія, то вводя вначалѣ въ заблужденіе на счетъ своей искренности, вводятъ въ заблужденіе и на счетъ справедливости, какъ-бы ни старались люди искренніе отыскать, на которой она сторонѣ и въ какой мѣрѣ, что составляетъ однако самый важный вопросъ для людей, рѣшающихся дѣйствовать на основаніи справедливости относительной.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, казалось несомнѣннымъ, что справедливость относительная находилась на сторонѣ противной правительству и называвшейся либеральною. Но къ несчастію слова «либераль» и «революціонеръ» были тогда уже синонимы, что происходило отъ ошибочнаго понятія о сущности либерализма. Либерализмъ противоположенъ эгоизму, а не какому-либо виду общественнаго устройства, и эгоистъ въ какой-бы партіи ни былъ, какой-бы формы ни являлся партизаномъ, внесетъ неправду во всякую форму — анархическія дѣйствія подъ покровомъ власти и деспотизмъ подъ покровомъ свободы. Оттого-то такъ и легко у иныхъ людей переходъ отъ участія въ революціи къ деспотизму и обратно — переходъ, изумляющій только тѣхъ, кто не восходитъ къ высшимъ началамъ, и, поражаясь противоположностью видовъ, не замѣчаетъ, что это только различные виды одной и той-же сущности. Стало быть, одно стремленіе къ насильственному измѣненію внѣшней формы не есть еще ручательство ни за либерализмъ дѣйствующаго лица, ни за улучшеніе быта отъ переворота. Но въ то время, о которомъ я говорю, все это было еще мало разъяснено, и всѣ люди, высказывавшіеся противъ правительственнаго деспотизма и за насильственное ниспроверженіе его, считались за либераловъ. Такимъ-то образомъ въ тайныя общества

и вкралось много людей, не имѣвшихъ ни истиннаго понятія о свободѣ, ни истинно-либеральнаго духа. Они-то и внесли тѣ безплодные толки о средствахъ переворота, изъ которыхъ обвиненіе преимущественно извлекало себѣ пищу, и тѣ споры о формѣ государственнаго устройства, которые раздѣлили тайныя общества и парализировали силу дѣйствія и непосредственную пользу либеральныхъ стремленій.

Съ такими-то по большей части людьми мнѣ пришлось вступить внезапно въ сношенія, когда Мордвиновъ открылъ имъ мое дѣло, а они поспѣшили открыть мнѣ вполне свое. Кто изъ нихъ былъ чистъ и искрененъ въ своихъ побужденіяхъ и кто нѣтъ, могло оказаться только впоследствии, а между тѣмъ необходимо было немедленно рѣшиться, такъ какъ самая ихъ непрошенная, а, можетъ быть, умысленно рассчитанная откровенность поставила меня въ безвыходное положеніе, какъ сказалъ я выше.

Другихъ привлекали обыкновенно къ соучастію въ тайныхъ обществахъ сначала намеками или общими выраженіями, и имъ легко было всегда уклониться, отдѣлываясь такими же общими выраженіями или показавъ видъ, что не хотятъ понять намековъ, — но меня, которому все сразу открыли, одно ужъ это знаніе дѣлало прямымъ соучастникомъ, если не открою сейчасъ же всего узаннаго правительству, а это уже потому являлось немислимымъ, что, ознакомясь близко съ побужденіями и дѣйствіями правительственной стороны, я убѣдился уже, что въ ней нѣтъ ни искренности, ни правоты, и дѣйствовать противъ противной ей стороны, значило бы допускать усиливаться еще болѣе признанному злу. Къ тому же дурныя свойства многихъ правительственныхъ лицъ были

уже несомнѣнно обнаружены, а искренность противниковъ ихъ не опровергалась еще никакимъ фактомъ, и самый рискъ дѣйствія, требовавшего самопожертвованія, говорилъ скорѣе въ ихъ пользу.

И такъ, оставалось или преклонить ихъ къ своему образу дѣйствій, или соединиться съ ними, или вступить въ борьбу не только въ сферѣ идей, но и какъ обществу съ обществомъ. Но тутъ и оказалось, что устройство собственнаго общества и символизмъ его организациі возбудили большія затрудненія противъ возможности перваго и третьяго рѣшенія, оставалось только принять второе.

Символизмъ и теперь существуетъ вездѣ не только въ религіозной, но и въ гражданской обрядности, но его легко смѣшиваютъ въ незнакомыхъ предметахъ съ мистицизмомъ, а мистицизмъ былъ тогда въ дурной славѣ по злоупотребленію, которое дѣлала изъ него правительственная партія, и многимъ казалось, что вліяніе мистицизма легко можетъ привести и либеральнаго человѣка въ ту партію. Другое затрудненіе, истекавшее изъ существованія двухъ отдѣльныхъ обществъ, заключалось въ томъ, что въ прискиваніи членовъ выборъ обоихъ обществъ по необходимости могъ падать на однѣ и тѣ-же личности, а какъ люди, поражааясь тягостью настоящаго положенія, ищутъ прежде всего скорѣйшаго облегченія, то и естественно склоняются въ сторону тѣхъ, кто обѣщаетъ скорѣйшее удовлетвореніе. Къ тому же принятіе моихъ идей требовало глубокаго размышленія не подъ силу поверхностному образованію и поэтому отысканіе людей, способныхъ быть принятыми въ мое общество, представлялось дѣломъ крайне затруднительнымъ. Другіе ищутъ союзниковъ, не заботясь о томъ, по какимъ побужденіямъ къ нимъ присоединяются, ищутъ по-

лучить согласіе, хотя бы по минутному увлеченію. Я же, который, убѣждая въ чемъ-нибудь другихъ, всегда искалъ сознательнаго убѣжденія и болѣе всего боялся подчиненія своимъ идеямъ по увлеченію или на основаніи недоразумѣнія, я совѣстливо изслѣдовалъ всякое возраженіе, и если не могъ опровергнуть его яснымъ для меня самого доказательствомъ, то это естественно производило во мнѣ колебаніе и ослабляло твердость дѣйствія особенно, когда возраженія соединялись съ обвиненіемъ, что, упорствуя въ своихъ идеяхъ, я, можетъ быть, хоть и безсознательно, дѣйствую по внушенію самолюбія и властолюбія. Впослѣдствіи, когда я собственнымъ новымъ изслѣдованіемъ всего нашелъ правильныя доказательства своимъ идеямъ, я не только въ умственной сферѣ, но и на дѣлѣ доказалъ, что существуетъ всегда законный выходъ изъ такъ называемыхъ безвыходныхъ положеній и руководящая нить среди всѣхъ противорѣчій, но въ то время, когда я вступалъ въ совѣщанія съ членами сѣвернаго тайнаго общества, я не могъ ясно доказать другимъ, что исходъ изъ безнадежнаго и изъ безвыходнаго, повидимому, положенія государства могъ быть иной, нежели тотъ, который они предлагали. Вся бѣда въ томъ, что при малѣйшей неясности въ сознаніи высшихъ началъ и непреложности ихъ послѣдствій, всегда будетъ являться неизбѣжная дилемма выбирать не между несомнѣннымъ зломъ и добромъ, а между двумя такими вещами, которыя условно могутъ представляться и зломъ и добромъ. Въ такомъ положеніи представлялись тогда вещи и въ Россіи. Казалось, не было другого выбора, какъ или раболѣпно подчиняться существующему порядку вещей и сдѣлаться сознательнымъ орудіемъ его деспотизма, стараясь извлечь изъ этого выгоду

только для своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, или героини жертвовать собою для насильственного ниспроверженія существующаго и установленія лучшаго устройства, что было, конечно, болѣе сочувственно великодушнымъ сердцамъ. Казалось, что или надобно какъ можно скорѣе произвести переворотъ, или допустить, что онъ въ будущемъ сдѣлается еще необходимѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо затруднительнѣе, и произведетъ еще сильнѣйшее потрясеніе, а не то приведетъ, пожалуй, еще и къ полному разложенію государства. Съ такими то аргументами и выступили противъ меня со всѣхъ сторонъ совѣщавшіеся со мною члены сѣвернаго тайнаго общества.

«Мы смѣло можемъ дѣйствовать противъ васъ,» говорилъ мнѣ Рылѣевъ, «не боюсь содѣйствовать противной сторонѣ, такъ какъ ваши дѣйствія не ослабляютъ въ ближайшее время правительства, а имѣютъ въ виду улучшеніе его въ отдаленномъ будущемъ, а вы не можете дѣйствовать противъ насъ, потому что, ослабляя насъ, вы будете тѣмъ самымъ усиливать зло деспотизма, а мы убѣждены, что этого ужъ, конечно, вы и не хотите и не сдѣлаете.»

«Нейтралитета мы вамъ никакъ не допустимъ, мы говоримъ вамъ это прямо. Вы можете быть намъ полезнымъ союзникомъ, и мы охотно примемъ васъ въ число главныхъ дѣятелей, но, если вы не будете дѣйствовать съ нами, мы будемъ дѣйствовать противъ васъ и вынудимъ васъ или отказаться отъ вашего дѣйствія, или выдать насъ правительству, — а на это, нечего и говорить, вы никогда не рѣшитесь.»

«Я не отвергаю,» говорилъ онъ далѣе, «что ваши идеи могутъ быть очень возвышенны и принесутъ

пользу въ будущемъ, но намъ нужна немедленная помощь, вы сами видите, какія усилія дѣлають, чтобы обратить Россію назадъ. Готова-ли Россія или нѣтъ къ новому порядку вещей — теперь объ этомъ можно, конечно, спорить, но ужъ никакъ за то нельзя сомнѣваться, что при теперешнемъ направленіи, чѣмъ дольше это продолжится, тѣмъ менѣе она будетъ готова.»

«Я мало размышлялъ о религіозныхъ вопросахъ,» продолжалъ Рылѣевъ, «и мало ученъ, можетъ быть поэтому и не понимаю, какъ можно приложить ваши идеи къ настоящимъ обстоятельствамъ, и на какихъ основаніяхъ могутъ быть примирены противныя стороны. Но я боюсь, что если мы допустимъ ваши идеи, то наши противники воспользуются ими только, какъ орудіемъ противъ насъ, а на нихъ онѣ нисколько не подѣйствуютъ, и они останутся при своемъ и не измѣнять своего образа дѣйствій.»

«Мы начали дѣйствовать прежде васъ, и за насъ всѣ историческіе примѣры (тогда не существовали еще грустные примѣры Испанско-Американскихъ республикъ), и не будетъ ли самолюбіемъ съ вашей стороны, что вы справедливѣе думаете и будете лучше дѣйствовать, нежели какъ думали и дѣйствовали всегда и вездѣ всѣ другіе въ подобныхъ обстоятельствахъ.»

«Мы мало того, что не признаемъ законнымъ настоящее правительство, мы считаемъ его измѣнившимъ и враждебнымъ своему народу, а потому дѣйствія противъ него не только не считаемъ незаконными, но глядимъ на нихъ, какъ на обязательныя для каждаго русскаго, какъ если бы пришлось дѣйствовать противъ непріятели, силою или хитростью вторгнувшагося въ страну и захватившаго ее и пр. и пр.»

Подобными аргументами искали склонить меня къ общему дѣйствию. Я уступилъ, но коренныя основы наши были слишкомъ различны, и я былъ слишкомъ искрененъ, чтобы слѣпо дѣйствовать, закрывая добровольно глаза на все. По этому дѣйствуя, но въ то же время и наблюдая, я почти съ первыхъ же шаговъ сталъ замѣчать противорѣчя съ самими собою у моихъ новыхъ союзниковъ, и до какой степени отсутствіе высшихъ началъ и односторонность стремленій и направленія парализовали собственныя ихъ дѣйствія, а предпочтеніе внѣшнихъ формъ живымъ органическимъ силамъ дѣлало ихъ болѣе способными къ разрушенію стараго, нежели къ созиданію новаго, и давало возможность втираться въ общество людямъ съ эгоистическими побужденіями, готовымъ принимать всякую внѣшнюю форму, такъ что она у нихъ была не проявленіемъ или выводомъ внутренняго убѣжденія, а только какъ средство для личныхъ цѣлей. Для меня порядокъ и свобода были проявленіемъ одной и той же силы, не выходящей нигдѣ за предѣлы должнаго и справедливаго (порядокъ, какъ свободное дѣйствіе) не потому, что ей ставятъ высшія преграды, но по своему собственному свойству самоограниченія и самообладанія, по свойству внутренней гармоніи между всѣми элементами, необходимо выражающейся въ такихъ правильныхъ формахъ, которыя могутъ служить лучшими орудіями для живой духовной силы. Поэтому-то я и не признавалъ возможности устройства общественнаго и государственнаго безъ этой живой силы и считалъ возбужденіе ея главнымъ и начальнымъ дѣйствіемъ, оттого-то и думалъ, что совершеннѣйшая форма можетъ быть созданіемъ не отвлеченныхъ идей и фикцій, а доброкачественной силы и духа, и что поэтому всѣ усилія наши должны

быть направлены и словомъ и собственнымъ примѣромъ къ возвышенію нравственности въ народѣ, что въ свою очередь немыслимо безъ чистой религіи, которой ханжество и суевѣріе на столько же чуждо и враждебно, какъ и невѣріе.

Точно также и для истинной нравственности, какъ истекающей изъ одной и той же силы, я не допускалъ никакого раздвоенія, никакого различія, ни смотря по сферамъ, ни смотря по дѣйствіямъ. Для меня единство закона было главнымъ признакомъ истинности во всемъ. Только изъ него и могла истекать твердость нравственныхъ убѣжденій, основанная на убѣжденіи въ такой же непреложности нравственныхъ законовъ, какъ и законовъ міра вещественнаго. Я и тогда уже признавалъ напр. одну только честность, какъ объяснялъ это впоследствии генераль-губернатору Восточной Сибири Муравьеву, а до того еще Михаилу Петровичу Лазареву по поводу рассказаннаго въ первой части записокъ столкновенія моего съ нимъ за несогласіе мое выставлять цѣны выше заплаченныхъ, хотя онъ и оправдывалъ это требованіе тѣмъ, что этотъ излишекъ онъ хочетъ употреблять не на себя, а на украшеніе фрегата. Я считалъ нечестнымъ дѣломъ не одно только присвоеніе денегъ, но и всякую несправедливость для личной цѣли. Еще менѣе я понималъ, что можно быть честнымъ въ одномъ дѣлѣ и нечестнымъ въ другомъ, платить карточный долгъ равному себѣ и не платить мастеровому, говорить объ улучшеніи быта народа и въ то же время распутствовать, развращая народъ и соблазняя его и собственнымъ примѣромъ и тѣмъ отравляя нравственность въ самомъ жизненномъ источникѣ ея, упрекать народъ въ пьянствѣ и самому участвовать въ оргіяхъ. Притомъ для меня всѣ виды зла соли-

дарны между собою и поддерживаютъ одинъ другой, и кто допускаетъ или оправдываетъ одинъ видъ, не представляетъ поруки, что не перейдетъ и въ другой. Опытъ постоянно доказываетъ, что, разгадавъ одну, какъ называютъ, «слабость» у людей, увлекаютъ ихъ въ другія.

Далѣе: свобода, какъ выраженіе силы, должна была, по моему, проявляться преимущественно, какъ начало зиждущее, въ творческихъ дѣйствіяхъ. Отсюда стремленіе и усилія мои и въ совѣщаніяхъ общества направлять обсуждения на изслѣдованіе и выработку органическихъ положеній и отысканіе основныхъ и справедливыхъ началъ для нихъ въ живыхъ силахъ и правильномъ сознаніи народа. Наконецъ, въ моихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, въ полнотѣ совершеннаго организма являлись равно необходимыми всѣ извѣстныя начала или элементы, которые только тогда оказываются несомвѣстимыми и становятся во враждебныя отношенія одни къ другимъ, когда берутся въ отдѣльности и выражаются въ исключительной односторонней формѣ. Для меня всякая власть, если была не фикція, а дѣйствительная сила, была самодержавна, не подлежа другому ограниченію, кромѣ нравственнаго самоограниченія или противодѣйствія такой же силы, и историческій опытъ доказалъ, что коль скоро эти препятствія уничтожались, то всякая власть проявлялась и въ формѣ абсолютизма и даже возводила его въ право. Тогда какъ при условіи нравственныхъ силъ въ обществѣ и самодержавная по формѣ и писанному праву власть на дѣлѣ ограничена необходимостью согласоваться со справедливостью, съ нравственнымъ закономъ, съ общественнымъ мнѣніемъ, особенно въ христіанскихъ народахъ, гдѣ и для имущихъ власть и для подчиненныхъ ей есть

равный высшій законъ, что Богу слѣдуетъ повиноваться паче, нежели человѣку. Для меня и въ каждой республикѣ существуетъ неизбѣжно монархическое и аристократическое начала и въ каждой монархіи начало демократическое, вездѣ есть требованіе равенства, какъ напр. предъ нравственнымъ закономъ, и требованіе безусловнаго подчиненія вещамъ безразличнымъ нравственно, условнымъ, такъ какъ безъ этихъ взаимныхъ уступокъ общественная жизнь была бы невысказима. Отъ того мы и видимъ, что это подчиненіе нигдѣ такъ строго не выполняется, какъ тамъ, гдѣ допускается наибольшая политическая свобода, вездѣ есть общее требованіе подчиненія закону, и вездѣ, по невозможности внѣшне выраженному закону (будь то писанный или устный по преданію) обнять всѣ проявленія жизни, допускаются исключенія, подлежащія суду совѣсти, котораго право помилованія высшею властію, а также и право снятія отвѣтственности (*bill d'indemnité*) и судъ присяжныхъ составляютъ только разные виды. Все дѣло только въ томъ, чтобы всѣмъ этимъ требованіямъ дать соотвѣтственное и законное удовлетвореніе, вмѣстивъ ихъ въ ихъ началахъ, или силахъ въ органическомъ единствѣ, а не въ преобладающей формѣ, исключющей или стѣсняющей другія или въ механическомъ смѣшеніи формъ. Во всякомъ общественномъ организмѣ существуютъ вмѣстѣ требованія и федерализма и унитаризма, всякій общественный живой организмъ имѣетъ свою конституцію и пр. и пр.

Но какъ между различными организмами человѣческой организмъ есть самый совершенный, какъ орудіе, предназначенное для проявленія высшей силы духовной, то и для организма общественнаго должна существовать лучшая конституція — «кон-

ституція по преимуществу» (*constitution par excellence*), которую и должно стремиться создать не подражаніемъ внѣшней формѣ, а, возбудивъ въ обществѣ полноту духа и силу совершеннѣйшаго человѣка, — и тогда и форма устройства общественнаго создастся по человѣческимъ началамъ и требованіямъ, и будетъ живымъ человѣческимъ организмомъ для сознательныхъ и нравственныхъ цѣлей, а не животнымъ организмомъ или бездушною формою, не соотвѣтствующею характеру живыхъ силъ, которыхъ она должна служить орудіемъ.

Всѣ эти вещи, ясныя для меня, не совсѣмъ были понятны для людей, съ которыми мнѣ пришлось теперь дѣйствовать, или, вѣрнѣе сказать, они и не заботились объ отысканіи коренныхъ началъ во всемъ, согласованіи съ ними своихъ дѣйствій, уничтоженіи противорѣчій — и поэтому поводы къ разногласію стали являться на каждомъ шагу.

IV.

Я всегда отдавалъ и отдамъ справедливость моимъ товарищамъ и всегда скажу, что у людей, дѣйствовавшихъ въ 1825 г. есть одно, чего никакъ нельзя у нихъ отнять и цѣну чего никакъ нельзя уменьшить, — это готовность жертвовать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ люди болѣе всего дорожатъ и чего болѣе всего добиваются въ жизни. Они жертвовали не только жизнью, которою рискуютъ иногда изъ-за пустяковъ, изъ тщеславія, не имѣя притомъ въ виду отвѣтственности въ послѣдствіяхъ, но и состояніемъ и положеніемъ въ обществѣ, и тѣмъ, что имѣли уже, и тѣмъ, что навѣрное имѣли-бы при томъ порядкѣ вещей, который искали измѣнить вопреки

своей выгодѣ. Но тѣмъ менѣе-то я понималъ, какъ люди, жертвующіе и подобными вещами, не умѣли жертвовать своими страстями и могли примѣнивать какія-нибудь личныя побужденія. Какъ ни раздражали и ни возбуждали меня противъ иныхъ лицъ извѣстные рассказы о самыхъ возмутительныхъ ихъ дѣйствіяхъ, и раздраженіе и возбужденіе было за такія дѣйствія, которыя относились къ нарушенію общаго блага, а отнюдь не лично ко мнѣ, — и потому у меня дошло почти до формальнаго разрыва съ Рылѣевымъ, когда онъ объявилъ мнѣ, что «хочетъ принять въ члены Якубовича, какъ надежнаго человѣка, потому что онъ одушевленъ личнымъ мщеніемъ противъ Государя.» Я такъ энергически и запальчиво возсталъ противъ этого, что Рылѣевъ испугался и вынужденъ былъ сознаться, что онъ утаилъ отъ меня правду, что они уже приняли Якубовича, но что впередъ этого не будетъ, и мое мнѣніе всегда будетъ спрошено прежде принятія кого нибудь въ члены. Я упрекалъ и въ общихъ сужденіяхъ и лично многихъ, что, жертвуя большимъ, они не жертвуютъ прихотями и удовольствіями, отвлекающими отъ серьезныхъ дѣлъ, и не соблюдаютъ чистоты жизни, трезвости и воздержности, первыхъ условій, чтобы быть свободнымъ и достойнымъ свободы. Я упрекалъ ихъ за отрицательныя большею частію понятія о свободѣ, за предпочтеніе изысканія средствъ къ разрушенію и ниспроверженію существующаго, — изслѣдованіямъ и приложенію къ дѣлу, гдѣ возможно, новыхъ и плодотворныхъ началъ (напр. личнаго дѣйствія въ распространеніи образованія, освобожденіи своихъ крестьянъ, въ службѣ мѣстной и пр.), за преимущество, которое они отдавали разсужденіямъ о формѣ государственнаго устройства, монархіи или де-

мократіи и пр., изученію понятій и потребностей народа чрезъ непосредственное знакомство съ нимъ, вмѣсто того, чтобы жить для удобства въ столицахъ. И все это тѣмъ сильнѣе осуждалось съ моей стороны, что во всемъ этомъ я видѣлъ неизбѣжные зародыши причинъ неуспѣха дѣла свободы, — и вмѣстѣ съ тѣмъ показывалъ имъ своимъ примѣромъ на дѣлѣ, что можно и должно иначе дѣйствовать, — какъ тѣмъ, что направлялъ всегда, когда лично присутствовалъ, разсужденія къ разсмотрѣнію существенныхъ вопросовъ, такъ и образомъ дѣйствія моего въ Гвардейскомъ экипажѣ.

Что въ донесеніи слѣдственной комиссіи не могло быть правды, это очевидно уже изъ того, что ни съ той, ни съ другой стороны не было искренности ни въ изслѣдованіяхъ, ни въ отвѣтахъ, и тѣмъ болѣе, что самое положеніе каждой стороны направляло къ искаженію вещей, независимо даже отъ прямого умысла. Были или нѣтъ пытки въ прямомъ смыслѣ, какъ утверждали то нѣкоторые изъ моихъ товарищей, сказать не могу, такъ какъ не могъ имѣть прямыхъ показаній отъ тѣхъ, которые были, какъ говорятъ, имъ подвергнуты, — но то несомнѣнно, что многія вещи были такого рода, что дѣйствіе ими производимое, было равносильно пыткамъ, какъ несомнѣнно и то, что употреблялись постоянно угрозы, вымышленныя показанія, ложныя обѣщанія и подобныя тому уловки негласнаго суда. Поэтому, и другая сторона искала оградить себя и обороняться выдумками, стараніемъ запутать дѣло, и нѣкоторые увлекались до того, что по системѣ искали впутать большее число, особенно такихъ, которые спаслись, уклонившись отъ общества изъ трусости или по расчету.

Кромѣ того, очень понятно, что слѣдственная

комmissiя искала представить все, хотя и въ ужасномъ, но въ смѣшномъ видѣ и въ ничтожной силѣ. Вслѣдствіе всего этого и вышло, что серьезныя работы общества, существенныя вещи и дѣйствительное значеніе лицъ ускользало отъ обнаруженія, а явилось несмѣтное количество сплетней и искаженіе представленія о дѣлахъ и лицахъ. Пустые разговоры въ родѣ и нынѣ часто слышимой непочтительной болтовни, принимались за правильныя совѣщанія, а обычныя и нынѣ выраженія, нерѣдко вырывающіяся при взрывѣ досады у людей, которые между тѣмъ въ отвлеченныхъ сужденіяхъ считаются партизанами настоящаго порядка вещей, принимались за обдуманная намѣренія. Принимали за важныя лица въ обществѣ людей, такъ сказать, наружно выдававшихся, а не разгадали тѣхъ, кто имѣлъ дѣйствительное значеніе, но не выказывалъ его и не облакалъ въ видимую форму.

Въ докладѣ слѣдственной commissiи сказано было, что я первенствовалъ въ кругу офицеровъ Гвардейскаго экипажа и другихъ моряковъ, но я первенствовалъ и въ общихъ собраніяхъ, если принять въ соображенія, что, не принимая ни званія директора вообще, ни предсѣдателя совѣщаній, я оканчивалъ всегда тѣмъ, что направлялъ совѣщанія на предметы, которые считалъ существенными, и руководилъ совѣщаніями, какъ въ особенности это было при обсужденіи объ уничтоженіи крѣпостнаго права*), о судѣ, о народномъ войскѣ и пр. И при этомъ вліяніе мое росло и въ общихъ совѣщаніяхъ

*) Дѣйствіями моими при этомъ совѣщаніи Феодоръ Николаевичъ Глинка былъ до того доволенъ, что хлопалъ въ ладоши и постоянно вскрикивалъ: «Мала птичка, а когти остреньки.»

до того быстро, что возбудило наконецъ зависть въ самомъ Рылѣевѣ, особенно при видѣ и внѣшнихъ успѣховъ моихъ.

Хотя я и считалъ полезнымъ знакомство и съ различными формами государственнаго устройства и общественнаго быта, но требовалъ прежде знакомства съ понятіями, желаніями и условіями быта народнаго, и всякія пренія о формѣ считалъ тѣмъ болѣе преждевременными и вредными даже, что они вносили раздѣленіе, когда предстояло еще столько предварительныхъ общихъ дѣйствій, и давали удобный предлогъ для зависти, ищущей власти. Стоило только во имя какойнибудь формы объявить себя противникомъ людей, защищавшихъ другую, чтобы формировать свою партію, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы стать во главѣ ея. А раздѣленіе неизбежно, когда идутъ отъ внѣшняго ко внутреннему, когда споръ зайдетъ о преимуществѣ одной формы передъ другою. Монархія и республика, аристократія и демократія, федерація и унитаризмъ, личность и община и пр. являются въ отвлеченной сферѣ съ равными правами для умственныхъ рѣшеній. Эти вопросы успѣли уже раздѣлить общество на Сѣверное и Южное еще до того времени, когда я вступилъ съ нимъ въ сношенія, а раздѣленіе это парализовало и дѣйствія общества вообще и всѣ предначертанія и распоряженія 14-го Декабря. Сѣверное общество склонялося къ монархическому правленію и къ необходимости созвать земскій соборъ для освященія переворота общимъ народнымъ согласіемъ, Южное требовало республики и десятилѣтней диктатуры, чтобы приготовить народъ къ свободнымъ учрежденіямъ. Одни говорили, что для народа титулъ Царя необходимъ, другіе возражали, что русскіе самый демократиче-

скій народъ, что доказывалось господствомъ вѣча надъ княземъ въ древности, и непринятіемъ майората въ новѣйшее время, не смотря на всѣ усилія даже такого насильственного реформатора, каковъ былъ Петръ I . Коренные русскіе стояли за форму унитаризма, полного государственнаго единства, говоря, что нечего будетъ желать меньшаго и худшаго, когда будетъ всѣмъ даровано большее и лучшее. Люди же не русскаго происхожденія и нѣкоторые члены общества Соединенныхъ Славянъ, применувшаго къ Южному обществу, требовали федеральнаго устройства и по меньшей мѣрѣ мѣстнаго партикуляризма (обособленности учреждений, а члены польскаго общества — независимости Польши и даже границъ 1772 г.).

Всѣ эти преждевременные споры чрезвычайно огорчали и раздражали меня, такъ какъ я видѣлъ ясно, что не въ преобладаніи той или другой формы, не въ механическомъ смѣшеніи и внѣшней срединѣ должно искать общаго соглашенія, а въ общемъ духѣ и высшей органической силѣ, способной вмѣстити всѣ начала или элементы и доставить каждому возможность дѣйствовать въ соотвѣтственной ему сферѣ къ общей пользѣ, содѣйствуя другъ другу, а не противодѣйствуя, не исключая одно другое, какъ неизбежно въ стремленіи къ созданію отдѣльныхъ формъ или видовъ. Я даже устройство экономическихъ видовъ дѣятельности, земледѣлія, промышленности и торговли понималъ не иначе, какъ въ органической связи соревнованія и взаимнаго возбужденія и содѣйствія, а не соперничества и развитія одной отрасли только на счетъ другой и одного народа на счетъ другого.

Вотъ почему, пока другіе истощались въ без-

плодныхъ преніяхъ, я одинъ набралъ больше членовъ, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ, да и приготовилъ ихъ иначе.

Всѣмъ извѣстно, что Гвардейскій экипажъ былъ приготовленъ лучше всѣхъ другихъ полковъ и былъ единственнымъ войскомъ, вышедшимъ на дѣйствіе 14-го Декабря въ совершенномъ порядкѣ и полномъ составѣ, со всѣми своими офицерами. Кромѣ того мои дѣйствія отличались еще и тѣмъ, что, за исключеніемъ дѣйствующихъ на площади и взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, никто изъ другихъ членовъ общества, которые имѣли непосредственныя сношенія только со мною, не былъ арестованъ, за мною не вошелъ въ крѣпость ни одинъ человекъ, и только Теопомптъ Лутковскій былъ посланъ на Черное море, и то за «дружбу» со мною, такъ какъ участія въ обществѣ ему не могли доказать, а отъ меня не могли исторгнуть показанія. Даже и офицеры Гвардейскаго экипажа спаслись бы, если бы одинъ изъ нихъ (Арбузовъ) по самолюбію не захотѣлъ вступить въ прямыя сношенія съ Николаемъ Бестужевымъ и Рылѣвымъ, помимо моего вѣдома и вопреки моимъ распоряженіямъ, — а другой не сообщилъ о сущности дѣла тому изъ своихъ товарищей, относительно котораго я даже предостерегалъ его.

Надо сказать, что чѣмъ больше толковали о формахъ и о средствахъ къ перевороту, тѣмъ сильнѣе становилось разногласіе и тѣмъ очевиднѣе было колебаніе. Въ такомъ положеніи многіе начали подумывать, не лучше-ли опять возвратиться къ дѣйствію чрезъ само правительство, возбуждая въ Государѣ или прежнія либеральныя чувства или опасенія. Для послѣдняго былъ даже составленъ такой планъ: открыть ему существованіе тайныхъ

обществъ и неминуемость переворота и доказать, что единственное средство предупредить это состоятъ въ добровольномъ дарованіи конституціи, или по крайней мѣрѣ въ немедленномъ приступленіи къ реформамъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ, обѣщая ему въ такомъ случаѣ полную преданность и ревностнѣйшее содѣйствіе членовъ общества. Для исполненія этого плана дѣло состояло единственно въ томъ, чтобы найти человѣка, способнаго на хладнокровное пожертвованіе собою и на столько твердаго, чтобы, открывъ существованіе заговора, не выдать однако его соучастниковъ. Были и такіе, которые думали, что можно достигнуть цѣли косвенно, или анонимными письмами, или подвинувъ на то одного изъ тѣхъ любопытныхъ, которые изъ тщеславія хотѣли знать все, а изъ расчета не хотѣли быть членами общества, но желали бы извлечь себѣ выгоду изъ своего знанія, не слишкомъ компрометируя себя слишкомъ не благовиднымъ поступкомъ и предъ другою стороною. Такъ объясняли нѣкоторыя дѣйствія Оболенскаго относительно Ростовцева. Сообщая послѣднему все дѣло отъ себя, Оболенскій зналъ, говорятъ, что Ростовцевъ способенъ составить себѣ выслугу изъ доноса, но что его, Оболенскаго, онъ не рѣшится выдать, а объяснить, что узналъ все какъ-нибудь стороною, а между тѣмъ вліяніе на Государя можетъ быть произведено. Бесплодные преждевременные разговоры, которые по самой сущности своей должны были по неволѣ ограничиваться одними словами, и, не имѣя практическаго приложенія, потому и могли быть безконечными, что не сдерживались никакими предѣлами дѣйствительности, и имѣли еще и то приискорбное послѣдствіе, что большая часть старыхъ членовъ «выболтались», какъ говорили. Вся энер-

гичная дѣятельность послѣдняго времени принадлежала преимущественно новымъ членамъ, старые же не только ослабѣли въ дѣятельности, но искали еще уклониться и даже вовсе отстать отъ общества. Иные дѣлали это просто и незамѣтно, но другіе старались оправдать свое уклоненіе разными предлогами, которые, по ихъ мнѣнію, были болѣе или менѣе благовидны и могли оправдать перемѣну ихъ образа дѣйствій. Здѣсь необходимо разсмотрѣть эти предлоги, потому что они составляютъ существенный вопросъ въ развитіи всякаго политическаго и общественнаго дѣла.

Мы глубоко чтимъ всегда всякое добросовѣстное свободное убѣжденіе, но никогда не допускали и не оставляли безъ обличенія никакихъ недобросовѣстныхъ предлоговъ, какія-бы ни были послѣдствія, которыя это обличеніе намъ могло навлечь.

Добросовѣстное обсужденіе показывало между тѣмъ, что единственный законный поводъ къ уклоненію изъ общества могъ быть измѣненіе мнѣнія насчетъ законности употребленія силы, какъ средства для достиженія либеральныхъ цѣлей.

Но кто, не отрицая этого въ принципѣ, выставлялъ другіе предлоги, чтобы уклониться даже отъ либеральныхъ мнѣній вполне законныхъ, особенно, если употреблялъ эти предлоги для того, чтобы снова перейти на сторону деспотизма, тотъ обличалъ въ себѣ или прямо расчетъ выгоды или безсиліе ума, который не въ состояніи былъ совладать съ противорѣчіями и найти другой вполне законный выходъ кромѣ возвращенія къ старому порядку вещей, осужденному уже его совѣстію. Если человекъ отклонялся отъ участія въ обществѣ потому, что созналъ ошибочность принципа допущенія

насильственныхъ средствъ, то онъ все же не могъ дѣйствовать отрицательно, однимъ уклоненіемъ отъ общества, онъ долженъ былъ только перейти къ другому образу дѣйствій и противодѣйствовать энергически революціи, обличая ошибочность принципа, но не только не извлекая себѣ изъ этого никакой выгоды отъ противной стороны, отъ деспотизма, но преслѣдуя и въ немъ (хоть также и жертвуя въ иномъ видѣ собою) тотъ же принципъ зла для добра, проявляющійся въ произволѣ, въ насильственномъ дѣйствіи власти вопреки закону.

Такъ-ли однако поступали уклонившіеся члены общества? Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Александръ Муравьевъ, ссылались на измѣненіе мнѣнія о самомъ принципѣ, но заявляли о томъ единственно бездѣйствіемъ, а не какою либо новаго рода дѣятельностью. Другіе ссылались на встрѣченныя препятствія или измѣненіе мнѣнія относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и тутъ проявилось въ чрезвычайномъ обилии разнообразіе предлоговъ, причемъ иные увлекались до отрицанія самыхъ очевидныхъ и самыхъ общеизвѣстныхъ явленій, свидѣтельствуя тѣмъ только о явной своей недобросовѣстности.

Были такіе, которые вдругъ начали говорить, что, разсмотря дѣло обстоятельно, они убѣдились, что нашъ народъ такъ невѣжественъ и испорченъ, что ли не стоитъ лучшаго правительства, что «по Сенькѣ и шапка». Другіе пугались препятствій, неготовности Россіи къ лучшему порядку вещей, малаго еще числа дѣятелей и пр., какъ будто не въ томъ состояла задача и заслуга, чтобъ именно, жертвуя собою, приготовить неготовое, безпрестанно расширять размѣры малаго, — какъ будто измѣненіе всякаго порядка вещей во всѣхъ сферахъ не начи-

налось всегда съ единичной даже силы, съ извѣстной личности, вносившей новую идею или начинавшей новое дѣло. Наконецъ, были и такіе, которые притворялись, что будто-бы они убѣдились въ ошибкѣ своей на счетъ чувствъ народа, тогда какъ не было очевиднѣе факта, до какой степени Государь потерялъ въ послѣднее время уваженіе и расположеніе народа, до какой степени великіе князья были нелюбимы, особенно въ гвардіи, — такъ что даже солдаты смотрѣли положительно неблагоприятно на тѣхъ офицеровъ, которые искали у нихъ пособія, и называли ихъ «княжескими лакеями». Между тѣмъ подобная неискренность, подобный образъ дѣйствій многихъ старыхъ членовъ общества, заставлялъ искренно-либеральныхъ изъ новыхъ членовъ общества очень сожалѣть о томъ, что они не могутъ дѣйствовать за одно съ Государемъ, какъ могли дѣйствовать либеральные люди, пока онъ не измѣнялъ своего либеральнаго образа мыслей. Они были бы, конечно, ему самыми ревностными сподвижниками, и, какъ бы ни были велики препятствія, идущія отъ народа, какъ бы медленно ни шель прогрессъ, но если бы было только какое нибудь ручательство въ конечной цѣли стремленія къ тому правительства, то они готовы были ждать терпѣливо. Къ несчастію, въ концѣ царствованія Александра I-го все направлялось въ Россіи такъ, что способно было привести въ отчаяніе самыхъ преданныхъ людей и тѣмъ болѣе усиливало соблазнъ ухватиться за насильственный переворотъ, какъ за единственное остающееся средство къ спасенію народа.

Искренніе члены общества также уже мало надѣялись на общій успѣхъ, особенно при видѣ дѣйствій старыхъ членовъ. Но въ виду той страш-

ной дилеммы, которая имъ предстояла, или допускать роста злу, оставаясь въ бездѣйствіи, въ виду систематическаго подавленія въ народѣ всякихъ началъ истины и справедливости и неизбѣжнаго отъ того худшаго еще его развращенія, или сдѣлать попытку къ перевороту безъ надежды на успѣхъ и съ несомнѣнностью пожертвовать собою, они великодушно избрали послѣднее на томъ основаніи, что во всякомъ случаѣ они провозгласятъ народу самую уже попытку новыя начала, какъ цѣль стремленій, и тѣмъ рѣзко разграничатъ будущее отъ всего прошедшаго, предовратятъ дальнѣйшее развращеніе народа и самодовольное упоеніе успѣхомъ деспотизма и его безпечность. Они были увѣрены, что какъ бы ни судили объ ихъ предпріятіи, оно неизбѣжно въ нѣдрахъ не только народа, но и самого правительства возбудитъ движеніе, которое уже не остановится, въ какомъ бы видѣ послѣ не выразалось, что, внеся идею свободы со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями — освобожденіемъ крестьянъ, самоуправленіемъ, судомъ присяжныхъ, преобразованиемъ войска, отмѣною тѣлесныхъ наказаній, народною политикою, покровительствомъ одноплеменнымъ и одновѣрнымъ народамъ и даже соединеніемъ съ ними и пр., они, заставля думать о всѣхъ этихъ вопросахъ, изучать ихъ, заставляютъ само правительство осуществлять постепенно эти вещи и тѣмъ скорѣе, что раскрытіе во всей полнотѣ всѣхъ злоупотребленій, угрожающихъ естественно и неизбѣжно попытками къ перевороту, чтобъ избавиться отъ нихъ, покажетъ правительству необходимость реформъ, какъ единственнаго средства предупредить опасность. А было также несомнѣнно, что одна реформа всегда влечетъ за собою другую, что во всякомъ случаѣ пагубный застой прекратится,

и было бы только движение, а тогда дѣйствительныя потребности найдутъ себѣ удовлетвореніе и правильное выраженіе, когда указанныя самимъ предпріятіемъ правильныя идеи завоюютъ себѣ законное мѣсто въ понятіяхъ народа.

Правда, не разъ слышалось потомъ неправильное мнѣніе, что будто бы либеральное движение, кончившееся 14-мъ Декабря, не привело ни къ какимъ результатамъ и даже будто бы дало результатъ отрицательный, напугавъ правительство. Какъ будто это было возможно! Уже одна необходимость, въ которую было поставлено правительство, доказать, что оно хочетъ и можетъ сдѣлать больше и лучше,*) заставляло его думать серьезно объ улучшеніяхъ и о мѣрахъ къ прекращенію злоупотребленій, и если оно не всегда придумывало удачныя мѣры, то тѣмъ не менѣе не могло уже отрицать обязательной для себя цѣли ихъ, и, дѣйствуя уступками, хотя и по своему расчету и для своихъ видовъ, всякою перемѣною само должно было возбудить движеніе и вызывать на размышленіе. Все это подтвердилось и первымъ манифестомъ и послѣдующими дѣйствіями — паденіемъ Аракчева и военныхъ поселеній, ссылкой Магницкаго и преобразованіемъ ученья, участіемъ въ судьбѣ грековъ и принятіемъ мѣръ противъ злоупотребленій, учрежденіемъ жандармовъ и пр. и пр., т. е. стараніемъ рѣшить хоть на свой ладъ, но тѣ же самыя вопросы, которые были подняты и обществомъ. А какъ этимъ путемъ они никакъ не могли быть рѣшены, то и пришлось волею или неволею обра-

*) «Зачѣмъ вамъ революція?» — сказалъ мнѣ Николай Павловичъ, — «я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею.»

тяться къ либеральнымъ идеямъ и необходимости преобразованія въ либеральномъ смыслѣ, что было еще тѣмъ неизбѣжнѣе, что многіе изъ уцѣлѣвшихъ членовъ общества достигли высшихъ положеній и не могли не внести въ правительственную сферу своихъ прежнихъ либеральныхъ понятій.

Дѣло въ томъ, что при поверхностномъ наблюдении не всякій въ состояніи уловить переходы движенія и разнообразныя виды, въ которые оно переходитъ. Мы знаемъ однако же подобное явленіе и въ вещественномъ мірѣ. Движеніе, прерванное непреодолимою преградой, повидимому, вполне его прекращающею, не исчезаетъ, однако, безслѣдно и переходитъ въ возвышеніе теплоты и пр.

Всѣ лица, которыя чрезъ меня приняли участіе въ политическомъ предпріятіи, согласно засвидѣтельствовали, что я не только не оболъщаль ихъ вѣрнымъ успѣхомъ, но напротивъ постоянно представлялъ имъ на видъ, что они должны готовиться быть вѣрными жертвами. Оттого-то они и дѣйствовали лучше, чѣмъ другіе. Осуждать участіе въ безнадежномъ предпріятіи съ точки зрѣнія мірскаго благоразумія значитъ не знать исторіи ни одного изъ великихъ движеній, преобразующихъ человечество. Ошибка не въ томъ, что участвовали въ предпріятіи, когда оно не представляло еще случайностей успѣха, а въ томъ, что допустили въ дѣйствіе тѣ же неправильныя средства, которыя, хотя и въ другомъ видѣ, но были ими же осуждены, когда ихъ постоянно употребляли ихъ противники. Что же касается до вѣроятности успѣха, то всякое великое предпріятіе всегда для начала и нуждалось именно-то въ такихъ людяхъ, которые, дѣйствуя по убѣжденію въ истинѣ, не могли разсчитывать на близкій успѣхъ, и были готовы

жертвовать собою, такъ какъ это одно представляеть ручательство за чистоту побужденій, тамъ же, гдѣ предстоитъ вѣрность успѣха, всегда явится много людей, которые присоединяются къ дѣлу по эгоистическому расчету пожать плоды чужихъ трудовъ, не рискуя даже ничѣмъ. Эти-то люди и вносятъ порчу потомъ во всякое благое дѣло, какъ были и въ самомъ даже христіанствѣ втершіеся учителя, которые извлекали себѣ выгоду, проповѣдуя нечисто даже Христа — высшую истину и святость.

Мы должны были распространиться обо всемъ этомъ потому, что нашлись потомъ люди, которые искали составить себѣ репутацію изъ самаго уклоненія отъ общества, репутацію людей умныхъ и дальновидныхъ въ томъ, что предвидѣли неуспѣхъ и усмотрѣли тщету стремленій. Но повторяемъ, что можно было законно отбросить революціонныя средства, но никакъ не измѣнить либеральный образъ дѣйствій и либеральныя стремленія, — и кто былъ искрененъ въ нихъ, никогда уже не примирится съ деспотизмомъ, хотя бы и сдѣлался противникомъ революціонныхъ теорій. И самый деспотизмъ смотритъ на нихъ, какъ на такихъ враговъ, которые для него хуже революціонеровъ, потому что съ ними сдѣлка невозможна, тогда какъ при неискренности либеральныхъ идей, революціонеры легко переходятъ на сторону деспотизма, а партизаны деспотизма дѣлаются революціонерами.

Вообще всѣ тѣ, которые возстаютъ противъ революцій не во имя христіанскаго начала, одинаково осуждающаго*) и противную сторону,

*) Христіанское ученіе говоритъ, что Богу надлежитъ повиноваться паче, нежели людямъ, и безобязанно возвѣщать истину царямъ и народамъ.

противонравственное, раболѣзное повиновеніе деспотизму, забываютъ, что всякому органическому тѣлу угрожаетъ не одна опасность болѣзни воспалительнаго только свойства, а что существуютъ и другія болѣзни свойства еще болѣе гибельнаго. Горячку сильный организмъ переноситъ еще и восстанавливаетъ свои силы, но болѣзни худосочія, чахотка, антоновъ огонь и пр. вѣрнѣе ведутъ органическое тѣло къ разложенію. И, конечно, изъ двухъ сторонъ, поступающихъ не по христіанскимъ началамъ, а по обычной мірской мудрости, наиболѣе виноватою является та, которая, будучи представительницею и блюстительницею закона, сама нарушаетъ его произволомъ, сама истребляетъ всякое понятіе о законности, и, разрушая нравственность, подкапываетъ главное основаніе и жизненную силу уваженія къ закону.

Есть еще одинъ родъ революціонеровъ, которые для правительства гораздо опаснѣе, нежели тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ этимъ именемъ, — это его собственные агенты, люди, облеченные властію, но которые ради ложной популярности или для прикрытія своего деспотизма, сами проповѣдуютъ молодымъ служащимъ при нихъ оправданіе насильственныхъ дѣйствій или чисто революціонныя теоріи, увѣряя въ то же время правительство въ безусловной своей ему преданности. Разумѣется, дѣйствуютъ они такъ въ полной увѣренности, что ихъ обличить никто не рѣшится и что прикроютъ постыдныя свои эгоистическія цѣли облагороженнымъ видомъ дѣйствій по принципамъ. Между тѣмъ изъ подчиненныхъ такимъ начальникамъ, которыхъ я называлъ всегда деспотами-революціонерами, одни, смекнувъ въ чемъ дѣло, несмотря на проповѣдуемыя ими въ угоду начальнику революціонныя теоріи для

либеральныхъ будто бы цѣлей, становятся самыми гнусными орудіями начальническаго произвола. Этихъ я называлъ холопами-революціонерами. Другіе, болѣе простодушные, принимаютъ и впрямь проповѣдуемая имъ теоріи, а когда выкажутъ это въ какомъ нибудь дѣйстви, то само собою разумѣется, что начальники не только отъ нихъ отступятся, но нерѣдко случается, что въ качествѣ судей сами же еще осудятъ ихъ во имя того самаго закона, который нарушать и презирать учили ихъ и въ отвлеченныхъ сужденіяхъ и на дѣлѣ, собственнымъ приѣмомъ и прямыми приказаніями.

V.

Но независимо отъ вопроса о будущей формѣ правленія, раздѣлившаго общество, былъ еще важный вопросъ о національностяхъ, возбуждаемый польскимъ тайнымъ обществомъ.

И въ этомъ отношеніи, мои понятія о государственномъ единствѣ и національности во многомъ отличались отъ понятій какъ членовъ общества, такъ и позднѣйшихъ мыслителей, и я всегда указывалъ какъ прежде, такъ и до послѣдняго времени, что причина безъисходныхъ, повидимому, противорѣчій какъ у тѣхъ, такъ и другихъ, заключалась единственно въ томъ, что не додумывались до коренныхъ причинъ или началъ и что элементамъ, которые имѣли значеніе только въ связи съ другими, искали придавать всеобщее значеніе. Отсюда истекали тѣ ошибки и во внѣшней политикѣ, на которыя я указывалъ постоянно еще съ того времени, особенно въ такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ. Кромѣ того, для меня и всегда было ясно, какъ

тогда, такъ и теперь, что когда возникаетъ слишкомъ много вопросовъ, то это вѣрный признакъ, что существуетъ какой нибудь коренной вопросъ, который или вовсе не разрѣшенъ или разрѣшенъ неправильно.

Сколько запомню себя, съ самой ранней поры моихъ размышлений, понятія мои обо всемъ, относящемся къ человѣчеству и подлежащемъ человѣческимъ условіямъ (быль-ли то отдѣльный человѣкъ, или народъ и другое какое соединеніе людей для общественной цѣли, или наконецъ все человѣчество) всегда соединялись съ представленіемъ живой органической силы. Изъ этого истекали два необходимыхъ слѣдствія: первое, что крѣпость государственнаго единства должна заключаться въ качествѣ и крѣпости его внутренней органической силы и правильнаго устройства для лучшаго ея дѣйствія, — второе, что внѣшнія, такъ сказать, механическія дѣйствія, могутъ имѣть только отрицательное значеніе. Поэтому, усвоеніе своей народности, своей вѣрѣ, своему ученію можетъ быть только дѣйствіемъ превосходства одной внутренней силы надъ другою, а не насильственнаго принужденія внѣшнею силою, которой единственное правильное дѣйствіе и значеніе можетъ состоять только въ устраненіи препятствій для свободнаго, открытаго проявленія внутренней силы.

Народъ, въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ быть образованъ искусственно, онъ есть органическое порожденіе и всегда зачинается исторически отъ соединенія разныхъ элементовъ. Вѣра, языкъ, племенность, общность выгоды, вслѣдствіе занятія одной мѣстности, характеръ, привычки, самыя физическія условія, какъ породы, такъ и страны, опредѣляющія наиболѣе свойственныя занятія, все это

входить въ составъ народа, какъ жизненныя функціи, какъ различныя системы (нервная, мускуловъ и пр.) въ органическомъ тѣлѣ, гдѣ всѣ онѣ производятъ общее дѣйствіе, но ни одна не можетъ быть выдѣлена, ни взята отдѣльно, ни почитаема исключительно необходимою, ни даже получить преобладаніе безъ вреда общей гармоніи, составляющей потребность для всякаго здороваго организма.

Вотъ по этимъ то понятіямъ я никогда не былъ согласенъ ни съ тѣми, которые, признавая право національности безусловнымъ, думали, что завоеванная Польша имѣетъ право на отдѣленіе отъ Россіи, на самобытное существованіе, ни съ тѣми, кто хотѣлъ сдѣлать поляковъ русскими посредствомъ насилія или какихъ-нибудь уловокъ. «Разрѣшите русскій вопросъ,» говорилъ я, «тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою отъ превосходства органической силы русскаго народа.» — «Но само правительство,» возражали мнѣ, «потворствуетъ полякамъ и нѣмцамъ.»

«А что же это значитъ?» отвѣчалъ я, «это значитъ только то, что внутренняя сила русскаго народа такъ еще слаба, такъ мало еще развита, что не можетъ даже заставить собственное правительство дѣйствовать въ національномъ духѣ, соответственно народнымъ потребностямъ. Стало быть, во всемъ и для всего слѣдуетъ всетаки начать съ того, чтобы развивать свою внутреннюю органическую силу, а какъ качественность силы не зависитъ отъ ея объема, то начните съ самихъ себя. Тутъ нѣтъ отговорокъ и препятствій, а вполнѣ открытое поприще для личнаго подвига, такъ какъ величайшая сила духа, способная воодушевить и цѣлый народъ и цѣлую эпоху, можетъ зародиться и въ единичной живой личности. Сдѣлаемся сами тѣмъ, чѣмъ хотимъ»

сдѣлать другихъ, и только тогда, когда въ состояніи будемъ предлагать большее и лучшее, можемъ надѣяться на успѣхъ, всегда несомнѣнный тамъ только, гдѣ дѣйствуетъ нравственная сила, а не внѣшнее насиліе. Мы имѣемъ уже и собственныя историческія доказательства и того и другого. Россія, даже при всѣхъ ошибкахъ ея правительства (поощрившаго магометанство и поддержавшаго распадающееся ламаиство), усвоила себѣ племена финскія и татарскія, единственно вліяніемъ превосходства надъ ними своей внутренней силы, а въ то же время, дѣйствуя насиліемъ противъ раскола, не только не ослабила его, но усилила и распространила. Но относительно европейцевъ, что могли бы мы предложить имъ? Одно только подражаніе ихъ же внѣшности, но безъ сущности, составляющей главное, безъ которой все внѣшнее бываетъ смѣшно или бессильно. Поэтому-то поляку, который будетъ прикидываться русскимъ, я никогда не повѣрю, пока Россія не представитъ сама такого устройства и обезпеченія, которыя могутъ для всякаго сдѣлать желательнымъ быть русскимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что могла представить тогда Россія для человѣка, уважающаго въ себѣ человѣческое достоинство, если и до послѣдняго времени она была въ такомъ плачевномъ состояніи, какое, вопреки всѣмъ прежнимъ отрицаніямъ, обнаружила Крымская компанія? Не одни революціонеры, о которыхъ можно было еще думать, что они говорили такъ для оправданія своей попытки, но, какъ извѣстно, и люди самые преданные правительству, и наконецъ само правительство, осудили весь бывшій порядокъ вещей собственными признаніями и такими юридическими даже доказательствами, какими не могли располагать тогдашніе революціонеры, какъ

ни были нравственно увѣрены въ достовѣрности прискорбныхъ фактовъ.

Не говоря уже о крѣпостномъ правѣ, развитие котораго даже вопреки уже сознанию и провозглашаемымъ правиламъ фактически продолжалось до конца царствованія Александра I, не говоря о безправіи всего низшаго сословія, относительно котораго государственная администрація являлась въ видѣ еще худшемъ самой помѣщичьей власти; даже люди привилегированныхъ сословій лишены были всякаго обезпеченія ихъ личности и собственности. Произволь самый дикій, насиліе и взяточничество, протекція и подкупы, развратъ и обманъ заражали всѣ сферы государственной и общественной жизни и были господствующими средствами для достиженія житейскихъ цѣлей, какъ у высшихъ, такъ и у низшихъ. Само правительство открыло теперь, что такое былъ судъ, составляющій однако коренную опору для человѣка въ государственной и общественной жизни. Теперь вдоволь было высказано, какъ сдѣлали изъ религіи государственное и общественное лицемеріе, изъ воспитанія — растлѣвающую среду. Даже относительно того учрежденія, которымъ мы болѣе всего хвалились — относительно войска, теперь обнаружено, что оно имѣло только внѣшній видъ и доскъ европейскихъ армій, а по устройству и обращенію съ солдатами скорѣе всего походило на азіатскія полчища, или безсознательную силу машины, неспособную бороться съ разумно организованною силою.

Вотъ почему и относительно внѣшнихъ успѣховъ нашихъ со стороны Европы мы должны, отстраня народное самолюбіе и говоря безпристрастно — мы должны сознаться, что обязаны не столько своей собственной нравственной силѣ, сколько раз-

дѣленію европейскихъ державъ, употреблявшихъ Россію, какъ орудіе, что и давало ей случай и возможность извлекать себѣ внѣшнюю выгоду, платя однако же почти всегда за это внутреннимъ ослабленіемъ.

Но иное дѣло было не обольщаться возможностью примириться поляку съ Россіею, пока она сама не представила ничего привлекательнаго, иное дѣло признавать національныя притязанія поляковъ на независимость царства Польскаго, а тѣмъ менѣе на границы 1772 года. Чѣмъ выше восходимъ мы отъ отдѣльнаго человѣка до всего чело-вѣчества, тѣмъ болѣе уравниваются или сглаживаются случайности и тѣмъ непреложнѣе выступаетъ дѣйствіе общихъ законовъ. Если частное лицо можетъ быть иногда подавлено и погублено при всей его правотѣ и внутренней нравственной силѣ, то гораздо уже труднѣе погубить племя, секту, въ смыслѣ ихъ самостоятельной связи, а народъ, религію, ученіе и вовсе невозможно уничтожить безъ ихъ собственной вины; и потому-то уничтоженіе всѣхъ историческихъ народовъ всегда было слѣд-ствиемъ ослабленія или искаженія внутренней силы. Племя черногорцевъ въ теченіе пяти столѣтій устояло противъ несоразмѣрнаго могущества ту-рокъ, а Польша, самая сильная нѣкогда держава на востокѣ Европы, которой Пруссія была вассал-ломъ, которая спасла Австрію и чуть не покорила Россію своей династіи, — Польша погибла.

Жизнь такъ переплетаетъ всѣ элементы, изъ которыхъ образуется народъ, что нѣтъ никакой возможности образовать какой-нибудь народъ на вы-дѣленіи исключительно одного элемента, хоть-бы напр. національности, въ чемъ бы ее не заключали, въ одноплеменности-ли, или въ языкѣ. Да притомъ

такой однородный составъ народа едва-ли можетъ быть и желателенъ, если взглядемся въ примѣръ Китая, разительнo доказывающій, что ни одно изъ преимущественно вещественныхъ условій, въ какомъ бы обширномъ размѣрѣ оно ни было, не опредѣляетъ еще достоинства народа. Китай обладалъ самой обширной территоріей, имѣющей еще то преимущество, что даже самыя худшія ея части были способны къ обитанію, не такъ, какъ тундры Сибири, номинально только увеличивающія территорію Россіи; число жителей Китая равнялось двойному числу жителей всѣхъ государствъ въ Европѣ; племенной составъ Китая былъ самый однородный. Одна вѣра и одинъ языкъ господствовали во всемъ государствѣ. Это былъ безспорно самый древнѣйшій народъ. Существованіе Китая, какъ историческаго, одного и того же народа, измѣнялось тысячами лѣтъ. И что же? Война сороковыхъ годовъ съ Англіею показала, что онъ не могъ устоять даже противъ одной европейской державы.

Поэтому-то я, отвергая на этомъ основаніи притязанія поляковъ, не понималъ съ другой стороны и тѣхъ русскихъ, которые, вопреки свидѣтельству исторіи, поставляли какое-то народное самолюбіе въ томъ, чтобы выдавать Россію за державу исключительно славянскую. Если русскій народъ совершилъ какіе подвиги, которыми имѣетъ право хвалиться, то совершилъ ихъ, какъ русскій народъ, какъ результатъ соединенія всѣхъ условій, образовавшихъ его, а не какъ славянское племя исключительно, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно въ большей чистотѣ еще, оно всетаки было порабощено другими племенами и, слѣдовательно, не показало особенной доблести. Между тѣмъ такого рода притязанія раздражали въ свою очередь поляковъ, и

что еще хуже, — давали имъ благовидный аргументъ. «Если вы, русскіе,» говорили они намъ, «считаете себя исключительно славянами, и на этомъ основаніи хотите усвоить себѣ всѣ остальные славянскіе народы, то зачѣмъ же вы ищете захватить въ то же время финскія и татарскія племена, даже и тамъ, гдѣ, какъ на примѣръ, въ Финляндіи и средней Азіи или на Кавказѣ, вы не имѣете отговорок, что они расположены внутри вашей территоріи и потому по необходимости должны войти въ ваше государственное устройство? Вы столько захватили съ самого начала вашей исторіи, или пожалуй включили въ вашъ составъ финскихъ и татарскихъ племень, что мы имѣемъ право почитать васъ скорѣе азіатскою, чѣмъ европейскою державою, и весь вашъ внутренній бытъ, ваши обычаи легко могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого. Если же вы не исключительно славянская держава, то почему хотите удерживать Польшу, которою, что бы вы тамъ ни говорили, вы овладѣли вовсе не какъ славяне, а вопреки славянскимъ симпатіямъ, потому что овладѣли въ союзѣ съ нѣмцами, и предавъ нѣмцамъ и еще значительную часть славянъ, вмѣсто того, чтобы освободить отъ нихъ тѣхъ, которые прежде всего были ими поработаны. Вы отдали Галицію Австріи, Познань Пруссіи.»

Само собою разумѣется, что подобные народныя вопросы будутъ всегда представляться неразрѣшимыми на основаніи національной исключительности.

Единственное правильное понятіе о народѣ состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на народъ, какъ на произведеніе всей совокупности исторически вошедшихъ въ него элементовъ, а не одного какого либо изъ нихъ. При этомъ не надо забывать, что

по каждому изъ этихъ элементовъ люди разной національности считаютъ иногда себя ближе связанными, нежели съ людьми своей національности. Конечно, ничто не можетъ освободить отъ обязанности къ отечеству, но люди одной вѣры считаютъ себя болѣе братьями, люди, участвующіе въ общемъ предпріятіи, болѣе солидарными другъ съ другомъ и пр. нежели съ людьми своего народа, различествующими съ ними по вѣрѣ или не имѣющими съ ними ближайшихъ общихъ интересовъ.

Равно неправильными считалъ я и тѣ понятія, которыя хотѣли сдѣлать какую либо религію исключительнымъ достояніемъ какой либо національности. Тутъ впадали опять въ безъисходные и неразрѣшимые споры и посягали на самое достоинство религіи, стараясь втиснуть элементъ по преимуществу общій въ исключительность и односторонность національности и связавъ съ нею неразрывно, тѣмъ самымъ произвести безусловное и вѣчное на степень несовершеннаго и преходящаго, съ опасностью оттолкнуть отъ вѣчной истины необходимостью подчиненія тому, что по временнымъ условіямъ можетъ быть чуждо и даже враждебно; или оттолкнуть отъ своего народа требованіемъ пожертвовать убѣжденіемъ совѣсти.

Если поляки говорили, что всякій полякъ долженъ быть католикъ, а всякій католикъ, хотя бы и русскаго племени, долженъ уже считать себя полякомъ, то къ сожалѣнію были и русскіе, не сознававшіе чистыхъ требованій истинной вѣры, а или движимые фанатизмомъ суевѣрія, или и не вѣря ничему, а употребляя религію, какъ орудіе политики, — были русскіе, которые говорили, что православыи не можетъ быть русскимъ, а если кто православыи, то долженъ принадлежать прямо или кос-

венно Россіи, хотя былъ бы не русскаго племени — и на этомъ основывали право вмѣшательства.

Мы высоко чтимъ православіе, но это потому, что почитаемъ его истиннымъ выраженіемъ истинной религіи — христіанства, а не потому, что Россія его исповѣдуетъ. — Россія должна признавать православіе потому, что оно есть — истина, и только на этомъ основаніи надо желать и стремиться, чтобы признавали его и всѣ народы и всякій человѣкъ. Отношеніе людей къ истинѣ одинаково для всѣхъ. Каждый долженъ относиться къ ней самостоятельно и свободно, не будучи связанъ никакимъ одностороннимъ посредничествомъ, ни поставленъ въ зависимость отъ измѣнчивыхъ условій времени, мѣста и народности.

Но отвергая исключительность въ національности, не надо однако же впадать въ противоположную крайность, въ равнодушіе космополитизма, какъ то дѣлаютъ нерѣдко тѣ, которые не могутъ себѣ разяснить истинныхъ основаній, на которыхъ однихъ національность можетъ совмѣститься съ общими требованіями человѣчества. Мы говоримъ, конечно, о тѣхъ только, которые искренни въ противопоставленіи космополитизма вопросу о національностяхъ, неразрѣшимому для нихъ по узкости и исключительности воззрѣній, а не о тѣхъ, для которыхъ космополитизмъ желанный и удобный только предлогъ, чтобы избавиться отъ обязанности къ отечеству. Мы поневолѣ должны входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ, потому что это необходимо для разясненія всѣхъ причинъ неуспѣха политическихъ и общественныхъ преобразованій, неуспѣха, зависящаго не отъ одной какой либо причины, какъ обыкновенно опредѣляютъ по большей части, а отъ неправильнаго и неяснаго

постановленія и разрѣшенія вопросовъ во всѣхъ сферахъ. Мы желаемъ поэтому окончательно разъяснить здѣсь причины неудачъ не только прошедшихъ, въ тогдашнее время, но и всѣхъ послѣдующихъ до настѣящаго времени. Мы сказали уже выше, что мы никогда не считали дозволеннымъ ставить какіе нибудь узкіе интересы личности, семьи, партіи, сословные, выше блага отечества, но въ то же время мы считали недозваннымъ нарушать справедливость даже и для отечества, и всегда составляли противъ того лже-патріотизма, который, прикрывая свои личные виды мнимыми выгодами отечества, дѣйствуетъ такъ, что дѣлаетъ имя своего отечества синонимомъ насилія и обмана. Какъ благо частнаго человѣка не дозволяется созидать на гибели другого, такъ и народное благо, которое будетъ основано на несправедливости и на раззореніи другого народа, будетъ всегда только обманчивое и потребуетъ, рано или поздно, расплаты цѣною несравненно большею, чѣмъ полученная мнимая выгода.

Но если мы должны соблюдать справедливость относительно всѣхъ народовъ и по возможности содѣйствовать благу и всего человѣчества, то все-таки обязанности наши прежде всего относятся къ нашему отечеству, и настоящій смыслъ имъ и силу можетъ дать опять таки одно христіанство, а не какое-либо другое начало, напр. утилитарное и пр. Если дѣла идутъ худо въ отечествѣ, то это не даетъ еще мнѣ право уходить изъ него и тѣмъ допускать его приходить еще въ худшее положеніе, отнимая у него съ удаленіемъ моимъ силу, сознающую дурное положеніе и ужь чрезъ это самое сознаніе, споспѣющую стало быть противодействовать злу по самой меньшей мѣрѣ обличеніемъ его. Только оста-

ваясь въ отечествѣ, дѣйствуя въ немъ, страдая съ нимъ, жертвуя собою для него, давая дѣломъ авторитетъ своему слову, можно дѣйствительно принести ему пользу и добиться улучшенія его быта. Что таковы были всегда мои убѣжденія, я доказалъ это на дѣлѣ, оставшись въ Россіи, когда имѣлъ средство къ побѣгу. А что не недостатокъ рѣшимости на побѣгъ удержалъ меня, я доказалъ тѣмъ, что, будучи уже арестованъ, ушелъ изъ заключенія, прошелся по Петербургу, встрѣтившись съ П. И. Игнатьевымъ, и, имѣя всѣ средства укрыться, возвратился, никѣмъ незамѣченный, снова въ заключеніе на этотъ разъ вполнѣ уже добровольно, повидавшись съ тѣми, которые сочли бы себѣ за счастье спасти меня и предлагали это.

Извѣстно, что обязанности наши не всегда согласуются съ выгодами, и даже часто требуютъ пожертвованія ими, а космополитизмъ всегда имѣетъ въ основѣ личную выгоду, хотя и прикрывается иногда лицемѣрно возможностью будто бы принести большую пользу въ другомъ мѣстѣ или желаніемъ имѣть болѣе обширный кругъ дѣйствія. При этомъ доходятъ иногда въ самообольщеніи до того, что, сами того не замѣчая, отрекаясь отъ отечества, ищутъ въ то же время сохранить всѣ полученныя отъ него выгоды. Приведу въ образецъ нерѣдкій примѣръ разговора моего съ людьми, которые ставятъ себѣ въ похвалу, что они космополиты. Допустивъ челоуѣка доболтаться до того, что онъ называлъ себя всесвѣтнымъ гражданиномъ, не признавая обязанности къ отечеству и необходимости жить въ немъ, когда ему лучше въ другомъ мѣстѣ, я, перемѣняя разговоръ, спрашивалъ его, чѣмъ онъ занимается, чѣмъ живетъ и пр. Одинъ отвѣчаетъ напр., что у него имѣніе, которое думаетъ только продать

и «удрать» за границу, другой, что у него домъ и пр.

«Все это вы сами приобрѣли?» — спрашивалъ я.

«Нѣтъ, досталось по наслѣдству.»

«А гдѣ получили воспитаніе?»

«Тамъ то и тамъ то.»

«Такъ какъ же,» спрашивалъ я, «вѣдь, стало быть, и правами вашими и образованіемъ и средствами вы обязаны отечеству. Но если не существуетъ обязанностей относительно его, то зачѣмъ же вы пользовались и пользуетесь отъ него? Безъ него не сохранилось бы для васъ наслѣдства, не позаботились-бы о вашемъ образованіи и не было бы средства къ тому, не охранялось бы ваше преимущество надъ другими въ правахъ. А вѣдь единственное средство вамъ заплатить долгъ — это стараться объ улучшеніи всего въ немъ, и для этого дѣйствовать въ немъ и для него.»

Разумѣется, возражать на это никто не могъ, но многіе питали злобу, что съ нихъ снимали маску. Естественно, что при такихъ понятіяхъ моихъ, я всѣми силами возставалъ противъ тѣхъ членовъ тайныхъ обществъ, которые подъ предлогомъ, что для Россіи не стоитъ (грудиться, что тутъ «ничего не подѣлаешь,» что лучше быть полезнымъ въ другомъ мѣстѣ, искали «улизнуть» за границу, боясь оставаться въ Россіи, хотя бы и въ бездѣйствіи, потому что уже компрометтировали себя. Возставалъ я также и противъ тѣхъ, которые, хотъ и не были членами тайнаго общества, но изъясняли либеральный образъ мыслей, сознавали существующее зло, но, не желая дѣйствовать противъ зла, изъ боязни компрометтировать себя, хотѣли также бѣжать или удалиться за границу и тѣмъ

уменьшали силу противодѣйствующую злу, а усиливали то, что осуждали.

Одно только можетъ заставитьъ покинуть отечество — это высшее служеніе Богу, побуждавшее верховныхъ апостоловъ и первобытныхъ христіанъ на проповѣдь Евангелія въ чужихъ странахъ, но тутъ требуется уже полное отреченіе отъ всего личнаго, и всякій знаетъ, что такое служеніе всегда будетъ исключеніемъ для избранныхъ, и что такъ называемый космополитизмъ такъ же мало похожъ на это, какъ лже-либерализмъ и лже-гуманность, ведущіе только къ распущенности, непохожи на вѣру и любовь, которыя только однѣ могутъ быть дѣйствительнымъ основаніемъ истинныхъ свободы и равенства.

Опасность отъ космополитизма, дѣлающаго людей равнодушными къ улучшенію внутренняго быта своего государства, тѣмъ болѣе велика нынче и требуетъ тѣмъ сильнѣйшаго противодѣйствія, что почва для развитія его дѣлается все болѣе и болѣе благоприятною, какъ вслѣдствіе удобства перемѣщенія даже въ отдаленныя страны, такъ и вслѣдствіе не только допущенія, но и поощренія многими правительствами эмиграціи. При такой легкости и удобствѣ сдѣлаться даже законно гражданиномъ другой страны, представляющей больше выгодъ человѣку, чувство патриотизма естественно подвергается сильнѣйшему искушенію. Отъ того-то оно и не можетъ быть прочно, если не основано на нравственномъ чувствѣ долга и сознанія обязанностей къ отечеству, отъ которыхъ ничто не можетъ избавить человѣка, ни даже самая вопіющая несправедливость къ нему отечества.

Развитіе ни одного государства не обходилось безъ соединенія разныхъ народностей, но никогда

почти это соединеніе не разрѣшалось правильно, потому что трудный вопросъ объ органическомъ сляніи національностей и не можетъ быть правильно разрѣшенъ безъ знанія народныхъ началъ. Обыкновенно же поступаютъ такъ, что при столкновеніи двухъ развитыхъ уже народностей, или одна поглощаетъ другую, или смѣшиваютъ ихъ механически, слѣдуя исконной политикѣ Навуходоносора. Вотъ почему я и имѣлъ полное право сказать въ одной статьѣ (которая хоть и была отпечатана, но задержана цензурою) и новѣйшимъ публицистамъ, когда они толковали о сляніи Польши съ Россіею и подавали видъ, что хотятъ сдѣлать это безъ нарушенія справедливости, что они не въ состояніи придумать надлежащаго къ тому средства, пока не узнаютъ въ чемъ именно состоятъ народныя начала, какъ Россіи, такъ и Польши; а они до сихъ поръ для опредѣленія народности устанавливали только внѣшніе, неопредѣленные признаки изъ положительныхъ, а для различенія народностей употребляли признаки отрицательные, толкуя всегда больше о томъ, чѣмъ не есть народъ, нежели въ чемъ состоитъ его сущность. По этой-же причинѣ не были они въ состояніи разгадывать и смыслъ разныхъ явленій, превознося иногда ихъ, какъ слѣдствіе извѣстныхъ добрыхъ качествъ народа, и, не замѣчая, что они просто истекали изъ того же относительнаго начала, изъ котораго истекали и другія дурныя уже явленія, которыхъ они отрицать не могли, какъ не могли и не осуждать, хотя и относили ихъ къ случайнымъ явленіямъ, тогда какъ они были такимъ же необходимымъ проявленіемъ того же начала, какъ и первыя.

«Если вы спросите,» говорилъ я нашимъ публицистамъ, «у естествоиспытателей, какъ соеди-

нить два разнородныя тѣла, то они непременно въ свою очередь спросятъ васъ: скажите, какія это тѣла? И только тогда, когда вы объясните имъ, что это напр. масло и вода, они укажутъ вамъ на ту среднюю соль, которая можетъ служить средствомъ соединенія и при посредствѣ которой два разнородныя тѣла могутъ образовать новое, однородное. Странно было бы вѣдь вамъ, если бы они посоветывали вамъ слить ихъ вмѣстѣ и смѣшивать механически, крѣпко только взбалтывая, потому что вы очень хорошо знаете, что едва только вы перестанете взбалтывать, то эти вещества тотчасъ опять раздѣлятся.

Быль и еще вопросъ, который не мало раздѣлялъ мнѣнія въ тайномъ обществѣ, какъ продолжаетъ раздѣлять и до сихъ поръ, и также все по одной и той же причинѣ, которая порождала раздѣленія и по другимъ вопросамъ, а именно, что не искали разрѣшенія въ разъясненіи коренныхъ началъ, а препирались о достоинствѣ видовъ или внѣшнихъ проявленій этихъ началъ въ извѣстныхъ эпохи и у извѣстныхъ народностей. Вопросъ этотъ, весьма важный и едва ли не капитальный въ политическомъ отношеніи, есть вопросъ о народномъ образованіи. Обыкновенно представляется слѣдующая неразрѣшимая, повидимому, дилемма при всякой попыткѣ къ преобразованію. Говорятъ, что для того, чтобы улучшение политическихъ учреждений было прочно, необходимо, чтобы народъ былъ подготовленъ къ нимъ; а для того, чтобы можно было готовить народъ, нужны уже нѣкоторыя улучшенныя политическія учрежденія. При такомъ безвыходномъ кругѣ, гдѣ одно обуславливается тѣмъ самымъ, что въ свою очередь имъ же обуславливается, представлялась бы повидимому ра-

дикальная невозможность къ какому либо движенію, а, слѣдовательно, и къ улучшенію. Къ счастью челоѳчества сами обладающіе властію и имѣють нужду въ искусныхъ орудіяхъ, и, слѣдовательно, сами нуждаются въ образованіи въ томъ или другомъ видѣ. А свойство челоѳческаго ума таково, что по какому бы поводу не возбуждали его дѣятельность, къ какому бы предмету односторонне ни направляли, разъ возбужденный, онъ устремляется по всѣмъ направленіямъ и ищетъ полноты и цѣлости свѣдѣній, какъ бы ни силились его направить на односторонній путь. Вотъ почему всѣ партіи, каждая въ своихъ видахъ, искала опредѣлить будущность народа, посредствомъ извѣстнаго рода образованія; но лишь только предпринимали разяснить, какое образованіе лучше, какъ сей же часъ являлись ожесточенные споры между классицизмомъ и реализмомъ, въ какихъ бы видахъ и подъ какими бы другими именами они ни скрывались.

Если мы снимемъ съ нихъ разныя оболочки, не составляющія ихъ сущности, или выведемъ наружу то, что находится иногда скрытымъ въ предметахъ спора и только подразумевается, то очевидно, что классицизмъ и реализмъ есть не что иное, какъ познаніе челоѳка и природы, разумѣя однако челоѳка, какъ духовное существо. Природа, въ ея одинаковыхъ, постоянно-пребывающихъ явленіяхъ, всегда подлежитъ наблюденію, но изученіе духовнаго челоѳка, въ возможности всѣхъ его свойствъ, возможно только чрезъ изученіе всего челоѳчества; челоѳчество же въ духовномъ развитіи проявляетъ извѣстныя свойства свои въ высшей силѣ, и въ наилучшихъ сочетаніяхъ только однажды и потому они, какъ не повторяющіяся явленія, могутъ быть изучаемы только исторически.

А какъ для точнаго знанія этихъ явленій необходимо знать съ точностью смыслъ словъ, выражающихъ понятія, опредѣляющія смыслъ явленій, то изученіе языковъ тѣхъ народовъ, которые служили орудіями этихъ явленій, и представлялось всегда необходимостью. И такъ классицизмъ всегда будетъ необходимъ, какъ основаніе историческаго изученія, и не однихъ только внѣшнихъ явленій, но и проявленій духа человѣческаго во всѣхъ сферахъ — умственной, нравственной, эстетической. И какъ неоспоримо то, что въ Греціи философское мышленіе и разнаго рода искусства, а въ Римѣ гражданскія и политическія отношенія, достигли высшей точки развитія, какой достигало когда либо человѣчество, то и не мудрено, что и языкъ ихъ по этимъ предметамъ достигъ высшей точности и выразительности, и поэтому и служитъ по преимуществу основаніемъ классическому изученію, нуждающемуся однако для полноты въ изученіи и позднѣйшей исторіи, которую онъ, правда, освѣщаетъ, но которою и самъ неоспоримо освѣщается. Что изученіе природы, включая тутъ и тѣлесный организмъ человѣка, необходимо, объ этомъ никто никогда добросовѣстно и не спорилъ. Удовлетвореніе всѣхъ нашихъ общественныхъ потребностей основано на знаніи и искусномъ приложеніи законовъ вещественной природы. Но чтобы человѣкъ могъ удовлетвориться однимъ этимъ знаніемъ, тому противорѣчатъ всѣ уроки исторіи. Какой бы степени реальныхъ познаній ни достигъ человѣкъ, но если ему останутся невѣдомы законы духа человѣческаго, безъ чего невозможно устройство общественнаго и политическаго быта, то никакое реальное знаніе не спасетъ человѣка, и мы почти вездѣ видѣли общества и государства разлагающимися

именно въ то время, когда этого рода знаніе и приложеніе его къ удовлетворенію вещественныхъ потребностей доходили до крайнихъ предѣловъ въ разрушающемся обществѣ.

Но классицизмъ и реализмъ, взятые и въ совокупности, не только не исчерпываютъ всего знанія, но и сами не могутъ имѣть ни полноты, ни прочнаго основанія, ни правильнаго истолкованія безъ третьей отрасли знаній, необходимыхъ человѣку безъ знанія высшаго существа, Бога, которое можетъ быть дано человѣку самимъ только Богомъ о себѣ чрезъ откровеніе.

Странно, что и люди, которые вели и ведутъ споръ между классицизмомъ и реализмомъ, какъ будто бы не замѣчаютъ, что эти оба рода знанія имѣютъ одно и то же основаніе, а именно наблюденіе надъ явленіями духа и вещества безъ возможности проникнуть въ ихъ сущность. Другое обстоятельство, на которое также мало обращаютъ вниманія, есть то, что для общихъ безусловныхъ выводовъ ни тому, ни другому знанію не достаетъ полноты, которая требуетъ знанія явленій въ полнотѣ ихъ возможности, т. е. не только настоящихъ и бывшихъ, но и могущихъ быть; а всѣмъ извѣстно, что такое знаніе человѣку недоступно; и не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ найдется бездна явленій, ускользнувшихъ или скрытыхъ отъ его наблюденія, оставя между тѣмъ неизбѣжно результаты, которые онъ потому и можетъ отнести ошибочно не къ тѣмъ причинамъ, отъ которыхъ они произошли, и чрезъ то неминуемо исказитъ выводъ. Наконецъ, при внимательномъ наблюденіи оказывается, что историческое изученіе безъ знанія законовъ вещества, ни послѣднее безъ историческаго изученія обойтись не можетъ, и что ве-

дѣ одно сплетено съ другимъ. Основаніе историческаго знанія есть свидѣтельство другихъ, основаніе вещественнаго — возможность собственнаго наблюденія и повторительнаго опыта. Но въ историческое знаніе входитъ и наблюденіе надъ вещественными признаками, памятниками, условіями, которыя и безъ историческаго свидѣтельства помогаютъ намъ отгадывать причину историческихъ явленій и проникнуть въ смыслъ ихъ. Съ другой стороны самое названіе естественной исторіи показываетъ, что изученіе и самаго вещества не можетъ обойтись безъ историческаго свидѣтельства, такъ какъ существуютъ явленія не повторяющіяся, изъ которыхъ одни извѣстны намъ только по свидѣтельству другихъ, а другія остались всегда неизвѣстными, именно по недостатку этого свидѣтельства и невозможности воссоздать исчезнувшія условія, единственно на знаніи настоящихъ явленій, какъ напр. многое въ первобытномъ мірѣ.

Достаточно, кажется, этихъ указаній, чтобы понять всю пустоту спора между классицизмомъ и реализмомъ, происходящаго единственно отъ неуясненія себѣ основаній ихъ и невниманія къ такой необходимой связи ихъ между собою, что никакъ нельзя одному обойтись безъ другого, и, слѣдовательно, одному вытѣснить другое и господствовать исключительно. Но если достаточно приведенныхъ выше объясненій, чтобъ понять причину недоразумѣній, то ихъ недостаточно еще, чтобы понять, почему съ политической точки зрѣнія къ этому спору примѣшиваются такъ сильно страсти и доводятъ его до такого ожесточенія.

Дѣло въ томъ, что всѣ партіи, смотря по обстоятельствамъ, обвиняютъ попеременно какъ классицизмъ, такъ и реализмъ въ томъ, что они ве-

дуть то къ деспотизму, то къ революціи и анархіи.

Классицизмъ и реализмъ, какъ и всякое относительное знаніе, сами по себѣ безкачественны. Только при свѣтѣ откровенія, въ живой органической связи съ высшими началами (одними, которыя служатъ непоколебимымъ основаніемъ нравственности), и дѣйствующіе каждый въ свойственной ему сферѣ, какъ классицизмъ, такъ и реализмъ могутъ давать правильные выводы и быть полезными, служа разумными средствами для достиженія нравственныхъ цѣлей, пригоднымъ механизмомъ, для большаго и лучшаго дѣйствія нравственной силы. Отрѣщенные же отъ высшихъ началъ, предоставленные сами себѣ, они, по неизмѣнному свойству всего неполнаго, не могутъ дать положительныхъ правильныхъ выводовъ, не только каждые отдѣльно, но и оба вмѣстѣ, потому что никакое даже соединеніе или смѣшеніе ихъ въ обученіи и въ знаніи человѣка, не можетъ уничтожить неполноты, а потому и неправильности выводовъ, исходящей изъ самаго свойства ихъ, которые уже по одному этому направляютъ на ошибочный путь и легко могутъ дѣлаться удобными средствами для вредной цѣли. Вотъ почему исторія и представляетъ намъ и классическое и реальное образованіе, каждое въ свою очередь, то принимаемое и превозносимое разными партіями, когда считаютъ ихъ нужными орудіями для ихъ цѣлей, то преслѣдуемое, какъ враждебное ихъ цѣлямъ. Поэтому-то, если въ послѣднее время упрекали естественныя науки въ томъ, что будто бы онѣ ведутъ къ невѣрію, анархіи и безнравственности, то не надо забывать, что было время, когда преслѣдовали и классическое образованіе, утверждая, что революція во Франціи вышла именно изъ подражанія грекамъ и рим-

лянамъ, подражанія, о которомъ думали, что оно было результатомъ классическаго образованія. Но лучшимъ опроверженіемъ подобныхъ измѣнчивыхъ взглядовъ служить примѣръ Англїи, гдѣ умѣютъ извлекать пользу и изъ классическаго и изъ реальнаго образованія, и гдѣ ни то, ни другое не ведутъ ни къ безнравственности, ни къ революціи, ни къ раболѣпству, по той причинѣ, что религіозныя убѣжденія сохранились въ Англїи еще пока сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Такъ какъ мнѣ равно было доступно и классическое и реальное образованіе, то я поэтому и не имѣлъ никакого повода относиться ни пристрастно, ни враждебно, какъ къ одному, такъ и къ другому. Окончивъ самымъ блестящимъ образомъ курсъ въ специальномъ высшемъ заведеніи, я почти вслѣдъ за тѣмъ же, въ самомъ раннемъ возрастѣ, былъ назначенъ преподавателемъ высшей математики, астрономіи, механики и высшей теоріи морского искусства и кромѣ того экзаменаторомъ по всѣмъ отраслямъ преподаваемыхъ наукъ въ высшемъ заведеніи. Но однако же я этимъ не удовольствовался, и, какъ показано было въ первой части записокъ, будучи уже кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ, слушалъ еще курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ съ товарищами моими, Синицынымъ (умершимъ въ званіи директора Рижельевскаго лицея) и Новосильскимъ (бывшимъ впоследствии директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія), а съ первымъ кромѣ того и въ медико-хирургической академіи, независимо притомъ отъ посѣщенія специальныхъ лекцій въ горномъ корпусѣ, физическихъ у Роспини и пр. И однако же при всемъ этомъ, я всетаки, вслѣдствіе изученія богословія, которое хоть и неожиданно и

случайно выпало на нашу долю (какъ рассказано о томъ подробнѣе въ первой части записокъ), не могъ уже съ тѣхъ поръ считать достаточнымъ и самое совершенное классическое образованіе и реальное, и это вовсе не по тогдашней только наклонности къ мистицизму. Нѣтъ. Съ твердымъ уже сознаніемъ для меня представлялось немислимымъ достаточность знанія безъ существеннаго главнаго источника его, безъ откровенія, точно такъ же, какъ я не понималъ, какъ можно было безъ возможной полноты знанія управлять даже собою, а не только что государствомъ, а тѣмъ болѣе преобразовывать его.

Но для человѣка, искренно желающаго отыскать всему непоколебимыя основанія въ высшей, нравственной и безусловной сферѣ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ заставить правильно понимать себя людямъ, привыкшимъ по страстямъ и выгодѣ служить пристрастнымъ, одностороннимъ партіямъ, или по равнодушію, величаемому благоразуміемъ, и расчету держаться механической середины. Тутъ какъ разъ подпадаешь подъ противоположныя обвиненія. Возстаете вы противъ прискорбной привычки заключать вѣру въ суетвѣріе или въ механизмъ обрядности, о васъ говорятъ, что вы возстаете противъ вѣры. Доказываете вы неразумность невѣрія, васъ сейчасъ называютъ партизаномъ предразсудковъ, ведущихъ къ деспотизму. Такимъ противоположнымъ обвиненіямъ подвергался и я, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, когда настаивалъ у обѣихъ партій, у каждой въ свою очередь, какъ у правительственной, такъ и у либеральной, на необходимости прочнаго образованія и искренняго принятія въ основу всего нравственныхъ началъ съ полною искренностью, какъ един-

ственного средства примиренія и соглашенія всѣхъ относительныхъ требованій, въ томъ, что они имѣютъ справедливаго, такъ какъ по моему убѣжденію, которое я старался передать и другимъ, противоположность требованій и враждебность ихъ истекали изъ несправедливаго притязанія на исключительность. Я говорилъ, что какъ повиновеніе закону, такъ и свобода могутъ быть достояніемъ только просвѣщеннаго ума и нравственной воли. Отчего, спрашивалъ я ихъ, при всей суетѣ стремленія къ свободѣ, идутъ часто къ деспотизму, и при всѣхъ усиліяхъ, вести къ порядку, ведутъ часто къ анархіи? Отъ того, что ни тѣ, ни другіе не заботятся начинать дѣло съ развитія нравственной силы, способной стремиться къ чистому добру, и правильнаго знанія, способнаго указывать надлежащія средства къ тому. Но къ несчастію большая часть смотрѣла и на повиновеніе закону, и на свободу, какъ на нѣчто формальное или вещественное, которое можно наложить или дать извнѣ. Въ правительственной сферѣ уже утвердилось въ это время мнѣніе, что всякое высшее образованіе вредно, ведетъ къ умствованіямъ и чрезъ то къ революціямъ; что такъ какъ полнаго образованія всѣмъ дать нельзя, то знакомство съ высшими науками составитъ поверхностное образованіе т. е. самое вредное, что народу нужно только реальное образованіе, понимая подъ этимъ то, что можетъ сдѣлать изъ человѣка только искусное механическое орудіе; а въ нравственной сферѣ для народа нужно, какъ говорили, одно — учить безусловному повиновенію и приучать къ нему, не подозрѣвая повидимому, что такое образованіе и будетъ именно также поверхностнымъ, т. е. внѣшнимъ, такъ какъ поверхность или глубина образованія не зависятъ отъ объема знанія, а отъ

того, изъ чего оно истекаетъ: изъ живого-ли разумѣнія, живой зародившейся силы, способной къ самостоятельному развитію, или отъ принятія внѣшней, готовой, но зато бездушнѣй формы, относящейся къ той цѣли, которой хотятъ достигнуть образованіемъ, какъ великолѣпная декорация, изображающая дерево, относится къ сѣмени, заключающему живую силу развитія его. Вначалѣ декорация можетъ поразить и ослѣпить, показывая будто бы готовые разомъ и плоды, а сѣмя передъ нею показаться ничтожнымъ, но декорация, не имѣющая обновляющаго источника жизни, неминуемо обветшаетъ, а сѣмя способно разрости въ величественное, крѣпкое и плодотворное дерево.

Къ сожалѣнію, и въ либеральной партіи образованіе и изученіе относили болѣе къ той сторонѣ, которая представлялась, какъ средство къ ближайшему приложенію, нежели къ необходимости отысканія для всего коренныхъ основаній въ живыхъ силахъ и нравственныхъ началахъ. Отсюда неуваженіе къ народному чувству и стремленіе къ сочиненію отвлеченныхъ конституцій, и потому изученіе только того, что, по тогдашнимъ понятіямъ, преимущественно могло служить для внѣшнихъ искусныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственныхъ сочетаній; напр. увлеченіе изученіемъ политической экономіи, какъ тогда ее понимали, а пренебреженіе самостоятельнымъ изученіемъ своей исторіи и народнаго быта въ ихъ сущности. Отсюда и забота только о такомъ же, стало быть, образованіи, какъ понимало его и правительство, т. е. болѣе въ смыслѣ механическаго искусства; а въ приложеніи къ другимъ предметамъ, о такомъ, которое, какъ бы ни былъ великъ объемъ его, въ дѣйствительности всегда будетъ однако повѣрхност-

нымъ, т. е. безъ углубленія до коренныхъ основаній, дающихъ жизнь и силу всякому знанію, независимо отъ его количественнаго объема.

VI.

Вопросъ о дѣйствительномъ, существенномъ образованіи на тѣхъ началахъ, какъ я понималъ его, былъ именно тотъ вопросъ, которымъ, какъ говорили, я больше всего «надоѣдалъ» членамъ общества. Особенно же я требовалъ въ приложеніи и къ нему того пожертвованія личными интересами и удовольствіями, которое проявлялось у нѣкоторыхъ членовъ общества въ отношеніи введенія новаго образа дѣйствій по другимъ сферамъ. Извѣстно, что нѣкоторые члены общества пожертвовали личными интересами и удовольствіями столичной жизни, пожертвовали блестящею службою въ гвардіи и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что считалось тогда единственною приличною службою для высшаго сословія, и пошли на такія должности (напр. судебныя и разныя административныя), которыя были тогда въ дурной славѣ; пошли именно для того, чтобы личными достоинствами и дѣйствіями въ иномъ духѣ исправить и возвысить ихъ. Я требовалъ поэтому, чтобы сдѣлали то же и для учебной части; чтобы вмѣсто празднаго пребыванія безъ всякаго дѣла въ столицѣ, единственно для удовольствія, жили въ деревняхъ, изучая народъ и научая его, заводя школы, и даже заняли бы учительскія мѣста въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, возвыся это званіе всею независимостью своего положенія.

Я со своей стороны всячески старался, чтобы люди, принимаемые мною въ общество, понимали и убѣдились, что въ стремленіи къ общественному преобразованію и улучшенію надо начинать съ самого себя, возвышеніемъ въ самомъ себѣ нравственной силы и расширеніемъ круга образованія на истинныхъ основахъ его. Этому безспорно и обязаны были всѣ лица, приготовленные мною, что въ ихъ дѣйствіяхъ 14 декабря явилось болѣе единства и сознательности, чѣмъ въ дѣйствіяхъ другихъ членовъ.

Не такъ смотрѣли, къ прискорбію, на дѣло люди, руководившіе въ то время движеніемъ, и въ рукахъ которыхъ находилась распорядительная власть общества, чѣмъ и объяснилась слабость дѣйствія его въ рѣшительную минуту. Когда я спрашивалъ Рылѣва, неужели онъ вѣрить, что дѣйствительная свобода можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ не проявленіемъ нравственной силы, а эта можетъ быть прочна безъ религіи, и неужели онъ думаетъ, что народъ приметъ руководителей, которые могутъ быть предметомъ соблазна въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно высшаго существа онъ мало размышлялъ, хотя и думаетъ, что есть «что-то такое»; что относительно нравственности ему мало дѣла, лишь бы были умны и способны, что относительно народа будетъ сначала сила, которая заставитъ его повиноваться, а тамъ онъ и самъ пойметъ свою пользу; т. е. Рылѣвъ и мыслившіе одинаково съ нимъ, какъ я не разъ имъ замѣчалъ, впадали въ тѣ же ошибки, принимали тѣ же правила, что и противная сторона. Послѣдствіемъ этого неминуемо было нравственное послабленіе въ выборѣ членовъ общества, что дозволяло вти-

ратся въ него людямъ неискреннимъ, но достаточно умнымъ, чтобы усвоить себѣ языкъ либерализма, и достаточно способнымъ, чтобы отсутствіе солиднаго образованія замѣнить шарлатанствомъ. Видя это, я началъ сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла, такъ какъ имѣлъ уже право усомниться въ искренности побужденій и многихъ дѣятелей и въ дѣйствительности той цѣли, которую провозглашали. «Я приготовлю своихъ», сказалъ я Рылѣву, «къ полному пожертвованію собою именно за свободу, безъ всякаго обольщенія мечтою, что предпріятіе съ перваго раза удастся и увѣренъ, что именно поэтому они и будутъ дѣйствовать хорошо, такъ какъ у нихъ не можетъ быть никакой эгоистической цѣли; но что касается до васъ и до вашихъ, то мнѣ кажется, что у васъ дѣло идетъ о борьбѣ съ правительствомъ вовсе не за свободу, а за власть. Въ такомъ случаѣ я напередъ вамъ скажу, что ничего добраго не предвижу, не только для послѣдствій, если бы предпріятіе и удалось, но и для возможности создать условія успѣха самаго предпріятія. Помните мое слово, что борьба за власть въ самомъ обществѣ уничтожитъ всѣ условія успѣха борьбы за нее съ правительствомъ.»

Слова мои сбылись; но гораздо прежде того еще мнѣ неожиданно суждено было и самому подвергнуться враждѣ властолюбія по одному только опасенію людей, имѣвшихъ власть въ обществѣ, что эта власть можетъ перейти ко мнѣ отъ нихъ, хотя я не только не искалъ ея, но всячески уклонялся отъ всего, что только могло привести къ тому, и принесъ даже въ этомъ отношеніи многія жертвы.

Говорятъ, что покойный Ермоловъ сказалъ, что всѣ страсти съ лѣтами могутъ угаснуть, но что кто разъ прикоснулся устами къ чашѣ власти, не ото-

рвется уже отъ нея, если не отнимутъ у него ея насильно. Конечно, бывали исключенія, но въ общемъ это справедливо. Властолюбіе держится въ челоуѣкѣ и дольше и упорнѣе страсти, и неохотнѣе всего онъ изъ начальствующаго дѣлается подчиненнымъ. Властолюбіе раздѣлило уже общество отъ того, что разные люди добивались власти и искали удержать ее за собою, не соглашаясь подчиниться одни другимъ; несогласіе же насчетъ будущей формы правленія не было ни существеннымъ дѣломъ, ни неодолимымъ препятствіемъ, такъ какъ ни та, ни другая сторона, сколько я ихъ ни испытывалъ, не были сознательно убѣждены въ своемъ взглядѣ на дѣло и даже сами смотрѣли на отстаиваемыя ими формы, какъ на переходныя. Но различіе формы давало всегда желанный и удобный предлогъ къ отдѣленію и къ поставленію себя во главѣ отдѣлившихся. Властолюбіе, требовательное для себя, требующее, чтобъ безусловно вѣрили его намѣреніямъ, и подчинялись его дѣйствіямъ, какъ бы оно ни злоупотребляло властію, особенно всегда подозрительно относительно людей способныхъ и съ характеромъ. Оно показываетъ, что если удерживаетъ власть даже неправильными средствами, то это не для себя, и даже пожалуй, вопреки своему желанію, но единственно для того будто-бы, чтобы не передать власть въ руки, могущія употребить ее во зло. Поэтому, оно само всячески разжигаетъ и преувеличиваетъ опасеніе злоупотребленія власти другими; поэтому, если когда по необходимости, оно хоть для виду должно ограничить свою власть, или въ какомъ либо дѣлѣ дать хоть наружное первенство другому, то старается всячески, чтобы выборъ не палъ на людей способныхъ, изъ боязни, чтобъ власть и въ дѣйствительности не перешла къ нимъ.

Такъ бываетъ и вездѣ, такъ было и въ тайныхъ обществахъ, и въ этомъ заключается основная причина и ослабленія общества и неудачи 14-го декабря. Здѣсь я разумѣю неуспѣхъ въ военномъ отношеніи, а не то безсмысліе, что вмѣсто провозглашенія новаго порядка увлекли солдатъ въ защиту существенной основы стараго, разрушивъ основы всего предпріятія.

Я позволю себѣ здѣсь привести свой отзывъ о томъ и о другомъ тотчасъ послѣ событія въ томъ видѣ, какъ онъ произнесенъ, т. е. по-французски: „La société a péri à cause d'avoir outré le motif qui fut le principe de son existence et déterminait son but, c'est-à-dire la crainte de l'abus du pouvoir. A force de chercher en tout et pour tout quelqu'un, qui ne soit pas capable d'abuser du pouvoir, on a fini par tomber sur un homme (*Трубецкой*), qui n'était pas capable d'en bien user.“

И Пестель, и Рылѣевъ, стоявшіе во главѣ обществъ Южнаго и Сѣвернаго, были слишкомъ властолюбивы, чтобъ не только согласиться подчиниться одинъ другому, но и сносить соперничество каждый въ своемъ обществѣ. Поэтому, и тотъ и другой старались на мѣста другихъ директоровъ посадить людей себѣ сподручныхъ, уступавшихъ имъ по способностямъ или по характеру и никакъ не допустить людей, въ которыхъ боялись найти опасныхъ себѣ соперниковъ. И если Пестель, не имѣя возможности не допустить выбора Сергѣя Муравьева-Апостола, согласился на выборъ его въ директоры потому только, что тотъ, не находясь въ центрѣ дѣйствія, поневолѣ былъ номинальнымъ только директоромъ, то Рылѣевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе, какъ удаленіемъ меня, хотя подъ почетнымъ предлогомъ, изъ центра дѣй-

ствія, такъ и захватомъ въ свое распоряженіе во время моего отсутствія тѣхъ членовъ общества, которые были приготовлены мною.

Принявъ либеральное и революціонное начало (тогда ихъ считали нераздѣльными), я былъ искрененъ вполне въ приложеніи его, и ни страхъ, ни эгоистическіе результаты не удерживали меня. Я былъ неутомимъ и отваженъ, дѣйствовалъ всесторонне по всѣмъ направленіямъ, во всѣхъ сферахъ, дѣйствовалъ настойчиво, дѣйствовалъ для самаго дѣла, мало заботясь о себѣ ни со стороны опасности, ни со стороны похвалъ. Но какъ ни мало искалъ я выказывать свои дѣйствія и добиваться, подобно инымъ, сознательнаго засвидѣтельствованія моихъ дѣйствій членами общества, вліяніе мое быстро возрастало. Но не однѣ дѣятельность и энергія мои, которыя называли безпримѣрными, и которыя грозили людямъ, имѣвшимъ въ рукахъ своихъ власть, что она перейдетъ ко мнѣ, возбуждали зависть. Было нѣчто такое, что внушало еще большій страхъ имъ. Явилось у многихъ какъ бы предчувствіе, что именно во мнѣ зарождались и готовы были проявиться тѣ начала, которыя способны уничтожить противорѣчіе и борьбу не только между отдѣльными тайными обществами, но и вообще между властію и свободою — а тогда люди, завидовавшіе мнѣ, должны были лишиться не только распорядительной власти дѣлами общества, но и нравственной, какъ представители извѣстнаго рода идей, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать монополію себѣ, а такая потеря была неминуемо сопряжена съ лишеніемъ значенія самихъ идей, по ихъ односторонности и ошибочности ихъ основаній, въ случаѣ проявленія идеи высшей и всесторонней. Грустно сказать, до чего увлекало людей желаніе «сбить меня съ поля» какъ выража-

лись они. Вѣрные люди, изъ числа членовъ, негодующихъ на подобный образъ дѣйствій, сообщили мнѣ, что Рылѣевъ предлагалъ даже донести на меня Милорадовичу, съ тѣмъ, чтобъ меня куда нибудь «запѣтали», а донесшій приобрѣлъ бы въ глазахъ правительства болѣе довѣрія. Они рассчитывали прямо на благородство мое, что я ничего не открою; а если бы даже и открылъ что, то согласились утверждать, что они, видя мою пылкость и увлеченіе, просто мистифицировали меня, что никакихъ обществъ, кромѣ того, которое я самъ учреждалъ, не существуетъ и пр. Думали также (что считали и еще для себя безопаснѣе), сдѣлать доносъ анонимный, или наконецъ просто заставить меня удалиться изъ общества, возбуждая противъ меня непріятности. И можетъ быть они и покусились бы на это, если бы всю ихъ интригу не разрушилъ Каховскій, который и мнѣ открылъ ее. «Я сказалъ имъ,» говорилъ онъ мнѣ, «что они изъ-за властолюбія готовы погубить дѣло, что всѣ ихъ интриги и замыслы противъ васъ только изъ зависти къ вашимъ способностямъ и дѣятельности, которыя несомнѣнно даютъ вамъ первенство, не смотря на то, что власть не въ вашихъ рукахъ, а въ ихъ. Но если они эту власть употребятъ до такой степени во зло, какъ они хотятъ это сдѣлать — противъ васъ, то я сумѣю обратить противъ виновнаго тотъ самый кинжалъ, который они направляютъ противъ другихъ. — Вы знаете, на что иные меня подстрекають.»

Этимъ Каховскій намекалъ на то, что Рылѣевъ твердилъ ему, пользуясь его восторженностью, что величайшую честь, которую можетъ оказать общество своему члену, — это поручить ему нанести ударъ.

Видя интриги свои разрушенными, завидовавшіе

мнѣ люди однако не успокоились, а старались только прикрыть свои замыслы объ удаленіи меня подь какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Вскорѣ представился имъ къ этому случай, тѣмъ болѣе благопріятный, что онъ основывался на собственныхъ моихъ замѣчаніяхъ о неизвѣстности намъ, что дѣйствительно дѣлается въ провинціяхъ, и давалъ имъ возможность прикрыть свое желаніе предлогомъ особеннаго довѣрія ко мнѣ и особаго почетнаго мнѣ порученія.

Однажды при разсужденіи о силѣ и распространеніи тайныхъ обществъ и о развитіи въ Россіи либеральныхъ идей, я замѣтилъ, что едва-ли нѣтъ тутъ преувеличенія и самообольщенія. Что безспорно есть нѣсколько пунктовъ, гдѣ общество сильно и гдѣ либеральныя идеи сдѣлались общими, но что касается до большинства провинцій, то я крѣпко въ томъ сомнѣваюсь. Изъ разсказовъ пріѣзжающихъ изъ провинціи членовъ, я убѣдился, что въ этомъ отношеніи вводятъ насъ въ заблужденіе старые члены, желающіе прикрыть свою недѣятельность въ принятіи новыхъ членовъ преувеличенными разсказами о томъ, какъ удалось будто-бы имъ дать провинціальному ихъ обществу либеральное направленіе, между тѣмъ какъ ни въ образованіи народа, ни въ обращеніи съ крестьянами и пр. это нисколько не выказывается. Но какъ мы предположили въ случаѣ удачнаго переворота собрать великій земскій соборъ, на которомъ выборные изъ провинцій должны неминуемо составить большинство, то существенно важнымъ для будущности государства будетъ то, какія понятія и желанія принесутъ на соборъ эти выборные. Поэтому намъ никакъ нельзя оставлять въ неопредѣленности ни наши свѣдѣнія о настоящемъ настроеніи умовъ въ провинціи, ни

о мѣрахъ, которыя принимаются для подготовленія ихъ къ новому государственному устройству. Слѣдовательно, необходимо провѣрить безъ замедленія дѣйствительное состояніе мнѣній въ провинціяхъ, и для этого лучше, если бы отправлены были въ разныя мѣста новые члены, не состоящіе въ сношеніяхъ и знакомствѣ со старыми, для того, чтобы они свѣдѣнія свои почерпали не изъ рассказовъ старыхъ членовъ, а изъ собственныхъ наблюденій.

Всѣ присутствующіе согласились съ справедливостью моего замѣчанія, но Рылѣевъ и державшіеся его стороны постарались воспользоваться именно этимъ самымъ, какъ удобнымъ предлогомъ, чтобы удалить изъ Петербурга меня и тѣхъ, которые видимо уже склонялись на мою сторону. Въ слѣдующее же собраніе онъ сказалъ мнѣ, что «всѣ» убѣдились, что никто лучше меня не въ состояніи будетъ исполнить подобное порученіе со стороны общества. Не говоря уже о томъ, что я, какъ предложившій дѣло, самъ лучше другихъ понимаю его важность, многія и другія обстоятельства обезпечиваютъ за мною успѣшность дѣйствія — что, по рожденію и связямъ моимъ, принадлежа къ высшему кругу, я не только буду находиться среди самыхъ вліятельныхъ лицъ, но чрезъ это имѣть легкій доступъ и во всѣ другіе круги; что, какъ человекъ, возвратившійся изъ кругосвѣтнаго путешествія, я буду вездѣ интересный и желанный гость, а самое это продолжительное путешествіе даетъ мнѣ право на продолжительный отпускъ, какъ бы для дѣлъ и для свиданія съ родственниками, и на посѣщеніе разныхъ губерній, не возбуждая особеннаго подозрѣнія; что, наконецъ, отправленіе въ дальнюю губернію и возвращеніе оттуда даетъ случай посѣтить проѣздомъ и другія мѣста, не перечисляя ихъ въ просьбѣ

объ отпускъ. Почти съ одинаковыми соображеніями назначены были мѣста, куда должны были отправиться и другіе члены, которыхъ считали моими сторонниками. Такимъ образомъ мнѣ предложено было взять отпускъ въ Казань, Симбирскъ и Саратовъ съ тѣмъ, чтобы оттуда возвратиться чрезъ Тамбовъ и Рязань; Оржицкаго послали въ Бессарабію и пр.

Теперь надобно объяснить и другую причину, по которой Рылѣевъ больше другихъ желалъ удаленія моего изъ Петербурга. Мною было принято очень много членовъ, какъ въ устраиваемое сначала мое собственное общество, такъ и въ Сѣверное послѣ того, какъ я присоединился къ этому послѣднему. И если бы я имѣлъ какое нибудь желаніе быть директоромъ, то мнѣ стоило бы только объявить этихъ членовъ и ввести ихъ въ собранія, и тогда, съ помощью другихъ членовъ Сѣвернаго общества, принявшихъ уже явно или тайно мою сторону, я могъ быть увѣренъ въ большинствѣ. Но я имѣлъ много причинъ не вполнѣ довѣрять Рылѣеву, и потому, несмотря на его просьбы и настоянія, не хотѣлъ до времени открывать ему именъ своихъ членовъ, а помимо меня онъ никакъ не могъ добиться этого во время личнаго моего присутствія въ Петербургѣ, до такой степени я умѣлъ внушить моимъ членамъ, при устраненіи всякаго тщеславія, большую скромность и осторожность.

Послѣдствія оправдали мое недовѣріе къ Рылѣеву. При той жалкой роли, которую онъ принялъ на себя въ комитетѣ, не только открывать комитету все, что зналъ, но и содѣйствовать ему всячески въ изысканіяхъ и указывать средства къ раскрытію всего, только тѣ члены и уцѣлѣли, которые не были ему извѣстны и не подпали его соображеніямъ, что они могли быть членами.

лѣевъ надѣялся, что въ отсутствіе мое имъ легче удастся вступить какъ нибудь въ прямыя сношенія съ принятыми мною членами, и, польстя ихъ тщеславію, отвлечь ихъ отъ меня въ продолженіе долгаго моего отсутствія.

Впрочемъ, и этотъ планъ удался имъ, какъ увидимъ, отъ случайнаго только обстоятельства.

Между тѣмъ, Рылѣевъ, не подозрѣвая, что Каховскій открылъ мнѣ всѣ ихъ интриги противъ меня, искалъ всячески сблизиться со мною и приобрѣсть мое довѣріе. Онъ часто бывалъ у меня, но всегда одинъ, совѣтовался со мною даже насчетъ своихъ литературныхъ произведеній, и, конечно, никому неизвѣстно, что вся его тема для исповѣди Наливайки дана была мною, а Рылѣевъ только переложилъ ее въ стихи въ моемъ присутствіи и съ моими поправками.

Рылѣевъ предложилъ мнѣ праздновать вмѣстѣ день нашихъ именинъ (память св. Дмитрія Ростовскаго и Ап. Кюдрата чествуется церковію въ одинъ день 21-го сентября); я не отказался отъ этого, но несмотря на его просьбы пригласить и «моихъ» гостей, на это не согласился, а на его убѣжденія имѣть къ нему полное довѣріе, постоянно отвѣчалъ: «Я пока съ вами, но не вашъ еще. Мнѣ нужны гарантіи посильнѣе.»

При составленіи инструкцій для отправляющихся въ разныя губерніи возникли важные вопросы объ отношеніи либерализма къ народу, которые тѣмъ умѣстнѣе будетъ разсмотрѣть здѣсь въ подробности, что относительная справедливость различныхъ и даже противорѣчащихъ взглядовъ по этому предмету недостаточно выяснена и до сихъ поръ. Корень разногласія и противорѣчія, очевидно, заключается

въ различій понятіи о тѣхъ побужденіяхъ, которыя даютъ человѣку право искать свободу, и о томъ, что въ дѣйствительности составляетъ народъ. Для людей, которые смотрятъ на свободу, какъ на нравственную обязанность, какъ на условіе достиженія цѣли высшихъ стремленій, для такихъ людей даже и тѣ, кто лишаетъ ихъ самихъ свободы, не составляетъ предметъ вражды, потому что они и на нихъ смотрятъ, какъ на самихъ несвободныхъ, и жертвуютъ собою, чтобы ихъ освободить отъ узъ неправды, заблужденій, страстей, ложно-понятыхъ интересовъ, ведя борьбу не съ людьми собственно, а съ ложными понятіями и злыми началами. Но есть и другая точка зрѣнія, не лишенная относительной справедливости, и которая сверхъ того преобладаетъ въ стремленіяхъ людей къ свободѣ, — это точка зрѣнія личнаго права всякаго человѣка на свободу, разумѣя ее, какъ внѣшнія условія и права. Если я имѣю право, говорятъ, лишать внѣшняго непріятеля средствъ вредить моей личности и собственности, то я имѣю точно такое же право и противъ внутренняго непріятеля. А какъ народъ (разумѣй: простонародье) всегда бываетъ въ рукахъ правительства орудіемъ деспотизма и угнетенія образованныхъ классовъ общества, то я имѣю право ограждать и защищать свободу того класса, въ которомъ всегда заключается сущность національности, противъ всякаго, кто на нее посягаетъ, противъ правительства, какъ и противъ мужичья (разумѣя тутъ всѣ необразованные классы общества). Этотъ взглядъ въ особенности бываетъ распространенъ между тѣми, кто считаетъ возможнымъ производить перевороты помощію военной силы, и гдѣ (какъ напр. во многихъ окраинахъ Россіи, въ Прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ) обра-

зованный принадлежит къ другому племени, нежели масса народа.

Разумѣется, главная причина недоразумѣнія и противорѣчія при этомъ заключается въ двусмыслии терминовъ: народъ и образованность.

Сущность народа, какъ живого организма, заключается во всей совокупности его силъ, свойствъ и способностей; поэтому, ни простонародье, ни образованный классъ, взятые въ отдѣльности, не могутъ быть почитаемы исключительными представителями народа. Относительно же такъ называемой образованности не надо забывать и того, что она часто принимаетъ направленіе худшее еще, нежели необразованность простолюдина, въ которомъ тогда и сохраняется поэтому болѣе общей истины и силы, нежели въ образованномъ классѣ.

Наконецъ, историческій опытъ доказалъ, что свобода нигдѣ не прочна, гдѣ имѣетъ узкое основаніе одного только класса въ народѣ, и что одно изъ самыхъ жизненныхъ ея условій состоитъ въ томъ, чтобы основаніе это постепенно расширялось, такъ чтобъ несомнѣнная надежда на вѣрное полученіе правъ въ отдаленномъ будущемъ (само собою, по естественному ходу дѣла), — обуздывало нетерпѣніе классовъ общества, не приобщенныхъ еще въ полнотѣ гражданскихъ и политическихъ правъ.

Разногласіе по различію взглядовъ, какъ должны мы были дѣйствовать при исполненіи порученія общества, рѣзко выразилось вполнѣ въ слѣдующихъ рѣчахъ, съ которыми обращались къ намъ: «Вамъ нечего заботиться о помѣщикахъ и чиновникахъ,» говорили одни, «а старайтесь между крестьянствомъ, мѣщанами и купцами, а отчасти и между духовенствомъ распространять убѣжденіе о законности до-

бываться свободныхъ установленій, и какія выгоды они извлекутъ изъ того. Вѣдь духовенство у насъ слито съ народомъ и не менѣе его порабощено.» — «Нѣтъ, ужъ пожалуйста не пугайте помѣщиковъ, — говорили другіе; — втолкуйте имъ о справедливости требовать правъ для себя, оставя другія сословія дѣйствовать, какъ хотятъ, — это они поймутъ, потому что всетаки на столько образованы, что могутъ понять. Другія же сословія поймутъ это только тогда, когда будутъ пообразованнѣе и всегда увидятъ у другихъ на дѣлѣ всѣ выгоды имѣть обезпеченное право. Пусть пріобрѣтеть сначала неотъемлемыя права дворянство, права другихъ сословій придутъ сами собою. Народу можно обѣщать только такія льготы, которыхъ выгоды онъ сейчасъ пойметъ, напр. уменьшеніе казенныхъ повинностей, лѣтъ службы, лучшее управленіе и т. п. О выкупѣ же крестьянъ надо разъяснить помѣщикамъ, что это неизбѣжно и безъ переворота, стало быть лучше же сдѣлать это на тѣхъ справедливыхъ для всѣхъ основаніяхъ, какъ выработано обществомъ, нежели рисковать, что это неминуемо совершится при худшихъ, пожалуй, еще условіяхъ», и пр.

Много было еще подобныхъ же толковъ, но все кончилось тѣмъ, какъ и часто кончается въ такихъ случаяхъ, что намъ сказали: «Впрочемъ, общество довѣряетъ вамъ вполнѣ, и вы сами тамъ на мѣстахъ лучше увидите, какъ надобно будетъ поступать. Письменныхъ сообщеній не дѣлайте, а извѣщайте только, гдѣ будете находиться, чтобы мы могли это узнать на случай какой-нибудь особенной надобности.»

Видя, какъ все не клеилось въ обществѣ, мнѣ предстояло два пути: или продолжать развивать свое общество на основаніяхъ болѣе прочныхъ, не-

жели другія тайныя общества, или согласно тому, какъ толковали о томъ не разъ и въ Сѣверномъ и въ Южномъ обществахъ, попробовать еще разъ подѣйствовать на самого Государя и добиться отъ него измѣненія системы, обратясь съ одной стороны къ прежнимъ его либеральнымъ стремленіямъ, а съ другой показавъ ему неизбѣжность революціи, если онъ не предупредитъ ее искренне-либеральными реформами. Быстро послѣдовавшія неожиданныя событія не допустили развитія ни того, ни другого плана.

Хотя я и готовился исполнить порученіе общества съ полною добросовѣстностью, но въ меня начало уже проникать убѣжденіе, что при тѣхъ понятіяхъ о власти, какія были у правительственной партіи, а о свободѣ, какія были у революціонной, общество и государство будутъ вѣчно вращаться въ безвыходномъ кругу; и что потому людямъ, искренне ищущимъ чистаго добра, надобно найти такое основаніе, на которомъ было бы возможнымъ соглашеніе всего, что было справедливаго съ обѣихъ сторонъ, или лучше сказать, изъ котораго оно естественно истекало бы въ органическомъ соединеніи и исключало бы всякую возможность злоупотребленія, неизбѣжнаго при односторонности стремленій. Я чувствовалъ уже и тогда, что власть и свобода должны имѣть одно основаніе или, вѣрнѣе сказать, быть проявленіемъ одного и того же начала, и хотя тогда еще я не могъ такъ отчетливо доказать это другимъ, какъ впоследствии однако захотѣлъ попытаться обратиться къ своимъ идеямъ и ту, и другую партію. А какъ начало отпуска (на четыре мѣсяца) и отъѣздъ были разсчитаны такъ, чтобы воспользоваться съѣздомъ на зиму въ города дворянства и, слѣдовательно, не могли быть ранѣе

ноября, то я и рѣшился воспользоваться остающимся до отъѣзда промежуткомъ времени, чтобъ еще разъ испытать, возможно ли надѣяться найти въ той или другой партіи полную искренность, которая заставила бы ее отступить отъ ложныхъ понятій и вступить на единственный вѣрный путь. Та сторона, въ которой нашлась бы подобная искренность, и которая, поэтому, начала бы съ того, что въ самой себѣ побѣдила бы добромъ зло и представила бы тѣмъ самымъ необходимый залогъ, что именно въ ея дѣйствіяхъ можетъ быть найдено ручательство за надежный успѣхъ на пути общественнаго улучшенія. Если же бы обѣ партіи согласились перейти на новое основаніе, то, разумѣется, тѣмъ было бы лучше, и успѣхъ былъ бы вѣрнѣе и быстрѣе. И такъ я обратился въ одно и то же время къ Государю и къ тайному обществу.

Сущность того, что я писалъ къ Государю, заключалась въ томъ, что я изобразилъ невыгодное состояніе государства, возмущающее совѣсть искреннихъ людей и наталкивающее ихъ неизбежно на революціонный путь вслѣдствіе безнадежности, что правительство сознаетъ когда нибудь ошибочность своей внутренней и внѣшней политики и измѣнить ихъ. Но если правительство вступить искренно на путь либеральныхъ реформъ, то всѣ эти люди будутъ самыми преданными ему дѣятелями; въ противномъ же случаѣ невозможно избѣжать или революціи или полнѣйшаго нравственнаго маразма, и общимъ-ли потрясеніемъ Европы въ случаѣ революціи въ Россіи, безсиліемъ-ли ея при паралитическомъ состояніи, Государь лишится славы умиротворителя Европы. По необъясненному и до сихъ поръ обстоятельству письмо это не дошло до Го-

сударя. Оно было возвращено мнѣ чрезъ графа Дибича, чѣмъ однимъ уже опровергалась нелѣпая клевета, распушенная моими противниками о доносахъ, потому что явно, что въ подобномъ случаѣ письмо было бы слишкомъ желаннымъ для людей, руководившихъ правительствомъ, и участь и письма и моя была бы совсѣмъ иная, какъ и доказано было въ отношеніи тѣхъ, кто дѣлалъ дѣйствительно доносы. Насчетъ же того, что я волею или неволею вынужденъ былъ-бы открыть многое, я былъ слишкомъ увѣренъ въ своей рѣшимости на всякое самопожертвованіе, даже и самолюбіемъ, какъ и доказалъ потомъ въ крѣпости въ несравненно опаснѣйшемъ положеніи; за мною ни одинъ человѣкъ не вошелъ въ крѣпость, и все, что я долженъ былъ говорить для спасенія другихъ, жертвуя даже своимъ самолюбіемъ, не могло уже прибавить ничего къ тому, какъ они сами себя компрометтировали.

Я написалъ другое письмо, которымъ хотѣлъ уже только заставить Государя призвать меня въ свое личное присутствіе. Надежда моя на возможность этого основывалась на словахъ министра просвѣщенія Щишкова, что личность моя очень заинтересовала Государя во время первыхъ моихъ предложеній. Но письмо это осталось неотправленнымъ, такъ какъ получено было извѣстіе объ отправленіи Государя изъ Царскаго Села въ Таганрогъ; тогда я написалъ третье письмо уже въ Таганрогъ, но болѣзнь и смерть Государя не допустили этому письму произвести тѣхъ послѣдствій, которыхъ я могъ ожидать отъ него.

Въ то же время я обратился и къ Рылѣеву и къ другимъ вліятельнымъ членамъ въ Сѣверномъ тайномъ обществѣ и поставилъ имъ на видъ, что если нельзя отрицать того, что въ обществѣ есть

много людей, дѣйствующихъ съ искренностью и самопожертвованіемъ, то нельзя уже отрицать и того, что много втерлось и такихъ, для которыхъ свобода только предлогъ для прикрытія честолюбивыхъ видовъ, и что тѣмъ болѣе будетъ расширяться кругъ дѣйствія общества и умножаться число членовъ его, тѣмъ менѣе вѣроятности на разборчивость въ приемъ новыхъ членовъ и тѣмъ болѣе вѣроятности, что будутъ вступать люди по эгоистическимъ расчетамъ. Но въ такомъ случаѣ, если-бы даже переворотъ и совершился удачно, то нѣтъ уже гарантіи, что онъ приведетъ къ свободѣ, а не къ деспотизму же людей честолюбивыхъ. Что, поэтому, не лучше-ли будетъ, устраня революціонныя средства и распустивъ тайныя общества, сохранить нравственный союзъ и дѣйствовать словомъ и дѣломъ открыто за свободу и всякое улучшеніе, что требуетъ еще большаго самопожертвованія, такъ какъ требуетъ борьбы не съ однимъ правительствомъ, но и съ обществомъ, а между тѣмъ даетъ тѣмъ больше нравственной силы, что правительство будетъ лишено возможности завинять въ незаконности дѣйствій.

Слова мои нашли однако мало сочувствія у членовъ Сѣвернаго общества, и мои идеи нашли мало доступа къ ихъ понятіямъ. Хоть они и признавали справедливость моихъ доводовъ и не могли противопоставить имъ никакого рѣшительнаго аргумента со своей стороны, но очевидно было, что нежеланіе утратить свое положеніе въ обществѣ и ту роль, какую они могли играть въ переворотѣ и послѣ него, болѣе всего содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать ихъ глухими къ моимъ убѣжденіямъ. Оставалось только предохранить членовъ, принятыхъ мною, отъ ошибочныхъ дѣйствій и оградить ихъ отъ бесполезнаго пожертвованія собой, въ случаѣ

открытія общества прежде, нежели они выступятъ въ какомъ нибудь рѣшительномъ дѣйстви.

Здѣсь необходимо обратить вниманіе на то измѣненіе, которое происходило въ характерѣ самыхъ обществъ по мѣрѣ приближенія къ открытому проявленію ихъ стремленій, когда тайныя общества, бывшія сначала распространителями преимущественно идей, стали переходить въ заговоръ, имѣющій цѣлю непосредственное осуществленіе ихъ на дѣлѣ, что требовало совершенно иного устройства и иныхъ людей и ставило ихъ совсѣмъ въ иныя отношенія однихъ къ другимъ, нежели въ какихъ они могли состоять въ тайномъ обществѣ. При такомъ дѣйстви, которое имѣетъ главною цѣлю распространеніе идей, нѣтъ никакой надобности вновь принимаемому члену знать другихъ; и поэтому обычна организація тайныхъ обществъ, что изъ высшихъ или прежнихъ членовъ новопринимаемый знаетъ только одного того, кто его принялъ, такая организація и пригодна для дѣла и наиболѣе свойственна для безопасности. Въ случаѣ открытія какаго либо члена и даже признанія, исторгнутаго у него по его слабости, онъ можетъ указать только на члена, принявшаго его самого, и на тѣхъ, кого онъ самъ принялъ, такъ что во всякомъ случаѣ отсѣкается у общества одна только вѣтвь. Совсѣмъ иное происходитъ, когда приближается время открытаго дѣйствія, и тайное общество принимаетъ, какъ мы сказали выше, характеръ заговора, гдѣ каждому необходимо знать кто, гдѣ и какимъ образомъ будетъ ему содѣйствовать. Притомъ и свойства людей для того или другого дѣла требуются неодинаковыя, а рѣдко кто совмѣщаетъ и тѣ и другія свойства въ одномъ себѣ. Мы видѣли на опытѣ, что люди и очень умные, какъ Пестель, и очень

усердные, какъ Оболенскій, дѣятельно работавшіе въ распространеніи идей и въ умноженіи членовъ, оказались вовсе неспособными заправлять дѣломъ въ рѣшительную минуту открытаго дѣйствія.

Пестель не умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ своего полка, и, располагая цѣлою арміею, допустилъ арестовать себя самымъ постыднымъ образомъ. Оболенскій, вмѣсто того чтобы принять немедленно мѣры о замѣнѣ скрывающагося Трубецкаго, заботился о томъ, чтобы успокоить графиню Коновницыну насчетъ ареста ея сына, и не сумѣлъ освободить конно-артиллерійскихъ солдатъ изъ подъ ареста, когда тѣ только и ждали, чтобъ онъ подалъ къ тому сигналъ.

Между тѣмъ въ послѣднее время передъ отъѣздомъ моимъ собранія дѣлались чаще и становились многочленнѣе, такъ что все большее и большее число членовъ узнавали другъ друга, хотя въ этихъ собраніяхъ всегда появлялись и такіе члены, о которыхъ навѣрное напередъ можно было сказать, что они не примутъ участія въ открытомъ дѣйствіи, и, слѣдовательно, появленіе ихъ въ собраніяхъ понапрасну компрометтировало и ихъ самихъ, и людей, приготовлявшихся къ дѣлу, умножая число людей, знающихъ ихъ, какъ дѣятельныхъ членовъ для совершенія самого переворота и, слѣдовательно, умножая случайности открытія приготовляемаго дѣла, не черезъ одного, такъ черезъ другого какого-нибудь неосторожнаго члена. Кромѣ того, нельзя было видѣть безъ крайняго неудовольствія, какъ иные члены, у которыхъ бывали собранія, допускали по слабости или по пристрастію присутствіе въ собраніи людей сомнительныхъ, которые, какъ напр. Ростовцевъ въ собраніяхъ у Оболенскаго, искали всегда присутствовать и все знать, а

между тѣмъ не хотѣлъ принять прямого участія въ обществѣ. Все это тѣмъ сильнѣе побуждало меня принять мѣры для охраненія принятыхъ мною членовъ до рѣшительной минуты отъ опасности быть открытыми вслѣдствіе неблагоразумныхъ дѣйствій руководителей Сѣвернаго общества. Поэтому, я и просилъ своихъ членовъ не компрометтировать себя изъ тщеславія или любопытства прежде времени безъ надобности, не вступать, не снесаясь со мною, *) въ прямыя сношенія съ директорами или другими, незнающими ихъ, членами общества, но дѣйствовать хорошо и съ полнымъ самопожертвованіемъ, ни въ чемъ не сберегая себя, въ случаѣ, если ужъ придется дѣйствовать. Затѣмъ я повторилъ имъ, особенно въ Гвардейскомъ экипажѣ, представлявшемъ болѣе цѣлостный отдѣлъ моихъ членовъ, всѣ свои распоряженія на случай дѣйствія. Ниже увидимъ мы, какимъ образомъ вслѣдствіе моего отсутствія, забвеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ распоряженій имѣло гибельное вліяніе на самый ходъ дѣла 14-го декабря.

Наканунѣ моего отъѣзда вдругъ неожиданно собралось у меня проводить меня довольно значительное число принятыхъ мною членовъ, особенно изъ Гвардейскаго экипажа. Но въ то же время и такъ же неожиданно, и также, чтобы проводить меня, явился и Рылѣевъ съ нѣкоторыми изъ своихъ членовъ. Я тогда же замѣтилъ, что одинъ изъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа, а именно Арбузовъ, сталъ особенно увиваться около Рылѣева, такъ что и тотъ даже замѣтилъ это. Хотя подобное дѣйствіе и могло относиться къ Рылѣеву, какъ къ лите-

*) Для безопаснаго сношенія я далъ имъ для переписки со мною тайный надежный ключъ.

ратору, однако я сейчас увидѣлъ, какая опасность можетъ грозить тутъ, и счелъ обязанностію предостеречь Арбузова. Но было уже поздно. По моему отъѣздѣ, Рылѣевъ именно чрезъ Арбузова вошелъ въ сношеніе съ Гвардейскимъ экипажемъ, употребляя для этого Николая Бестужева, моряка, хотя и избраннаго въ это время третьимъ директоромъ (за отъѣздомъ Никиты Муравьева въ деревню), но бывшаго въ сущности не дѣйствительнымъ директоромъ, а только номинальнымъ.

VII.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, я еще больше убѣдился въ справедливости замѣчаній, сдѣланныхъ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ старые члены еще больше истратили энергіи въ пустой болтовнѣ и еще менѣе оказывали готовности и рѣшимости приступить къ дѣлу. Самое пониманіе дѣла какъ бы утратило ясность для нихъ, и только новые члены, пріѣхавшіе изъ Петербурга, вносили нѣкоторое оживленіе въ кружки, гдѣ собирались члены тайнаго общества. Но въ замѣну того, либеральныя мнѣнія въ общемъ были очень распространены даже въ начальственныхъ сферахъ, гдѣ даже не боялись приблизить къ себѣ людей, завѣдомо слывшихъ за либераловъ.

Хотя графъ Остерманъ-Толстой, у котораго въ домѣ я жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ Голицынымъ и другими племянниками его, и который особенно любилъ меня, и находился въ то время въ Москвѣ, однако я не остановился у него, чтобы не быть стѣснену въ пріемъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и помѣстился въ домѣ Тютчевыхъ въ Ар-

мянскомъ переулкѣ, гдѣ теперь Горихвостовское заведеніе. Я занималъ тамъ почти весь верхній этажъ, и ко мнѣ былъ особый ходъ, такъ что члены общества могли безпрепятственно посѣщать меня.

Ноября 22-го, когда я былъ на балѣ у Остермана и проходилъ чрезъ маленькую полуосвѣщенную гостинную, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, сидѣвшей въ ней съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитриевымъ, поэтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи и Евгениемъ Ивановичемъ Марковымъ, бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Парижѣ, сказалъ мнѣ: «Садись-ка съ нами, молодой человекъ. Послушай насъ, стариковъ; поучись-ка уму разуму.»

Остерманъ, который шелъ за мною, услыжавъ эти слова, сказалъ Голицыну, шутя: «Вотъ ужъ нашли кого учить. Да у него въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ нашихъ головахъ. Послушаю однако же и я, чему вы будете его учить.»

Я сѣлъ на диванъ между Голицынымъ и Дмитриевымъ, а Остерманъ сталъ противъ меня, но въ ту минуту вошли князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, бывший тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ, и графъ Петръ Александровичъ Толстой, командовавшій 6-мъ корпусомъ, разговаривая о чемъ-то съ озабоченнымъ видомъ. Остерманъ готовился было имъ сообщить предшествующій шуточный разговоръ и началъ было словами: «А вотъ послушайте, о чемъ мы здѣсь говорили...» какъ, замѣтивъ новопришедшихъ, остановился и, прервавъ свой рассказъ, сказалъ имъ: «Да что съ вами? Что вы такъ невеселы, да еще на балѣ у меня?»

Тогда Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, остановясь противъ дивана, гдѣ мы сидѣли, сказалъ шлопголосо, чтобъ не слышали безпрестанно прохо-

дившіе черезъ гостиную: «Есть извѣстіе, что Государь простудился. Впрочемъ, ему кажется лучше.» Потомъ прибавилъ: «Однако объ этомъ не надо никому говорить.»

Мы вышли въ бальную залу. Я стоялъ въ амбразурѣ окна и началъ говорить съ членами общества, то съ тѣмъ, то съ другимъ, подходившими ко мнѣ, а Протасовъ сердился, что я не танцую, и то и дѣло подбѣгалъ ко мнѣ, говоря: «Что ты все толкуешь о политикѣ, а не танцуешь. Да перестань же и ступай танцовать... Да скоро-ли ты бросишь, вонъ Ольга велѣла силою тебя тащить» и пр.

Екатерининъ день 24-го ноября былъ для меня день чрезвычайно утомительный. Въ родствѣ и знакомствѣ моемъ было очень много именинницъ. Все утро проѣздилъ я съ визитами, затѣмъ былъ у насъ парадный обѣдъ, по случаю именинъ тетки Екатерины Львовны, — а на вечеръ я получилъ множество приглашеній на балъ къ разнымъ именинницамъ, и хотя почти отъ всѣхъ отказался, но всетаки осталось три дома, куда необходимо было ѣхать: къ Апраксину, съ сыномъ котораго мы были очень близки, къ княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Трубецкой, первому другу моей мачихи, и къ княгинѣ Натальѣ Ивановнѣ Голицыной, сестрѣ Остермана, у которой была именинница дочь (Коко), совоспитанница моей сестры, вышедшая потомъ за гр. Салтыкова. Впрочемъ, эти разѣзды были потому не совсѣмъ невыгодны, что давали мнѣ возможность повидаться со многими членами, не возбуждая вниманія особыми намѣренными посѣщеніями.

Ноября 26-го я былъ на балѣ у главнокомандующаго, но какъ я хотѣлъ на другой день или

на третій выѣхать въ Казань, и мнѣ приходилось написать передъ выѣздомъ много писемъ въ Петербургъ, то я и уѣхалъ съ бала рано, какъ и вообще, впрочемъ, не оставался на балахъ даже до ужина. Воротаясь домой, я отослалъ прислугу, а самъ сѣлъ писать. Было уже три часа утра, когда я услышалъ подъѣзжающіе экипажи, и сначала ни на это, ни на раздававшіеся голоса въ передней не обратилъ особеннаго вниманія.

Я думалъ, что это воротились съ бала кузина и ея братья и хотятъ мнѣ что-нибудь рассказать о балѣ. Но скоро по бряцанію нѣсколькихъ сабель и звуку шаговъ я увидѣлъ, что идетъ цѣлая толпа. Чтобъ дойти до моего кабинета, надобно было пройти цѣлый рядъ комнатъ. Я былъ въ совершенномъ недоумѣніи, что бы это значило. Быстро мелькнула мысль, уже не идутъ-ли арестовать меня? Рука инстинктивно схватила только что написанное важное письмо; я зажегъ его, и бросилъ въ каминъ, а самъ бросился навстрѣчу идущимъ, чтобъ не дать имъ войти въ кабинетъ и увидать горящее письмо; но едва только я приподнялъ портьеру, какъ Алексѣй Шереметевъ, шедшій впереди, увидавъ меня, закричалъ: «Государь умеръ; скажи, что должны мы дѣлать?» Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали дѣти гр. Толстого, Бахметьевъ и Ладыженскій, адъютанты его, Раичъ и др. Они узнали о смерти Государя отъ графа Толстого, которому сообщилъ о томъ Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ уже при разѣздѣ, не желая произвести замѣшательства на балѣ, и они, не отыскавъ меня въ числѣ разѣзжавшихся, рѣшились ѣхать немедленно ко мнѣ и сообщить полученную секретно важную новость.

На другой день я увидался съ вліятельными членами общества, и на общемъ совѣщаніи рѣшили

отправить Одоевскаго и Вяземскаго (старшаго) въ Петербургъ, чтобъ узнать, что намѣрены тамъ дѣлать. Мы получили въ отвѣтъ, что всѣ должны ѣхать по прежнему назначенію, что общество рѣшилось ничего не предпринимать, такъ какъ вся Россія присягнула уже Константину, — а что будутъ выжидать первыхъ дѣйствій новаго царствования.

Я всякій день бывалъ у Остермана, хотъ и не надолго; но разъ поздно уже вечеромъ онъ прислалъ верхового съ запискою, чтобъ на другой день я пріѣхалъ къ нему поутру пораньше. Я отправился въ 10 часовъ.

«Вотъ матушка твоя,» сказалъ онъ, какъ только я вошелъ къ нему, «пишетъ ко мнѣ и бранитъ меня, будто-бы я тебя держу въ Москвѣ. Ты знаешь, какъ я люблю тебя, но что-жъ въ самомъ дѣлѣ ты не ѣдешь, когда тамъ тебя такъ ждутъ?»

Я отвѣчалъ, что можетъ быть придется возвратиться въ Петербургъ. Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и сказалъ: «А позвольте просить, зачѣмъ-бы это?» — Я отвѣчалъ, что съ перемѣною царствованія не мудрено, что перемѣнится внѣшняя политика и скорѣе всего относительно грековъ. Тогда флотъ будетъ необходимъ, а извѣстно, въ какомъ разстройствѣ онъ находился послѣ наводненія прошлаго (1824) года, что поэтому надобно очень заблаговременно позаботиться о его вооруженіи, и въ такомъ случаѣ, думаю, всякій офицеръ, находящійся на мѣстѣ, будетъ не лишній.

Остерманъ улыбнулся: «Ну, все это хорошо,» сказалъ онъ, «только вотъ что я тебѣ скажу: въ Петербургъ отпущу я одного Федора (Тютчева), онъ не опасенъ; да и тому, впрочемъ, велѣлъ я скорѣе убираться къ своему мѣсту въ Мюнхенъ; Вале-

ріана возьму съ собой (Голицына), а вы, господинъ будущій министръ, извольте-ка у меня отпраплять-ся въ Казань, если не хотите, чтобъ я самъ васъ туда выпроводилъ. Теперь никому изъ васъ въ Петербургѣ нечего дѣлать; въ Петербургѣ ваше мѣсто будетъ тогда, когда будете министромъ. Теперь извольте-же мнѣ сказать, когда выѣзжаете, потому что я сейчасъ напишу вашей матушкѣ.»

«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «я думаю, что могу выѣхать дня черезъ два или три.»*)

«А есть-ли у тебя экипажъ?» спросилъ Остерманъ. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ въ Москву въ дилижансѣ, и какъ дорога плохо еще установилась, то и не знаю, стоитъ-ли покупать зимнюю повозку, чтобъ не пришлось бросить ее гдѣ-нибудь, и потому думаю поѣхать на перекладныхъ.

«Ну, хорошо, мой управляющій доведетъ тебя во всякомъ случаѣ до Владиміра, а, можетъ быть, и дальше, да это будетъ и для меня вѣрнѣе, и я буду спокоенъ на твой счетъ. Стало быть, черезъ три дня ты будешь готовъ, а до тѣхъ поръ прошу покорно всякій день показываться мнѣ.»

Разумѣется, я ему не противорѣчилъ, хотя и сталъ придумывать, какъ бы отдѣлаться отъ провожатаго, въ случаѣ, если это понадобится. Между тѣмъ, какъ мы такимъ образомъ разговаривали, полупушутя, полусерьезно, пріѣхалъ главнокомандующій Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ и только что вошелъ въ кабинетъ, какъ, не поздоровавшись даже, сказалъ Остерману: «Вообрази себѣ, что всѣ прапорщики взбѣленились и задумали скакать въ Петербургъ. Что бы это значило? Я велѣлъ не выда-

*) Этотъ разговоръ происходилъ до полученія еще нами изъ Петербурга отвѣта, котораго однако мы ждали ужь съ часу на часъ.

вать безъ меня никому подорожной. Жаль только, что мнѣ поздно сказали, а то кое-кто успѣлъ уже улизнуть въ Петербургъ.»

«Это значитъ,» отвѣчалъ Остерманъ, не щадившій никого, «что прапорщикамъ поневолѣ придется заниматься государственными дѣлами, когда государственные люди занимаются прапорщичьями.*) Вотъ и мои племяннички бросились было туда же, только я позволилъ себѣ вмѣшаться въ ихъ дѣла, и сейчасъ о томъ и хлопоталъ, чтобъ вотъ этого будущаго адмирала и министра отправить понадежнѣе въ Казань, а то и кузина Надежда жалуется, что мы его здѣсь совсѣмъ заквестровали.»

Голицынъ улыбнулся и посмотрѣлъ на меня внимательно.

«А знаешь-ли, Остерманъ,» сказалъ онъ, «право мнѣ какъ-то сдается, что будущій министръ лучше всѣхъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объяснить намъ, отчего прапорщики хотятъ скакать въ Петербургъ. Право, я очень боюсь за такія горячія головы, но какъ ты взялся уже отправить его въ Казань, то больше и говорить нечего. — «Кланяйтесь Надеждѣ Львовнѣ,» сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, «скажите, что намъ очень пріятно видѣть васъ здѣсь, и въ этомъ наше извиненіе передъ нею, что васъ здѣсь задержали.»

Въ то время сообщенія съ Петербургомъ были очень медленны; даже и въ дилижансѣ ѣхали иногда трое сутокъ. Вотъ почему мы и не могли получить отвѣта ранѣе 7-го декабря, и то поздно вечеромъ. Въ Москвѣ между тѣмъ не было особеннаго смущенія ни при слухахъ о болѣзни Государя,

*) Этимъ намекалъ онъ и на Голицына, который проводилъ больше времени за кулисами, чѣмъ за дѣлами.

ни при извѣстїи о его смерти. Въ частныхъ домахъ продолжали веселиться, и только изъ приличїя закрывали окна и приказывали экипажамъ не стоять на улицѣ, а вѣзжать во дворъ. Я и самъ долженъ былъ 4-го декабря быть на именинномъ балѣ у кузины Варвары Толстой; и когда собрался выѣхать 10-го числа поутру, то былъ задержанъ своимъ двоюроднымъ братомъ Львовымъ, который просилъ меня взять его съ собою въ Казань, но подождать до вечера этого дня, такъ какъ у него шло сватовство, и онъ надѣялся, что въ этотъ вечеръ, не помню ужъ, у кого на балѣ, должна была «рѣшиться его участь», какъ онъ говорилъ. Ровно въ полночь на 11-е число, когда почтовые лошади были уже заложены въ мой экипажъ, прискакали отъ Львова верховой съ запискою, содержащею лаконическое «остаюсь», и я немедленно отправился. Хотя я и ѣхалъ вмѣстѣ съ управляющимъ Остермана, но только въ томъ отношенїи, что мы ѣхали по пути. Я долженъ былъ взять отдѣльный экипажъ потому, что со мною было два моихъ денщика. Одному, который былъ изъ Нижегородской губерніи я обѣщалъ дать случай пожить у родныхъ, пока буду въ отпуску, а другой изъ подмосковской волости, котораго я отпускалъ домой, пока жилъ въ Москвѣ, долженъ былъ ѣхать со мною въ Казань. Съ третьей же станціи я уѣхалъ, впрочемъ, впередъ отъ управляющаго, такъ какъ у меня была подорожная, и сверхъ того я щедро платилъ «на водку» и, остановясь не надолго въ Нижнемъ Новгородѣ, я въ самый день 14-го декабря вѣзжалъ въ Казань.

Сообщенїя были тогда такъ медленны, что, отправясь за два дня до Рождества въ свою деревню, мы не имѣли никакого еще извѣстїя о событїяхъ

въ Петербургѣ. Я, впрочемъ, всетаки первый получилъ о томъ положительныя свѣдѣнія 28-го декабря въ деревнѣ, тогда какъ въ городѣ были только одни неопредѣленные слухи. Мы собирались въ это время навѣстить нашу Симбирскую деревню, принадлежавшую покойному отцу, и для этого отправились въ Симбирскъ проселочною дорогою. Мы выѣхали 2-го января 1826 года; а посланный за мной фельдъегеръ прискакалъ за мною въ деревню, изъ которой мы выѣхали на другой день, и какъ по проселочной дорогѣ онъ не надѣялся догнать насъ, то и обратился въ Симбирскъ черезъ Казань. Посланный же въ то время прямо въ Симбирскъ за мною артиллерійскій офицеръ упредилъ меня въ Симбирскѣ, и когда я въѣзжалъ въ этотъ городъ, то члены общества, ожидавшіе меня уже у въѣзда въ городъ, сообщили мнѣ о его прибытіи. Мы въѣзжали не по почтовому тракту, а по проселочному, вслѣдствіе того, какъ сказано выше, что изъ деревни Казанской заѣзжали въ симбирское имѣніе отца.

Матушка ѣхала въ каретѣ съ сестрою, а я, который никогда не любилъ даже и въ городѣ ѣзды въ закрытомъ экипажѣ, ѣхалъ въ кибиткѣ. Аржевитиновъ (одинъ изъ встрѣтившихъ меня) сѣлъ ко мнѣ, и, пока матушка съ другими экипажами, гдѣ была прислуга и кухня, ѣхала въ домъ Ивашевыхъ по прямому пути, мы поѣхали не чрезъ заставу, а какимъ-то объѣздомъ и по городу все переулками, такъ что если и были наблюдавшіе за моимъ пріѣздомъ, то они не видали меня ни у заставы, ни при выходѣ изъ экипажей въ домъ Ивашевыхъ. Между тѣмъ мы пробрались, никѣмъ незамѣченные, черезъ садъ въ кабинетъ сына Ивашева, а экипажъ мой ввезли чрезъ задній дворъ;

и какъ другіе члены общества, изъ встрѣтившихъ насъ за заставою, распустили слухъ, что я не пріѣхалъ, то повѣрилъ-ли тому губернаторъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобъ удостовѣриться въ томъ, и такимъ образомъ мы выиграли цѣлую ночь на приготовленіе.

Ивашевы, у которыхъ въ домѣ мы остановились, были тѣсно связаны съ нами и родствомъ и дружбою; самъ Ивашевъ, отставной генераль, былъ съ дѣтства пріятель покойнаго моего отца и сослуживецъ его при Суворовѣ; жена была двоюродная сестра моей мачихи; а сынъ, ротмистръ кавалергардскаго полка и адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею, графа Витгенштейна, былъ по семейному соглашенію женихъ моей сестры. Ждали только ожидаемаго съ часу на часъ производства его въ полковники, чтобъ сыграть свадьбу, и тогда онъ долженъ былъ выйти въ отставку генераломъ и жить съ родителями. Молодой Ивашевъ былъ членъ тайнаго Южнаго общества, чего разумѣется родители его и не знали; но понятно, что кромѣ другихъ причинъ, это болѣе всего однако заставляло его, какъ и другихъ членовъ тайныхъ обществъ, содѣйствовать мнѣ. Они предлагали мнѣ бѣжать, и скрыть меня гдѣ-нибудь въ дальнихъ деревняхъ, но подобныя вещи никогда не входили въ мою голову,*) и потому мы занялись пригото-

*) Я всегда былъ убѣжденъ, какъ и выразилъ то впоследствии въ печати, что наибольшую пользу отечеству можно принести, только въ немъ дѣйствуя. Что же касается до возможности гибели въ такомъ случаѣ, то я всегда вѣрилъ, что если сохраненіе мое нужно, Провидѣніе сумѣетъ сохранить меня, если же нѣтъ, то вѣрно смерть была нужнѣе жизни внѣ отечества, такъ какъ часто мужественная смерть производитъ несравненно болѣе вліянія для защищаемаго дѣла, нежели долгая и повидимому даже полезная жизнь.

ніями совсѣмъ иного рода. Я пересмотрѣлъ свои бумаги и сжегъ всѣ, которыя могли навести на слѣдъ къ открытію участія въ обществѣ разныхъ лицъ,*) другія бумаги и вещи роздалъ разнымъ лицамъ, чтобъ они скрыли ихъ въ безопасныхъ мѣстахъ, и, наконецъ, написалъ нѣсколько распоряженій и писемъ, которыя должны были предупредить нѣкоторыхъ членовъ и указать имъ, какъ они должны дѣйствовать и что отвѣчать въ случаѣ, если подвергнутся аресту. Между тѣмъ многіе знакомые, тайно извѣщенные о моемъ пріѣздѣ, со всѣми предосторожностями незамѣтно пробрались къ намъ въ домъ. Я вышелъ къ ужину совершенно спокойный и веселый, и старался не только успокоить, но и развеселить всѣхъ, что, наконецъ, и удалось мнѣ совершенно. Я увѣрилъ всѣхъ относительно присылки офицера за мною, что это вѣрно по какому-нибудь недоразумѣнію, а скорѣе всего, вслѣдствіе знакомства моего со многими участниками въ событіи 14-го декабря.

«Но кто же не былъ знакомъ съ ними?» спрашивалъ я.

Молодой Ивашевъ изъ всѣхъ силъ поддерживалъ меня, не только для того, чтобы успокоить на мой отчетъ, но чтобы приготовить родныхъ и относительно его самого.

«Вотъ пожалуй и меня эдакъ возьмутъ, какъ и Дмитрія,» говорилъ онъ.

«Ну что ты, Богъ съ тобой,» возражала его мать.

*) Прямыхъ указаній не было, но была обширная переписка, и понятно этой достаточно было, чтобъ возбудить подозрѣніе противъ тѣхъ, которые чаще сносились со мною.

«Да отчего же нѣтъ, маменька,» продолжалъ онъ, «вѣдь и я былъ со всѣми знакомъ?» и пр.

Всѣ собравшіеся провели всю ночь въ живой бесѣдѣ. Когда разсвѣтало уже (это было 5-го января) я одѣлся въ мундиръ, сдѣлалъ окончательныя распоряженія, простился со всѣми и поѣхалъ къ губернатору, какъ бы являться, не давая вида, что мнѣ что-нибудь извѣстно и желая предупредить всякое дѣйствіе съ его стороны.

Наше семейство и семейство Ивашевыхъ считалось первыми въ городѣ и были глубоко уважаемы. Поэтому понятно, какъ тяжело было губернатору дѣйствовать противъ меня. Онъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, и, принявъ меня очень любезно, не зналъ, какъ приступить къ дѣлу. Я счелъ обязанностью облегчить это ему.

«Вотъ,» сказалъ я, «приѣхалъ было къ вамъ въ Симбирскъ пожить подольше и повеселиться, да къ сожалѣнію едва-ли и придется.»

«А отчего-же нѣтъ?» возразилъ онъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ.

«Да кромѣ того,» продолжалъ я, «что теперь не такое время вообще, чтобы веселиться, вотъ я получилъ письмо изъ Петербурга; тамъ арестуютъ всѣхъ, кто былъ въ какихъ либо сношеніяхъ, даже въ простомъ знакомствѣ съ участниками въ событіяхъ 14-го декабря. Конечно, тутъ не обойдется безъ многихъ недоразумѣній и неосновательныхъ подозрѣній; и поэтому всякому человѣку, кто только былъ знакомъ съ людьми, дѣйствовавшими въ этотъ день, надобно быть готову на все. Я тоже былъ знакомъ съ ними, и хоть увѣренъ, что окончательно все разъяснится благополучно, но думаю, что трудно избѣжать, чтобы не быть запутану по крайней мѣрѣ въ слѣдствіе.»

Губернаторъ слушалъ меня съ удивленіемъ. Потомъ всталъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

«Я много слышалъ,» сказалъ онъ, «о вашемъ умѣ и благородствѣ и отъ души вамъ благодаренъ за теперешнее ваше дѣйствіе. Вы не знаете, какую тяжесть вы сняли у меня теперь съ плечъ. Я радъ видѣть, что вы такъ спокойны и разсудительны. Поэтому я могу сказать вамъ теперь, что есть предписаніе отправить васъ въ Петербургъ, и присланный за вами офицеръ ждетъ уже васъ. Вы знаете, какъ всѣ мы здѣсь любимъ и уважаемъ вашихъ родныхъ, и можете себѣ представить, какъ меня мучила мысль, что я долженъ буду ѣхать арестовать васъ у нихъ въ домѣ и въ присутствіи всѣхъ. Конечно, они знаютъ, что я тутъ являюсь страдательнымъ орудіемъ, но мнѣ было бы крайне тяжело, что всякое наше свиданіе потомъ напоминало-бы имъ непріятную сцену, тогда какъ я желалъ-бы дѣлать имъ только одно угодное и напоминать пріятное. Вы знаете, что вамъ до отправленія надобно быть на гаупвахтѣ, но я прикажу, чтобы всѣмъ былъ къ вамъ свободный доступъ, а чтобы къ обѣду, въ сопровожденіи дежурнаго по карауламъ штабъ-офицера, отпустили насъ въ домъ Ивашевыхъ.»

Такимъ-то образомъ закончился тотъ періодъ политической и нравственной моей дѣятельности, который совершался въ послѣднее время подъ вліяніемъ революціонныхъ теорій.

VIII.

До сихъ поръ задача моя была сравнительно легка. Я рассказывалъ о томъ, гдѣ самъ дѣйствовалъ

или чего былъ самъ свидѣтелемъ. Теперь же приходится говорить о вещахъ, совершавшихся въ мое отсутствіе, и вѣрный рассказъ о томъ едва-ли и былъ-бы возможенъ, если бы по счастью не было двухъ обстоятельствъ, которыя чрезвычайно облегчили мнѣ затрудненіе. Первое было то, что по недостатку рѣшительныхъ доказательствъ, я немедленно былъ освобожденъ по прибытіи въ Петербургъ, какъ о томъ будетъ рассказано въ своемъ мѣстѣ, и до второго ареста находился шесть недѣль на свободѣ, что дало мнѣ возможность узнать многое отъ незахваченныхъ еще членовъ тайныхъ обществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прислушаться къ разговорамъ и сужденіямъ, когда событіе было у всѣхъ въ свѣжей памяти; второе выгодное неожиданное обстоятельство состояло въ томъ, что въ Сибири мы содержались въ общемъ заключеніи, и, поэтому, для меня была возможность слышать всѣ рассказы большей части лицъ, участвовавшихъ въ событіяхъ 14-го декабря. Такимъ образомъ, я имѣлъ то преимущество надъ обѣими сторонами, что зналъ все, что могло быть извѣстно каждой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, чего они не могли знать.

Нечего, кажется, распространяться для объясненія причинъ, почему какъ донесеніе слѣдственной комиссіи, такъ и все, что было печатано партизанами правительственной стороны, представляло дѣло въ искаженномъ видѣ. Не говоря уже о томъ, что осужденная сторона была лишена и средствъ защиты, и свободы гласнаго выраженія, уже самый образъ дѣйствій въ слѣдственной комиссіи неизбежно велъ къ искаженію всего. Насилію, хитростямъ, обману и разнымъ другимъ уловкамъ комитета подпавшіе слѣдствію противопоставляли всевозможныя усилія скрыть правду. Одни дѣйстви-

ствовали или упорнымъ отрицаніемъ или умышленнымъ искаженіемъ, другіе позволяли себѣ систематически запутывать другихъ, особенно тѣхъ членовъ, которые, бывши сначала сильнѣйшими подстрекателями новыхъ членовъ, уклонились потомъ отъ дѣйствія по эгоистическимъ расчетамъ. Поступать такъ относительно ихъ многіе считали дозволеннымъ и справедливымъ наказаніемъ за ихъ бездѣйствіе.

Въ казематѣ была написана исторія событій, ключемъ которыхъ былъ день 14-го декабря. Хотя и старались, конечно, все изслѣдовать въ точности, но разумѣется, что этого можно было достигнуть только относительно фактической части. Не говоря уже о томъ, что по незнанію въ то время многихъ дѣйствій, какъ тѣхъ членовъ общества, которые не были въ казематѣ, такъ и правительственной стороны, рассказъ, написанный въ казематѣ, всетаки былъ неполонъ, да еще къ сожалѣнію какъ рукопись, такъ и копія и до сихъ поръ не отысканы. Еще менѣе можно положиться на свѣдѣнія, которыя потомъ печатали за границею наши политическіе эмигранты. Какъ ни восхваляли они насъ, очевидно, что ни фактическая, ни нравственная сторона событій не могла быть имъ извѣстна. Вотъ почему мы и думаемъ, что, находясь сравнительно въ положеніи, болѣе выгодномъ противъ всѣхъ, мы будемъ въ состояніи представить дѣло въ правдивомъ, дѣйствительномъ его видѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ виду возрастающей реакціи, какъ Сѣверное, такъ и Южное общество признавали необходимымъ поспѣшить переворотомъ, чтобы воспользоваться либеральнымъ и патріотическимъ настроеніемъ того поколѣнія, которое образовалось вслѣдствіе либеральнаго воспитанія въ началѣ царствова-

нія Александра I и получило сознаніе народнаго достоинства вслѣдствіе побѣды надъ Наполеономъ. Но всетаки для совершенія переворота нуженъ былъ удобный случай. Въ этомъ отношеніи Южное общество имѣло преимущество надъ Сѣвернымъ потому, что такой случай для него существовалъ, а для Сѣвернаго общества нѣтъ. Заранѣе извѣстно было, что въ 1826 г. приготовлялись большіе военные маневры у Бѣлой Церкви, мѣстечка, лежащаго въ Кіевской губерніи. Тамъ должны были сойтись для маневровъ (такъ по крайней мѣрѣ предполагали) войска 2-ой дѣйствующей арміи, 3-й пѣхотный корпусъ отъ 1-ой арміи и кавалерія изъ южныхъ военныхъ поселеній. Всѣ эти войска надѣялись легко преклонить на сторону переворота. Во второй арміи всѣ вліятельные люди были уже членами общества: всѣ полковые командиры, большая часть бригадныхъ, офицеры Генеральнаго штаба, семь адъютантовъ главнокомандующаго князя Витгенштейна и два изъ его сыновей. Самъ начальникъ штаба Киселевъ допускалъ въ своемъ кабинетѣ чтеніе и обсужденіе проектовъ предложенныхъ реформъ. Въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ было много членовъ Общества соединенныхъ славянъ, присоединившихся къ Южному; къ числу ихъ принадлежали почти всѣ артиллерійскіе офицеры и множество кавалерійскихъ, и кромѣ того въ этомъ же корпусѣ былъ и Черниговскій пѣхотный полкъ, въ которомъ служилъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Опытъ доказалъ, что не напрасно можно было вполнѣ разсчитывать на этотъ полкъ; притомъ и весь корпусъ былъ озлобленъ, особенно солдаты, противъ своего корпуснаго командира, француза генерала Рота. Что же касается до южныхъ военныхъ поселеній, то всѣ ужасы, которые совершались тамъ

при обращеніи крестьянъ въ военныхъ поселянъ, оставили тамъ глубокую ненависть къ Аракчееву и затаенную вражду къ правительству, а главный начальникъ поселеній, графъ Виттъ, считался даже въ числѣ членовъ общества. Итакъ, на югѣ были всѣ вѣроятности на успѣхъ переворота, но это-то и ставило Сѣверное общество въ немалое затрудненіе не только по той зависимости, въ которую оно было поставлено, не предвидя для себя подобнаго случая для дѣйствія, какой предстоялъ въ ближайшемъ будущемъ для Южнаго общества, но и по несогласіи съ нимъ во мнѣніи на счетъ будущей формы правленія. Преобладающее мнѣніе въ Сѣверномъ обществѣ было сохраненіе монархическаго правленія въ лицѣ малолѣтняго племянника государя съ регентствомъ до его совершеннолѣтія и съ представительнымъ образомъ правленія, такъ какъ это находили единственнымъ средствомъ согласить либеральныя требованія времени съ чувствами и понятіями народа. Южное же общество хотѣло прямо провозгласить республику, что значило-бы въ сущности диктатуру Пестеля, о чемъ даже говорили уже открыто. Поэтому-то, если-бы переворотъ начался на сѣверѣ, то надѣялись, что вся Россія приметъ его. Совсѣмъ иного должно было ожидать въ случаѣ переворота на югѣ.

Не было сомнѣнія, что если бы Сѣверное общество и уступило во взглядѣ своемъ Южному относительно будущей формы правленія и даже бы согласилось поддержать движеніе, начатое на югѣ, то неприготовленная Россія едва-ли бы поняла республиканское правленіе иначе, какъ дворянское или боярщину. Все это имѣло вліяніе на принятое издавна въ Петербургѣ рѣшеніе стараться всячески предупредить югъ и воспользоваться даже и малѣй-

шимъ случаемъ для совершенія переворота, не слишкомъ уже разбирая, въ какой мѣрѣ будутъ выгодны для этого обстоятельства. Можно судить поэтому, какимъ благоприятнымъ случаемъ должно было показаться колебаніе въ самомъ нѣдрѣ правительственной стороны, послѣдовавшее за непринятіемъ престола Константиномъ, послѣ того, какъ всѣ правительственные акты совершались уже его именемъ, и даже было возвѣщено о немедленномъ его прибытіи. Ничто не могло быть желаннѣе и выгоднѣе для Сѣвернаго общества, и оно рѣшилось воспользоваться такъ внезапно представившимся случаемъ, что не могло уже медлить и созывать даже самыхъ полезныхъ членовъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, особенно при тѣхъ средствахъ сообщенія, которыя были въ то время.

Три обстоятельства должны были быть приняты въ соображеніе: 1) возможность совершить переворотъ въ Петербургѣ; 2) найти надежную опору для поддержанія движенія; 3) освятить произведенныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ признаніемъ ихъ всею Россіею. Первое, при общемъ недовольствѣ и духѣ гвардіи, казалось несомнѣннымъ, и успѣхъ зависѣлъ уже отъ искусства и мужества распорядителей движенія; второе представляли военныя поселенія; что же касается до третьяго, то можно было рассчитывать на согласіе у образованнаго класса по самой справедливости руководившей идеи, а у народа и войска вообще вслѣдствіе тѣхъ льготъ и выгодъ, которыя будутъ объявлены имъ въ томъ самомъ манифестѣ, который возвѣститъ ихъ о совершившемся переворотѣ; а именно освобожденіе крестьянъ выкупомъ ихъ съ землею государствомъ, уменьшеніе лѣтъ службы солдатамъ не менѣе, какъ на половину,

уничтоженіе военныхъ поселеній и кантонистовъ; облегченіе сверхъ того военной повинности распро- страненіемъ ея на иностранныхъ колонистовъ, а впослѣдствіи и на всѣ привилегированныя сословія, введеніе новаго судопроизводства съ присяжными, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, земское само- управление и пр. и пр.

Планъ движенія въ Петербургѣ составленъ былъ очень основательно. Въ слѣдственномъ ко- митетѣ всѣми средствами доискивались, кто соста- вилъ этотъ планъ. Имъ все мерещилось, что это должно быть дѣло какого нибудь извѣстнаго опыт- наго генерала. Но это была самая грубая ошибка съ ихъ стороны, потому что это былъ скорѣе поли- тическій, нежели военный планъ. Яснѣйшимъ до- казательствомъ тому служить то обстоятельство, что вся сущность плана заключалась въ рѣшеніи на- чинать возстаніе съ тѣхъ частей гвардіи, на кото- рыхъ можно было рассчитывать навѣрное и немед- ленно вести ихъ на полки, представлявшіе затѣмъ наиболѣе вѣроятности на принятіе участія въ воз- станіи и такъ далѣе, и такимъ образомъ представя такую массу войскъ, что сопротивленіе было-бы и немислимо, тѣмъ самымъ предупредить эго и из- бѣжать всякаго кровопролитнаго столкновенія.

Въ послѣднее время передъ отъѣздомъ моимъ значительно уже выяснилось, что части войска, на которыя вполнѣ можно было рассчитывать, были Гвардейскій экипажъ*) и Московскій и Лейбъ-гре-

*) Хотя кромѣ меня никто не зналъ, кто именно изъ офицеровъ въ немъ члены тайнаго общества, но я всегда за него ручался, и сверхъ того извѣстно было, что нижніе чины въ немъ очень развитые люди. Всѣ бывали въ заграничныхъ походахъ и требовались въ Петербургѣ вездѣ, гдѣ нужны были люди ловкіе и смышленные, какъ напр. въ театрѣ, при переносахъ цѣнныхъ вещей и пр.

надерскій полки. Изъ нихъ Гвардейскій экипажъ представлялъ еще ту особенную выгоду, что имѣлъ свои собственныя орудія, а это могло дать огромный перевѣсъ въ началѣ и даже рѣшить все дѣло. Вотъ почему въ наставленіяхъ и распоряженіяхъ моихъ я всегда приучалъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа помнить, что орудія имѣли преобладающую важность, и въ общихъ приготовленіяхъ необходимо было бы заранѣе опредѣлять, кто именно въ случаѣ требованія долженъ былъ отправляться за орудіями; и каждый день они должны были бы возобновлять это распоряженіе, существенное для успѣха, чтобъ въ случаѣ болѣзни и отсутствія назначеннаго прежде къ тому лица, или необходимости назначить другого по какой либо другой причинѣ, не произошло замѣшательства отъ незнанія всѣми предварительнаго распоряженія. Ниже увидимъ, какую существенную важность имѣло это въ ходѣ событій 14-го декабря.

Но разумѣется составить планъ не значило еще сдѣлать все. Весьма важно было найти людей, способныхъ привести его въ исполненіе. При выборѣ людей представлялась возможность впасть въ ошибку по двумъ причинамъ. Не легко было найти опытныхъ и искусныхъ людей, способныхъ руководить и одними военными дѣйствіями. При быстротѣ тогдашняго производства большая часть самыхъ дѣятельныхъ членовъ въ тайныхъ обществахъ были очень молоды еще, не смотря даже на значительность ихъ званій и занимаемыхъ ими должностей. Рѣдкій изъ полковниковъ даже въ гвардіи участвовалъ въ войнѣ 1812—15 года. Поэтому необходимо было обращаться къ старымъ членамъ, а на нихъ вслѣдствіе видимаго ослабленія ихъ энергій и дѣятельности, была плохая надежда, что и подѣ-

твердилось потомъ вполнѣ на опытѣ. Другая причина, на которую я еще сначала указывалъ, была та, что недостаточно различали военную храбрость отъ политическаго мужества, рѣдко совмѣщаемыхъ даже въ одномъ лицѣ. Не говоря уже о томъ, что на войнѣ рискуютъ только жизнью, которую и безъ того подвергаютъ опасности нерѣдко попустому и для ничтожныхъ цѣлей; тогда какъ въ политическомъ предпріятіи всѣ послѣдствія въ случаѣ неудачи могутъ быть гораздо хуже смерти; на войнѣ опасность временная, между тѣмъ какъ въ политическомъ предпріятіи постоянно грозитъ опасность, что требуетъ хладнокровнаго, обдуманнаго и постояннаго мужества; для людей совѣстливыхъ представляется въ послѣднемъ случаѣ еще одно затрудненіе, которое для нихъ несравненно важнѣе смерти, ссылки и гоненій. Военному человѣку нѣтъ дѣла до справедливости и несправедливости войны. Не только право его, но и обязанность дѣйствовать ясны для него и для всѣхъ и одинаково признаны всѣми, даже и непріателемъ. Совсѣмъ иное дѣло во внутренней борьбѣ партій въ государствѣ. Тутъ право и обязанность дѣйствовать требуютъ не только одного политическаго разумѣнія, но и глубокаго убѣжденія въ правотѣ дѣла, особенно въ виду безусловнаго отрицанія и осужденія со стороны тѣхъ, которые защищаютъ прежній порядокъ. Малѣйшее сомнѣніе въ этомъ случаѣ можетъ парализировать энергію и самага мужественнаго человѣка.

И вотъ именно въ этомъ-то отношеніи, какъ я убѣдился въ томъ, менѣе всего можно было полагаться на старыхъ членовъ. Долгое препровожденіе времени въ одномъ почти словопреніи не только утомило ихъ, но и породило колебаніе по крайней мѣрѣ на счетъ своевременности предпріятія, если

не на счет правоты его. Почти всё, съ которыми удалось мнѣ бесѣдовать, только и толковали о томъ, что Россія еще не готова, а между тѣмъ и не дѣлали уже ничего, чтобы приготовить ее. Можно-ли же было ожидать энергическаго дѣйствія отъ такихъ людей? Вотъ почему, когда было предложено двумъ членамъ общества, Михайлѣ Орлову и Фонтъ-Визину, жившимъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ для принятія начальства надъ войсками, со стороны возстанія, они не поѣхали, и въ Петербургѣ вынуждены были въ день 14-го декабря поручить начальство отъ общества Трубецкому, Булатову и Якубовичу, какъ единственнымъ изъ бывшихъ на лицо членовъ, которые знали войну по практикѣ.

Что сѣверныя, т. е. преимущественно новгородскія военныя поселенія готовы были присоединиться къ движенію и поддержать возстаніе высылкою даже войска въ Петербургъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Кромѣ положительнаго обѣщанія ихъ выставить по первому призыву до сорока тысячъ войска, послѣдующая готовность ихъ къ возмущенію противъ Аракчеева показала расположеніе ихъ принять участіе во всякомъ предпріятіи, которое могло бы избавить ихъ отъ невыносимаго положенія.

Особенно же послѣ жестокостей, совершенныхъ въ отмщеніе за убійство дворовыми людьми Аракчеева наложницы его Настасьи, раздраженіе военныхъ поселеній дошло до крайней степени напряженія. Это, вмѣстѣ съ готовностью ихъ поддержать движеніе, приготовлявшееся къ 14-му декабря (какъ догадывались при слѣдствіи) и было истинною причиною скорой смѣны Аракчеева новымъ Государемъ и отмѣны самыхъ тягостныхъ постановленій для военныхъ поселянъ, а наконецъ и полнаго

уничтоженія поселеній. Нѣтъ, кажется, надобности доказывать, что одобреніе и принятіе Россією послѣдствій переворота въ Петербургѣ, въ случаѣ удачнаго совершенія самого переворота, во многомъ зависѣло еще отъ первыхъ дѣйствій новаго управленія. Поэтому-то у всѣхъ, кто дорожилъ спокойнымъ установленіемъ новаго порядка, двѣ вещи были предметомъ особеннаго тщательнаго обсужденія, это — составъ регентства и новыя права, дарованныя народу.

Необходимость ввести въ регентство лица, имена которыхъ были извѣстны народу, и которые пользовались общимъ довѣріемъ, привела задолго почти къ общему соглашенію, что въ число членовъ регентства должны были быть назначены Николай Семеновичъ Мордвиновъ, который пріобрѣлъ общую репутацію русскаго Аристиды, и Сперанскій. На счетъ остальныхъ членовъ было разногласіе даже насчетъ числа, не только насчетъ выбора лицъ. Одни полагали ограничиться пятью, и чтобъ всѣ были русскіе, другіе хотѣли, чтобъ было семь членовъ, и въ такомъ случаѣ по одному должно было быть изъ нѣмцевъ и изъ поляковъ, чтобы внушить довѣріе и тѣмъ мѣстностямъ въ Россіи, гдѣ въ образованномъ сословіи преобладали нѣмцы и поляки.

Этотъ пунктъ былъ впрочемъ самый спорный. Мы и прежде уже показали, какъ большинство въ тайномъ обществѣ стояло за ту точку зрѣнія, что коль скоро Россія пріобрѣтетъ всѣ права свободнаго народа, то для другихъ національностей, включенныхъ въ составъ Россіи, не можетъ уже ничего быть желаннѣе и выгоднѣе, какъ имѣть честь считаться и сдѣлаться вполне русскимъ. Но именно поэтому-то, возражали другіе, и намъ надобно показать, что и мы со своей стороны считаемъ ихъ

вполнѣ русскими, и чѣмъ же лучше можемъ имъ доказать это, какъ не тѣмъ, что допускаемъ ихъ въ самыя нѣдра правительственной власти.

Конечно, были и такіе, которые до того увлекались въ исключительность, что требовали, чтобъ въ самомъ манифестѣ о переворотѣ выразиться рѣзко и грозно противъ нѣмцевъ и даже требовать эть нихъ перемѣны фамиліи на русскую. Замѣчательно, что изъ числа самыхъ горячихъ защитниковъ подобнаго мнѣнія были именно обрусѣвшіе нѣмцы. Впрочемъ, если у большинства членовъ и было разногласіе на счетъ допущенія нѣмца или поляка въ регентство, то это большинство не раздѣляло однако увлеченій противъ иноплеменныхъ русскихъ подданныхъ и не желало усложнять затрудненія, и безъ того неразлучныя съ каждымъ переворотомъ, раздувая національные предрасудки и вражду. Я самъ былъ всегда противъ подобныхъ увлеченій и раздѣлялъ людей преимущественно на добрыхъ и злыхъ, на способныхъ и неспособныхъ; и русскаго, если онъ дурень и неспособенъ, не предпочиталъ потому только, что онъ русскій, честному и способному иностранцу, а особенно иноплеменному русскому. Къ тому же я издавна замѣтилъ, что подобная нетерпимость особенно часто проявляется у лже-патріотовъ, прикрывающихъ лже-патріотическою исключительностію совершенно эгоистическіе виды. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ численный составъ регентства, положено было, что одинъ или два изъ его членовъ непременно должны быть изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ и принимавшихъ участіе въ переворотѣ. Вопросъ о назначеніи въ число регентовъ митрополита рѣшенъ былъ отрицательно по нежеланію смѣшивать религію съ политикою. Впрочемъ,

на это рѣшеніе имѣло вліяніе и то соображеніе, что считали лучше обойти митрополита, чѣмъ рисковать получить отказъ, который неизбежно былъ бы истолкованъ, какъ порицаніе самого переворота. Нечего и говорить, что въ дѣлопроизводители регентства, въ министры и на другія важныя должности постановлено было выбирать людей надежныхъ, самымъ дѣломъ связавшихъ полною солидарностью свою участь съ удачею переворота.

Относительно манифеста къ народу предметъ обсуждения и разногласія состоялъ въ слѣдующемъ: одни думали, что въ немъ сразу должны быть дарованы и провозглашены всѣ права народу не только для того, чтобъ преклонить его на свою сторону, но чтобъ сдѣлать также невозможнымъ всякое возвращеніе къ старому порядку, при невозможности даже при самой сильной реакціи возвратить напр. въ крѣпостное состояніе, отнять отпущенныхъ дѣтей изъ кантонистовъ, заставить снова служить уволенныхъ отъ службы солдатъ, снова увеличить терминъ службы и пр. и пр. Другіе говорили, что во всемъ этомъ нѣтъ никакой нужды, что историческіе примѣры доказываютъ безпрекословное подчиненіе провинцій всему, что совершалось въ Петербургѣ; что лучше ограничиться общими обѣщаніями, какъ обыкновенно бываетъ въ манифестахъ и тѣмъ болѣе, что гораздо легче обуздывать партіи ожиданіемъ себѣ выгодъ и льготъ, чѣмъ давать имъ поводъ къ раздраженію и законному требованію въ случаѣ, если слишкомъ широко дарованныя права окажутся въ какомъ нибудь случаѣ невозможными для немедленнаго приложенія; что, впрочемъ, право коренныхъ постановленій никакое временное правительство не можетъ взять на себя, такъ какъ оно принадлежитъ одному только будущему

Земскому Собору, и что поэтому всякое предрѣшеніе въ дѣлѣ коренного законодательства было бы такимъ же злоупотребленіемъ власти, противъ каковаго мы сами возставали и пр.

Тѣмъ, которые возражали на это, что революція въ начальномъ ходѣ своемъ должна быть направлена по опредѣленному плану, чтобъ не впасть иначе въ анархію, отвѣчали, что историческій повсемѣстный опытъ доказалъ, что никто не имѣетъ силы направлять ходъ событій послѣ революцій по опредѣленному плану; что все наше право на разрушеніе существующаго порядка вещей истекаетъ именно изъ того, что мы признаемъ его насильственнымъ и считаемъ себя обязанными разрушеніемъ его возратить народу свободу дѣйствій и прежде всего свободу устроиться по его народнымъ началамъ и разумнымъ идеямъ, что если въ народѣ не признаютъ живыхъ и разумныхъ силъ, то ихъ не создашь никакими внѣшними формами, никакимъ внѣшнимъ руководствомъ, что было бы, впрочемъ, такимъ же насиліемъ надъ народомъ, какъ и то, которое мы стремимся разрушать; если же живыя начала и разумныя силы существуютъ, то нечего малодушно бояться анархіи, что, конечно, кризисъ и временное разстройство неизбѣжны во всякомъ переходномъ состояніи, но возбудивъ силы духа и направивъ умъ къ отысканію лучшаго рѣшенія, они чрезъ это самое состояніе и обновляютъ всегда націю, что притомъ мы имѣемъ уже и собственный историческій примѣръ въ событіяхъ 1612 года, когда Россія, оставшись вовсе безъ правленія въ теченіе многихъ лѣтъ, не погибла, однако, даже и при двойной опасности, при внѣшнихъ и при внутренннихъ врагахъ, и пр.

Одинъ изъ затруднительнѣйшихъ и едва ли не

самый затруднительный вопросъ былъ о составѣ Великаго Земскаго Собора, потому что этотъ вопросъ относился не къ одной правительственной сферѣ, какъ относились всѣ рѣшенія, принимаемыя въ предшествовавшихъ революціяхъ въ Россіи, но долженъ былъ отозваться во всей Россіи и возбуждать всѣ мѣстные интересы, страсти, взгляды, во всемъ разнообразіи не только мѣстностей, но и сословіи, перенеся всю борьбу и теоретическихъ воззрѣній и практическихъ требованій на мѣстную почву, гдѣ она чувствуется несравненно живѣе уже по одному тому, что почти всегда воплощается въ живыхъ личностяхъ. Тутъ предстояло два рѣшенія: назначить выборы по сословіямъ или общіе по числу жителей, и кромѣ того можно было назначить выборныхъ или отъ цѣлой губерніи или отъ каждаго уѣзда. Каждое изъ этихъ рѣшеній имѣло свои выгоды и невыгоды.

Нельзя сказать, чтобы вообще мысль о Земскомъ Соборѣ была незаконна или чужда Россіи. Не говоря уже о соборахъ, созывавшихся при Царяхъ по земскимъ дѣламъ, понятіе объ общемъ земскомъ собраніи для составленія уложенія обновлено было въ народной памяти созваніемъ депутатовъ въ Москву при Екатеринѣ II-ой. Въ 1825 году многіе изъ депутатовъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи, были еще живы. Всѣ эти соборы и собранія посылали выборныхъ и депутатовъ преимущественно по сословіемъ, и, стало быть, эта форма была болѣе знакома народу. Къ тому же для обоихъ непривилегированныхъ сословіи, крестьянства и мѣщанства, имѣть своихъ собственныхъ выборныхъ могло казаться надежнѣе, и понятіе о защитѣ однородныхъ сословныхъ правъ представлялось несравненно яснѣе, нежели вопросы о запутанныхъ мѣст-

ныхъ интересахъ, гдѣ сословные и личные интересы весьма часто были даже несогласимы. Но съ другой стороны выборъ по сословіямъ представлялъ и немалыя затрудненія и даже опасности. Въ прежнее время рѣшенія земскихъ сборовъ, не имѣя обязательной силы, а подаваемые въ видѣ совѣта или мнѣнія, не опредѣлялись численно большинствомъ голосовъ, и потому количество выборныхъ отъ сословій не имѣло никакого значенія. Теперь же этотъ вопросъ сдѣлался бы самымъ щекотливымъ, самымъ спорнымъ и потому самымъ способнымъ возбудить страсти и раздоръ. Кромѣ того, не только крестьяне, но и духовенство лишены были всякой самостоятельности, и не мудрено было, что выборы были бы сдѣланы по указанію тѣхъ, отъ кого люди въ этихъ сословіяхъ были въ зависимости.

Относительно того, по губерніямъ или по уѣздамъ назначать выборы, защитники перваго мнѣнія говорили, что первый способъ будетъ практичнѣе и менѣе стѣснить выборъ, потому что въ иномъ уѣздѣ, пожалуй, и вовсе не найдешь людей способныхъ; но защищавшіе выборы по уѣздамъ основывали свое предпочтеніе на томъ, что тутъ будетъ больше знакомства съ мѣстными потребностями и больше довѣрія, когда будутъ лично знать тѣхъ, кому вручаютъ свои интересы.

Всѣ эти обсужденія не были излишними; они знакомили со всѣми сторонами тѣхъ вопросовъ, которые неизбежно должны были представиться. Можно даже пожалѣть, что все это осталось неизвѣстнымъ публикѣ, иначе бы оно много содѣйствовало къ разрѣшенію многихъ вопросовъ, не легко разрѣшаемыхъ и въ настоящее еще время.

IX.

Когда наступило время дѣйствовать, рѣшились поступать по плану, обдуманному съ давняго времени; но, къ сожалѣнію, исполненіе далеко не соотвѣтствовало его практическому достоинству. Самый вліятельный въ Сѣверномъ обществѣ членъ, Рылѣвъ, не имѣлъ ни достаточно сознанія въ отсутствіи въ себѣ самомъ честолюбія, чтобъ открыто потребовать диктатуры для пользы дѣла, ни достаточно самоотверженія, чтобы передать власть способному человѣку. Онъ хотѣлъ скрыть свое честолюбіе за другими лицами, и, оставаясь, какъ говорится, душою дѣла, облечь наружными знаками власти послушныя себѣ орудія. Вотъ почему, когда Никита Муравьевъ, бывшій третьимъ директоромъ, и по собственной безхарактерности и по вліянію жены*) искавшій уклониться отъ дѣла, уѣхалъ въ деревню подъ предлогомъ болѣзни, на его мѣсто выбрали по вліянію Рылѣва, Николая Бестужева, человѣка искуснаго въ разныхъ механическихъ занятіяхъ и живописи, но безхарактернаго и радикально лишеннаго высшаго политическаго разумѣнія, которое одно даетъ самостоятельность идеямъ и дѣйствіямъ. Поэтому на его

*) Жена Муравьева (Никиты), урожденная графиня Чернышева, совершенно управляла мужемъ. При распаленномъ честолюбіи она искала всячески возвеличить своего ничтожнаго мужа, но такъ, чтобы не компрометтировать своей безопасности и своихъ интересовъ; и поэтому, какъ до 14-го декабря, такъ и послѣ въ Сибирѣ, всѣ ея интриги направлены были къ тому, чтобы загребать жаръ чужими руками. Относительно же удаленія «директора» въ самое политическое время въ деревню «по болѣзни» говорили, что это похоже на того человѣка, который, когда его вели на казнь, просилъ хлопчатой бумаги заткнуть себѣ уши, чтобы не надудо вѣтромъ.

мнѣнія никто не обращалъ вниманія, и онъ былъ, что называется, подставнымъ. Еще менѣе былъ на своемъ мѣстѣ Трубецкой, назначенный диктаторомъ для распоряженій въ день 14-го декабря. Если бы даже и признать въ немъ (что впрочемъ многими оспаривалось) личную храбрость и знаніе военного дѣла, чѣмъ оправдывали его назначеніе, то, конечно, нельзя было найти человѣка ничтожнѣе по характеру. Правда, что въ извиненіе приводили, какъ и сказали мы выше, что это могло быть сдѣлано только въ крайности, по неприбытію*) Михайлы Орлова и Фонъ-Визина, которымъ было сначала предложено начальство, но для всякаго человѣка, знающаго и дѣло и тогдашнихъ дѣятелей, ясно было, что это было натянутое оправданіе, и что, если и можно было предоставить Трубецкому распоряженіе военными дѣйствіями, то ничто не оправдывало ему врученіе политической диктатуры, — такъ что это очевидно была одна только уловка Рылѣва удержать власть и послѣ переворота, имѣя въ рукахъ послушное орудіе, которому передавалась власть по наружности отъ того только, что могли или направлять ее по произволу или взять себѣ назадъ, когда захотятъ и сочтутъ это нужнымъ. Мы не намѣрены повторять здѣсь то, что можетъ быть извѣстнымъ изъ другихъ описаній, особенно о фактической части событій. Мы будемъ стараться преимущественно исправить и дополнить то, что умышленно или отъ незнанія не-

*) Неизлѣпше будетъ замѣтить, что Михайло Орловъ, безспорно человѣкъ храбрый и показавшій военныя способности, не показалъ однако характера еще и въ управленіи дивизіею, и въ послѣднее время находясь подъ влияніемъ жены, видимо ослабѣлъ и, хотя и былъ способнѣе Трубецкаго, но также былъ бы скорѣе орудіемъ въ рукахъ Рылѣва, нежели самостоятельнымъ дѣятелемъ.

умышленно было искажено и умолчано или осталось въ неизвѣстности, а могло быть узнано или разъяснено только впослѣдствіи при бесѣдахъ или разъясненіяхъ во время нашего пребыванія въ Сибири.

Здѣсь разсматривается дѣло 14-го декабря исключительно со стороны его исполненія и преимущественно въ военномъ отношеніи. Разсмотрѣніе же обмана, что вмѣсто провозглашенія новыхъ идей и правъ народа, увлекли солдатъ къ возстанію въ защиту правъ Константина, т. е. въ защиту законности престолонаслѣдія, составляющаго коренное основаніе порядка, который хотѣли ниспровергнуть, — подлежитъ особому изслѣдованію.

В. К. Михаилъ Павловичъ самъ подсказалъ, что должно было бы объявить солдатамъ при двойной присягѣ, а не то, что вести за Константина.

Однимъ изъ препятствій при соображеніи военныхъ дѣйствій 14-го декабря было нерасположеніе членовъ Южнаго общества, очень многочисленныхъ въ Петербургѣ, оказать содѣйствіе Сѣверному обществу, хотя надѣялись увлечь и ихъ, если въ началѣ возстанія дѣло пойдетъ успѣшно. Въ одномъ Кавалергардскомъ полку, главномъ изъ конныхъ полковъ, было два полковника и 14 человекъ офицеровъ членовъ Южнаго общества, несмотря на это онъ считался на противной сторонѣ. На общихъ совѣщаніяхъ, бывшихъ преимущественно у Оболенскаго и Рылѣева, какъ тогдашнихъ директоровъ Сѣвернаго тайнаго общества, по соображеніи данныхъ обстоятельствъ въ тогдашнее время, предназначено было привести въ исполненіе общій планъ слѣдующимъ образомъ:

Начать возстаніе съ Гвардейскаго экипажа, Московскаго и Лейбъ-Гренадерскаго полковъ. Этимъ

войскамъ, какъ вполнѣ надежнымъ, открыть и настоящую цѣль переворота.

Гвардейскій экипажъ, взявъ свои орудія, долженъ былъ отправиться въ казармы Измайловскаго полка, съ которымъ состоялъ въ одной бригадѣ и былъ друженъ. Своимъ появленіемъ онъ долженъ былъ заставить Измайловскій полкъ объявить себя также на сторонѣ возстанія, чего тѣмъ легче можно было ожидать, что этотъ полкъ особенно не любилъ Великаго Князя Николая Павловича, и что изъ числа офицеровъ очень многіе были членами тайныхъ обществъ.

Московскій полкъ по произведеніи возстанія долженъ былъ явиться предъ полки Семеновскій и Лейбъ-Егерскій, которыхъ казармы находились вблизи Московскаго полка, и заставить ихъ перейти на сторону возстанія.

Финляндскій полкъ надѣялись побудить къ возстанію самостоятельно, такъ какъ въ этомъ полку было достаточно между офицерами членовъ общества и, притомъ, очень энергическихъ.

Всѣ эти войска должны были идти къ Сенату, въ которомъ были бы собраны тогда сенаторы для принесенія новой присяги. Окруживъ Сенатъ, они должны были заставить сенаторовъ издать манифестъ, объявляющій о переменѣ правленія и назначенія регентства. Во всякомъ случаѣ согласился-ли бы Сенатъ или нѣтъ, положено было издать манифестъ отъ его имени. Между тѣмъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ долженъ былъ по возстаніи отрядить одинъ баталіонъ для занятія крѣпости, гдѣ находился и монетный дворъ и гдѣ хранился только что полученный отъ займа запасъ монеты. Въ занятіи крѣпости не предвидѣлось никакого препятствія, потому что и караулъ тамъ былъ

отъ того-же полка, а черезъ это занятіе тайное общество не только имѣло въ своемъ распоряженіи казну, но и господствовало крѣпостными орудіями надъ дворцомъ и всѣмъ городомъ. Два другіе баталіона должны были по пути забрать съ собою и дѣшную и вонную артиллерію и также явиться на сборное мѣсто предъ Сенатомъ, заставя, если можно, присоединиться къ себѣ и Кавалергардскій полкъ.

Не находящіеся въ строю члены общества, какъ военные, такъ и гражданскіе изъ служащихъ равно какъ и всѣ неслужащіе, должны были поддерживать связь между движеніемъ, развоза приказанія и доставляя свѣдѣнія однимъ о другихъ.

Во всѣхъ официальныхъ донесеніяхъ и разсказахъ партизановъ правительственной стороны старались представить движеніе 14-го декабря и участіе въ немъ войскъ ничтожнымъ. Это была положительная ошибка съ ихъ стороны, годная развѣ на то только, чтобы уменьшить вину распорядителей возстанія. Къ несчастію ихъ, безпристрастіе исторіи заставляеть сказать, что силы, находившіяся въ ихъ распоряженіи, были огромныя, дѣйствія солдатъ и второстепенныхъ дѣятелей за малыми исключеніями не оставляли желать ничего лучшаго, но дѣйствія главныхъ распорядителей, Трубецкаго, Рылѣва и Оболенскаго, были до того дурны и слабы, что они проиграли дѣло, несмотря на то, что и съ правительственной стороны были сдѣланы всевозможныя ошибки, такъ, что я всегда говорилъ, что 14-го декабря обѣ стороны играли какъ бы въ «поддавки». Кромѣ того, уменьшать число участниковъ возстанія въ гвардіи уже потому не имѣло политическаго смысла, что всѣ перевороты, совершавшіеся въ Петербургѣ, всегда

производимы были ничтожнымъ числомъ, а при томъ настроеніи, какое было 14-го декабря, удачное дѣйствіе и небольшого числа сначала непремѣнно дало бы рѣшительный оборотъ дѣлу. Къ несчастію вышло такъ, что рѣшимость была въ войскѣ и второстепенныхъ дѣятеляхъ, а неувѣренность и колебаніе сообщились отъ главныхъ распорядителей, между тѣмъ какъ при разумномъ и энергическомъ образѣ дѣйствія успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Положительно можно сказать, что противная сторона могла рассчитывать только на два баталіона, на первый баталіонъ Преображенскаго полка, да на Саперный, и то на отрицательное только ихъ дѣйствіе, какъ опытъ и доказаль относительно Сапернаго баталіона, который, если не перешелъ на сторону возстанія, то и не осмѣлился сопротивляться ему. Если возстаніе не могло рассчитывать на эти два баталіона, то потому, что не хотѣло заниматься ими, такъ какъ и офицеры и солдаты въ нихъ пользовались очень дурною нравственною репутаціею, которая составляла предметъ неприличныхъ шутокъ со стороны великихъ князей, но глубоко возмущала нравственное чувство. Притомъ большая часть офицеровъ въ этихъ баталіонахъ были на жалованіи у великихъ князей, что въ высшей степени оскорбляло гвардію, гдѣ служило тогда лучшее дворянство, и потому никто изъ порядочныхъ офицеровъ ни за что не хотѣлъ идти въ эти баталіоны.

Относительно условій успѣха не надобно забывать, что огромное вліяніе на рѣшеніе солдатъ могъ имѣть Оболенскій, какъ по довѣрію къ нему солдатъ, такъ и по мѣсту, которое онъ занималъ. Онъ былъ старшимъ адъютантомъ въ пѣхотѣ гвардіи, и подъ его вліяніемъ командиръ пѣхоты ввелъ строгую отчетность въ наказаніяхъ нижнихъ чиновъ,

обуздывавшую излишнюю щедрость начальниковъ на наказанія. Солдаты знали, что это было дѣло Оболенскаго. Притомъ черезъ него именно сообщались всѣ приказанія и распоряженія начальника пѣхоты, такъ что ему ничего не было легче, какъ направить эти распоряженія къ дѣли возстанія. Мы увидимъ ниже, какъ всѣ эти выгодныя условія были уничтожены безхарактерностью человѣка, безспорно добраго по слабости, но занявшаго мѣсто не по силамъ и не по способностямъ.

Выше было уже упомянуто, что Рылѣевъ старался войти въ сношеніе съ Гвардейскимъ экипажемъ чрезъ посредство Н. Бестужева со стороны Сѣвернаго общества и Арбузова со стороны Гвардейскаго экипажа. Увлекаемый самолюбіемъ, Арбузовъ захотѣлъ играть первенствующую роль и быть единственнымъ посредникомъ, такъ что онъ одинъ присутствовалъ на общихъ совѣщаніяхъ у Оболенскаго и Рылѣева, а остальные офицеры Гвардейскаго экипажа получали всѣ свѣдѣнія только чрезъ него, и не вполнѣ были знакомы ни съ подробностями военнаго плана, ни съ ходомъ дѣла, до самой минуты возстанія, такъ какъ все это общалось одному Арбузову. Между тѣмъ, когда Гвардейскій экипажъ отказался приносить вторичную присягу, Арбузовъ допустилъ бригадному командиру арестовать себя и запереть въ свою комнату, чтобы имѣть, какъ упрекали его послѣ, отговорку, почему не принялъ участія въ дѣлѣ. Но разумѣется болѣе энергическіе офицеры, которыхъ дѣйствія не ослаблялись сознаніемъ нечистоты самолюбивыхъ побужденій, не могли допустить ни бездѣйствія Гвардейскаго экипажа, ни уклоненія отъ участія въ возстаніи Арбузова. Помня мое приказаніе, что если уже придется принять участіе въ

дѣйствию, то дѣйствовать хорошо и съ самоотверженіемъ, они увлекли Гвардейскій экипажъ, освободили Арбузова и трехъ другихъ арестованныхъ же ротныхъ командировъ, не бывшихъ впрочемъ членами тайнаго общества и заставили всѣхъ идти на Сенатскую площадь. Такимъ образомъ Гвардейскій экипажъ принялъ участіе въ возстаніи въ полномъ своемъ составѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ и отправился по назначенію къ Сенату въ совершенномъ порядкѣ, но въ замѣшательствѣ и остановкѣ, произведенныхъ Арбузовымъ въ допущеніи арестовать себя вмѣсто того, чтобы арестовать самого бригаднаго командира и дѣлать хладнокровно распоряженія къ выступленію на назначенный сборный пунктъ, и понуждаемые прискакавшимъ однимъ изъ членовъ общества съ приказаніемъ поспѣшить скорѣе къ Сенату, офицеры Гвардейскаго экипажа не позаботились взять съ собою орудія и забыли первое, вполнѣ разумное распоряженіе — отправиться сначала къ Измайловскому полку, чтобы заставить и его присоединиться къ возстанію. Черезъ это лица, руководившія движеніемъ, лишили себя огромной не только вещественной, но и нравственной силы, потому что если орудія и численное увеличеніе возставшей стороны цѣлымъ полкомъ и сами по себѣ могли дать огромный перевѣсъ возстанію, то не менѣе того было важно и нравственное вліяніе отъ принятія прямого участія въ немъ одного изъ двухъ старѣйшихъ гвардейскихъ полковъ; и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что несомнѣнное расположеніе къ возстанію въ этомъ полку выказалось впоследствии всѣми возможными способами. Такимъ образомъ дѣло съ этой стороны было сильно испорчено уже съ самаго начала.

Между тѣмъ ясно, что главная причина какъ этого замѣшательства, такъ и другихъ, о которыхъ сейчасъ расскажемъ, произошла отъ недѣятельности главныхъ распорядителей возстанія. Если бы Трубецкой и Оболенскій рано поутру 14-го декабря лично явились въ казармы Гвардейскаго экипажа и Московскаго полка, а Булатовъ въ казармы полка Лейбъ-Гренадерскаго, въ которомъ прежде служилъ, и имѣя въ рукахъ доказательство о новой присягѣ, которое легко могли достать, такъ какъ манифестъ о замѣнѣ Константина Николаемъ печатался еще ночью, начали возстаніе до пріѣзда начальниковъ, то всѣ распоряженія, сдѣланныя наканунѣ, могли быть съ точностью исполнены. Теперь же всѣ дѣйствія по неволѣ были разрознены, а самыя ничтожныя обстоятельства могли имѣть вредное вліяніе на исполненіе самыхъ разумныхъ распоряженій, какъ сейчасъ увидимъ изъ того, что произошло и въ Московскомъ полку.

И тутъ замѣшательство вышло отъ того, что не было главныхъ распорядителей, которые однимъ своимъ присутствіемъ предупредили бы всякое недоразумѣніе. Положено было выйти въ боковыя ворота, какъ для того, чтобы избѣжать всякаго столкновенія съ начальниками, стоявшими у главныхъ воротъ, такъ и въ соотвѣтствіе плану, по которому слѣдовало идти въ Семеновскій и Егерскій полки. Между тѣмъ первая рота, сопровождавшая знамена и бывшая на сторонѣ возстанія, не знала объ участіи въ возстаніи и всего полка: и потому, когда князь Щепинъ-Ростовскій, выйдя на встрѣчу ей, захотѣлъ самъ взять знамя своего баталіона, то она знамени не отдавала, не зная, участвуетъ-ли онъ въ возстаніи. Солдаты баталіона Щепина бросились помогать ему, чтобы отнять у пер-

вой роты свое знамя, и въ этой суматохѣ, наступая на роту и надвигаясь на нее, миновали боковыя ворота, такъ что когда недоразумѣніе разъяснилось, то подошли уже къ главнымъ воротамъ, гдѣ стояли дивизионный и полковой командиры, которые, разумѣется, старались остановить полкъ. И какъ они не слушались увѣщаній идти прочь и не мѣшать движению, то Щепинъ нанесъ имъ раны, и полкъ прорвался чрезъ главные ворота, не думая, что уже много потерялъ времени и получивъ извѣстіе (отъ кого, съ точностію послѣ доискаться не могли), что будто бы другіе полки находятся уже на Сенатской площади, устремился туда, вмѣсто того, чтобы идти въ Семеновскій и Егерскій полки и присоединить и ихъ къ себѣ.

Въ это же время и въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, по нерѣшительности дѣйствій вслѣдствіе неявки главныхъ распорядителей возстанія, начальники уже успѣли привести полкъ къ присягѣ Николаю и распустить по ротамъ, черезъ что возбудить полкъ къ возстанію стало уже несравненно труднѣе, нежели какъ, когда онъ былъ въ общемъ сборѣ. И если офицерамъ и удалось это, то только ужъ по частямъ, такъ что разрозненное дѣйствіе неизбѣжно потеряло и единство цѣли и силу. Тамъ тоже произошло столкновение съ начальствомъ, старавшимся удержать полкъ, отдѣльныя части котораго, вмѣсто исполненія начальныхъ распоряженій, послѣжили также прямо на площадь изъ опасенія, что ужъ опоздали.

Несмотря на все это, отъ дѣйствій этого полка могъ бы всетаки быть большой успѣхъ, если бы хоть въ эту минуту явились разумныя распоряженія главныхъ распорядителей возстанія, чтобы воспользоваться движениемъ. Сутгофъ со своей ротой

вошелъ безпрепятственно въ крѣпость, но вмѣсто того, чтобы остаться въ ней и дожидаться по крайней мѣрѣ хоть одного баталіона для прочнаго занятія крѣпости и тѣмъ пріобрѣсти важную опорную точку не только для успѣха дѣла, но даже и на случай неудачи въ началѣ, такъ какъ это давало возможность держаться въ крѣпости до прибытія подкрѣпленія изъ военныхъ поселеній, Сутгофъ, не получивъ соотвѣтственнаго этому приказанія, прошелъ только чрезъ крѣпость и поспѣшилъ на Сенатскую площадь; а когда явился вслѣдъ за нимъ Ивановъ съ остальными солдатами полка, то комендантъ догадался уже запереть ворота, и полкъ не могъ проникнуть въ крѣпость.

Но, несмотря однако же на то, и это движеніе всетаки могло сдѣлаться очень важнымъ, если бы главные распорядители были на лицо и счумѣли имъ воспользоваться, потому что Пановъ, обойдя крѣпость, перешелъ Неву и вступилъ безпрепятственно во дворецъ. Ни Саперный баталіонъ, расположенный внутри на дворѣ, ни стоявшій въ тотъ день караулъ на главной гауптвахтѣ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Лейбъ-гренадеры, не встрѣчая никакого препятствія, могли свободно подняться въ жилия и парадныя комнаты, гдѣ были тогда и Сенатъ, успѣвшій перейти изъ своего зданія во дворецъ, и Государственный Совѣтъ и почти всѣ члены правительства, и, слѣдовательно, могли захватить всѣхъ; но получивъ приказаніе спѣшить на Сенатскую площадь, вышли въ другія ворота. Толпа, стоявшая передъ дворцомъ, около новаго Государя, разступилась, и лейбъ-гренадеры безъ всякой помѣхи соединились со своими товарищами, съ Московскимъ полкомъ и Гвардейскимъ экипажемъ, стоявшими на площади.

Здѣсь слѣдуетъ исправить два ошибочныхъ показанія противниковъ возстанія. Говорили, что будто бы это была искусная уловка дворцоваго коменданта, Башуцкаго, который будто бы взялся ука-зать лейбъ-гренадирамъ дорогу, и, обманувъ ихъ, вы-велъ изъ дворца въ другія ворота. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе подобнаго разсказа. Не только офи-церы лейбъ-гренадерскаго полка, но и солдаты очень хорошо знали внутреннее расположеніе дворца, такъ какъ часто занимали караулы и на главной гауптвахтѣ и во внутреннихъ покояхъ. Называли также удачною мыслью безпрепятственный про-пускъ лейбъ-гренадеровъ на соединеніе со стояв-шими на Сенатской площади другими участниками возстанія, съ цѣлію будто бы сосредоточить его въ одномъ мѣстѣ. Не говоря уже о томъ, что допускать соединеніе непріятеля противорѣчитъ всѣмъ поня-тіямъ военнаго искусства, не осмѣлились остано-вить лейбъ-гренадеровъ просто потому, что, видя ихъ рѣшимость, боялись возбудить свалку въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ новый Государь, и не были увѣ-рены даже въ тѣхъ войскахъ, которыя стояли тутъ и были повидимому на его сторонѣ.

Между тѣмъ гвардейская конная артиллерія, прождавши напрасно появленія какого нибудь себѣ прикрытія и не получая никакого поясненія о при-чинахъ замедленія, сдѣлала самостоятельную по-пытку къ возстанію, но офицеровъ арестовали, а солдатъ заперли въ казармы. Въ то же время и одинъ баталіонъ Финляндскаго полка вышелъ было изъ казармъ, но также, не получая дальнѣйшихъ приказаній, воротился въ казармы.

Что же дѣлали въ это время люди, принявшіе на себя или присвоившіе себѣ главное руководство возстаніемъ? Къ прискорбію надо сказать, что одни

вели себя недостойнымъ образомъ, другіе поступа-ли чисто по ребячески. Трубецкой спрятался въ домъ своего зятя, австрійскаго посланника; Ры-лѣевъ поѣхалъ его отыскивать вмѣсто того, чтобы немедленно сдѣлать назначеніе другого распоряди-теля военными дѣйствіями; гдѣ былъ Якубовичъ — никто не зналъ, а Оболенскій, чтобы успокоить графиню Коновницыну, уѣхалъ узнавать, что сдѣ-лалось съ ея сыномъ, однимъ изъ арестованныхъ конно-артиллерійскихъ офицеровъ. Пріѣхавъ въ конно-артиллерійскія казармы, Оболенскій нашелъ всѣхъ солдатъ безоружными и загнанными въ одну казарму, а полковника, стоящаго съ обнаженною саблею у дверей. Полагая, что Оболенскій привезъ приказаніе отъ корпуснаго командира, полковникъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ навстрѣчу Оболенскому, а солдаты между тѣмъ, увидя его, стали подвигаться къ дверямъ и знаками спраши-вали его, что дѣлать? Полковникъ, замѣтивъ, что вниманіе Оболенскаго обращено вовсе не на него, и что онъ ему ничего не говоритъ, а, можетъ быть, и услыша шумъ позади себя, быстро обернулся и, увидя солдатъ, почти уже подступившихъ къ дверямъ, бросился на нихъ съ саблею. Обо-ленскій же въ это время сѣлъ въ экипажъ и ускорилъ.

Такимъ образомъ, главные распорядители воз-станія не сумѣли присоединить къ нему ни одну изъ частей войска, даже изъ наилучше расположен-ныхъ принять въ немъ участіе, и оно ограничилось поэтому Гвардейскимъ экипажемъ, Московскимъ и Лейбъ-Гренадерскимъ полками. Со всѣмъ тѣмъ ис-тинное расположеніе гвардіи всетаки чрезвычайно сильно выразилось въ отрицательныхъ такъ сказать дѣйствіяхъ. Ни одного изъ пѣхотныхъ полковъ, ни

встрѣчу и смѣшавшись въ рядахъ. Наконецъ, что если и можно еще объяснить ожиданіе до привоза артиллеріи на противную сторону, то ничто уже не оправдывало бездѣйствія, когда увидѣли, что привезли ее, и въ то же время замѣтили, что она безъ снарядовъ; тутъ ужъ необходимо было броситься на нее и овладѣть ею, что дало бы сразу перевѣсъ возстанію и заставило бы другіе полки рѣшиться присоединиться къ нему; стоять же въ бездѣйствіи и ожидать, пока привезутъ снаряды и станутъ стрѣлять, значило прямо уже согласиться на разстрѣливаніе себя безъ сопротивленія.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что нѣкоторые второстепенные дѣятели давали правильные совѣты и пробовали было увлечь въ дѣйствіе и главные лица. Слышались даже команды: «Въ карре противъ кавалеріи, стройся.» — «Стройся въ колонны къ атакѣ.» и пр. Но какъ скоро главные распорядители упустили изъ рукъ распоряженіе, и чрезъ то потеряно было всякое единство въ дѣйствіи, какъ политическомъ, такъ и военномъ, и дисциплина подчиненія одному распорядителю, то трудно уже было ожидать, чтобъ благоразумные совѣты были услышаны и оцѣнены, и чтобы имъ послѣдовали, а особенно начальствующія лица.

Отдѣльные эпизоды 14-го декабря вообще рассказаны также большею частію невѣрно во всемъ, что до сихъ поръ печаталось о событіяхъ этого дня. Возьмемъ въ примѣръ рассказъ о попыткѣ митрополита Серафима, посланнаго для увѣщанія войскъ, принявшихъ участіе въ возстаніи.

Ему высланъ былъ очень далеко навстрѣчу Михайло Кюхельбекеръ, офицеръ Гвардейскаго экипажа. М. Кюхельбекеръ былъ человекъ крайне скромный и правдивый, и потому вполне можно вѣрить

его разсказу, всегда повторявшемуся въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Вотъ что произошло по его словамъ: хотя и лютеранинъ, Кюхельбекеръ сначала подошелъ къ благословенію и потомъ спросилъ:

«Куда Вы, Ваше Высокопреосвященство, и что Вамъ нужно?»

Митрополитъ отвѣчалъ: «А вотъ тамъ стоятъ мятежники; мнѣ бы, батюшка, надо было поговорить съ ними.»*)

«Послушайте, Ваше Высокопреосвященство,» возразилъ Кюхельбекеръ, «здѣсь идетъ дѣло политическое. Вы сами знаете, что въ эти дѣла нечего вмѣшивать религію. Вы тутъ ничего не сдѣлаете, а только раздражите людей, и пожалуй въ нашемъ лицѣ еще оскорбятъ и религію. Поэтому и совѣтую вамъ дальше не ходить, а идти съ Богомъ домой.»

«Покорнѣйше благодарю, батенька, ну такъ я и пойду назадъ,» отвѣчалъ митрополитъ, и сейчасъ же и пошелъ 'обратно, не сдѣлавъ и шагу далѣе того мѣста, гдѣ встрѣтилъ его Кюхельбекеръ.

Разсказъ о томъ, что будто бы офицеръ, стѣявшій въ караулѣ у Сената, выстроилъ свой караулъ во фронтъ и сказалъ, что бунтовщики только чрезъ его мертвое тѣло проникнуть въ Сенатъ, совершенно ложень уже потому вопервыхъ, что ког-

*) Кюхельбекеръ, какъ сказано выше, встрѣтилъ митрополита очень далеко, и тотъ, кажется, не зналъ, съ какой стороны онъ при-
шелъ. Онъ, казалось, былъ въ недоумѣніи, куда и какъ идти, потому что въ промежуткѣ между нимъ и войсками стояло много народа, и онъ радъ былъ, чтобы кто нибудь проводилъ его.

да первыя даже войска изъ участвовавшихъ въ возстаніи пришли на Сенатскую площадь, то сенаторовъ уже не было въ Сенатѣ, и идти туда было не за чѣмъ. Правда, офицеръ этотъ получилъ за мнимый свой подвигъ Владиміра 4-ой степени съ бантомъ, какъ дается за военную заслугу, но самъ ли онъ выдумалъ такую исторію, принятую въ попыхахъ безъ всякой провѣрки и при желаніи выказать подвиги вѣрности, или кто другой оказалъ ему въ томъ услугу, но во всякомъ случаѣ это былъ не только самый грубый вымыселъ, но еще дѣло было совершенно напротивъ. Офицеръ этотъ былъ самъ членъ общества и поставилъ караулъ во фронтъ по приказанію Александра Бестужева, котораго самъ спросилъ, что ему слѣдуетъ дѣлать.

Все пространство на площади, кругомъ, почти около возставшихъ войскъ, было наполнено биткомъ народомъ, который шумѣлъ и постоянно требовалъ оружія для содѣйствія возстанію и на всѣ увѣщанія съ правительственной стороны отвѣчалъ насмѣшками, что «теперь, какъ вамъ приспичило, то вы лисите, а послѣ нашего же брата въ бараній рогъ согнете.» Посланныхъ съ увѣщаніями онъ стаскивалъ съ лошадей и билъ. Когда замѣтили въ толпѣ, что какой-то полицейскій что-то записывалъ на бумажекѣ (вѣроятно или фамиліи лицъ, если кого зналъ изъ участвовавшихъ въ возстаніи, или примѣты тѣхъ, кого не зналъ лично), то раздался крикъ: «Шпіонъ, братцы, шпіонъ.» И его мигомъ смяли — что съ нимъ сдѣлалось окончательно, никто послѣ пояснить не могъ.

Впрочемъ это рассказывали тѣ лица, которыя искали оправдаться предо мною на дѣлаемые имъ упреки, зачѣмъ они не провозгласили открыто настоящей цѣли возстанія, соотвѣтственно тому, какъ

было то предположено прежде. Дѣйствительно ли они говорили кому, это лежало внѣ повѣрки; но если они и объясняли это какимъ либо кучкамъ солдатъ или народа, то это не имѣло никакого значенія; надо было заявить цѣль возстанія всенародно и торжественно.

Когда нѣкоторые изъ офицеровъ*) объявили народу цѣль возстанія, то онъ отвѣчалъ: «Доброе дѣло, господа. Кабы, отцы родные, вы намъ ружья, али какое ни на есть оружіе дали, то мы бы вамъ помогли, духомъ все бы переворотили» и пр. На объясненіе, что при новомъ порядкѣ вещей всѣ безъ изъятія одинаково будутъ нести повинности, и что тогда и солдатамъ можно, не ослабляя арміи, значительно облегчить срокъ службы, въ народѣ отвѣчали: «Такъ какъ же имъ роднымъ (солдатамъ) и не драться, вѣдь значить за свое дѣло стоять.» Когда говорили народу, что вотъ теперь нѣмцы всѣмъ заправляютъ и угнетаютъ народъ, то изъ народа кричали: «Дали бы намъ волю, то мы бы всѣхъ нѣмцевъ переколотили» и пр. и пр.

Итакъ, расположеніе народа было несомнѣнно, и онъ дѣйствительно могъ бы оказать значительную помощь возстанію,**) но, какъ упомянуто уже было выше, боялись, чтобы онъ не обратился на

*) Замѣчательно, что людей, одѣтыхъ въ партикулярное платье, никто не слушалъ. Отъ нихъ или отходили прочь или говорили: «Тебя, братъ, Богъ знаетъ, кто ты такой. А вотъ господина офицера слушаемъ.»

**) Нѣкоторые предлагали для диверсіи вести отдѣльныя толпы народа подъ руководствомъ небольшихъ военныхъ отрядовъ, сначала на оружейныя лавки и на арсеналъ для того, чтобы овладѣть оружіемъ, а потомъ сдѣлать нападеніе на общественныя зданія и овладѣть банкомъ и пр., но другіе удерживали, напоминая, что не должно разстраивать правительственныя средства особенно такія, которыя въ случаѣ удачи переворота прежде всего понадобятся и самому новому правительству.

другое дѣло, тогда какъ вообще всячески избѣгали начинать со стороны возстанія какое то бы ни было кровопролитное столкновеніе.

Вотъ почему, какъ ни старались мы безпристрастно изслѣдовать дѣло смерти Милорадовича, спрашивая всѣхъ въ такое уже время, когда не было надобности никому ничего таить, и притомъ спрашивая преимущественно тѣхъ лицъ, которыя съ нами были особенно искренни, мы не нашли ни въ чемъ подтвержденія тѣмъ рассказамъ о дѣлѣ, которые до сихъ поръ были обнародованы. Что со стороны возставшихъ нисколько не желали кровопролитія, даже когда на нихъ нападали, лучше всего доказываютъ дѣйствія при атакѣ конной гвардіи. Когда вслѣдствіе этой неудачной атаки этотъ полкъ долженъ былъ повернуть фланговымъ оборотомъ и проѣзжать почти вплотъ вдоль возставшихъ полковъ пѣхоты, то одинъ залпъ съ ихъ стороны почти въ упоръ могъ бы положить всю конную гвардію на мѣстѣ. Это вполнѣ сознавали конно-гвардейскіе солдаты. Когда случилось имъ содержать караулъ при насъ, они всегда говорили: «Спасибо вамъ, господа, а мы было думали, что ни одинъ изъ насъ и живъ ужъ не останется.»

Извѣстно, что въ смерти Милорадовича обвинили Каховскаго, и рассказывали, что выстрѣлъ былъ направленъ именно противъ него потому, что боялись его вліянія на солдатъ. Но впервыхъ Милорадовичъ, дѣйствительно когда-то любимый тѣми солдатами, съ которыми былъ въ походахъ, нисколько не былъ извѣстенъ гвардіи съ выгодной стороны, особенно послѣ Семеновской исторіи. Необдуманная дѣйствія его въ этомъ случаѣ, имѣвшая слѣдствіемъ потерю самаго любимаго и уважаемаго полка въ гвардіи и дурной оборотъ въ мыс-

ляхъ Государя по внѣшней политикѣ,*) произвели самое прискорбное впечатлѣніе и оставили явное нерасположеніе къ Милорадовичу въ гвардіи. Съ другой стороны дѣйствія его, какъ главнокомандующаго въ Петербургѣ, были не такого рода, чтобы заслужить ему уваженіе. Извѣстность его состояла въ томъ, что онъ былъ человекъ до крайности расточительный на пустяки, такъ что казна должна была безпрестанно платить за него долги, распутный, дамскій угодникъ, выдававшій дамамъ курьерскія подорожныя, небрежный въ дѣлахъ, занимавшійся болѣе удовольствіями. По всему этому онъ не пользовался никакимъ уваженіемъ въ гвардіи и не имѣлъ особеннаго вліянія на солдатъ, а потому и не могло существовать никакой необходимости въ его смерти, чтобы не допустить ему поколебать солдатъ.

Тѣмъ изъ своихъ товарищей, съ которыми Каховскій могъ имѣть сношеніе, находясь уже въ крѣпости, онъ постоянно рассказывалъ о выстрѣлахъ въ Милорадовича такъ: когда Милорадовичъ, котораго всѣ считали за пустого фанфарона, оттого-ли, чтобъ загладить свою вину, что ему, главнокомандующему, не было однако извѣстно все, что происходило у него подъ носомъ, и, даже несмотря на доносы, которые потомъ найдены были нераспечатанными у него въ столѣ, или просто по фанфаронству горячился и декламировалъ передъ солдатами, не столько можетъ быть въ надеждѣ произвести на нихъ вліяніе, чего онъ никакъ не могъ

*) Дѣлу въ Семеновскомъ полку безъ всякой необходимости придали значеніе бунта, а извѣстіе, сообщенное въ томъ видѣ Государю, дало поводъ Метерниху, какъ говорятъ, склонить Государя на самыя ретроградныя дѣйствія по внѣшней политикѣ.

ожидать, сколько, чтобъ дать замѣтить свое дѣйствіе Государю, то солдаты смѣялись и сказали начальникамъ: «Позвольте намъ ссадить его,» а народъ, браня его позорными именами, намекающими на извѣстныя его дѣйствія, хотѣлъ сдѣлать и съ нимъ то же, что сдѣлалъ съ Бибиковымъ, котораго стащилъ съ лошади, оборвалъ, прибилъ, и котораго офицеры со стороны возстанія едва могли вырвать изъ его рукъ. Не желая ни допустить солдата къ самовольной расправѣ и бесполезной только растратѣ зарядовъ, ни такъ сказать разлакомить народъ, который, если дать ему расходиться, то уничтоживъ одну жертву, можетъ потребовать и другихъ, Каховскій и другіе, стоявшіе тутъ съ нимъ, кричали Милорадовичу, чтобъ онъ ѣхалъ прочь; но такъ какъ онъ не слушался, а солдаты начали выказывать нетерпѣніе, и народъ началъ надвигаться на него, то Каховскій съ другими товарищами своими рѣшились взять дѣло на себя, лишь бы не допустить солдатамъ стрѣлять самовольно, а народу самоуправствовать; а потому, запретивъ солдатамъ стрѣлять и сказавъ народу, чтобъ не трогали Милорадовича, и что они сами заставятъ его уѣхать, закричали ему, чтобъ онъ сейчасъ уѣхалъ, а не то будутъ стрѣлять въ него. Когда же и послѣ этого онъ всетаки оставался, явно подъ подвѣніемъ стыда, что долженъ воротиться ни съ чѣмъ, а, можетъ быть, и потому, что прямо искалъ смерти, сознавая, что подлежитъ тяжелой отвѣтственности,*) что допустилъ заговору образоваться и развиваться въ такомъ размѣрѣ, — то и послѣ-

*) Видь говорили же послѣ съ правительственной стороны, что для Милорадовича очень хорошо, что онъ умеръ, а иначе его бы слѣдовало судить.

довало нѣсколько выстрѣловъ, причемъ Каховскій увѣрялъ, что и онъ, какъ и другіе, старались цѣлить въ лошадь, хотя всегда признавалъ себя въ правѣ стрѣлять въ непріятеля, особенно въ челоуѣка, ищущаго смутить солдатъ. Поэтому-то не отрицая, что онъ стрѣлялъ, какъ и другіе, онъ никогда не могъ сознаваться въ томъ, что будто бы онъ собственно ранилъ Милорадовича, и былъ чрезвычайно изумленъ, когда въ слѣдственномъ комитетѣ сказали ему, что ему ужъ нечего заираться, такъ какъ онъ признался въ томъ лично Государю. Каховскій утверждалъ, что когда Государь просилъ сказать ему правду, поклявшись ему передъ образомъ, что онъ никому не скажетъ о томъ, а что это необходимо Государю для того, чтобы не подозрѣвать въ томъ кого другого, и именно Оболенскаго, на котораго также указывали нѣкоторые, что это онъ ранилъ Милорадовича, то Каховскій сказалъ и Государю то же, что постоянно говорилъ и въ комитетѣ, т. е. что онъ стрѣлялъ, какъ и другіе, а его-ли пуля или чья другая попала въ Милорадовича, этого по совѣсти онъ сказать не можетъ. Надо замѣтить, что Каховскій, который находился какъ-бы въ постоянной пытке, потому что его больного держали въ сырой ямѣ и закованнаго,*) предупреждалъ своихъ товарищей, съ которыми имѣлъ сношеніе, что если вслѣдствіе мученій, которыя онъ испытывалъ, у него и исторгнуть какое либо ложное признаніе, то они должны все-таки знать, что только то правда, что онъ имъ ска-

*) Содержавшіеся въ крѣпости могли имѣть между собою сношенія, потому что все было продажное, и не только сторожа, но и офицера, плацъ-адъютантъ и самъ плацъ-майоръ за деньги переносили записки, отправляли письма къ роднымъ и все доставляли.

заль и что говорилъ въ комитетѣ, пока былъ въ силахъ крѣпиться.

Поэтому, рассматривая дѣло Каховскаго даже съ правительственной точки зрѣнія, не только участники возстанія, но многіе изъ самыхъ приверженныхъ сторонниковъ правительства считали включеніе Каховскаго въ разрядъ главныхъ виновныхъ за нанесеніе раны Милорадовичу также неправильнымъ, какъ и неприсужденіе къ высшему наказанію Трубецкаго, потому только, что онъ по малодушію скрылся. Всякое правительство считаетъ себя въ правѣ наказывать возстающихъ противъ него, и правительство, выходящее изъ революціи и завоеваній, преслѣдуетъ тѣхъ, кто возстаетъ противъ него, опираясь на прежнюю законность. Конечно, тамъ, гдѣ происходило много перемѣнъ, и всѣ партіи, каждая въ свою очередь, считали себя законнымъ правительствомъ, когда господствовали и были революціонерами, и прибѣгали ко всѣмъ революціоннымъ средствамъ, когда добивались власти, — пришли къ убѣжденію, что смертная казнь за политическую вину и бесполезна и несправедлива, и что никакъ нельзя одинаково относиться къ политическимъ преступленіямъ, какъ къ нравственнымъ. Но признавая даже за правительствомъ право на высшую кару, всетаки считаютъ подлежащими ей развѣ зачинщиковъ и руководителей возстанія, какъ представителей самаго принципа, а не тѣхъ, кто былъ исполнителемъ тѣхъ слѣдствій, которыя необходимо истекаютъ уже изъ принятаго принципа и составляютъ такъ сказать механизмъ его проявленія. Поэтому-то и казалось бы, что если и можно было подвергнуть кого высшей карѣ, то скорѣе Трубецкаго, нежели Каховскаго. Бездѣйствіе Трубецкаго никакъ не мо-

жетъ служить ему оправданіемъ и уменьшить вину. Если бы Трубецкой не хотѣлъ принять участія въ дѣйстви отъ того, что перемѣнилъ свое убѣжденіе, или, какъ говорятъ, раскаялся, то прежде всего онъ долженъ былъ бы остановить возстаніе, если бы даже за это ему могла грозить самая гибель со стороны возставшихъ. Но, оставя людей идти въ битву на смерть по его же распоряженіямъ, какъ главнаго распорядителя, самому между тѣмъ малодушно скрыться, значило не уменьшить вину, а удвоить. Смертельность же раны, нанесенной Каховскимъ Милорадовичу, очевидно могла быть дѣломъ случая; могъ быть и промахъ, могла и рана быть неопасна, какъ у барона Веліо, иначе надобно было доискиваться и подвергать такой же карѣ и того, кто ранилъ и Веліо. Что же касается до другого умысла, въ которомъ обвиненъ былъ Каховскій, то въ подобномъ умыслѣ было обвинено много и другихъ, помѣщенныхъ однако даже въ низшихъ разрядахъ по виновности; да относительно и этого, болѣе виновными должны считаться тѣ, кто предписывалъ и побуждалъ, нежели тѣ, которыхъ обрекали на исполненіе, если бы даже дѣло и было доказано въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣли его выставить. По поводу этого Мухановъ напомнилъ вѣдь Голенищеву-Кутузову,*) что въ этомъ смыслѣ виновны только участники въ смерти Павла, остав-

*) Голенищевъ-Кутузовъ былъ назначенъ петербургскимъ главнокомандующимъ по смерти Милорадовича и членомъ слѣдственной комиссіи надъ участниками въ тайныхъ обществахъ. Ему приписывали участіе въ смерти Павла, и однажды, когда Государь отказалъ ему въ деньгахъ, онъ въ присутствіи Муханова позволилъ себѣ сказать, что онъ, если бы могъ, повѣсилъ Александра, прибавя всякія дерзкія выраженія.

шіеся въ безнаказанности, несмотря на прямое намѣреніе и исполненіе, тогда какъ въ тайномъ обществѣ многимъ приписали умыселъ за такія выраженія, въ которыхъ повиненъ былъ также и самъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Даже изъ всѣхъ разсказовъ, какъ официальныхъ, такъ и вышедшихъ отъ партизановъ правительственной стороны, достаточно уже видно, какъ неохотно дѣйствовали всѣ солдаты вообще противъ возставшихъ. Заряды для орудій были привезены артиллерійскими офицерами, и офицеры же вынудили солдатъ стрѣлять, а тѣ изъ нихъ, которые сами принадлежали къ Южному обществу, не сумѣли воспрепятствовать тому.*)

Стоять подъ картечью почти въ упоръ не было никакой возможности, и когда не послушались совѣта броситься на орудія и овладѣть ими, что было бы самымъ благоразумнымъ рѣшеніемъ, то не оставалось ничего болѣе, какъ разбѣжаться по разнымъ направленіямъ, чтобы уменьшить по крайней мѣрѣ число жертвъ, что и было приказано. Нельзя не замѣтить при этомъ, что коль скоро это было сдѣлано, то не было уже никакой нужды продолжать стрѣлять, потому что людямъ, бросившимся частію на Неву, частію въ Галерную и другія улицы, сосредоточиться опять нигдѣ не было уже никакой возможности. Однако же все продолжали стрѣлять и чрезъ то безъ всякой необходимости перебили много народу, — даже и выскочив-

*) Когда я спросилъ потомъ кн. Александра Голицына, какъ же это онъ допустилъ стрѣлять Бакунина и приводить заряды Философова, надъ которыми имѣлъ неоспоримое вліяніе, если даже и они не были сами еще членами тайнаго общества, то онъ сказалъ мнѣ: «Что же было дѣлать?» и сознался, что, когда Бакунинъ спрашивалъ его, то онъ сказалъ, что надо стрѣлять.

шихъ изъ домовъ при выстрѣлахъ, чтобы запереть ставни и ворота. Какъ велика была потеря людей, никогда съ точностію не было приведено въ извѣстность, такъ какъ всѣ тѣла были сброшены въ проруби на Невѣ. Полки: Московскій и Лейбъ-Гренадерскій были посланы на Кавказъ, гдѣ и оставались до тѣхъ поръ, пока ихъ составъ полный не возобновился. Начались аресты; захватывали всѣхъ, кого могли замѣтить, или о комъ упоминалось въ доносахъ; только двое изъ участниковъ въ дѣйстви 14-го декабря могли бы ускользнуть, и если и были впоследствии захвачены, то это по собственной винѣ — это Николай Бестужевъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ. Оба они со многими другими укрылись у меня на квартирѣ въ домѣ графа Остермана-Толстаго, находящемся на Английской набережной, вблизи Исакиевской или Сенатской площади, и имѣющемъ входъ и съ Галерной улицы, по которой направилась часть возставшихъ. У меня всегда дѣлались распоряженія на подобные случаи, и въ видахъ предусмотрительности имѣлись даже въ запасѣ многія вещи. Поэтому на моей квартирѣ накормили прибѣжавшихъ съ площади и даже переодѣли; только Николай Бестужевъ въ торопяхъ не послушался управляющаго, который настаивалъ, чтобы онъ именно переодѣнулъ панталоны и сапоги, тѣмъ болѣе, что не только его могли узнать по этому, но и неудобно было идти въ обыкновенныхъ сапогахъ по льду, такъ какъ онъ намѣренъ былъ пробраться въ Финляндію. Вильгельмъ Кюхельбекеръ добрался до границы. Нигдѣ его не остановили, даже можно сказать болѣе, вездѣ давали средство уйти, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ еще огромный крюкъ, зайдя къ себѣ въ Смоленскую губернію. Но

онъ имѣлъ неблагоуразуміе поворотить съ границы на Варшаву, гдѣ онъ прежде жилъ и гдѣ его всѣ знали, чтобы занять денегъ у пріятеля, какъ онъ говорилъ. Одинъ унтеръ-офицеръ, къ которому Бюхельбекеръ адресовался, чтобы узнать, гдѣ живетъ знакомый ему начальникъ, узналъ его и отвелъ на гауптвахту.

Бестужевъ пробрался въ Кронштадтъ *) и даже за Кронштадтъ, и нигдѣ его не хотѣли узнавать; но, идя въ обыкновенныхъ сапогахъ не по дорогѣ даже, онъ растеръ себѣ ногу и вынужденъ былъ остановиться въ деревнѣ. Тутъ узнала его одна дѣвчонка и выдала его посланному за нимъ полицейскому, который и видѣлъ его, но уже отпустилъ, потому-ли, что не узналъ его, или тоже не хотѣлъ узнать; а такъ какъ дѣвчонка сдѣлала доносъ гласно, то полицейскому нечего было уже дѣлать, и онъ вынужденъ былъ взять Бестужева.

Наконецъ былъ и еще одинъ членъ тайнаго общества, который имѣлъ случай бѣжать за границу, потому что самъ великій князь Константинъ Павловичъ давалъ ему къ тому возможность, — это Луинь, которому Цесаревичъ сначала былъ врагомъ, а потомъ сдѣлался другомъ. Онъ служилъ въ Варшавѣ, и вмѣстѣ съ Новосильцовымъ и другими хотѣлъ вынудить Константина Павловича вступить на престолъ, ручаясь ему за славное царствованіе, если рядомъ искреннихъ либеральныхъ ре-

*) Но Бестужева захватили и въ Кронштадтѣ посланные отъ военнаго губернатора — генералъ Степовой и адъютантъ губернатора Дохтуровъ. Замѣчательно, что Степовой, имѣвшій право мстить Бестужеву за жену свою, не хотѣлъ воспользоваться случаемъ, который передавалъ врага его въ его руки; тогда какъ Дохтуровъ, самъ членъ общества, упрашивалъ Бестужева дозволить арестовать себя, чтобы не подвергнуть его, Дохтурова, отвѣственности.

формъ онъ приготовить Россію къ утверженію въ ней свободныхъ постановленій. Измѣна Викентія Красинскаго, который выдалъ великому князю замыселъ его партизановъ, разрушила предпріятіе, казавшееся возможнымъ, тѣмъ легче, что вся Россія уже присягнула Константину, а съ другой стороны Константинъ, послѣ бурной молодости, утомленный и разочарованный, мало видѣлъ привлекательнаго во власти и скорѣе всякаго согласился бы на свободное правленіе, которое и ему облегчило бы и дѣла и отвѣтственность. Четыре мѣсяца, несмотря на повторяемыя требованія изъ Петербурга, не выдавалъ онъ Лунина и въ частныхъ разговорахъ въ этотъ промежутокъ пояснилъ многое, что совершенно не согласно съ официальными разказами. Онъ не любилъ брата и всегда жестко и рѣзко отзывался о немъ. Относительно возможности царствовать спокойно и со славою, если онъ дастъ конституцію,*) онъ постоянно выражалъ опасеніе, что на этомъ дѣло не остановилось бы и что это повело бы и къ дальнѣйшему развитію революціи. Особенно боялся онъ властолюбія Пестеля. «Что ты толкуешь мнѣ, Михайло Сергѣевичъ,» говорилъ онъ Луину, «ты не знаешь Павла Ивановича (Пестеля), онъ не только меня, но и тебя повѣсилъ бы, даромъ, что ты его пріятель.» — Константинъ не вѣрилъ ни

*) Впрочемъ Луинъ предсказалъ ему, что вслѣдствіе его нерѣшимости, для него дѣло хорошо не кончится, и онъ именно не избѣгнетъ того, чего искалъ избѣгнуть, отрекаясь принять правленіе. «Я выѣзжаю добровольно изъ Варшавы, какъ вы сами знаете,» сказалъ Луинъ ему, когда нельзя уже было болѣе откладывать его отправленіе, а бѣжать онъ не хотѣлъ, «а вотъ вы, помните мое слово, отъ того, что не хотѣли насъ послушать, не выберетесь добромъ изъ Варшавы.» Это Луинъ рассказывалъ задолго до Польской революціи, когда Константинъ долженъ былъ бѣжать въ одной рубашкѣ чрезъ черный ходъ.

сколько въ расположеіе народа, которое могло бы оградить его, и когда при вѣздахъ его въ Россію, кричали ему «Ура», то у разочарованнаго человѣка вырывались всегда такія или подобныя выраженія: «Знаю васъ, канальи, знаю. Теперь кричите «Ура», а если бы потащили меня на лобное мѣсто и спросили васъ: «Любо-ли?» — то вы также бы заорали: любо, любо, какъ теперь кричите: «Ура.»

Такимъ образомъ изъ всѣхъ членовъ общества остались со свободными голосами только двое, случайно бывшіе тогда за границей, а именно Николай Тургеневъ и Яковъ Толстой. Но оба они давно уже были за границею и не могли слѣдить за ходомъ дѣла въ послѣднее время въ Россіи, а потому и не могли много сказать въ поясненіе его.

Х.

Всѣхъ привлеченныхъ прямо или косвенно къ дѣлу по тайнымъ обществамъ и событіямъ 14-го декабря и по возстанію въ Черниговскомъ полку считалось 2500 человѣкъ. Не было почти ни одного семейства знатнаго, богатаго, образованнаго, которое не имѣло бы тутъ своего представителя. Не всѣ однако были арестованы. Если въ началѣ слѣдственный комитетъ усиленно доискивался участниковъ, то въ послѣднее время, когда дѣло начало касаться значительныхъ лицъ, онъ въ свою очередь боялся слишкомъ далеко простираť свои изслѣдованія. Ни въ арестахъ, ни въ изслѣдованіяхъ, ни въ присужденіи наказаній или освобожденій отъ нихъ не было справедливости, а руководствовались все второстепенными соображеніями. Суворова не только не подвергли отвѣтственности, но еще произвели въ офицеры;

Витгенштейна не тронули; о князѣ Лопухинѣ, генералъ-лейтенантѣ и дивизионномъ командирѣ, сказали, что онъ прощенъ по молодости лѣтъ, тогда какъ 16 лѣтняго Дивова присудили на вѣчно въ работу. Къ Михайлѣ Орлову ѣздилъ всегда братъ его, Алексѣй Орловъ, и напередъ сказывалъ ему, о чемъ его будутъ спрашивать въ комитетѣ, и что онъ долженъ отвѣчать и пр. и пр.

Главными дѣйствовавшими лицами въ комитетѣ были Чернышевъ*) и Бенкендорфъ, которые дѣйствовали совершенно недобросовѣстно и обращались вообще грубо. Лучше другихъ былъ Левашевъ и добродушный Татищевъ, военный министръ. Голицынъ былъ у комитета ораторомъ, когда заводились теоретическія пренія. Въ изслѣдованіяхъ своихъ комитетъ часто увлекался личными предубѣжденіями и старался не о томъ, чтобъ открыть и обсудить безпристрастно дѣйствія, а чтобъ непременно во что бы то ни стало завинить нѣкоторыя личности; точно такъ, какъ съ другой стороны, кому хотѣли помочь, относительно тѣхъ даже вовсе не принимали показаній. Употреблены были всѣ возможныя уловки, обманы, угрозы и льстивыя обѣщанія, вслѣдствіе чего многіе сами на себя взвели разныя небылицы, по увѣреніямъ, что чѣмъ болѣе покажутъ искренности, тѣмъ скорѣе заслужатъ прощеніе. Увѣряли постоянно (и даже чрезъ подсылаемыхъ священниковъ), что Государь хочетъ только все знать, а затѣмъ «удивить Европу», и что вѣроятно всѣхъ проститъ и даже самъ дастъ конституцію. Обвиняемые;

*) Чтобы судить о дѣйствіяхъ Чернышева, достаточно сказать, что графа Захара Чернышева, личность ничтожную, и который былъ только номинально членомъ общества, отъ того, что былъ зять Никиты Муравьева, осудили въ работу для того, чтобы лишить его майората, который генералъ Чернышевъ надѣялся было присвоить себѣ.

видя, какую тактику противъ нихъ употребляютъ, и сами искали сбить съ толку слѣдователей. Системы для этого употреблялись различныя. Одни думали, что необходимо запутать какъ можно болѣе людей, другіе же, что необходимо даже жертвовать своимъ самолюбіемъ, чтобы спасти другихъ. Впрочемъ, часто и та и другая система употреблялись вмѣстѣ: первая въ приложеніи къ тѣмъ личностямъ, которыя играли двусмысленную роль и, подстрекая другихъ, сами старались остаться въ сторонѣ, вторая — относительно тѣхъ, которые были искренни, но не могли принять участія въ дѣлѣ по причинамъ, вполне независѣвшимъ отъ нихъ.

Были-ли пытки въ комитетѣ? Если разумѣть это въ прямомъ смыслѣ, то я по совѣсти не могу этого утверждать. Говорили о какомъ-то рубцѣ на лбу Пестеля и предполагали, что ему сдавливали голову. Я однако-же этого не замѣтилъ, встрѣтившись однажды съ нимъ, когда я шелъ изъ комитета, а его вели въ комитетъ. Но общее положеніе содержавшихся въ крѣпости стоило пытки, особенно для тѣхъ, кто и безъ того былъ нездоровъ, или страдалъ отъ ранъ, какъ напр. Василій Норовъ. Надо сказать, что за годъ передъ тѣмъ, во время извѣстнаго наводненія въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 г. крѣпость была залита водою, которою пропитались валъ и стѣны крѣпости, такъ что и въ 1825 г. была страшная сырость. Въ добавокъ къ тому въ каждой амбразурѣ построены были клѣтки изъ сыраго лѣса и въ этихъ-то клѣткахъ и содержали обвиненныхъ. Эти клѣтки были такъ тѣсны, что едва доставало мѣста для кровати, столика и чугунной печи. Когда печь топилась, то клѣтка наполнялась непроницаемымъ ту-

маномъ, такъ что, сидя на кровати, нельзя было видѣть двери на разстояніи двухъ аршинъ. Но лишь только закрывали печь, то дѣлался отъ нея удушливый смрадъ, а паръ, охлаждаясь, буквально лилъ потокомъ со стѣнъ, такъ что въ день выносили по двадцати и болѣе тазовъ воды. Флюсы, ревматизмы, страшныя головныя болѣзни и пр. были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого положенія, и въ этомъ смыслѣ пытка была непрерывная. Кормили скверно, потому что было страшное воровство. Основаніе, на которомъ судили, было чисто произвольное,*) и судьи увидѣли осужденныхъ только тогда, когда читали приговоръ. Все основывалось на томъ, какъ представилъ дѣло слѣдственный комитетъ, несмотря на то, что въ немъ постоянно твердили, что «вы можете пояснить свое дѣло предъ судомъ.» Судъ раздѣлился только на комиссіи для приѣма дѣлъ, но когда передъ этими комиссіями заявляли, что дѣло не полно, что не достаетъ нѣкоторыхъ бумагъ, то отвѣчали: «Васъ объ этомъ не спрашиваютъ, а о томъ только, что тѣ бумаги, которыя вамъ показываютъ, вашею-ли рукою писаны?» И когда нѣкоторые, видя неполноту дѣла, отказывались подписать, что показанныя бумаги принадлежатъ имъ, то имъ говорили: «Ну, такъ и безъ вашей подписи обойдутся.» И этотъ отказъ подписать дѣйствительно не произвелъ никакого вліянія на ходъ суда. Вслѣдствіе этого вышли непростительныя ошибки, которыя передъ судомъ не

*) Сначала хотѣли судить по существующимъ законамъ, но тутъ смертной казни подлежали только взятыя съ оружіемъ въ рукахъ; тогда хотѣли судить по регламенту Петра I-го, но въ такомъ случаѣ смертной казни подлежали бы всѣ, даже и тѣ, кто зналъ, но не донесъ. Поэтому, сочинили какой-то произвольный *mezzo Termine*.

минуемо были бы разъяснены. Такъ напр., когда мы соединены были впоследствии въ казематѣ въ Сибири, то открылось, что нѣкоторые члены (Сутгофъ и др.) дѣлали показанія на Михаила Кюхельбекера, смѣшавши его съ Арбузовымъ, вслѣдствіе чего Кюхельбекеръ безвинно былъ присужденъ на нѣсколько лѣтъ въ работу.

Теперь остается рассказать о дѣйствіяхъ Южнаго общества, выразившихся въ двухъ эпизодахъ — въ арестованіи Пестеля и другихъ членовъ въ Тульчинѣ (главной квартирѣ второй арміи) и въ возстаніи Черниговскаго полка.

Южное общество было чрезвычайно сильно во второй дѣйствующей арміи и въ третьемъ пѣхотномъ корпусѣ первой арміи. Не говоря уже о той поддержкѣ, которую оно всегда могло найти въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, не потому, что главный начальникъ ихъ, графъ Виттъ, былъ также и самъ членъ общества, но потому, что раздраженіе въ южныхъ поселеніяхъ было еще сильнѣе, нежели въ сѣверныхъ, и кровавыя сцены въ Чугуевѣ при устройствѣ поселеній были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Чтобъ судить о силѣ Южнаго общества, достаточно сказать, что членами его были почти вся главная квартира второй арміи, офицеры генеральнаго штаба, семь адъютантовъ главнокомандующаго графа Витгенштейна, два сына его, всѣ безъ изыатія полковые командиры, почти всѣ бригадные, которыхъ только «удостоивали» принять въ члены общества.*) Дивизионные командиры явно благопріятствовали движенію идей, и самъ начальникъ штаба, Киселевъ, игралъ двусмысленную роль, потому что въ его кабинетѣ обсуждались многіе

*) Этого дѣйствительно добивались уже, какъ особенной чести.

отдѣлы «Русской правды»,*) особенно военный. Вся артиллерія 3-го пѣхотнаго корпуса наполнена была членами общества соединенныхъ славянъ, присоединившихся къ Южному обществу. Въ нѣкоторыхъ кавалерійскихъ полкахъ, какъ напр. въ Ахтырскомъ гусарскомъ, всѣ офицеры поголовно были членами Южнаго общества. И вотъ несмотря на всю эту огромную силу, ее не попытались даже нигдѣ, кромѣ Черниговскаго полка, привести въ дѣйствіе, и все по той же причинѣ, которая исказила дѣйствія и на сѣверѣ, по политической неспособности главнаго распорядителя. Пестель былъ безспорно человѣкъ большого ума, но ума чисто кабинетнаго, въ практическихъ же дѣйствіяхъ обнаруживалъ всегда большую безтактность и радикальную неспособность. Всѣ соображенія его въ этихъ случаяхъ были до нельзя ошибочны. Такъ, будучи уже самъ полковымъ командиромъ, онъ не умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ, и его суровость къ нимъ, которую онъ объяснялъ намѣреніемъ, будто-бы, нарочно раздражать солдатъ противъ правительства, чтобъ тѣмъ легче побудить ихъ послѣ къ возстанію, лучше всего выказала, какимъ фальшивымъ расчетамъ онъ способенъ былъ поддаваться. Возстаніе Черниговскаго полка ясно доказало, что солдаты гораздо скорѣе пойдутъ за начальниками, которые умѣютъ защищать ихъ отъ несправедливыхъ требованій и бесполезнаго мученья, нежели за тѣми, которые показали свое безсиліе, какъ бы хитро и искусно ни старались объяснить имъ его.

*) Такъ назывался проектъ законодательства, составленный подъ редакціей Пестеля.

Пестель допустилъ арестовать себя самымъ постыднымъ образомъ; и бездѣйствіе его въ рѣшительную минуту тѣмъ неизвинительнѣе, что онъ былъ предувѣдомленъ сыномъ Витгенштейна, что Чернышевъ пріѣхалъ именно за тѣмъ, чтобъ начать аресты по доносамъ Майбороды, Бошняка и графа Витта, имѣя уже и еще прежде того предостереженіе въ арестованіи Вадковскаго по доносу Шервуда. Необходимо было немедленно арестовать Чернышева и даже самого главнокомандующаго, такъ какъ и сами сыновья признавали неизбѣжность этой мѣры. Повидимому, сначала на это и рѣшались, такъ какъ всѣ распоряженія находились уже въ рукахъ общества, и въ главную квартиру были приведены не въ очередь самые надежные полки. Но Пестель все колебался приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ — и попалъ въ ловушку, такъ плохо даже поставленную, что, кажется, самый малосмысленный ребенокъ сейчасъ бы догадался, что ему тутъ насторожили западню. Его не рѣшились арестовать въ главной квартирѣ, а старались выманить изъ нея. И вотъ онъ принялъ отъ Витгенштейна порученіе ѣхать къ корпусному командиру Сабанееву съ важными бумагами, относящимися будто бы до пограничныхъ дѣлъ съ Турціею, а что выборъ палъ именно на него, то это объяснили ему такъ, что онъ можетъ и самъ быть полезенъ совѣтами, такъ какъ его прежде посылали въ Молдавію и онъ изучилъ тамошнія дѣла. Между тѣмъ та самая важная бумага, которую онъ везъ, и заключала въ себѣ предписание объ арестованіи его, а корпусная квартира Сабанеева была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ не было членовъ общества и преданныхъ Пестелю людей, потому что Сабанеевъ любилъ окружать себя

единственно такъ называемыми «хамами», т. е. или выслужившимися изъ простыхъ людей или низкопоклонниками; разумѣется, Пестель немедленно по врученіи бумаги и былъ арестованъ.

Что же касается до Черниговскаго полка, то главнымъ виновникомъ неудачи возстанія его былъ командиръ Ахтырскаго полка, Артамонъ Муравьевъ, человѣкъ очень энергичный на словахъ, но на дѣлѣ всегда оказывавшійся ничтожнымъ. Онъ со своимъ полкомъ долженъ былъ идти на прикрытіе артиллеріи, и вмѣстѣ съ нею соединиться съ Черниговскимъ полкомъ. Но когда артиллерійскій офицеръ Андріевичъ привезъ ему о томъ приказаніе, то онъ отговаривался тѣмъ, что «жена его теперь въ ваннѣ,» а по отъѣздѣ Андріевича вмѣсто того, чтобъ вести тотчасъ же полкъ, у котораго и лошади были уже осѣдланы, поѣхалъ къ дивизионному командиру Ридигеру, чтобъ узнать, какъ говорилъ онъ, нельзя-ли и его преклонить на сторону возстанія. Разумѣется, тамъ онъ былъ арестованъ. Между тѣмъ Черниговскій полкъ, оставленный безъ артиллеріи и кавалеріи, мужественно боролся и держался три дня противъ цѣлой дивизіи, но, наконецъ, долженъ былъ уступить, показавши только на опытъ, что можно было бы сдѣлать, если бы всѣ члены общества счумѣли приобрѣсти такое довѣріе отъ солдатъ, какъ Сергѣй Муравьевъ-Апостоль.

Въ слѣдственномъ комитетѣ были поражены съ одной стороны знаніемъ всѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ тайнъ и вообще настоящаго положенія государства, которое обнаружили многіе члены тайныхъ обществъ, а съ другой, силою аргументовъ, которые извлекались изъ этого знанія. Все это, конечно, было скрыто въ донесеніи слѣдствен-

ной комиссіи, но производило тѣмъ не менѣе до того сильное впечатлѣніе на членовъ ея, что нерѣдко, не зная, чѣмъ опровергать допрашиваемаго, его выводили изъ присутствія на нѣкоторое время, чтобы приготовить возраженіе и дальнѣйшіе вопросы. Болѣе всего мучило ихъ желаніе дознаться, чрезъ кого могли мы получить такія свѣдѣнія, и не было-ли между нашими соучастниками важныхъ лицъ; особенно добивались показаній на счетъ Филарета, бывшаго тогда уже архіеписколомъ Московскимъ, и Сперанскаго. Извѣстно, что подозрѣніе о соучастіи Филарета доходило до того, что покойный императоръ дважды отдавалъ приказаніе Закревскому ѣхать въ Москву и привезти Филарета, и что тотъ дважды ослушался, что и составило впослѣдствіи главную заслугу его въ глазахъ Государя. Что Филаретъ зналъ о существованіи либеральной «партіи», и къ чему стремились ея желанія, это несомнѣнно, потому что это знали даже люди гораздо менѣе его любознательные и проницательные; въ Москвѣ, въ кругу главнокомандующаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, окруженнаго членами тайнаго общества, даже открыто разсуждали обо всемъ этомъ; несомнѣнно также и то, что у Филарета были и прямыя разсужденія съ членами тайныхъ обществъ, и что онъ симпатизировалъ со многими желаніями и стремленіями либеральной партіи, но чтобъ онъ зналъ о существованіи собственно тайныхъ обществъ, объ организаціи ихъ и предположенныхъ средствахъ для достиженія цѣли, на это я не имѣлъ никакихъ указаній ни отъ кого изъ членовъ тайныхъ обществъ, которые были въ прямыхъ сношеніяхъ съ Филаретомъ. Косвенно, конечно, онъ могъ знать о томъ, какъ зналъ и самъ Государь еще въ 1821 г. при Семе-

новской исторіи, когда самое происшествіе въ Семеновскомъ полку онъ отнесъ было къ дѣйствию тайныхъ обществъ, какъ и сказалъ о томъ Чаадаеву*); Филаретъ могъ даже слышать и прямо, но смѣшивать тайныя политическія общества со множествомъ другихъ филантропическихъ, мистическихъ и пр., тѣмъ болѣе, что получалъ даже прямыя предложенія о принятіи участія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. отъ Лабзина, издателя Сіонскаго Вѣстника, но это еще не означало ни соучастія, ни знанія въ томъ смыслѣ, какъ добивался слѣдственный комитетъ.

Что Филаретъ не могъ не видѣть и не признавать относительной справедливости стремленій и требованій либеральной партіи, это онъ прямо высказалъ лично мнѣ, при свиданіи со мною по возвращеніи моемъ въ Москву. Полагая, что и онъ, какъ членъ Синода, былъ въ числѣ Верховнаго Уголовнаго суда, осудившаго насъ заочно, я писалъ къ нему еще изъ Читы по поводу прямого противорѣчія между осужденіемъ тѣхъ правилъ, которыя нами руководили, и поощреніемъ и проповѣданіемъ этихъ самыхъ правилъ правительствомъ. Поэтому, Филаретъ и сказалъ мнѣ при свиданіи, что я ошибался въ томъ, что считалъ и его въ числѣ судей нашихъ. «Богъ избавилъ меня отъ этого несчастія.» твердо сказалъ онъ мнѣ, и въ дальнѣйшей бесѣдѣ

*) Чаадаеву доказывали въ слѣдственномъ комитетѣ, что онъ зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, а слѣдовательно, вѣроятно, былъ и членомъ котораго нибудь изъ нихъ. «Это правда,» отвѣчалъ онъ, «что я зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, но я узналъ о томъ отъ самого Государя, который разсказалъ мнѣ о томъ въ присутствіи князя Волконскаго, когда я былъ посланъ къ Государю курьеромъ въ Лайбахъ съ донесеніемъ о происшествіи въ Семеновскомъ полку,» — и князь Волконскій подтвердилъ это.

сознался мнѣ, что для человѣка вполне совѣстливаго быть безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ было крайне затруднительно. Спора между нами быть уже не могло. Я признавалъ уже христіанскія начала единственнымъ надежнымъ руководителемъ, не только для частной, но и для общественной жизни, а онъ долженъ былъ сознаться, что наше уклоненіе отъ этихъ началъ было прямымъ слѣдствіемъ уклоненія отъ нихъ самого правительства, получившаго крайнее выраженіе въ союзѣ безсмысленнаго политическаго и общественнаго деспотизма Аракчеева съ изувѣрствомъ Фотія*), такъ что революціонныя правила и дѣйствія были прямымъ логическимъ выводомъ ученій, проповѣдуемыхъ и поощряемыхъ самимъ правительствомъ, и соблазна примѣра, который оно само давало, чему я и представилъ Филарету фактическія доказательства.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о Фотіи. Осуждая его дѣйствія, нѣкоторые думали однако-же, что онъ былъ искренній изувѣръ. Этому противорѣчатъ показанія учениковъ того заведенія, гдѣ онъ въ началѣ своей карьеры былъ законоучителемъ. Онъ плутовалъ заодно съ учениками, чтобы поддѣлать вопросы и отвѣты такъ, чтобы ученики всегда отвѣчали на экзаменахъ блестящимъ образомъ. О томъ-же, до какой степени повиновенія онъ могъ довести слабый умъ и бояливую совѣсть, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующій рассказъ Петра Федоровича Желтухина, сообщенный мнѣ имъ самимъ въ довѣренной бесѣдѣ:**) «Разъ, говорилъ онъ мнѣ, былъ я съ визитомъ у

*) Послѣдствія этого союза Филаретъ испыталъ и на самомъ себѣ.

***) Я зналъ его, когда онъ былъ еще командиромъ Лейбъ-Гренадерскаго полка. Въ послѣдствіи онъ былъ правителемъ Молдавіи и Валахіи.

графини Анны Алексѣевны (Орловой-Чесменской) и столкнулся тамъ съ Фотіемъ. — «Ты думаешь,» сказалъ мнѣ Фотій, «что она (указывая пальцемъ на графиню) праведница? А вотъ я хочу показать тебѣ, какъ не слѣдуетъ полагаться на внѣшнее благочестіе. Анна, принеси мнѣ двѣ тетрадки, гдѣ написана твоя исповѣдь.» — Та принесла и подала ему. «Возьми вотъ и прочти,» сказалъ мнѣ Фотій, подавая тетрадки. Я былъ въ большомъ смущеніи, но видѣлъ, что графиня глазами умоляла меня, чтобы я взялъ. Когда же я откланялся, и она пошла провожать меня, то въ аванзалѣ я сказалъ ей, подавая ей тетрадки: «Неужели вы думаете, что я способенъ употребить во зло подобный случай?» — «Что вы, что вы,» сказала она съ ужасомъ. «Какъ вы могли думать, чтобъ я обманула его. Непремѣнно прочтите внимательно все, я сама удостовѣрюсь въ томъ, точно-ли вы все прочитали.»

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣло относительно Сперанскаго.

Зналъ ли онъ прежде о стремленіяхъ и цѣли либеральной партіи, съ достовѣрностію утверждать не могу, хотя по близкимъ его сношеніямъ съ Батеньковымъ, это очень вѣроятно, но что въ самый день 14-го декабря онъ былъ предувѣдомленъ о предстоящемъ переворотѣ, это кажется несомнѣннымъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакой причины не довѣрять показаніямъ Корниловича. Онъ былъ человекъ*) очень скромный и правдивый, настоящій типъ кропотливаго нѣмецкаго ученаго, всегда самъ хлопотавшій о разъясненіи каждаго факта до мелочности. Вотъ его показаніе относительно Сперанскаго:

*) Въ литературѣ Корниловичъ былъ извѣстенъ какъ издатель альманаха „Русская старина“.

утромъ, прежде еще, нежели началось движеніе, Корниловичъ былъ посланъ къ Сперанскому объявить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласіе на назначеніе его въ число членовъ регенства.

«Съ ума вы сошли,» отвѣчалъ Сперанскій, «развѣ дѣлають такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ.»

Если припомнить, какъ легко подчинялись всегда въ Петербургѣ всѣ самые значительные люди всякому перевороту, то отвѣтъ Сперанскаго представится очень естественнымъ и понятнымъ, и вся эта сцена не покажется невѣроятною. И такъ какъ Батеньковъ и Корниловичъ были именно изъ числа тѣхъ людей, чрезъ которыхъ тайное общество узнавало такъ называемыя государственныя тайны, то здѣсь и будетъ кстати отвѣчать на упомянутый выше вопросъ, какимъ образомъ тайное общество могло все знать, какъ спрашивали о томъ въ слѣдственномъ комитетѣ.

Если припомнить, что въ тайномъ обществѣ были члены изъ всѣхъ знатныхъ и важныхъ фамилій, связанные близкимъ знакомствомъ и родствомъ со всѣми людьми, занимавшими высшія государственныя должности, то и не представится ничего удивительнаго въ общемъ знаніи государственныхъ дѣлъ, если бы даже не было для того и особенныхъ случаевъ и средствъ. Но общество, конечно, не могло довольствоваться однимъ этимъ, и у него были лица, поставленныя обстоятельствами въ особенно благопріятныя условія, чтобъ знать всѣ государственныя дѣла. Инымъ членамъ его это знаніе было доступно уже по самой значительности ихъ положенія, другимъ по особеннымъ случаямъ. Батеньковъ, какъ

правитель дѣлъ сибирскаго комитета, былъ близокъ къ Аракчееву, въ которомъ сосредоточивались тогда всѣ государственныя тайны, все знаніе настоящаго и всѣ замыслы относительно будущаго; и этотъ же самый Батеньковъ былъ близокъ къ Сперанскому, при которомъ служилъ въ Сибири, и отъ котораго узнавалъ многое относительно прошедшаго, что только одинъ Сперанскій и могъ разъяснить.

Корниловичъ же былъ помощникомъ Бутурлина, которому было поручено писать военную исторію, и, поэтому, былъ допущенъ въ секретный дворцовый архивъ, чтобъ дѣлать выписки и извлеченія изъ разныхъ дѣлъ и бумагъ. Всякій разъ, когда ему нужно было заниматься, онъ бралъ ключъ отъ архива у начальника штаба, жившаго также во дворцѣ, и, по окончаніи занятій, лично относилъ къ нему ключъ; и хотя, повидимому, приняты были мѣры, чтобъ онъ не могъ ничего списать для себя, и листы бумаги выдавались ему перенумерованные, но тогдашняя форма съ ботфортами способствовала тому, что можно было приносить и уносить много бумаги, которая легко могла бы быть замѣченной, если бы держать ее въ боковомъ карманѣ. Изъ этого видно, какъ нелѣпъ рассказъ, что будто бы Корниловичъ унесъ цѣлое дѣло и дорогою потерялъ его.

Такимъ образомъ, независимо отъ разныхъ отрывочныхъ выписокъ, Корниловичъ могъ списать все дѣло фрейлины Лопухиной при Елисаветѣ Петровнѣ.

Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ узнали или вспомнили въ Петербургѣ уже тогда только, когда Корниловичъ былъ въ ссылкѣ въ Читѣ. Вслѣдствіе этого прискакалъ фельдъ-егерь изъ Петербурга и увезъ Корниловича обратно въ крѣпость. Открыли ли онъ, или нѣтъ, гдѣ находились списанные имъ

документы, — неизвестно, но только въ Сибирь возвращень онъ не былъ, а посланъ на Кавказъ, гдѣ и былъ убитъ или умеръ отъ раны.

Былъ и еще одинъ членъ тайнаго общества, чрезъ котораго узнавалось многое и притомъ изъ самаго надежнаго источника: это Краснокутскій. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и, кажется, даже въ родствѣ съ Кочубеемъ, другомъ и наперникомъ Государя, принадлежавшимъ къ числу тѣхъ, которые составляли, по выраженію самого Государя, русскій „*Comité du salut public*“, потому что онъ представлялъ относительно Россіи дѣйствительно революціонное правленіе, не задумывавшееся надъ какою бы то ни было ломкою. Впрочемъ сообщенія Кочубея Краснокутскому были не совсѣмъ безкорыстны. Если онъ и сообщалъ ему многое, то въ замѣну и самъ хотѣлъ знать кое-что отъ него, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ случаяхъ. Кочубей зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, но не очень пугался этого, такъ какъ въ своей молодости самъ прошелъ періодъ революціоннаго броженія. Онъ, кажется, смотрѣлъ на дѣло такъ, что подобное возбужденіе молодыхъ умовъ не бесполезно даже, такъ какъ оно подвигаетъ вообще развитіе общества и предупреждаетъ застой, еще болѣе опасный, нежели возможность революціи, до чего, онъ думалъ, дѣло потому никогда не дойдетъ, что люди, подвигаясь въ возрастѣ, будутъ дѣлаться терпѣливѣе, а управленіе обществомъ всячески будетъ оставаться въ ихъ рукахъ, и они будутъ въ состояніи обуздывать горячихъ молодыхъ членовъ.

Кочубей поэтому заботился только о томъ, чтобъ знать ближайшія намѣренія и дѣйствія общества, когда это знаніе могло быть прямо приложено къ какому нибудь практическому случаю. Такъ напр.,

когда въ 1823 г. Государь колебался ѣхать во вторую армию, опасаясь какого нибудь покушенія, то Кочубей прямо спросилъ Краснокутскаго: «Есть ли причины чего нибудь опасаться?» И когда Краснокутскій честнымъ словомъ завѣрилъ его, что ничего не будетъ еще предпринято, то Кочубей въ свою очередь завѣрялъ Государя, что ему нечего бояться и что «республиканская» армія приметъ его отлично. И когда это оправдалось на дѣлѣ, то разумѣется послужило къ усиленію довѣрія Государя къ Кочубею.

Мы имѣли уже нѣсколько разъ случай упоминать, что правительство знало не только о стремленіяхъ вообще либеральной партіи, но даже и о существованіи тайныхъ обществъ и цѣли ихъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, разумѣя подъ этимъ достиженіе такого преобразования общественнаго быта, къ какому и само правительство стремилось въ началѣ царствованія Александра I-го. Нѣтъ сомнѣнія, что если и доходили до свѣдѣнія правительства общія указанія о существованіи какихъ то обществъ съ либеральными цѣлями, то было много причинъ, которыя удерживали его отъ преслѣдованія. Прежде всего, конечно, многимъ государственнымъ лицамъ изъ числа самыхъ приближенныхъ къ Государю, неловко было бы преслѣдовать людей за тѣ самыя идеи и стремленія, которыя и они нѣкогда раздѣляли; во вторыхъ, при существованіи многихъ другихъ обществъ филантропическихъ, мистическихъ, масонскихъ и пр., трудно было уловить какой нибудь опредѣленный оттѣнокъ, особенно, пока тайныя общества занимались преимущественно распространеніемъ идей; наконецъ, могли считать благоразумнымъ не трогать людей, чтобъ именно не произвести или не ускорить взрыва, котораго

опасались, а считали за лучшее предоставить броженію успокоиться самому собою, стараясь только отвлекать людей приманками выгоды. Много способствовало такой, повидимому, умѣренности правительства и то обстоятельство, что до послѣдняго времени не было положительных доносовъ, а всѣ свѣдѣнія правительства о тайныхъ обществахъ основывались на слухахъ и на неопредѣленныхъ указаніяхъ, почерпаемыхъ преимущественно изъ открытыхъ либеральныхъ сужденій. Но когда начали поступать доносы о томъ, что готовится попытка непосредственно измѣнить форму правленія, то правительство рѣшилось развѣдать дѣло поближе. Еще въ ноябрѣ 1825 г. былъ арестованъ Вадковскій по доносу Шервуда.

Вадковскій былъ кавалергардскій офицеръ и въ родствѣ съ графами Чернышевыми по матери. Его не взлюбили за то, что онъ разстроилъ свадьбу Шереметева съ побочною дочерью государя отъ извѣстной Марьи Антоновны Нарышкиной. Придравшись къ какому то пустому случаю, Вадковского перевели изъ гвардіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. Тамъ нашелъ онъ въ полку бѣднаго юнкера Шервуда, котораго и приютилъ у себя. Чтобы понравиться своему милостивцу, Шервудъ вторилъ Вадковскому во всѣхъ либеральныхъ изъявленіяхъ и ослѣпилъ своею пылкостью Вадковского до того, что тотъ считалъ его за чистаго, восторженнаго юношу и не довольствовался сообщеніемъ ему идей, но имѣлъ неосторожность говорить ему и о фактахъ, относившихся къ обществу. Шервудъ же, когда подумалъ, что ужъ зналъ довольно, рѣшился сдѣлать себѣ изъ этого средство выслуги и донесъ на Вадковского.

Впрочемъ, арестованіе Вадковского немного от-

крыло правительству. Шервудъ могъ сообщить только то, что слышалъ отъ Вадеовскаго и не могъ назвать никого другого, а Вадеовскій не отерывалъ ничего. Такъ дѣло тянулось почти мѣсяць, когда наконецъ поступили доносы гораздо болѣе обстоятельныя отъ Бошняка, графа Витта и, въ особенности, отъ Майбороды.

Бошнякъ былъ принятъ въ члены общества Лихаревымъ, и въ свою очередь принялъ графа Витта. Но и тотъ и другой не могли узнать много членовъ по самому подчиненному положенію въ обществѣ самого Лихарева. Притомъ графъ Виттъ игралъ до конца очень двусмысленную роль. Онъ пріѣхалъ въ Таганрогъ, кажется, съ цѣлю вывѣдать сначала, извѣстно-ли уже что нибудь Государю, и только тогда показалъ имѣвшійся у него списокъ нѣкоторыхъ членовъ, какъ самъ Государь сказалъ ему объ открытіи по доносу Майбороды сильнаго тайнаго общества. Доносъ графа Витта имѣлъ только то слѣдствіе, что подтвердилъ показаніе Майбороды.

Доносъ этого послѣдняго имѣлъ совершенно особенный характеръ. Если другіе доносы основывались на томъ, что было слышано только отъ другихъ, то доносъ Майбороды былъ точный журналъ въ теченіи долгаго времени, день за день, обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, живя у Пестеля, у котораго въ полку служилъ, и который приблизилъ его къ себѣ и довѣрился ему во всемъ, несмотря на неоднократныя предостереженія многихъ членовъ общества. Такимъ образомъ въ доносѣ Майбороды находились не только мысли и намѣренія тайныхъ обществъ, но что всего важнѣе было для правительства и что чрезвычайно облегчило ему дѣло — почти всѣ имена членовъ, по крайней мѣрѣ, самыхъ значительныхъ.

До сихъ поръ достаточно не разъяснено, кто рѣшился приступить къ арестамъ по доносу Май-бороды, самъ-ли умирающій Государь, или Дибичъ, который взялъ на себя послать Чернышева въ главную квартиру 2-ой арміи производить аресты по приказанію, отданному будто бы Государемъ. Такъ какъ Дибичъ, по званію своему начальника главнаго штаба, имѣлъ право объявлять словесныя приказанія государя, то обстоятельство, кто именно рѣшился производить аресты, и могло бы остаться навсегда тайною. если бы самъ Дибичъ не представилъ, какъ говорятъ, доказательствъ, что рѣшеніе принадлежало ему, даже какъ бы вопреки волѣ покойнаго Государя, что и составило главную заслугу Дибича въ глазахъ новаго Государя.

Всѣ доносчики кончили свою карьеру худо, несмотря на награды правительства и на титулъ «Вѣрнаго», данный Шервуду. Что же касается до доноса Ростовцева, то хотя онъ и утверждалъ, что, донеся о дѣлѣ, онъ не донесъ объ именахъ членовъ, однако быстрое арестованіе многихъ членовъ и не бывшихъ въ дѣйствиіи 14-го декабря едва-ли позволяетъ вполне довѣрять показанію Ростовцева о сценѣ, будто бы происходившей между нимъ и Государемъ наканунѣ 14-го декабря.

**Vereinigte Druckereien und Kunstanstalten
vorm. Schön & Maison, Ig. Velisch,
O. m. b. H.
München, Schönfeldstrasse 13.**

3 2044 011 417 144

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED

WIDENER

MAY
FEB 27 1992

BONV AIR

CANCELLED

JUN 13 1990

1988

38

7

ER

1988

+37

WIDENER LIBRARY

HX VLHZ P

